
ЭТИ ПИСАТЕЛИ НА ГОЛОВУ ВЫШЕ СВОИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СОПЕРНИКОВ.
Publishers Weekly
ДУГЛАС ПРЕСТОН
ЛИНКОЛЬН ЧАЙЛД
ДВЕ
МОГИЛЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Специальный агент ФБР Алоизий Пендергаст находится на грани отчаяния. Едва отыскав свою жену Хелен, которую он много лет считал погибшей, он снова теряет ее, на этот раз навсегда. Пендергаст готов свести счеты с жизнью. От опрометчивого шага его спасает лейтенант полиции д’Агоста, которому срочно нужна помощь в расследовании. В отелях Манхэттена совершена серия жестоких и бессмысленных убийств, причем убийца каждый раз оставляет странные послания. Пересиливая себя, Пендергаст берется за изучение материалов следствия и быстро выясняет, что эти послания адресованы ему. Более того, убийца, судя по всему, является его кровным родственником. Но кто это? Ведь его ужасный брат Диоген давно мертв. Предугадав, где произойдет следующее преступление, Пендергаст мчится туда, чтобы поймать убийцу. Он и не подозревает, какую невероятную встречу приготовила ему судьба…

Линкольн Чайлд, Дуглас Престон
Две могилы

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей дочери Веронике

Дуглас Престон посвящает эту книгу Форресту Фенну

Прежде чем ступить на дорогу мести, вырой две могилы.

Конфуций

Часть первая

18.00

Женщина с глазами фиалкового цвета медленно шла по аллее Центрального парка, спрятав руки в карманах длинного плаща. Ее старший брат шагал рядом и беспокойно озирался по сторонам.

— Который час? — в очередной раз спросила она.

— Ровно шесть.

Был тихий, безветренный вечер середины ноября, угасающее солнце отбрасывало на лужайки парка густые тени. Они пересекли Ист-драйв, миновали статую Ханса Кристиана Андерсена и поднялись на небольшой пригорок. Затем, словно одновременно захваченные одной и той же мыслью, остановились. Впереди, на дальнем берегу пруда Консерватори-Уотер, виднелся мемориальный лодочный домик, выглядевший игрушечным рядом с мощным крепостным валом зданий на Пятой авеню. Все вокруг напоминало ожившую поздравительную открытку: небольшое озерцо с отражающимся в нем небом апельсинового цвета; крохотные модели яхт, рассекающие водную гладь под восторженные крики детворы. В просвете между двумя небоскребами только что показалась полная луна.

У женщины вдруг пересохло во рту, ожерелье из речного жемчуга сдавило горло.

— Джадсон, — сказала она, — я не уверена, что смогу это сделать.

Брат ободряюще сжал ее ладонь:

— Все будет хорошо.

Она взглянула на раскинувшуюся перед ней живописную картину, отчего сердце забилось еще сильнее. Вдалеке пиликал на скрипке уличный музыкант, усевшись на каменный парапет у пруда. Молодую парочку на скамейке возле лодочного домика, похоже, не волновало ничего, кроме них самих. На соседней лавочке длинноволосый мужчина атлетического телосложения читал «Уолл-стрит джорнал». Посетители парка и бегуны тоненькими ручейками протекали мимо. В тени лодочного домика укладывался на ночлег какой-то бродяга.

И еще там, возле озера, неподвижно стоял он — стройный мужчина в длинном бежевом пальто элегантного покроя, со светлыми волосами, поблескивающими платиной в закатном свете.

Женщина шумно вздохнула.

— Иди, — хрипло произнес Джадсон и отпустил ее руку. — Я буду рядом.

Как только женщина сделала первый шаг, все вокруг для нее перестало существовать. Остался только человек, наблюдающий за ее приближением. Тысячи раз она воображала себе этот момент, прокручивала его в голове во множестве вариантов, всегда заканчивающихся одной горькой мыслью: нет, этого никогда не случится, это всего лишь мечты. И вот он перед ней наяву. Постаревший, но не сильно: мраморно-белая кожа, прекрасные аристократические черты лица, блестящие глаза, которые пристально разглядывали ее, пробуждая целую бурю чувств, воспоминаний и — даже сейчас, несмотря на серьезную опасность, — страсти.

Она остановилась в нескольких шагах от него.

— Это и в самом деле ты? — спросил Пендергаст.

От волнения он вдруг перешел на протяжный южный выговор.

Женщина попыталась улыбнуться:

— Алоизий, мне жаль. Мне очень, очень жаль.

Он не ответил. Теперь, много лет спустя, она уже не могла прочитать мысли, скрывающиеся в глубине его серебристых глаз. Что там таится? Презрение? Ненависть? Любовь?

Поперек его щеки тянулся узкий, недавно появившийся шрам. Женщина легонько дотронулась до него кончиком пальца. Затем указала на небо.

— Посмотри, — прошептала она. — Столько лет прошло, а луна у нас все та же.

Повинуясь ее жесту, Пендергаст перевел взгляд в ту сторону. Полная луна поднималась над крышами домов на Пятой авеню, четко выделяясь на перламутрово-розовом небосводе, цвет которого с высотой постепенно переходил в холодный темно-фиолетовый. Пендергаст вздрогнул. Когда он снова повернулся к женщине, на его лице было совсем другое выражение.

— Хелен, — прошептал он. — Боже мой, я был уверен, что ты умерла.

Она молча взяла его под руку и, пока он снова не задумался, повела за собой вокруг озера.

— Джадсон сказал, что ты собираешься увезти меня от… от всего этого, — напомнила она.

— Да. Сейчас мы вернемся в мою квартиру в «Дакоте». А оттуда отправимся в… — Он на мгновение замолчал. — Чем меньше мы станем говорить об этом, тем лучше. Достаточно того, что тебе там нечего будет бояться.

Хелен порывисто сжала его руку:

— Нечего бояться. Ты даже не представляешь, как замечательно это звучит.

— Пора снова налаживать твою жизнь. — Он достал из кармана пиджака золотое кольцо с большим звездчатым сапфиром. — Давай начнем все сначала. Узнаешь его?

При взгляде на украшение ее глаза засияли.

— Даже не представляла, что увижу его снова.

— А я не представлял, что вновь смогу надеть его на твой палец, пока Джадсон не сказал, что ты жива. Я знал: он сказал правду, хотя никто другой и не поверил.

Он взял ее за левое предплечье, собираясь надеть кольцо. Его глаза расширились, когда он увидел культю кисти с давно затянувшимся шрамом.

— Понятно, — только и сказал Пендергаст. — Ну конечно.

Казалось, будто они долго танцевали сложный, изысканный танец, и вот он внезапно оборвался.

— Хелен, — спросил он резко, — зачем ты согласилась с этим ужасным планом? Почему скрывала от меня столько всего? Почему не…

— Давай не будем об этом сейчас, — перебила она его. — Всему есть причины. Это страшная история, по-настоящему страшная. Я расскажу тебе все. Но не здесь и не сейчас. Пожалуйста, надень мне кольцо на палец, и давай уйдем отсюда.

Она подняла правую руку, и он сделал то, о чем она просила. При этом его взгляд скользнул в сторону.

Внезапно Пендергаст напрягся. Еще мгновение он держал Хелен за руку, а затем с обманчивым спокойствием повернулся туда, где стоял ее брат, и жестом подозвал его.

— Джадсон, — услышала она его тихий голос, — уведи Хелен отсюда. Без спешки, но как можно скорее.

Страх, только-только начавший отступать, снова пронзил ей грудь.

— Алоизий, что такое…

Пендергаст оборвал ее вопрос, коротко покачав головой.

— Отведи ее в «Дакоту», — сказал он Джадсону. — Встретимся там. Пожалуйста, скорее! Идите же!

Джадсон взял Хелен за руку и направился к выходу с таким видом, словно ожидал чего-то подобного.

— Что случилось? — спросила она.

Ответа не было.

Хелен обернулась и с ужасом увидела, что Пендергаст поднял пистолет и направил его на одного из судомоделистов.

— Встаньте! — приказал он. — И держите руки так, чтобы я их видел!

— Джадсон… — снова начала она.

Вместо ответа брат прибавил шагу, увлекая ее за собой.

Неожиданно позади прозвучал выстрел.

— Бегите! — закричал Пендергаст.

Идиллическая сценка мгновенно превратилась в хаос. Люди с воплями разбегались в разные стороны. Джадсон резко дернул сестру за руку, и они тоже побежали.

Захлебывающийся лай автоматной очереди разрезал воздух. Внезапно Джадсон отпустил руку Хелен и упал.

Сначала она решила, что он споткнулся. Но тут же увидела текущую из-под пиджака кровь.

— Джадсон! — ахнула она и наклонилась над братом.

Он лежал на боку, скорчившись от боли, и пытался что-то сказать дрожащими губами.

— Не останавливайся! — прохрипел он, задыхаясь. — Беги…

Опять загрохотали выстрелы, новая порция свистящей смерти прошила траву, с глухим стуком ударяя пулями о землю, и Джадсона опрокинуло на спину.

— Нет! — вскрикнула Хелен, отпрыгивая в сторону.

Хаос все увеличивался: вопли ужаса, треск автоматных очередей, топот бегущих людей. Но Хелен ничего этого не слышала. Упав на колени, она с отчаянием смотрела в открытые, но уже не видящие глаза брата.

— Джадсон! — повторяла она. — Джадсон!

Спустя несколько секунд, а может, и больше — она не смогла бы определить — Пендергаст окликнул ее по имени. Она подняла голову. Он бежал к ней, отстреливаясь из пистолета.

— К Пятой авеню! — крикнул он. — Беги к Пятой…

Раздался еще один выстрел, и Пендергаст тоже упал на землю. Новое потрясение заставило Хелен очнуться, и она вскочила на ноги. Ее плащ насквозь пропитался кровью брата. Алоизий был еще жив, он сумел подняться и спрятаться за скамейкой, продолжая стрелять в ту парочку, что еще минуту назад не интересовалась ничем, кроме поцелуев.

«Он прикрывает мое бегство».

Развернувшись, она понеслась со всех ног. Нужно добежать до Пятой авеню и затеряться в толпе, потом пробраться в «Дакоту» и там встретиться с Алоизием… Ее скачущие в панике мысли были прерваны новыми выстрелами и криками испуганных людей.

Хелен упорно бежала вперед. Пятая авеню была уже совсем рядом, за каменными воротами парка. Всего полсотни шагов…

— Хелен! — услышала она далекий голос Пендергаста. — Посмотри налево! Налево!

Она взглянула налево и увидела в тени деревьев двух мужчин в спортивных костюмах, мчащихся прямо на нее.

Хелен свернула с главной дороги к растущим чуть в стороне платанам и снова обернулась. Спортсмены следовали за ней и быстро сокращали расстояние.

Прозвучало еще несколько выстрелов. Хелен рванула изо всех сил, но острые каблуки туфель проваливались в мягкую землю, замедляя продвижение. Тут она почувствовала сильный толчок в спину и упала на землю. Кто-то ухватил ее за воротник плаща и грубо поднял на ноги. Она сопротивлялась, отчаянно крича, но двое мужчин вцепились в нее и поволокли к выходу из парка. Хелен с ужасом поняла, что узнает их лица.

— Алоизий! — обернувшись назад, завопила она во всю мощь своих легких. — Помоги! Я их знаю! «Der Bund»…[1]«Ковенант»… Они убьют меня! Помоги, ради бога…

В меркнущем свете она едва разглядела Пендергаста. Он спешил к ней, сильно прихрамывая, из раненой ноги сочилась кровь.

На Пятой авеню у обочины стояло в ожидании такси… в ожидании Хелен и ее похитителей.

— Алоизий! — в отчаянии снова закричала она.

Один из мужчин открыл заднюю дверцу автомобиля и втолкнул женщину внутрь. Пуля ударила в каленое лобовое стекло машины.

— Los! Verschwinden wir hier! — прорычал один из бегунов. — Gib Gas![2]

Хелен сопротивлялась как могла, но такси уже отъезжало от обочины. Здоровой рукой она попыталась дотянуться до ручки дверцы. На какое-то мгновение она разглядела Пендергаста в глубине парка. Он стоял на коленях и смотрел в ее сторону.

— Нет! — завопила она, все еще сопротивляясь. — Нет!

— Halt die Schnauze![3] — пролаял один из мужчин.

Он замахнулся кулаком, ударил Хелен в висок… и она погрузилась в темноту.

+ Шесть часов

Врач в помятом операционном костюме выглянул в приемную реанимационного отделения больницы Леннокс-Хилл.

— Вы хотели поговорить с ним. Он в сознании.

— Слава богу! — Лейтенант Винсент д’Агоста из нью-йоркской полиции положил в карман блокнот, который только что внимательно изучал, и поднялся. — Как он?

— Ничего опасного. — Врач раздраженно поморщился. — Хотя медики всегда оказываются самыми неприятными пациентами.

— Он не… — начал д’Агоста, но тут же оборвал себя и двинулся вслед за доктором.

Специальный агент Пендергаст был весь облеплен контрольными датчиками. Ему поставили капельницу в нос вставили кислородную канюлю. На одеяле лежала медицинская карта, в руке пациент держал рентгеновский снимок. Кожа агента, и без того всегда бледная, приобрела белизну фарфора. Врач склонился над больным и о чем-то беседовал с ним. Хотя д’Агоста слышал только ответы Пендергаста, было очевидно, что эти двое никак не могут прийти к согласию.

— Об этом не может быть и речи, — заявил врач в тот момент, когда д’Агоста подошел ближе. — Вы потеряли слишком много крови, да и сама рана — не говоря уже о повреждении двух ребер — нуждается в лечении и тщательном медицинском контроле.

— Но, доктор. — Обычно Пендергаст казался воплощением южного аристократизма, однако сейчас он шипел, как картофель на сковородке. — Пуля всего лишь задела икроножную мышцу. Большая и малая берцовые кости остались целы. И рана оказалась чистой, даже операции не потребовалось.

— Но потеря крови…

— Да, насчет потери крови, — перебил его Пендергаст. — Какую дозу мне ввели?

— Одинарную, — ответил врач после паузы.

— Одинарную. Возможно, чуть зацепило бедренно-подколенную

вену. — Он взмахнул рентгеновским снимком, как знаменем. — Что касается costae verae[4], то вы же сами сказали: повреждены, а не сломаны. Головки пятого и шестого ребра смещены относительно позвоночного столба на два миллиметра. Но истинные ребра эластичны и быстро восстанавливаются.

— Доктор Пендергаст, — вскипел врач, — я не могу разрешить вам уйти из больницы в таком состоянии. Вы пациент…

— Напротив, доктор, вы не можете помешать мне уйти. Мои жизненные показатели в пределах допустимого. Рана не опасна, я сам о ней позабочусь.

— Я отмечу в медицинской карте, что вы ушли из больницы вопреки моим рекомендациям.

— Превосходно. — Пендергаст хлопнул рентгеновским снимком о соседний стол, словно игральной картой. — А потом вы меня отпустите?

Врач бросил на пациента последний раздраженный взгляд, повернулся и вышел из палаты в сопровождении коллеги, который привел д’Агосту.

Пендергаст взглянул на лейтенанта так, будто только что его увидел:

— Винсент!

Д’Агоста тут же подошел к койке:

— Боже мой, Пендергаст. Я так расстроен…

— Почему вы не с Констанс?

— С ней все в порядке. В «Маунт-Мёрси» ввели повышенные меры безопасности. Я хотел убедиться, — он сделал паузу, чтобы справиться с собственным голосом, — что с вами все в порядке.

— Спасибо. Много шума из ничего.

Пендергаст извлек канюлю из носа, вытащил иглу из вены возле локтя, затем отстегнул манжету для измерения кровяного давления и пульса. Потянул за рычаг, регулирующий угол подъема спинки, и сел. Движения его были замедленными, почти автоматическими. Д’Агоста понял, что этот человек держится исключительно за счет своей железной воли.

— Вы что, действительно собрались уходить из больницы?

Пендергаст обернулся, и огонь в его глазах — раскаленные угли на помертвевшем лице — прожег д’Агосту насквозь.

— Что с Проктором? — спросил Пендергаст, спуская ноги с постели.

— Они уверяют, что все замечательно. Учитывая обстоятельства. Несколько сломанных ребер там, где пули попали в бронежилет.

— А Джадсон?

Д’Агоста покачал головой.

— Принесите мою одежду, — попросил Пендергаст, кивнув в сторону шкафа.

Лейтенант заколебался, но понял, что спорить бесполезно.

Пендергаст поднялся на ноги, едва заметно покачнулся, но тут же выпрямился. Д’Агоста протянул ему одежду и задернул занавеску у кровати.

— Вы можете хотя бы объяснить, что случилось в парке? — спросил лейтенант, обращаясь к занавеске. — В новостях сообщили, что сумасшедший маньяк застрелил пятерых человек.

— У меня нет времени на объяснения.

— Сожалею, но вы не выйдете отсюда, пока все мне не расскажете. — Он вынул из кармана блокнот.

— Хорошо, мы поговорим, пока я буду одеваться. А потом я уйду.

Д’Агоста пожал плечами. Большего он бы вряд ли добился.

— Это было похищение, спланированное заранее и очень тщательно. Они убили Джадсона и похитили мою жену.

— Кто они?

— Тайная организация нацистов или их потомков, именуемая «Der Bund».

— Нацисты? Господи, но зачем?

— Их мотивы остаются для меня неясными.

— Мне нужны подробности происшествия.

Голос Пендергаста глухо доносился из-за занавески:

— Я должен был встретиться с Хелен возле лодочного домика, чтобы увести ее и спрятать от этих подонков. Хелен с Джадсоном пришли ровно в шесть, как мы и договаривались. Я быстро определил, что за нами следят. Один из судомоделистов выглядел крайне подозрительно. Он абсолютно не разбирался в яхтах и очень нервничал — сильно потел, хотя было прохладно. Я окликнул его и приказал поднять руки. Это ускорило развязку.

Д’Агоста сделал пометку в блокноте:

— Сколько всего их было?

— По меньшей мере семеро, — ответил Пендергаст после паузы. — Этот любитель яхт. Влюбленная парочка на скамейке в парке — именно они убили Джадсона. Тот, что притворялся бродягой, а потом выстрелил в Проктора. Ваши компьютерщики наверняка уже восстановили картину перестрелки. И еще трое: два спортсмена, похитившие Хелен, и водитель такси, в которое ее затолкали.

Пендергаст вышел из-за занавески. Его обычно безупречный костюм выглядел неважно: пиджак был испачкан в траве, нижняя часть брюк порвана и запятнана засохшей кровью. Пендергаст посмотрел на д’Агосту и поправил галстук.

— Всего хорошего, Винсент.

— Подождите. А как они… как этот «Der Bund» узнал о вашей встрече?

— Отличный вопрос.

Пендергаст взял металлическую трость и повернулся к выходу. Д’Агоста удержал его за руку:

— Это безумие — уходить отсюда в таком состоянии. Могу ли я чем-нибудь помочь вам?

— Да. — Пендергаст выхватил у него блокнот с ручкой и быстро записал ряд цифр. — Это номерной знак такси, на котором увезли Хелен. Мне удалось разобрать все, кроме двух последних цифр. Сделайте все возможное, чтобы разыскать его. Есть еще номер лицензии, но подозреваю, что он ничем не поможет.

Д’Агоста забрал у него блокнот:

— Я найду этот автомобиль.

— Объявите Хелен в розыск. Это будет трудно сделать, по официальным данным она умерла, но придумайте что-нибудь. Я пришлю вам ее фотографию пятнадцатилетней давности. Воспользуйтесь программой судебной экспертизы, чтобы состарить ее.

— Что-нибудь еще?

Пендергаст резко мотнул головой:

— Просто найдите это такси.

Он, прихрамывая, вышел из палаты и заковылял по вестибюлю, с каждым шагом двигаясь все быстрее.

+ Двадцать два часа

Д’Агоста вел свой автомобиль на запад от Ньюарка с таким ощущением, будто вернулся в то время, когда работал простым полицейским в сорок первом округе Южного Бронкса. Обшарпанные здания, закрытые ставнями витрины магазинов, замусоренные улицы — все напоминало о тех несчастливых днях. По мере движения вид за лобовым стеклом становился все более мрачным. Вскоре д’Агоста очутился в эпицентре этой разрухи: здесь, в недрах самого густозаселенного мегаполиса Америки, целые кварталы оказались заброшенными, от домов остались только обгоревшие каркасы или груды обломков. Он остановился за поворотом и вышел из машины, поправил кобуру с пистолетом так, чтобы в случае необходимости легко до нее дотянуться. И вдруг увидел среди всеобщего разорения единственное уцелевшее здание, словно одинокий цветок, выросший на автостоянке: занавешенные шторами окна, герань на подоконнике и ярко раскрашенные ставни. Крохотный оазис надежды в самом сердце городской пустыни. Д’Агоста глубоко вздохнул. Южный Бронкс вернулся; этот район был в точности таким же, как прежде.

Он сошел с тротуара и пересек дорогу, пиная на ходу обломки кирпичей. Пендергаст опередил его; агент стоял в дальнем конце парковки, возле изуродованных останков такси, и беседовал с патрульным полицейским и бригадой экспертов-криминалистов. Роскошный «роллс-ройс» Пендергаста, казавшийся неуместным на этих убогих улицах, стоял неподалеку.

Пендергаст сдержанно кивнул д’Агосте. Помимо неестественной бледности, агент выглядел теперь намного старше своих лет. Неяркое вечернее солнце освещало его безукоризненно чистый дорогой костюм и накрахмаленную белую сорочку. Неудобную алюминиевую трость он сменил на другую, из черного дерева с серебряной рукоятью.

— Я нашел его сорок пять минут назад, — объяснял полицейский Пендергасту. — Гнался за группой подростков, срезавших медный провод. — Он неодобрительно покачал головой. — И тут увидел это такси. Проверил, не находится ли оно в розыске, а потом позвонил вам.

Д’Агоста осмотрел автомобиль. От него осталась одна оболочка.

Капот был сорван, двигатель разобран на запчасти, сиденья сняты, приборная панель оплавлена, руль расколот надвое.

Старший криминалист подошел с другой стороны машины.

— Даже если бы эти вандалы до него не добрались, все равно ничего не удалось бы узнать, — сказал он, снимая латексные перчатки. — Документов нет, салон вычищен пылесосом, отпечатки пальцев стерты. Они использовали какой-то очень сильный реактив. А о том, с чем он не справился, позаботился огонь.

— Номер? — спросил д’Агоста.

— Да, мы определили его. Машина числится в угоне. Вряд ли от нее будет много пользы. — Мужчина немного помолчал. — Мы отбуксируем ее в гараж для более тщательной экспертизы, но, похоже, здесь работали профессионалы. Организованная преступность.

Пендергаст выслушал его молча. Хотя агент казался абсолютно спокойным, д’Агоста ощутил исходящую от него отчаянную, бешеную энергию. Пендергаст вытащил из кармана пальто перчатки, натянул их и подошел к машине. Присел над ней, на мгновение вздрогнув от боли, провел пальцами по оплавленному металлу, еще раз и еще, внимательно оглядывая поверхность. Вслед за коллегами тщательно осмотрел двигательный отсек, салон спереди и сзади, багажник. Заходя на третий круг, он вынул из кармана несколько пластиковых пакетиков для образцов и скальпель. Опустился на колени возле переднего крыла, с напряженным от усилия лицом соскоблил скальпелем кусочки засохшей грязи, собрал их в пакетик и положил себе в карман. После чего в третий раз обошел машину, еще медленней, чем прежде. Остановился возле правого заднего колеса, снова встал на колени, извлек из покрышки несколько мелких камешков и сложил их в другой пакетик, который также спрятал в карман.

— Эти… э-э… образцы, — начал полицейский.

Пендергаст поднялся на ноги и молча повернулся к нему.

Под его пристальным взглядом полицейский попятился и пробормотал:

— Хорошо, держите нас в курсе.

Агент ФБР снова посмотрел на него, затем на каждого из

криминалистов и наконец на д’Агосту. В его глазах читался невысказанный упрек, словно все они совершили какое-то преступление. Потом он повернулся и направился к «роллс-ройсу», прихрамывая и опираясь на трость.

Д’Агоста пошел вслед за ним:

— Что вы собираетесь делать дальше?

Пендергаст продолжал идти вперед:

— Искать Хелен.

— Будете… работать легально? — спросил д’Агоста.

— Вас не должен интересовать мой статус.

Лейтенанта ошеломил его холодный тон.

— Вы можете продолжать официальное расследование. Узнаете что-нибудь интересное — сообщите мне. Но помните: это моя война, а не ваша.

Д’Агоста остановился.

Пендергаст обернулся, положил руку ему на плечо и сказал уже мягче:

— Ваше место здесь, Винсент. Я сам должен сделать то, что задумал. Один.

Лейтенант кивнул. Пендергаст открыл дверцу автомобиля, одновременно поднося к уху телефон. Перед тем как дверца захлопнулась, д’Агоста успел расслышать его слова:

— Ну как, Мим? Раскопали хоть что-нибудь?

+ Двадцать шесть часов

Хорас Аллертон готовился к своему любимому занятию — вечернему расслаблению с чашечкой кофе и хорошим научным журналом, — когда в дверь уютного бунгало в Лоренсвилле постучали.

Он поставил чашку на стол и раздраженно взглянул на часы. Четверть девятого, слишком поздно для дружеского визита. Аллертон взял журнал «Современная стратиграфия» и с удовлетворенным вздохом раскрыл его.

Стук повторился, еще более настойчиво.

Аллертон посмотрел на дверь. Возможно, это кто-нибудь из тех парней, что ходят от дома к дому, предлагая подписаться на брошюры Свидетелей Иеговы. Если не обращать на них внимания, они скоро уйдут.

Он только что приступил к первой статье журнала — «Механический стратиграфический анализ осадочных пород», действительно многообещающему вечернему чтению, — когда мельком взглянул вверх и перепугался до смерти. Человек в изящном черном костюме, с таким же белым лицом, как у графа Дракулы, стоял посреди его гостиной.

— Какого черта? — воскликнул Аллертон, вскочив на ноги.

— Специальный агент Пендергаст. ФБР.

Перед его лицом неожиданно возникли жетон и удостоверение сотрудника Федерального бюро.

— Как вы вошли? Что вам от меня надо?

— Хорас Аллертон, доктор геологии? — уточнил агент холодным тоном, в котором угадывалась угроза.

Аллертон кивнул, проглотив подступивший к горлу комок.

Пендергаст молча подошел к стулу, и хозяин обратил внимание на его хромоту и трость с серебряной рукоятью. Геолог слегка расслабился в своем кресле с подголовником.

— Что все это значит?

— Доктор Аллертон, — начал агент ФБР, присаживаясь. — Я пришел к вам за помощью. Вы известный эксперт по анализу состава грунта. Особенно заслуживают внимания ваши работы по ледниковым отложениям.

— И?

Агент достал из кармана два запечатанных пластиковых пакетика и положил их на стол отдельно друг от друга.

Поколебавшись, Аллертон все же наклонился вперед, чтобы рассмотреть их. Один оказался заполнен образцами слюдистой глины, смешанной с землей, другой — крошечными кусками порфиритового гранита.

— Мне необходимы две вещи. Во-первых, карта распространения того типа глины, что находится в первом пакете.

Аллертон едва заметно кивнул.

— Во-вторых, камни из второго пакета — они ведь прошли через камнедробилку, не так ли?

Геолог открыл пакетик и высыпал камни на ладонь. У них были острые, грубые кромки, не сглаженные временем или ледниками.

— Да, именно так.

— Я хочу узнать, откуда они.

Аллертон перевел взгляд с пакетика на пакетик:

— Но зачем вы пробрались в мой дом? Нужно было просто договориться о встрече в моем кабинете в Принстоне[5]..

Легкая дрожь пробежала по бледному, словно выточенному из мрамора, лицу агента.

— Я бы не стал вас беспокоить в столь поздний час из праздного любопытства, доктор. От вас сейчас зависит жизнь женщины.

Аллертон положил пакетики рядом с кофейной чашкой:

— В какой… мм… срок вы рассчитываете получить ответ?

— Насколько мне известно, у вас в подвале оборудована небольшая, но превосходная лаборатория.

— Вы хотите сказать… вы намекаете, что нужно провести анализ прямо сейчас? — спросил Аллертон.

В ответ Пендергаст лишь поудобней устроился на стуле.

— Но это может занять несколько часов! — возмутился Аллертон.

Пендергаст смерил его пристальным взглядом.

Аллертон посмотрел на часы. Половина девятого. Он подумал о терпеливо дожидающемся его журнале с интересной статьей, затем поглядел на сидящего напротив агента. Под светло-серыми глазами Пендергаста были отчетливо видны темные круги, какие бывают у человека, не спавшего несколько ночей подряд. И от этого взгляда становилось как-то не по себе.

— Вы можете объяснить, зачем вам понадобился этот анализ?

— Да, могу. Эти образцы были взяты с автомобиля, какое-то время ехавшего по дороге с мелким гравием, а потом по грязи. Я должен найти это место.

Аллертон взял со стола пакетики и встал с кресла.

— Ждите меня здесь, — сказал он.

Машинально геолог прихватил с собой в подвал и чашку с кофе.

+ Тридцать часов

Близилась полночь. Пендергаст сидел в своем «роллс-ройсе» рядом с домом доктора Аллертона, ожидая, когда прогреется двигатель.

Ему повезло: особый тип гранита встречался только в одной местности. Там же находился карьер по добыче гравия, принадлежащий «Релайенс компани» из города Рамапо, штат Нью-Йорк. Компания занималась камнедробильными работами для всего округа Рокленд. Через свой ноутбук Пендергаст вышел на сайт компании и теперь мог обозначить на карте округа Рокленд местонахождение основных ее клиентов.

Затем он изучил сделанный Аллертоном анализ грязи. В основном она состояла из необычного типа глины под названием слюдяной галлуазит, которая, к счастью, не была характерна для этой местности, хотя, по уверениям геолога, в Квебеке и Северном Вермонте она встречалась гораздо чаще. Аллертон передал Пендергасту карту ее распространения, скопированную из Сети.

Пендергаст сравнил ее с картой, составленной для гравия. Они пересеклись только на одном участке площадью чуть меньше квадратной мили, расположенном к северо-востоку от Рамапо.

Затем Пендергаст открыл программу «Google Earth» и определил координаты. Увеличив масштаб до предела, он исследовал участок. Большую его часть занимал лес, тянущийся вдоль границы национального парка Харриман. Оставшуюся площадь занимал пригородный район, застроенный совсем недавно, и все дороги здесь находились в исправном состоянии. Пендергаст осмотрел также несколько отдельно расположенных домов и ферм с ведущими к ним грунтовыми дорогами, но ни одна из них не была посыпана гравием. Наконец он обнаружил перспективный объект: большой ангар с подъездной дорогой и автомобильной стоянкой, бледные пятна на которой весьма напоминали разбросанный по грязной земле гравий.

Пендергаст выключил ноутбук и рванул с места так, что колеса взвизгнули, направляясь в сторону Нью-Джерси.

Через полтора часа он припарковал «роллс-ройс» на обочине дороги в полумиле от завода по переработке твердых отходов округа

Рокленд, на поросшем лесом участке рядом с ангаром. За чередой сбросивших листву деревьев в лунном свете вырисовывался силуэт здания с одиноким фонарем, горящим над рифленой металлической дверью. На протяжении получаса Пендергаст наблюдал за ангаром. Никто не входил в него и не выходил наружу, здание казалось заброшенным.

Прихватив с заднего сиденья фонарик, но пока не зажигая его, Пендергаст выбрался из автомобиля и, прячась за деревьями, бесшумно подкрался к ангару. Осторожно обошел его. Единственное окно в здании было закрашено черным.

Он включил фонарь и опустился на колени, снова вздрогнув от боли. Вынул из кармана образец гравия и сравнил с камнями, которыми выравнивали дорогу. Сходство оказалось полным. Пендергаст выковырял из-под гравия комочек грязи и растер между большим и указательным пальцем. Она также полностью совпала с образцом.

Проскочив открытое пространство перед ангаром, Пендергаст прижался к рифленой стене и, пригибаясь, двинулся вдоль нее в сторону входа. Снаружи здание выглядело ветхим, отслужившим свой век, без каких-либо признаков присутствия человека. И все же замок на двери был слишком новым и дорогим для такой невзрачной постройки.

Пендергаст приподнял замок и почти с нежностью провел по нему рукой. Сразу замок не открылся и поддался только после сложных манипуляций с отверткой и отмычками. Агент отодвинул засов, держа оружие наготове, и приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы заглянуть внутрь. Темнота и тишина. Он распахнул дверь чуть шире и, проскользнув внутрь, закрыл ее за собой.

В течение следующих пяти минут он не двигался с места, лишь водил фонарем по сторонам, разглядывая пол, стены и потолок. Внутри ангара ничего не было, только залитая бетоном площадка под ногами и пустые стеллажи вдоль ближней стены. Казалось, что здесь удастся собрать не больше информации, чем при осмотре искореженного такси.

Пендергаст медленно обошел ангар, время от времени останавливаясь, чтобы лучше разглядеть какую-либо привлекшую его внимание деталь, отщипнуть что-то, взять со стены фотографию,

постепенно заполняя маленькие пластиковые пакеты несущественными с виду уликами. Несмотря на пустоту помещения, ситуация постепенно начала проясняться, но пока не намного больше, чем полустертая надпись на могильной плите.

Через час Пендергаст вернулся к двери ангара. Опустившись на колени, он разложил перед собой пакеты с образцами, в числе которых были: металлическая стружка, осколки стекла, масляное пятно на бетоне, кусочек засохшей краски, обломки пластика. Пендергаст переводил взгляд с одного предмета на другой, пытаясь воссоздать в уме картину того, что здесь происходило.

Когда-то в ангаре располагался гараж. С большим количеством машин, о чем нетрудно догадаться по обилию масляных потеков на полу. Потом, правда, осталось всего два автомобиля. Одним из них, судя по слабому отпечатку шин «Гудиер» на бетоне, как раз и был тот «форд-эскейп», которым воспользовались похитители. Желтые пятна на стене, а также фанерный трафарет со следами краски, брошенный в дальнем углу, подсказывали, что машину замаскировали под нью-йоркское такси — вплоть до фальшивого адреса фирмы и номера лицензии.

Определить марку другой машины оказалось сложнее. Отпечатки шин более широкие, чем у «форда», скорее всего, это «Мишлен». Они могли принадлежать мощному седану европейского производства, например «Ауди А8» или «БМВ 750». Возле самой двери, там, где еще недавно стоял автомобиль, остался бледный след краски, Пендергаст тщательно соскоблил ее и положил в пакетик. Она была необычного темно-бордового цвета.

Вдруг он увидел в узкой щели между дверью и стеной бусинку речного жемчуга.

Его сердце едва не перестало биться.

Справившись с волнением, Пендергаст поднял жемчужину пинцетом и внимательно рассмотрел. Представил себе, как приблизительно сутки назад такси возвратилось в гараж. В салоне находились водитель, двое мужчин в спортивных костюмах и их пленница — Хелен. Здесь ее пересадили в другой автомобиль. Она сопротивлялась, попыталась убежать, открыв заднюю дверцу, — вот откуда след краски на стене, — и, чтобы остановить ее, кто-то из похитителей ухватился за ожерелье на шее. Жемчужины рассыпались

по всему салону и, очевидно, скатились на пол гаража. Потом на Хелен наорали, возможно, даже ударили ее и принялись торопливо собирать рассыпавшиеся бусинки.

Пендергаст еще раз посмотрел на жемчужину, зажатую между лапками пинцета. Ее все-таки не нашли.

Затем машины разъехались. Фальшивое такси — в Нью-Джерси, где и погибло в пламени пожара. А темно-бордовый автомобиль с надежно охраняемой Хелен — куда направился он?

Пендергаст минут десять стоял на коленях в глубокой задумчивости. Поднялся с видимым усилием, вышел из ангара, запер дверь на висячий замок и захромал к поджидавшему его «роллс-ройсу».

+ Тридцать семь часов

Томас Первью всегда старался прийти в свою адвокатскую контору ровно в семь часов, но этим утром кто-то оказался еще более пунктуальным и поджидал его у дверей. Похоже, посетитель и сам только что подошел. Даже попытался открыть дверь, но безуспешно. При появлении хозяина конторы мужчина обернулся и захромал ему навстречу, опираясь одной рукой на трость и протягивая другую в приветствии.

— Доброе утро, — сказал Первью, пожимая ему руку.

— Увидим, доброе оно или нет, — произнес незнакомец с явным южным акцентом.

Он казался очень худым, чуть ли не изможденным, и не ответил на профессионально вежливую улыбку адвоката. Первью гордился своей способностью угадать суть дела по лицу клиента, но на этот раз у него ничего не вышло.

— Вы ко мне? — спросил Первью. — Обычно я принимаю по предварительной записи.

— Я не записывался, но дело очень срочное.

Первью подавил понимающую улыбку. Он еще не встречал клиентов, чье дело не было бы срочным.

— Проходите, пожалуйста. Как насчет чашечки кофе? Кэрол немного задерживается, но я сам за минуту все приготовлю.

— Благодарю вас, не стоит.

Посетитель зашел в офис и принялся разглядывать книжный шкаф и стеллажи с папками для хранения документов.

— Присаживайтесь.

Обычно с семи до восьми утра Первью читал «Уолл-стрит джорнал», но он не мог позволить себе упустить неожиданного клиента. Не при нынешнем положении вещей.

Незнакомец уселся на один из стульев просторного офиса, а сам адвокат занял место за столом.

— Чем могу помочь? — поинтересовался Первью.

— Мне нужна информация.

— Какого рода?

Посетитель, казалось, только что вспомнил о чем-то.

— Прошу прощения, я не представился. Специальный агент Алоизий Пендергаст. ФБР.

Он вытащил из кармана удостоверение и положил на стол перед адвокатом.

Первью посмотрел на документ, но даже не прикоснулся к нему:

— Вы здесь по официальному делу, агент Пендергаст?

— Да, я расследую серьезное преступление. — Агент замолчал и снова оглядел офис. — Вам знаком адрес: Олд-Каунти-лейн, двести девяносто девять, Рамапо, штат Нью-Йорк?

Первью помедлил с ответом:

— Нет, не припоминаю. Вообще-то, через мои руки прошло большое количество сделок с недвижимостью в Нануэте и его окрестностях.

— Интересующий меня объект — это старый ангар, в настоящее время, судя по всему, не используемый. Ваше имя указано в документах компании-владельца, вы — ее доверенное лицо.

— Понятно.

— Я хочу знать, кто его настоящие хозяева.

Первью на мгновение задумался.

— Понятно, — повторил он. — А есть ли у вас постановление суда, обязывающее меня отчитываться перед вами?

— Нет.

Первью позволил себе легкую улыбку человека, сознающего, что закон на его стороне:

— В таком случае вы как государственный служащий должны понимать, что я не могу нарушить права моих клиентов и предоставить вам эту информации.

Пендергаст подался вперед, не вставая со стула. Лицо его оставалось спокойным, ничего не выражающим.

— Мистер Первью, вы сейчас упускаете возможность сделать мне большое одолжение и получить за него щедрую награду. Ecce signum[6]..

Он снова полез в карман, извлек оттуда небольшой конверт и положил на стол, одновременно забирая свое удостоверение.

Первью не смог справиться с любопытством, открыл конверт и увидел внутри пачку стодолларовых купюр.

— Десять тысяч долларов, — подтвердил агент.

Слишком большая сумма за простое указание имени и адреса. Первью забеспокоился, не понимая, что за всем этим стоит: торговля наркотиками, организованная преступность или, может быть, провокация? В любом случае ситуация ему не нравилась.

— Сомневаюсь, что ваше начальство одобрило бы эту попытку подкупа, — произнес он. — Заберите ваши деньги.

Пендергаст отмахнулся от его слов, как от назойливой мухи.

— Я действительно предлагаю вам взятку.

Он многозначительно замолчал, словно не собираясь произносить вслух вторую часть этого уравнения.

По спине Первью пробежал озноб.

— Существуют определенные правовые нормы, агент… э-э… Пендергаст. Я помогу вам, как только увижу предписание суда, но ни мгновением раньше. Так или иначе, но брать ваши деньги я не намерен.

Какое-то время агент ФБР молчал. Затем с негромким вздохом — трудно определить, опечаленным или раздраженным, — забрал пачку со стола и положил в карман черного костюма.

— Что ж, очень жаль, — произнес он низким голосом. — Пожалуйста, выслушайте меня внимательно. У меня в распоряжении осталось очень мало времени. Еще меньше терпения и желания выполнять все эти предусмотренные законом формальности. Вы оказались честным человеком — очень хорошо. Теперь посмотрим, насколько вы храбрый человек. Поверьте мне на слово: вы дадите эти сведения. Вопрос лишь в том, как долго вы перед этим сможете выдержать пытки.

За всю свою сознательную жизнь Первью никому не позволял запугать себя. Не собирался он этого делать и сейчас. Он поднялся из-за стола:

— Потрудитесь покинуть мой офис, агент Пендергаст, или я буду вынужден позвонить в полицию.

Но Пендергаст и не думал уходить.

— Сделка по этому ангару наверняка состоялась давно, — размышлял он вслух. — По меньшей мере двадцать лет назад. В цифровом формате документы не доступны — я проверял. Однако существует и другой способ получения информации. Она прямо-таки витает в виртуальном воздухе, мистер Первью, нужно только протянуть руку и поймать ее. И у меня есть такой источник, очень хороший источник. Он снабдил меня другим адресом вдобавок к уже известному Олд-Каунти-лейн, двести девяносто девять. Это очень интересный адрес…

Первью схватил телефон и начал набирать номер полиции.

— …Южная Парк-авеню, сто двадцать девять.

Рука адвоката зависла в воздухе.

— Видите ли, мистер Первью, — продолжал Пендергаст, — в Сети можно найти не только документы и отчеты. Там есть еще и изображения. Например, записи с камер наблюдения — если только вы знаете, как получить к ним доступ.

Пендергаст достал из кармана ноутбук.

— Несколько часов назад мой… э-э… источник подключился к Сети и с помощью программы распознавания изображений начал поиски кадров, на которых запечатлено ваше лицо. И нашел их — помимо других мест — в записях камеры наблюдения, расположенной по этому адресу…

Первью стоял все так же неподвижно.

— …где вы находитесь в обществе некой мисс Лурдес, проживающей в квартире четырнадцать «А». Симпатичная девушка, по возрасту годящаяся вам в дочери. Которых у вас и без того хватает. Я имею в виду дочерей. Не так ли?

Первью медленно положил телефонную трубку.

— На записи видно, как вы страстно обнимаетесь в лифте. Очень трогательно. И таких кадров нашлось множество. Должно быть, это настоящая любовь. Я не ошибся?

Адвокат опять промолчал.

— Как это сказал Харт Крейн? «Любви, чей зов, равно как вопль отчаяния, предуказан»[7]. Не понимаю людей, поступающих настолько безрассудно. — Пендергаст сокрушенно покачал головой. — Южная Парк-авеню, сто двадцать девять. Очень хороший район. Откуда у мисс Лурдес взялись средства, чтобы снять там квартиру? Вряд ли это возможно на ее жалованье помощника адвоката. — После небольшой паузы агент добавил: — Этот адрес наверняка заинтересовал бы вашу супругу.

Ответа по-прежнему не было.

— Я нахожусь в отчаянном положении, мистер Первью, и не стану колебаться, рассказывать ли ей правду. Если только вы не выполните мою просьбу. Иначе я буду вынужден, выражаясь неуклюжим современным языком, усложнить ваши отношения.

Слова неподвижно повисли в воздухе, словно неприятный запах.

Первью медлил не дольше секунды:

— Пожалуй, я сейчас выйду прогуляться минут на пятнадцать. Если за это время кто-нибудь незаметно проникнет в мой офис и скопирует нужную ему информацию, я ведь ничего не узнаю ни об этом человеке, ни о его действиях. Особенно в том случае, если сами документы не пропадут.

Пендергаст безразлично наблюдал за тем, как Первью раскрыл «Уолл-стрит джорнал», вышел из-за стола и направился к двери. Тут адвокат обернулся и сказал:

— Кстати, чтобы не устраивать здесь беспорядок, вам лучше сразу подойти к третьему стеллажу и заглянуть на вторую полку снизу. Пятнадцать минут, агент Пендергаст.

— Приятной вам прогулки, мистер Первью.

+ Сорок часов

Последние сорок часов Хелен провела с завязанными глазами, и ее постоянно куда-то перевозили. Сначала в багажнике автомобиля, потом в грузовом фургоне и наконец в корабельном трюме. В результате всех этих перемещений она уже не представляла, где находится, и к тому же потеряла счет времени. Было холодно, голова все еще болела после полученного в такси удара, хотелось есть и пить. Ее ни разу не покормили, лишь сунули в руку пластиковую бутылку с водой.

Сейчас Хелен снова лежала в багажнике автомобиля, какое-то время мчавшегося на большой скорости по шоссе. Затем машина сбавила ход, сделала несколько поворотов и, судя по внезапно усилившейся тряске, съехала на грунтовую дорогу.

Перевозя ее с места на место, похитители негромко переговаривались между собой. Но лишь теперь, когда оживленная трасса осталась позади, она смогла за гулом мотора различить их голоса. Это была смесь немецкого и португальского языков, которые Хелен отлично знала, выучив их еще раньше, чем английский или родной для ее отца венгерский. Однако голоса звучали невнятно, и она мало что смогла понять, кроме общего раздраженного и нетерпеливого тона. И того, что похитителей было четверо.

Еще несколько минут тряски, и автомобиль остановился. Хлопнули дверцы, и чьи-то шаги зашуршали по гравию. Багажник открылся, и холодный ветер освежил лицо Хелен. Кто-то схватил ее за руку, поднял в сидячее положение и помог выбраться наружу. Хелен пошатнулась, колени ее подогнулись, но похититель крепче вцепился в ее локоть и не позволил упасть. А затем молча подтолкнул в спину.

Странно, но Хелен не испытывала никаких эмоций, даже горя или страха. Она столько лет скрывалась, живя в постоянной тревоге и неуверенности. А потом появился брат и сказал то, что она втайне мечтала услышать, но усмиряла свои мечты, убеждала себя, что этого никогда не случится. Лишь на короткий миг вспыхнула надежда снова увидеть Алоизия и зажить нормальной человеческой жизнью. Но уже через мгновение она погасла: брата убили, а мужа ранили. Возможно, тоже смертельно.

Теперь она ощущала лишь пустоту внутри. Лучше было бы вообще ни на что не надеяться.

Хелен услышала скрип открываемой двери, а затем оказалась в каком-то помещении. Воздух здесь был спертый, пахло плесенью. Ее провели через комнату в другую, с еще более неприятным запахом. Скорее всего, это был заброшенный загородный дом. Хватка похитителя ослабла, и Хелен поняла, что упирается ногами в стул. Она села, положив руки на колени.

— Снимите это, — произнес по-немецки знакомый голос.

Кто-то коснулся ее головы, и повязка упала с глаз.

Хелен моргнула, потом еще раз. В комнате было темно, но ее отвыкшие от света глаза быстро приспособились. За спиной послышались шаги, и дверь закрылась. Хелен облизнула сухие губы, подняла голову и встретилась взглядом с волчьими глазами Конрада Фишера. Он, конечно, постарел, но выглядел таким же сильным и опасным, как и прежде. Конрад тоже сидел на стуле, зажав широкие ладони коленями. Он чуть подвинулся, и стул застонал под его массивным телом. Пронзительные серые глаза, загорелая до смуглости кожа, коротко стриженные седые волосы — от всего его вида веяло холодным тевтонским совершенством. Он смотрел на нее с кривой усмешкой, которую Хелен слишком хорошо помнила. Вместо былой пустоты и равнодушия она почувствовала острый приступ страха.

— Не ожидал, что когда-нибудь буду разговаривать с мертвецами, — отрывисто и четко произнес Фишер по-немецки. — И все-таки вы здесь, фройляйн Эстерхази… прошу прощения, фрау Пендергаст, покинувшая эту землю четырнадцать лет назад.

Устремленные на нее колючие глаза светились странной смесью раздражения и любопытства.

Хелен ничего не ответила.

— Naturlich[8], оглядываясь назад, я понимаю, как вам это удалось. Вы пожертвовали своей сестрой-близнецом, der Schwächling[9]. Что ж, после всех этих лицемерных высоких слов вы доказали, что многому научились у нас. Я почти удовлетворен.

Хелен молчала с безразличным видом. Она скорее согласилась бы умереть, чем жить дальше с этой болью.

Фишер внимательно следил за тем, какой эффект произвели его слова. Он достал из кармана пачку «Данхилл», чиркнул спичкой, вспыхнувшей золотистым огнем.

— Вы ведь не собираетесь признаваться нам, где прятались все это время? Или были ли у вас другие сообщники, помимо брата? Вы рассказывали кому-нибудь о нашей организации?

Не дождавшись ответа, Фишер глубоко затянулся, и на лице его снова заиграла усмешка.

— Впрочем, неважно. У нас найдется время для разговоров, когда мы вернемся домой. Уверен, что вы расскажете докторам все… еще до того, как начнутся опыты.

Хелен молчала. Фишер использовал слово «Versuchsreihe», на деле означавшее нечто большее, чем просто «опыты». Вспомнив, что под этим подразумевалось, она внезапно запаниковала, вскочила со стула и рванулась к двери. Это был бессмысленный поступок, порожденный древним инстинктом самосохранения. Когда Хелен навалилась на дверь, та неожиданно поддалась, но на пороге стояли другие похитители. Хелен с разгона прорвалась мимо первых двух, но оставшиеся двое крепко ухватили ее за руки. Понадобились усилия всей четверки, чтобы затащить ее обратно в комнату.

Фишер поднялся со стула, еще раз затянулся сигаретой и с невольным уважением посмотрел на Хелен, все еще молча и отчаянно сопротивлявшуюся. Затем перевел взгляд на часы.

— Пора ехать дальше, — сказал он и снова обернулся к Хелен. — Думаю, стоит вколоть ей что-нибудь успокаивающее.

+ Сорок четыре часа

В половине третьего кто-то позвонил в дверь. Курт Вебер отставил в сторону бутылку со сладким чаем, вытер уголки рта шелковым носовым платком, оторвался от компьютерного монитора и зашаркал по кафельному полу. Поглядел в глазок — за дверью стоял представительный джентльмен.

— Вы к кому?

— Я ищу «Фрайхайт импортинг компани».

Вебер засунул платок в нагрудный карман и открыл дверь:

— Да?

Джентльмен остановился на пороге. Стройный, с пронзительными серебристыми глазами и светлыми, почти белыми волосами.

— Вы можете уделить мне несколько минут? — спросил он.

— Разумеется. — Вебер распахнул дверь пошире, а сам отодвинулся в сторону.

Посетитель был одет в неброский черный костюм, сшитый, впрочем, из добротной материи и не без изящества. Вебер старался одеваться по последней моде и, пока пятился обратно к столу, машинально поддернул манжеты своей сорочки.

— Интересно, — сказал джентльмен, оглядываясь, — почему вы устроили офис прямо в отеле?

— Здесь не всегда был отель, — ответил Вебер. — Это здание построили в тысяча девятьсот двадцать девятом году и назвали «Родос-Хаверти-билдинг»[10]. Когда его переоборудовали в отель, я решил, что нет смысла куда-то переезжать. Отсюда открывается чудесный вид на исторический центр города. — Он уселся за стол. — Чем могу быть полезен?

Этот человек, разумеется, забрел сюда по ошибке. Вебер имел дело только с проверенными постоянными клиентами, но посторонние люди обращались к нему не впервые. И он неизменно был вежлив с такими посетителями, стараясь поддерживать реноме добропорядочного бизнесмена.

Джентльмен присел на стул:

— У меня к вам всего один вопрос. Ответьте на него, и я уйду своей дорогой.

Что-то в его тоне заставило Вебера не торопиться с согласием.

— Что за вопрос?

— Где сейчас Хелен Пендергаст?

«Этого не может быть», — подумал Вебер. А вслух сказал:

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Вам принадлежит ангар в одном из южных пригородов Нью-Йорка. Этот ангар был задействован при похищении Хелен Пендергаст.

— Это какой-то бред. И если у вас нет ко мне других дел, боюсь, что придется попросить вас покинуть офис, мистер…

Продолжая говорить, Вебер очень осторожно открыл ящик стола и просунул туда руку.

— Пендергаст, — представился джентльмен. — Алоизий Пендергаст.

Вебер вытащил из ящика «беретту», но не успел навести оружие на посетителя. Тот, словно прочитав мысли Вебера, метнулся вперед и выбил пистолет из его руки. Оружие упало на пол. Удерживая Вебера на прицеле своего пистолета, взявшегося буквально из ниоткуда, мужчина подобрал «беретту», положил в карман и снова уселся на стул.

— Попробуем еще раз? — спросил он с серьезным выражением лица.

— Мне нечего сказать вам, — ответил Вебер.

Человек, назвавшийся Пендергастом, поднял руку с пистолетом:

— Вам и в самом деле не дорога собственная жизнь?

Вебер основательно изучил методику допроса — как добиваться признания и как уклоняться от него. Он также знал, как должен вести себя в минуты опасности представитель высшей расы.

— Я не боюсь умереть за то, во что верю.

— Значит, мы оба не боимся, — помолчав, заметил мужчина. — И во что же вы верите?

Вебер лишь усмехнулся в ответ.

Пендергаст обвел взглядом офис и вернулся к его хозяину:

— У вас очень хороший костюм.

Несмотря на нацеленный на него огромный кольт, Вебер оставался спокойным и полностью себя контролировал.

— Благодарю.

— Вы, случаем, шили его не у моего портного — Харди Амиса?

— Увы, нет. Это Тейлор и Мертон, в нескольких домах от Амиса по Сэвил-роу[11].

— Вижу, мы оба питаем склонность к элегантной одежде. Рискну предположить, что наши общие интересы костюмами не ограничиваются. Возьмем, к примеру, галстуки. — Пендергаст провел рукой по своему галстуку. — Раньше я предпочитал парижские, ручной работы, от фирмы «Шарве», но теперь мне больше нравятся «Джей Кос». Как тот, что сейчас на мне. Недешево, конечно, больше двухсот долларов, но товар стоит этих денег. — Он улыбнулся. — А какие галстуки любите вы?

«Если это какой-то новый метод допроса, — подумал Вебер, — то он не работает».

— Мне больше по душе «Бриони».

— «Бриони» — повторил Пендергаст. — Очень хорошо. Прекрасный выбор.

Внезапно — опять со взрывной скоростью — он сорвался со стула, прыгнул на Вебера и схватил за горло. Тряхнув его с ужасающей силой, Пендергаст швырнул сопротивляющегося противника на подоконник и вытолкал до пояса в окно. Вебер в ужасе ухватился обеими руками за оконную раму. Он слышал, как двадцатью этажами ниже гудят машины на Пичтри-стрит, ощущал дыхание ветра.

— Мне нравятся окна в старых небоскребах, — сказал Пендергаст. — Они так легко открываются. И вы были правы: вид отсюда замечательный.

Едва дыша от страха, Вебер отчаянно цеплялся за оконную раму.

Пендергаст развернул пистолет и ударил рукояткой по левой руке Вебера, ломая пальцы, затем нанес удар по правой. Вебер завопил, чувствуя, что вываливается наружу, его руки беспомощно болтались в воздухе, но ноги все еще цеплялись за подоконник. Пендергаст ухватил его за галстук и удерживал на вытянутой руке, не давая упасть вниз.

Вебер отчаянно прижимал колени к подоконнику, пытаясь найти хоть какую-то опору.

— Человек обязан хорошо знать преимущества своей одежды и ее недостатки, — легко и непринужденно заметил Пендергаст. — Мой галстук от «Джей Кос» сшит из семислойного шелка. Настолько же крепкий, насколько и красивый.

Пендергаст резко потянул Вебера за галстук, так что тот чуть не задохнулся и одна его нога начала соскальзывать с подоконника. Он задергался, пытаясь снова обрести опору. Галстук душил его, не позволяя произнести ни слова.

— Некоторые изготовители иногда экономят на материале, — объяснил Пендергаст. — Один шов, всего два слоя, понимаете? — Он снова дернул за галстук. — Так что мне хотелось убедиться, что вы уверены в качестве вашего галстука, до того как я повторю свой вопрос.

Еще один рывок.

Шов на галстуке с громким треском начал расползаться. Вебер не сдержался и закричал.

— О, какая досада! — разочарованно произнес Пендергаст. — Говорите, «Бриони»? Сомневаюсь. Похоже, вам продали подделку. Или вы сами слукавили, назвав мне эту фирму.

Он снова дернул за галстук, уже наполовину разорвавшийся.

Краем глаза Вебер заметил, что внизу начали собираться люди, возбужденно переговариваясь и указывая на него. У несчастного закружилась голова, ужас полностью овладел им.

Галстук затрещал от очередного рывка.

— Довольно! — закричал Вебер, хватаясь за руку Пендергас-та изувеченными пальцами. — Я все расскажу!

— Говорите быстрее. Этот дешевый галстук долго не продержится.

— Ее увезут из страны сегодня вечером.

— Откуда? Как?

— Частным самолетом. Из Форт-Лодердейла, аэропорт Петтермарс. В десять часов.

Пендергаст рывком затащил Вебера обратно в офис.

— Scheiße![12]— завопил Вебер, скорчившись на полу в позе эмбриона и прижимая к груди искалеченные руки. — А если бы галстук совсем порвался?

Его мучитель широко улыбнулся, и Вебер внезапно понял, что этот человек находится на грани безумия.

— Если вы сказали правду, — заявил Пендергаст, отступая на шаг, — и мне удастся спасти ее, можете быть уверены в том, что больше никогда меня не увидите. Но если вы солгали, я зайду к вам еще раз.

Возле двери Пендергаст остановился, развязал свой галстук и швырнул его Веберу:

— Вот это — качественный товар. Запомните, что я вам говорил об излишней экономии.

Холодно усмехнувшись на прощание, он покинул офис.

+ Сорок пять часов

Аэропорт Петтермарс. У Пендергаста было всего шесть часов на то, чтобы преодолеть семьсот миль.

Он спешно проверил расписания всех местных аэропортов, но не нашел ни одного подходящего регулярного рейса или чартера, который можно было бы организовать в столь сжатые сроки. Оставался один вариант — ехать на автомобиле.

По прилете в Атланту Пендергаст добирался до города на такси. Теперь он встал перед необходимостью взять машину напрокат. Обнаружив агентство аренды автомобилей всего в нескольких кварталах от отеля, Пендергаст выбрал новенький ярко-красный «Мерседес-Бенц SLS AMG» и подписал договор об аренде для поездки в один конец до Майами, с полной страховкой на совершенно немыслимую сумму.

Хотя до часа пик было еще далеко, на всех улицах уже образовались печально знаменитые пробки Атланты. Выбравшись на трассу I-75 «Юг», Пендергаст вдавил акселератор до предела и проскочил промышленную зону по крайней правой полосе. Как он и рассчитывал, свирепый рев двигателя в пятьсот шестьдесят лошадиных сил помог расчистить дорогу. Он мчался на скорости почти сто миль в час, пока не нарвался на пост контроля.

Великолепно.

Патрульный автомобиль вырулил из-за ограждения с мигалкой и громко воющей сиреной. Пендергаст затормозил так резко, что преследователи чуть не столкнулись с ним. Он выскочил из машины, высоко поднял свой жетон, подошел к полицейскому и показал рукой, чтобы тот опустил стекло. Затем протянул жетон в окошко.

— Федеральное бюро расследований, Нью-Йоркское отделение. Нахожусь при исполнении задания особой важности.

Патрульный перевел взгляд на жетон, потом на «мерседес»:

— Мм… да, сэр.

— Мне срочно понадобилась машина. Слушайте меня внимательно. Я еду в аэропорт Петтермарс в окрестностях Форт-Лодердейла, проследую по трассам семьдесят пять, десять и

девяносто пять.

Патрульный пристально смотрел на агента, пытаясь понять, к чему тот клонит.

— Я хочу, чтобы вы связались по радио с коллегами и договорились о моем свободном проезде по всему маршруту. Моя машина сразу бросается в глаза, так что с этим не должно возникнуть сложностей. Все ясно?

— Да, сэр. Но наши полномочия ограничены штатом Джорджия.

— Пусть ваше начальство свяжется с полицией Флориды.

— Но может быть, лучше позвонить в Нью-Йоркское отделение ФБР?

— Я же объяснил, что это задание особой важности. У меня нет времени. Просто сделайте, как я говорю.

— Да, сэр.

Пендергаст рванулся назад к машине и, проскрипев шинами по асфальту, быстро набрал скорость, обдав патрульного голубым облаком выхлопных газов.

К четырем часам он уже проехал Мейкон, продолжая мчаться строго на юг. Встречные автомобили, дорожные знаки, пейзажи по обочинам — все слилось в трудноразличимое цветное пятно. Выходя из крутого поворота, он увидел перед собой цепочку красных стоп-сигналов. Впереди два полуприцепа поднимались параллельно по склону холма: тот, что слева, тщетно пытался обогнать тот, что справа, мешая проезду остальных машин, — непозволительная роскошь для двухполосной трассы.

Не сбавляя скорости, Пендергаст обошел вереницу автомобилей по обочине, пока не оказался непосредственно за грузовиком. Тот не обращал никакого внимания ни на мигание фар, ни на гудки клаксона — казалось, даже притормозил немного из вредности.

Трасса изогнулась вправо, и, как это часто случается, грузовик начало сносить на обочину. Пендергасту пришлось перебраться на левую обочину. Как он и предполагал, водитель второго грузовика тоже проявил вредность и сдвинулся влево, чтобы загородить ему проезд. У Пендергаста появился шанс. Он чуть помедлил, переключая передачу, а затем рванулся в промежуток между двумя

грузовиками, с помощью рычага переключения в считаные секунды увеличив скорость с пятидесяти до девяноста миль в час, и выбрался на свободную дорогу. Вслед ему донеслись два обиженных гудка.

Он мчался без остановки, иногда перемещаясь на левую или правую обочину, чтобы обогнать другие машины, сигналя самым упрямым водителям, порой пугая их своими маневрами на бешеной скорости и не сбрасывая газ до последней возможности. В половине шестого он миновал Валдосту и пересек границу Флориды.

Пендергаст понимал, что двигаться по прямой дороге будет непросто — впереди лежал Орландо с его пробками и толпами туристов, — поэтому повернул на восток, на трассу I-10, идущую вдоль побережья. Не самый лучший вариант, но более надежный. За Джэксонвиллом он снова поехал на юг и вскоре вернулся на трассу I-95.

Возле Дейтона-Бич он остановился на заправке, залил полный бак, бросил удивленному кассиру стодолларовую купюру и, не дожидаясь сдачи, со свистом умчался прочь.

Близился вечер, движение на трассе стало не таким интенсивным, и даже грузовики поехали быстрее. Пендергаст лавировал между ними, упрямо продолжая двигаться вперед. Титусвилл, Палм-Бей и Юпитер расплывчатыми пятнами огней промчались мимо. Проехав Бока-Ратон, он включил GPS-навигатор и ввел пункт назначения.

За час он в среднем проезжал по сто двадцать пять миль.

Правительственный аэропорт Петтермарс располагался в десяти милях к югу от Корал-Спрингса, врезаясь в восточную часть национального парка Эверглейдс. Приближаясь к нему со стороны Форт-Лодердейла, Пендергаст разглядел невысокую диспетчерскую башню, цепочку ветроуказателей и мерцающие огни.

Было без пяти минут девять. За просяным полем виднелась взлетная полоса. Небольшой одномоторный самолет прогревал двигатель у ближайшего ангара.

Пендергаст с визгом затормозил возле башни, выскочил из машины и со всей возможной при его хромоте скоростью побежал к невысокому желтому зданию.

— Куда летит этот самолет? — предъявив свой жетон, спросил

он у дежурного диспетчера. — Секретная операция ФБР.

Оператор раздумывал недолго:

— В полетном листе указан Канкун[13].

Канкун. Скорее всего, маршрут ложный. Однако в любом случае самолет полетит на юг, через границу.

— Других полетов на сегодняшний вечер не намечается?

— Через полтора часа прибудет «лирджет» из Билокси. Могу я еще чем-то помочь?

Но дежурный обращался к пустому пространству. Пендергаст уже скрылся за дверью.

Выйдя из диспетчерской, он подбежал к «мерседесу» и сел за руль. Самолет приближался к взлетной полосе, двигатель ревел во всю мощь. Ангар и рулежную дорожку окружал забор из металлической сетки, ворота были закрыты. У Пендергаста не оставалось выбора, он развернул автомобиль в сторону ворот и нажал на газ. Машина с ревом помчалась вперед, сорвав створки с петель и швырнув их на асфальт.

Самолет вырулил на взлетную полосу, постепенно набирая скорость. Пендергаст поравнялся с ним и заглянул в кабину. У пилота оказалась запоминающаяся внешность: высокий, мускулистый, с густым загаром и белоснежными волосами. Человек, сидевший на месте второго пилота, посмотрел в окно на «мерседес». Это был один из бегунов, схвативших Хелен в парке. Он тоже узнал Пендергаста, выхватил пистолет и выстрелил через окно.

Пендергаст крутанул руль и прижал машину ближе к крылу, в мертвую зону для стрелка. Он ехал теперь с той же скоростью, что и самолет, и поначалу решил проскочить вперед, развернуться и преградить ему дорогу. Но при этом самолет мог потерять управление. А ведь на борту была Хелен. Вместо этого Пендергаст еще плотнее пододвинулся к крылу, почти касаясь его, открыл дверцу, подождал немного, сжавшись, словно пружина, и прыгнул на правую стойку шасси. Он немного не рассчитал и соскользнул со стойки, его ноги протащило по асфальту. Мощным рывком Пендергаст подтянулся на руках и замер в более безопасном положении, морщась от боли в раненой ноге.

Самолет быстро набирал скорость, уже превысившую тридцать

узлов, ветер трепал волосы и одежду Пендергаста. Он карабкался по стойке, пока не очутился прямо под крылом. Наклонился, вытаскивая из кобуры пистолет. Он различал силуэт бегуна, сидевшего в кресле второго пилота, других пассажиров загораживало крыло.

В поле его зрения оказался конец взлетной полосы, за которым было лишь просяное поле и болото. Похоже, пилота беспокоил дополнительный груз. Бегун выглянул в окно, пытаясь разглядеть в темноте непрошеного попутчика. Но тот нагнулся еще ниже. Как только самолет оторвался от земли, Пендергаст тщательно прицелился, вытянувшись почти параллельно крылу, и выстрелил бегуну прямо в лицо.

Мужчина вскрикнул, голова его откинулась назад. Он забился в агонии. Дверь кабины открылась, и мертвое тело выпало наружу, шмякнувшись об асфальт. Самолет поднялся в воздух, низко скользя над болотами. Пора было убирать шасси.

Пендергаст лихорадочно соображал, что делать дальше. От земли его отделяло не меньше тридцати футов. Он убрал оружие в кобуру, крепко уцепился одной рукой за раму шасси, а другой вынул из кармана авторучку и ударил ею по клапану топливного фильтра в нижней части обтекателя. Через секунду, как только зашумел механизм уборки шасси, он спрыгнул вниз, с громким всплеском погрузился в воду, а затем и в придонный ил.

+ Пятьдесят три часа

Пендергаст сидел на стальной опоре в конце взлетно-посадочной полосы аэропорта Петтермарс. Ночь была темной и беззвездной, лишь два ряда сигнальных огней тянулись к горизонту. После прыжка с самолета вновь открылась рана на ноге. Ему удалось остановить кровь и смыть грязь. Нужно было еще раз показаться врачу и принять антибиотики, но лишь после того, как он справится с более важными проблемами.

У него за спиной на высоте нескольких футов появилась светлая точка: другой самолет заходил на посадку. Сигнальные огни дружно замигали вдоль полосы. Минуту спустя «Лирджет-60» промчался всего футах в двадцати над головой Пендергаста, включив реверс перед посадкой, так что реактивная струя подняла над землей густое облако пыли.

Пендергаст не обратил на него никакого внимания.

Он попытался отыскать труп бегуна в густой траве рядом со взлетной полосой. Безрезультатно. В аэропорту начался переполох из-за сорванных с петель ворот. Прибыли полицейские, осмотрели место происшествия и уехали обратно, прихватив с собой «мерседес». Но водителя машины они не нашли.

Теперь суета улеглась, кругом было тихо. Пендергаст поднялся и прямо по траве направился в обход взлетной полосы к древнему телефонному автомату, стоявшему у бензоколонки на подъезде к аэропорту. Удивительно, но телефон работал. Пендергаст позвонил д’Агосте.

— Где вы? — долетел из Нью-Йорка знакомый голос.

— Неважно. Объявите в розыск одномоторный самолет «Сессна-133». Позывные: ноябрь-семь-восемь-девять-фокстрот-чарли. Согласно полетному листу, направляется в Мексику, в Канкун, но ему придется совершить вынужденную посадку, — он на мгновение задумался, — в радиусе двухсот миль от Форт-Лодердейла, из-за неполадок в системе подачи топлива.

— Откуда вы знаете, что у него неполадки?

— Потому что я их устроил. Проколол трубку топливного

фильтра. Сидя в кабине, они никак не смогут исправить повреждение.

— Да объясните же толком, что…

— Перезвоните мне по этому номеру, как только будут результаты.

— Подождите, черт вас побери…

Пендергаст повесил трубку, вышел из освещенной кабины и отошел к растущим неподалеку карликовым пальмам. Затем лег на траву — его охватила слабость из-за потери крови — и стал ждать ответного звонка.

Телефон зазвонил спустя полчаса. Пендергаст поднялся с травы, чувствуя, как кружится голова.

— Да?

— Мы засекли их. Самолет приземлился неподалеку от Андалусии, штат Алабама. Вдобавок повредил шасси при посадке.

— Продолжайте.

— Должно быть, они вызвали помощь, потому что их поджидал фургон. Там рядом оказался один парень, он пил кофе в ангаре и видел, как группа людей быстро пересела в этот фургон, который скрылся в направлении… — д’Агоста на секунду замолчал, — заповедника Конекью.

— Он запомнил номер фургона?

— Нет, было темно.

— Сообщите в алабамский дорожный патруль. И побеспокойте пограничную службу насчет всех пересечений границы: они направляются в Мексику. Я позвоню позже. Мой мобильник не работает.

Еще одна пауза.

— Хорошо, я все сделаю.

— Спасибо.

Закончив разговор, Пендергаст посидел минут десять в тени. Потом набрал другой номер.

— Ага, — послышался хриплый голос Мима, хакера-отшельника с сомнительными моральными принципами, который общался лишь с

одним человеком на свете — самим Пендергастом.

— Откопали что-нибудь?

— Даже не знаю. Совсем чуть-чуть. Мне хотелось собрать побольше, прежде чем звонить вам…

Он сделал театральную паузу.

— Мне некогда играть в игрушки, Мим.

— Хорошо, — поспешно ответил хакер. — Я подключился к системе прослушивания наших друзей из Форт-Мида[14] — шпионил за шпионами, так сказать. — Он хихикнул. — Знаете, они действительно тщательно отслеживают все вызовы и электронную почту, несмотря на протесты недовольных. И я засек обрывок разговора по сотовому телефону тех парней, которых вы называете «Der Bund».

— Вы уверены?

— Невозможно быть уверенным на сто процентов, приятель. Они пользовались шифром, и я понял лишь то, что говорили по-немецки. И еще разобрал несколько знакомых названий. Судя по сигналу, они быстро двигались через центральную и северо-западную Флориду.

— Насколько быстро?

— Скорее всего, самолетом.

— Когда?

— Семьдесят минут назад.

— Должно быть, это тот самолет, что сел в Алабаме. Что еще?

— Больше ничего, за исключением короткого сообщения на испанском. Они упоминали название Кананеа.

— Кананеа, — шепотом повторил Пендергаст. — Что это?

— Город в Мексике… у черта на рогах, в тридцати милях к югу от границы.

— Расскажите, что он собой представляет.

— По моим данным, в нем тридцать тысяч жителей. Когда-то это был крупный центр по добыче меди, и здесь произошли беспорядки, с которых началась Мексиканская революция. Теперь осталась лишь

пара сборочных заводов в северной части города, и все.

— Географическое положение?

— Есть река, протекающая через Кананеа на север, к границе с Аризоной. Называется Сан-Педро. Одна из немногих рек, текущих на север. Главный маршрут контрабанды наркотиков и нелегальной миграции. Вокруг — жуткая пустыня, многие из мигрантов умирают в дороге. Граница в этой чертовой дыре, скорее всего, просто обозначена колючей проволокой. Но зато там уйма датчиков слежения и патрули. Да еще камеры на аэростатах, способные ночью различить валяющийся на земле окурок.

Пендергаст прижал трубку в груди. В этом был определенный смысл. Лишившись самолета и поняв, что границы перекрыты, похитители Хелен должны найти тайный способ переправиться в Мексику. Маршрут по реке Сан-Педро на юг, в Кананеа, ничуть не хуже любого другого.

Это последний шанс перехватить их.

Пендергаст вышел из телефонной будки. Голова опять закружилась, и ему пришлось сесть прямо на землю. Он совсем ослаб, потерял много крови, не ел и не спал больше двух суток. Но вовсе не упадок сил вызвал эту внезапную слабость. Его разум, все его существо получили жестокий удар.

Пендергаст заставил себя разобраться в своем состоянии. Какие чувства он теперь испытывает к Хелен, любит ли ее как прежде? На протяжении двенадцати лет он считал, что она погибла. Он уже примирился с этим. И вдруг оказалось, что Хелен жива. Одно Пендергаст понимал четко: если бы он не настоял на встрече с ней, если бы не организовал все так бездарно, она до сих пор оставалась бы в безопасности. Он должен загладить свою вину. Должен вырвать Хелен из лап «Der Bund». Не только ради ее спасения, но и ради себя. Иначе…

Пендергаст не позволил себе думать о том, что случится иначе. Собрав остаток сил, поднялся на ноги. Нужно во что бы то ни стало добраться до Кананеа.

Он похромал к автостоянке возле аэродрома, купающейся в огнях натриевых ламп. Там стояла единственная машина — старенький коричневый «кадиллак-эльдорадо». Наверняка принадлежащий диспетчеру.

Похоже, этот человек еще раз поможет Пендергасту.

+ Восемьдесят два часа

Пендергаст залил в «эльдорадо» полный бак на бензоколонке неподалеку от крошечного городка Паломинас в Аризоне, отъехал в сторонку и закурил, стоя возле машины и облокотившись на дверь. Он преодолел без отдыха две тысячи миль, останавливаясь только для заправки.

Огромное пустынное небо усыпали звезды, луны видно не было.

Затем Пендергаст заглянул в маленький магазин при бензоколонке, купил карту мексиканского штата Сонора, полдюжины бутылок с водой, несколько упаковок вяленой говядины, мясные консервы, печенье, пару полотенец, бинт, антисептическую мазь, таблетки ибупрофена и кофеина, клейкую ленту и фонарь. Сложил все это в пластиковый мешок и понес к автомобилю. Снова усевшись за руль, он развернул карту и принялся внимательно ее изучать.

Выехав с бензоколонки, Пендергаст двинулся на восток по девяносто второй трассе, переправился через реку Сан-Педро по небольшому мосту и повернул направо на пыльную проселочную дорогу, ведущую к югу. Машина еле тащилась по разбитой колее мимо мескитовых деревьев и зарослей акации, освещая фарами постоянно петляющую дорогу. Справа текла невидимая в темноте река, угадываемая по тянущейся вдоль берега темной полосе пирамидальных тополей.

За полмили от границы Пендергаст свернул в мескитовые заросли, загнав машину так далеко, как только смог. Выключил двигатель, выбрался наружу с пакетом, набитым продуктами, и прислушался. Никаких признаков жизни, за исключением отдаленного воя пары койотов.

Он понимал, что это обманчивое впечатление. На всем протяжении границы с Мексикой, кроме пяти рядов колючей проволоки, были также установлены современные датчики движения, инфракрасные камеры и радары. Пограничные патрули мгновенно реагировали на любой подозрительный сигнал.

Но Пендергаст не сомневался в успехе. У него было огромное преимущество перед контрабандистами и перевозчиками мигрантов: он направлялся на юг. В Мексику.

Он завернул пакет с продуктами в пиджак, превратив его в подобие рюкзака, забросил за спину и двинулся вперед.

Вскоре нога опять начала кровоточить. Пендергаст остановился, сел и долго возился, снимая повязку при свете фонаря, смазывая рану мазью и снова обматывая бинтами и полотенцами. Затем проглотил четыре таблетки ибупрофена и столько же кофеина.

Он съел немного вяленой говядины и запил водой из бутылки. Потребовалось несколько минут, чтобы заставить себя встать. Он не имел права расслабляться: впереди лежал долгий путь.

Пендергаст решил идти вдоль грунтовой дороги, в стороне от реки, — так он рассчитывал проскочить мимо всевозможных электронных датчиков. Висевший в ночном небе аэростат, возможно, и заметил его передвижения, но, поскольку Пендергаст двигался на юг, он надеялся, что не вызовет подозрения — по крайней мере, не сразу.

Ночной воздух даже в этих краях оставался прохладным. Вой койотов прекратился, стало совсем тихо. Пендергаст двинулся дальше.

Дорога повернула под прямым углом и потянулась параллельно колючей проволоке — фактически по границе. Пендергаст подошел к ограждению, понимая, что уж теперь-то датчики точно засекли его, перерезал проволоку и через несколько секунд перебрался на мексиканскую территорию. И захромал подальше от границы по бескрайней каменистой пустыне, кое-где поросшей кустами акации.

Спустя несколько минут на американской стороне появился свет автомобильных фар. Пендергаст что было сил побежал напрямик к пирамидальным тополям, растущим по берегу реки. Вспыхнули сразу несколько прожекторов, озарив пейзаж ночной пустыни и заливая все вокруг сияющим белым светом.

Пендергаст продолжал бежать. Усиленный мегафоном голос приказал ему остановиться, повернуться кругом, поднять руки и назвать свое имя.

Пендергаст не подчинился приказу. Они ничего не могли с ним сделать. Не могли преследовать его, да и связываться с мексиканскими коллегами было бы глупо. Нелегальные перебежчики на юг никого не интересовали.

Он приближался к тополям у реки. Лучи прожекторов какое-то время следовали за ним, сопровождаемые резкими выкриками мегафона. Потом он скрылся за деревьями, и его оставили в покое.

Пендергаст присел отдохнуть на берегу мелководной речки Сан-Педро. Решил перекусить, но еда показалась жесткой и безвкусной, как картон, и ему пришлось заставлять себя глотать пищу. Он выпил немного воды, борясь с желанием еще раз перевязать окровавленные бинты.

По его расчетам, похитители Хелен должны были пересечь границу одновременно с ним или чуть раньше. Вокруг была бесплодная пустыня с редкими мескитовыми деревьями и кустарником, изрезанная тропинками, не нанесенными ни на одну карту, но хорошо известными тем, кто занимался незаконным ввозом людей и контрабандой оружия и наркотиков. Люди из «Der Bund», конечно же, намеревались именно таким путем добраться до Кананеа, расположенной в тридцати милях от границы. Где-то в этой паутине тайных троп он должен перехватить их, прежде чем похитители достигнут города… и настоящих, покрытых асфальтом дорог, по которым можно уехать далеко-далеко. Если он и здесь потерпит неудачу, то шансы когда-либо отыскать Хелен упадут практически до нуля.

Снова поднявшись, он заковылял по высохшему руслу реки, изредка разбрызгивая воду в лужицах глубиной не больше дюйма. Возможно, он уже опоздал.

Примерно через полмили Пендергаст разглядел сквозь завесу деревьев отдаленные огни. Выбравшись на берег, он присмотрелся и понял, что это уединенное ранчо посреди огромной пустынной равнины. И сейчас оно определенно не пустовало.

Безлунная ночь помогла ему подобраться незамеченным. Слабые желтые огоньки светились в окнах большого глинобитного дома со старой, шелушащейся побелкой, окруженного полуразрушенными загонами и хозяйственными постройками. Рядом были припаркованы три внедорожника последних моделей, подсказывающие, что нынешние хозяева занимаются отнюдь не разведением крупного рогатого скота.

Пендергаст приблизился к зданию, стоящему на небольшой возвышенности. Он различил огонек сигареты, а затем и человека,

притаившегося возле двери и наблюдающего за машинами и подъездами к ранчо. В одной руке он держал сигарету, а другой прижимал к груди штурмовую винтовку.

Несомненно, это были контрабандисты.

По-прежнему скрываясь в темноте, Пендергаст обошел дом кругом. У противоположной стены стоял мотоцикл «дукати-стритфайтер».

Пендергаст осторожно подкрался к дому с неосвещенной стороны. Скотный двор был окружен невысоким глиняным забором. Перепрыгнув через него ловким кошачьим движением, Пендергаст пересек двор и прижался к боковой стене, пережидая приступ острой боли в раненой ноге. Затем вытащил из кармана небольшой, но очень острый нож и направился к углу дома.

Он немного подождал, прислушиваясь к шуму голосов и отрывистому кашлю человека, курившего возле двери. Через мгновение мужчина выбросил окурок и затоптал его ногой. Тут же послышался щелчок зажигалки, и тусклый огонек сигареты снова осветил часть двора. Охранник шумно вздохнул, затянулся и опять закашлялся.

Прижимаясь к стене, Пендергаст нащупал на земле камень размером с кулак. Осторожно поднял его и снова замер. Вокруг ничего не изменилось. Тогда он слегка поскреб камнем по стене.

Охранник за углом притих, насторожился.

Пендергаст тоже замер, потом снова поскреб камнем, уже громче.

Нарушая тишину, захрустели по гравию тяжелые шаги. Немного не доходя до угла, мужчина остановился. Пендергаст слышал его дыхание, едва различимый шорох, с которым охранник поднимал винтовку, готовясь к выстрелу.

Пендергаст медленно присел пониже, стараясь справиться с болью. Внезапно охранник выскочил из-за угла с оружием на изготовку. Агент молниеносно выпрямился и острием ножа перерезал сухожилие на указательном пальце стрелка. Затем выбил оружие из рук противника и приложил его камнем по голове. Тот упал, не успев даже вскрикнуть. Пендергаст поднял винтовку М-4 и забросил ее за спину. Наклонился к «дукати». Ключ зажигания был на месте.

У нелепого, похожего на скелет мотоцикла не оказалось багажника, и Пендергасту пришлось перебросить свой импровизированный рюкзак через плечо вместе с винтовкой. Опять пригнувшись и прячась в тени, он подкрался к внедорожникам, припаркованным на скотном дворе, и проткнул ножом все шины.

Потом вернулся к «стритфайтеру», сел на сиденье и повернул ключ зажигания. Мощный двигатель в то же мгновение ожил. Не тратя больше ни секунды, Пендергаст перебросил рычаг переключения с нейтралки на первую скорость, отжал сцепление и изо всех сил надавил на акселератор.

Разбрызгивая грязь во все стороны, он выскочил на дорогу и повысил обороты до восьми тысяч в минуту, все еще оставаясь на первой передаче. В зеркале заднего вида отразились контрабандисты — они вылетели из дома, как пчелы из улья, выхватывая на бегу оружие. Пендергаст резко нажал на сцепление и переключился на вторую передачу, когда позади прозвучали выстрелы. Контрабандисты завели двигатели своих внедорожников, ярко вспыхнули фары. И тут снова послышались выстрелы и громкие угрожающие крики… а затем все это осталось далеко позади, растворившись в ночной темноте.

Пендергаст мчался на мотоцикле все дальше на юг, прокладывая дорогу через безжизненную пустыню. Нужно перехватить похитителей на подходе к Кананеа.

Он гнал «стритфайтер» на такой немыслимой скорости, что бескрайнее ночное небо, усыпанное звездами, кружилось у него над головой.

+ Восемьдесят четыре часа

До рассвета было еще далеко, когда в бескрайней черноте пустыни мелькнула красная точка — какой-то автомобиль ехал на юго-запад в отдаленных зарослях. Пятью милями южнее виднелись огни города Кананеа.

Пендергаст погнался в ту сторону, не разбирая дороги, пока не пересек колею, тянущуюся с востока. Мотоцикл трясло на ухабах, ветки кустов хлестали по ногам и цеплялись за бинты. Из раны снова потекла кровь, и было слышно, как шипят ее капли, падающие на горячий глушитель. Пендергаст достал еще четыре таблетки ибупрофена и бросил их в рот.

Преследуемая машина скрылась из виду в зарослях по правую руку от него. Пендергаст мчался вперед, огни Кананеа приближались. Мим говорил, что где-то неподалеку должны располагаться сборочные заводы. Значит, там найдутся и асфальтированные дороги, ведущие в город. Нельзя допустить, чтобы беглецы добрались до такой дороги. Нужно перехватить их еще в пустыне.

Яркое зарево в небе над городом позволило увеличить скорость. До Кананеа оставалось не больше двух миль. Хотя Пендергаст не видел машину он все же определил, где она должна находиться, и повернул на запад. Мотоцикл мчался по ухабам и зарослям кустарника. Через минуту опять мелькнули огни фар, и Пендергаст увидел, что это не одна, а две машины, едущие вплотную друг за другом. Судя по всему, «кадиллаки-эскалейд». Они двигались почти параллельно его курсу, но чуть медленнее, чем он.

Вероятно, они еще не заметили свет от фары мотоцикла.

Левой рукой Пендергаст снял с плеча М-4 и уложил винтовку на руль, который продолжал удерживать правой. Проверил, поставлен ли переключатель режима стрельбы на автоматический огонь.

Его наконец-то заметили: машины вильнули в сторону, вломившись в заросли кустарника.

Но было уже поздно. Мотоцикл двигался быстрее и обладал большей маневренностью, а мощные внедорожники не могли набрать хорошую скорость на таких ухабах. Резко повернув, Пендергаст направил свой «дукати» в узкий просвет между машинами и

притормозил, чтобы уравнять скорость. Теперь он мог разглядеть пассажиров и тут же увидел испуганное лицо Хелен за боковым стеклом второго автомобиля. Из первой машины высунулся мужчина и выстрелил из пистолета. Пендергаст прибавил газу и, пролетая мимо внедорожника, обстрелял его из М-4, посылая пули на высоте груди. Машину занесло, затем она завалилась набок, несколько раз перекувырнулась и взорвалась, превратившись в яркий огненный шар.

Второй автомобиль резко затормозил и остался далеко позади. Пендергаст заложил крутой вираж, так что из-под колес полетели комья земли, и повернулся лицом к «эскалейду», ожидая ответных действий.

Но похитители, вместо того чтобы остановиться и принять бой, развернули машину и помчались прочь, продираясь сквозь невысокие креозотовые кусты к асфальтовой дороге, ведущей в город. Издали донеслись звуки бесполезных выстрелов, сопровождавшиеся яркими вспышками.

Пендергаст развернул «дукати» на девяносто градусов и рванул за беглецами, ускоряясь с каждой секундой.

Вскоре он настиг их и начал обходить с юга, вынуждая машину отклониться к востоку, в сторону от города. Однако до асфальтовой дороги, ведущей к ближайшему заводу, оставалось совсем немного.

Снова раздались выстрелы, фонтанчики грязи брызнули рядом с передним колесом мотоцикла. Мужчина на заднем сиденье «эскалейда» поднял пистолет и прицелился. Но машину так яростно трясло, что у него почти не было шансов попасть в преследователя. Пендергаст снова увеличил скорость, пристраиваясь чуть сзади и сбоку от внедорожника. Опять положил винтовку на руль. Еще несколько выстрелов из пистолета оказались такими же неточными.

Пендергаст прибавил газу и начал сближаться. Поравнявшись с машиной, он выстрелил, целясь на этот раз в переднее колесо. В то же мгновение шальная пуля попала в мотоцикл, перебив цепь. Пендергаст лихорадочно заработал передним и задним тормозом, пытаясь удержать «дукати» от неконтролируемого вращения. Скорость резко упала, и он успел спрыгнуть в заросли креозотовых кустов прежде, чем его мотоцикл свалился в небольшой овраг.

Он тут же вскочил на ноги и выстрелил в удаляющийся

автомобиль. У «эскалейда» уже лопнула одна из передних шин, а попадание в заднюю с той же стороны развернуло машину и вынудило остановиться. Как только это произошло, из внедорожника выпрыгнули четыре человека и открыли огонь.

Пендергаст бросился на землю — совсем рядом с его головой поднимались облачка пыли от пуль — и тщательно прицелился. Винтовка не подвела, сняв сначала одного из противников, а затем и второго. Остальные двое спрятались за машину и прекратили стрельбу.

Досадно.

Пендергаст вскочил и помчался вперед, хотя одна нога сильно болела. Он непрерывно стрелял, стараясь, чтобы выстрелы прошли выше цели. Внезапно оба противника появились сбоку от машины. Один из них держал за руку Хелен, приставив дуло пистолета к ее виску, другой — высокий, мускулистый, с белоснежными волосами — прятался позади нее. Похоже, он не был вооружен — по крайней мере, не стрелял.

Пендергаст снова бросился на землю, но не решился открыть огонь.

— Алоизий! — донесся до него слабый возглас.

Пендергаст выжидал, не спуская врага с прицела.

— Брось оружие, или я убью ее! — резко крикнул тот, что прикрывался Хелен как живым щитом.

Три фигуры пятились все дальше от «эскалейда», причем светловолосый все время оставался позади остальных.

— Клянусь, я убью ее! — повторил второй мужчина.

Но Пендергаст знал, что он блефует. Хелен была для него единственным спасением.

Внезапно противник выстрелил в агента два раза подряд, но не смог попасть с расстояния в сто ярдов.

— Отпустите ее! — прокричал Пендергаст. — Мне нужна она, а не вы. Отпустите ее и можете убираться прочь!

— Нет! — завопил мужчина, судорожно вцепившись в Хелен.

Пендергаст поднялся на ноги, держа винтовку стволом вниз.

— Просто отпустите ее, и все, — сказал он. — Я ничего вам не сделаю. Клянусь.

Мужчина снова выстрелил, но пуля ушла далеко в сторону. Пендергаст, прихрамывая, приближался к нему, по-прежнему держа винтовку опущенной.

— Отпусти ее. Для тебя это единственная возможность уйти отсюда живым. Просто отпусти.

— Брось оружие! — истерично прокричал похититель.

— Беги, Алоизий! — зарыдала Хелен. — Беги!

Мужчина попятился, волоча за собой Хелен, и снова выстрелил мимо цели. Он был слишком далеко — и слишком испуган, чтобы прицелиться как следует.

— Поверь мне, — произнес Пендергаст твердым и спокойным тоном, не опуская рук. — И отпусти ее.

Возникла жуткая пауза. Наконец мужчина с невнятным возгласом резко толкнул Хелен вниз, опустил пистолет и в упор выстрелил в нее.

— Выбирай — спасать ее или гнаться за мной! — выкрикнул он, развернулся и побежал.

Хелен громко застонала и вдруг умолкла. Растерявшийся на мгновение Пендергаст с безумным криком рванулся вперед и через несколько мгновений опустился на колени рядом с ней. Он тут же понял, что выстрел был смертельным: кровь толчками хлестала из раны на груди, возле самого сердца.

— Хелен! — в отчаянии закричал он.

Она вцепилась в его руку, как утопающий за соломинку, и прошептала, задыхаясь:

— Алоизий… Ты должен меня выслушать…

Пендергаст наклонился, чтобы лучше разобрать слова.

— Он скоро приедет… Будь милосерден…

Хелен стиснула его руку еще сильнее.

Тут из горла хлынула кровь, оборвав ее речь. Пендергаст двумя пальцами нащупал у нее на шее сонную артерию, почувствовал

последние слабые удары сердца, а потом они прекратились.

Пендергаст поднялся с колен и заковылял к тому месту, где оставил М-4. Светловолосый, по-видимому, тоже был потрясен тем, что произошло, потому что только теперь бросился вслед за стрелявшим.

Пендергаст встал на одно колено, поднял винтовку и прицелился в убийцу своей жены, успевшего отбежать на пятьсот ярдов. Ему вдруг вспомнилось, как он в последний раз ходил на охоту. Он прицелился, подождал, когда успокоится дыхание, и нажал на спуск. Винтовка дернулась, и убийца упал.

Светловолосый оказался неплохим бегуном, он уже миновал лежащего товарища и с каждым мгновением удалялся. Пендергаст взял его на прицел и выстрелил, но промахнулся.

Он задержал дыхание, сконцентрировался и выстрелил снова. Опять неудачно.

Третья попытка закончилась щелчком опустевшего магазина. Светловолосый растворился в темноте пустыни.

Помедлив немного, Пендергаст положил винтовку на землю и побрел назад, к бездыханному телу Хелен, лежащему в медленно растекающейся луже крови. Долго смотрел на нее. А потом приступил к работе.

+ Девяносто один час

Белое раскаленное солнце стояло высоко в небе. Над бесплодной равниной кружились пылевые вихри. На горизонте виднелись голубоватые зубцы гор. Почуявшие смерть грифы-стервятники парили в восходящих потоках, постепенно сужая круги.

Пендергаст бросил последнюю лопату песка на могилу и тщательно утрамбовал насыпь. Он долго выкапывал яму зарываясь все глубже в сухую глину. Ему не хотелось, чтобы какой-нибудь человек или хищник добрался до тела его жены.

Тяжело дыша, он оперся на лопату. От напряжения из раны опять потекла кровь, пропитав последний бинт. Ручейки пота, перемешанного с грязью, стекали по его застывшему лицу. Некогда белоснежная сорочка стала коричневой от пыли, пиджак и брюки порвались в нескольких местах. Пендергаст посмотрел на потревоженную землю, затем медленно, словно дряхлый старик, наклонился и поднял надгробную табличку, грубую, сделанную из обычной доски, которую он прихватил с той же заброшенной фермы, где раздобыл и лопату. Он не хотел, чтобы могила была хорошо заметна. Вынув из кармана нож, Пендергаст дрожащей рукой нацарапал на доске:

Х. Э. П.

Aeternum vale[15]

Подойдя к изголовью могилы, он вдавил табличку в землю. Отошел назад, поднял лопату, примерился и со всей силы ударил по доске, загоняя ее в землю.

Хрясть!

…Он сидел перед костром на лесистом склоне горы Кэннон. По другую сторону огня, в клетчатой фланелевой рубашке, джинсах и альпинистских ботинках, пристроилась Хелен. Закончился третий день их путешествия по Белым горам. Алый огненный шар солнца опускался за небольшое озеро, подсвечивая хребет Франкония-Ридж. Снизу, из отеля «Лоунсом-Лейк-Хат», доносились обрывки какой-то песни. Котелок с кофе стоял на огне, его аромат примешивался к запаху костра, смолистому и успокаивающему. Хелен поправила

котелок, взглянула на мужа и улыбнулась — у нее была удивительная улыбка, наполовину застенчивая, наполовину дерзкая, — затем поставила на камень две фарфоровые кофейные чашечки, одну возле другой, с безупречной точностью, так ей свойственной…

Пендергаст пошатнулся и резко выдохнул, полностью вложившись в этот удар. Непослушной рукой вытер лоб. На изодранном рукаве пиджака осталось грязное пятно. Он стоял под обжигающим солнцем, дожидаясь, когда восстановится дыхание, и собирая остатки сил. Потом опять с натугой поднял лопату. Снова пошатнулся, едва не потеряв равновесие, но все-таки устоял на ногах. Его колени задрожали, и он торопливо, пока силы совсем не оставили его, ударил по табличке лопатой еще раз.

Хрясть!

…Лондон, перед самым закатом. Листья тенистых деревьев вдоль Девоншир-стрит слегка подернулись желтизной. Выйдя из «Кристис»[16]*, они с Хелен направились к Риджентс-парку. Уступая просьбам жены, Пендергаст купил на аукционе две картины, в которые Хелен влюбилась с первого взгляда: морской пейзаж Джона Марина и полотно, изображающее аббатство Уитби, — в каталоге его автор был назван «рядовым представителем романтической школы», хотя сам Пендергаст подозревал, что это ранний Констебл. Хелен тайком пронесла на аукцион серебряную флягу с коньяком и теперь, когда они пересекли Парк-кресент, принялась во весь голос, чтобы каждый мог услышать, читать стихотворение «Дуврский берег»:*

Взгляд оторвать от моря не могу.

Тишь. Смотрится луна в пролив…[17]

Он даже не заметил, когда выронил лопату. Она наискось легла возле его ботинок, зарывшихся носами в пыль. Пендергаст наклонился, чтобы подобрать ее, и внезапно упал на колени. Вытянул руку, пытаясь опереться на нее, но та подломилась, и он упал, уткнувшись лицом в пересохшую землю.

Это было бы так просто — остаться лежать здесь, чуть выше Хелен. Но Пендергаст слышал, как медленно, капля за каплей, падает на песок его кровь, и понимал, что не может отступить, пока работа не будет закончена. Он перевернулся, потом сел. Через несколько

минут почувствовал, что способен подняться на ноги. С огромным трудом, опираясь на лопату, встал — сначала на левую ногу, потом подтянул правую. Боль куда-то пропала, он не ощущал вообще ничего. Несмотря на яркое солнце, к глазам подступала темнота, а значит, он вот-вот мог потерять сознание, так и не установив табличку. Глубоко вздохнув, Пендергаст приподнял лопату и последним усилием опустил ее на кусок доски.

Хрясть!

…Теплая летняя ночь, трели сверчков где-то за стеной. Они с Хелен сидели на задней веранде плантации Пенумбра. Она держала в руке высокий бокал и наблюдала за тем, как вечерний туман расползается от реки, переливаясь в лунном свете. Сначала мерцающая дымка накрыла болотистый берег, затем сад, заросшую травой тропинку к дому. Туман вился над лужайкой, облизывал крыльцо, будто неторопливый прилив, выбеленный призрачным сиянием полной луны.

На сервировочном столике стоял кувшин, наполовину наполненный холодным лимонадом, и тарелка с остатками креветок в ремуладе[18]*. Из кухни доносился аромат жареной рыбы. Морис приготовил на обед помпано*[19].

Хелен отвела взгляд.

— Р*азве это сможет продолжаться вечно, Алоизий? — спросила она.*

Он отпил немного лимонада:

— П*очему бы и нет? Наша жизнь в наших руках. Мы можем сделать ее такой, как нам хочется.*

Хелен улыбнулась и посмотрела вверх.

— Т*акой, как нам хочется. Поклянись перед этой луной!*

Глядя на янтарную луну, он с театральной торжественностью приложил руку к груди.

— Истинный крест!..

Пендергаст стоял посреди огромной, безлюдной, безжалостной, чуждой пустыни. Темнота наползала все настойчивей, и он словно бы смотрел вокруг сквозь тоннель, конец которого с каждым мгновением отодвигался вдаль. Лопата вывалилась из обессилевших рук и

загремела по камням. С последним, еле слышным вздохом он опустился на колени и, пошатнувшись, упал на могилу жены.

Часть вторая

1

Альбан Лоример вошел в нью-йоркский «Мальборо-Гранд-отель». Его светлые глаза жадно вбирали в себя арки из полированного итальянского мрамора, освещенные неярким светом, каскады воды, с легким журчанием падающие в бассейн с цветущими лотосами, обширный холл, заполненный людьми.

Он остановился посередине зала, разбуженного утренней суетой. Сосредоточил внимание на отдельных людях, отслеживая их движение. Многие становились в очередь в кофейню «Старбакс», откуда доносился пленительный аромат.

Нью-Йорк…

Плавным движением руки Лоример пригладил отворот шерстяного костюма в мелкую полоску, почувствовав тонкими, но сильными пальцами эластичность и мягкость дорогого материала. Он никогда прежде не носил таких костюмов. Обувь тоже была высшего качества, он позаботился о том, чтобы выглядеть как можно лучше, словно от предстоящего испытания зависела вся его жизнь. И это действительно было нечто вроде проверки его способностей: важное, значительное событие, немного поспешно организованное, но совершенно необходимое. Он глубоко вздохнул. Как прекрасно чувствовать себя обеспеченным человеком, носить шикарную одежду, ощущать тяжесть набитого деньгами бумажника в собственном кармане и стоять в холле респектабельного отеля в лучшем городе мира. Единственная деталь портила его внешний вид — крохотный пластырь на мочке левого уха, но с этим ничего нельзя было поделать.

Кофе? Возможно, но позже.

Еще раз пригладив костюм, Альбан зашагал через холл к лифтам, вошел в свободный и нажал кнопку четырнадцатого этажа. Посмотрел на абсолютно новые часы «Брейтлинг», также чрезвычайно ему понравившиеся: семь часов тридцать одна минута.

В лифте были и другие пассажиры, многие из них держали в руках большие чашки с кофе. Альбана поразили размеры этих чашек. Оказывается, в Нью-Йорке принято пить кофе большими порциями. Сам он предпочитал так называемый итальянский стиль —

маленькую чашку крепкого черного кофе. Еще он был потрясен тем, что большинство туристов в Нью-Йорке одеваются как попало. Даже здесь, в роскошном и дорогом отеле рядом с Пятой авеню, они выглядели так, будто собрались с детьми на игровую площадку или на пробежку в парк: спортивные костюмы, кроссовки, трикотажные рубашки и джинсы. Хотя некоторые из них, судя по комплекции, давно не вспоминали о беге: мужчины с безобразно выпяченными животами, худые как спички женщины с густым слоем косметики на лице. Лоример никогда не видел столько людей, находящихся в плохой форме. Впрочем, не стоит забывать, что это всего лишь обыватели.

Он вышел на четырнадцатом этаже, повернул налево и бодро зашагал в самый конец коридора, пока не добрался до двери, ведущей на лестницу. Он обернулся — восемь дверей справа и столько же слева. Почти под каждой из них лежала свернутая в трубочку утренняя газета. Одни постояльцы заказывали «Таймс», другие «Джорнал», третьи «Ю-Эс-Эй тудей».

Лоример ждал, скрестив руки на груди, все его чувства были напряжены. Он стоял совершенно неподвижно, зная, что с того самого момента, как он вошел в отель, за ним следят скрытые камеры наблюдения. Эта мысль немного порадовала его. Позже, просматривая записи, охранники скажут примерно так: «Ну и франт этот парень!» или «С каким вкусом он одевается!». Они будут восхищаться им. Возможно, его фотография даже попадет в газеты.

Однако сейчас камера наблюдения была прямо над его головой, и Лоример находился в ее мертвой зоне.

Он не спешил, выбирая удобный момент. А затем, дождавшись, быстро зашагал по коридору. В то самое мгновение, когда он подошел к номеру 1422, дверь открылась, и женщина в купальном халате наклонилась, чтобы поднять с пола «Уолл-стрит джорнал». Двигаясь в том же темпе и не делая лишних движений, Лоример обхватил рукой шею жертвы и сжал так, чтобы она не могла проронить ни звука, одновременно заталкивая ее в номер. Левой рукой он закрыл за собой дверь на цепочку.

Женщина сопротивлялась, пока он тащил ее по ковру в глубину комнаты. И ему нравилось ощущать, как напрягаются ее мышцы в попытке оттолкнуть его, как расширяются легкие, когда она пытается закричать, как изворачивается все ее тело, стараясь высвободиться из

захвата. Она была настоящим бойцом, не то что эти жирные старухи в лифте. В этом смысле ему повезло. Приблизительно тридцати лет, красивые светлые волосы, никаких обручальных колец. Халат распахнулся, позволяя полюбоваться тем, какой ее создал Господь. Лоример продолжать сжимать ее шею, пока женщина не прекратила бесполезное сопротивление.

Тогда он чуть ослабил захват, ровно настолько, чтобы она могла вздохнуть, но недостаточно, чтобы позвать на помощь. Лоример позволил ей сделать глоток-другой воздуха и снова сдавил горло.

Они стояли посреди запертого номера. Женщина, прижатая спиной к его груди, задрожала всем телом, ее ноги подкосились от ужаса, и она начала сползать на пол.

— Стоять прямо, — скомандовал Лоример.

Она подчинилась, как послушная девочка.

— Это займет всего лишь минуту, — произнес он.

Он должен был сделать это, он хотел это сделать, но в то же время в глубине души жаждал продлить божественный момент власти над другим человеком, согревающее сердце ощущение чужого страха. Несомненно, самое замечательное чувство на свете. Его любимое чувство.

Однако нужно было выполнить свою работу.

С легким сожалением он вытащил из кармана маленький, остро заточенный перочинный нож. Вытянул руку и быстрым, почти ритуальным движением воткнул лезвие в горло. Задержал его на короткое, мучительно сладкое мгновение, слушая, как разрывается трахея. Затем резко полоснул, разрезая сонную артерию, точно так же, как режут свиней. Когда женщина забилась в агонии, он оттолкнул ее и отступил на шаг. Она повалилась вперед, в противоположную от него сторону, и кровь тоже хлынула в правильном направлении. Было бы неприятно испачкать такой замечательный костюм, очень неприятно. Кое-кому это не понравилось бы.

Она ударилась головой о ковер, не очень громко. Соседи снизу могли бы подумать, что это просто уронили стул. Альбан с большим интересом наблюдал за конвульсиями, пока смерть не победила и жертва не истекла кровью.

Он опять посмотрел на часы: семь часов сорок минут. Schön[20].

Опустившись на колени, как для молитвы, он вытащил из кармана кожаный футляр, раскрыл его, положив на ковер, достал необходимые инструменты. И принялся за работу.

Было бы неплохо успеть к восьми часам в «Старбакс» и насладиться чашечкой двойного латте.

2

…Наконец все становится ясным, и мужчина криво усмехается. Он снимает пистолет с предохранителя и прицеливается.

— Auf Wiedersehen[21]*, — произносит он.*

Усмешка становится еще шире. Он наслаждается моментом.

Девушка что-то ищет в своей сумке, находит и судорожно стискивает:

— Подождите… документы. Они у меня.

Мужчина с сомнением смотрит на нее.

— Бумаги… Лауфера, — наугад называет она имя, мельком увиденное на одном из документов.

— Этого не может быть. Лауфер мертв.

Выражение беспощадной уверенности на лице нациста сменяется озадаченностью, тревогой.

Ее пальцы сжимают пачку писем, едва не разрывая их. Она приподнимает документы над краем сумки, ровно настолько, чтобы стала видна черная свастика на фирменном бланке.

Мужчина нетерпеливо шагает вперед и протягивает руку. Но среди смятых бумаг прячется газовый баллончик, который девушка нащупала, делая вид, что ищет письма. Как только мужчина наклоняет голову, чтобы забрать бумаги, она пускает струю ядовитого газа ему в глаза.

Он невнятно вскрикивает и поднимает руки к лицу. Затем падает на спину, роняя пистолет. Бумаги разлетаются по полу. Девушка собирает их, ногой отбрасывает баллончик в сторону и бежит к двери, проскакивает через напоминающую алтарь комнату к лестнице, мчится по ней вниз, перепрыгивая через две ступеньки, хотя неподъемный рюкзак камнем давит на плечи. Здесь все и начинается: головокружение, тяжесть в ногах, словно схваченных внезапным параличом. Сверху доносятся резкие гортанные звуки немецкой речи. И стук шагов.

Она мчится мимо мастерских, мимо спален, непрерывно слыша

позади тяжелый топот. Не успев перевести дух, спускается на первый этаж. От страха ее движения кажутся ей странно замедленными, как во сне. Девушка подбегает к парадной двери и хватается за ручку.

Заперто. И все окна на первом этаже перегорожены решетками.

Она оборачивается, и тут раздается выстрел, от дверной рамы отлетает щепка. Девушка бросается в гостиную, пробегает мимо большого застекленного шкафа, будто специально отодвинутого от стены, чтобы удобней было его опрокинуть. Упирается спиной в стену, хватается за край деревянной панели на стене и, как только мужчина вбегает в комнату, толкает шкаф обеими ногами, опрокидывая его на преследователя. Тот пытается увернуться, но на него сверху обрушиваются посуда, книги и хрусталь. Как в замедленной съемке. Край шкафа все-таки ударяет мужчину по колену, и он падает на пол, рыча от боли и ярости.

Перепрыгнув через шкаф, девушка выбегает из гостиной. Звучит новый выстрел, она внезапно чувствует толчок в бок, и обжигающий приступ боли едва не валит ее с ног.

Она почти скатывается вниз по лестнице в подвал, обегает валяющуюся на полу кучу книг, взбирается на стул и выскакивает наружу через открытое окно. Сверху слышится топот: мужчина снова бежит за ней, но уже медленней, припадая на одну ногу.

Девушка несется мимо растущих во дворе айлантов к небольшому столику, стоящему возле восьмифутовой кирпичной стены, взбирается на него, отталкивается ногами, запрыгивает на ограду, переваливается через нее и приземляется на заднем дворе дома своей подруги Мэгги.

Здесь она останавливается и прислушивается. Вокруг тишина. Но ей все равно нужно бежать дальше. Она пересекает двор, заходит на кухню Мэгги и закрывает за собой дверь, не зажигая света.

Час ночи: Мэгги еще рано возвращаться с работы. Девушка обследует свою кровоточащую рану и с облегчением понимает, что это всего лишь царапина, пуля просто содрала кожу.

Она пробирается через пустой темный дом к парадному входу. Осторожно, очень осторожно открывает дверь и осматривается.

На Ист-Энд-авеню тихо, немногочисленные автомобили неспешно катят мимо в мягком свете фонарей. Девушка закрывает дверь и бежит по тротуару в северном направлении, ища глазами свободное такси. Болит раненый бок, плечи ломит под тяжестью рюкзака. И ни одного такси вокруг.

Затем это все-таки случается. Точно так же, как и в прошлый раз: визг тормозов, хлопки автомобильных дверей, грохот приближающихся шагов.

— Halt! — слышится отрывистый приказ. — Hände hoch![22] *К ней подбегает мужчина с пистолетом в руке.*

С приглушенным криком отчаяния девушка бросается в открытую дверь круглосуточной закусочной. Даже в этот поздний час там полно людей, стоящих в очереди в кассу или выбирающих себе закуски. Она бежит сквозь толпу, сшибая штабель банок с консервами, опрокидывая салатную стойку, отчего закуски разлетаются во все стороны, — но это не задерживает преследователя. Отовсюду доносятся возмущенные возгласы. Она проносится через кухню, замечает у правой стены проход в другой зал, большой и темный. Видимо, в смежном помещении располагается ресторан. Она устремляется туда, проскакивает между рядами столов с белыми скатертями, поджидающих утренних посетителей, затем открывает входную дверь и снова оказывается на Ист-Энд-авеню, в пятидесяти метрах от того места, откуда только что убежала.

Девушка затравленно озирается. Такси по-прежнему не видать. У нее в запасе всего несколько минут или даже секунд, пока снова не появятся нацисты. Она приглядывается к зелени Карл-Шурц-парка на противоположной стороне улицы и замечает рядом с ним кирпичную стену с закрытыми воротами, а дальше — большое желтое здание типичного федерального стиля.

Особняк Грейси[23]

Она бросается через улицу и взбирается по решетчатым воротам на стену. Ей известно, что мэр не живет в этом особняке, предпочитая собственную роскошную квартиру, но дом все равно должен тщательно охраняться.

Обернувшись, она видит, как второй нацист выбегает из закусочной и, заметив ее, кидается в погоню.

Проклиная свою медлительность, девушка сползает по стене и несется со всех ног к особняку. Окна здания погружены в темноту, но фасад купается в лучах прожекторов. Возле угла дома стоит человек в форме полицейского, и девушка бежит к нему.

— Офицер, — произносит она, пытаясь дышать как можно ровнее и сдвинув рюкзак так, чтобы закрыть кровавое пятно на боку. — Не подскажете, как мне добраться до Таймс-сквер?

Полицейский смотрит на нее как на сумасшедшую.

Девушка подходит ближе, так чтобы оказаться в пространстве между ним и особняком.

— Я заблудилась и хочу вернуться в свой отель. Вы не поможете мне?

Нацист из-за ворот внимательно наблюдает за ней.

Полицейский с хмурым видом спрашивает:

— Мисс, вы представляете, где сейчас находитесь?

— Э-э… в Центральном парке?

Полицейский больше не сомневается, что она приняла наркотик.

— Это частная территория. И вы проникли сюда незаконно. Боюсь, вам придется пройти со мной.

— Хорошо, офицер.

Она идет рядом с ним вдоль фасада дома. Потом оглядывается и видит, что нацист исчез. Теперь нужно убежать и от полицейского — девушка не может допустить, чтобы ее имя попало в официальный протокол. Они приближаются к восточному крылу особняка. Полицейский открывает ключом ворота и ведет ее к машине. Она понемногу отстает, а затем внезапно бросается к деревьям, растущим на краю парка.

— Эй! — кричит полицейский. — Вернитесь немедленно!

Но девушка и не думает останавливаться. Она продолжает бежать мимо деревьев парка, по пустынным улицам и темным авеню, пока наконец не чувствует, что ее сердце готово разорваться…

Кори проснулась от сдавленного крика. На мгновение она

растерялась, не сразу сообразив, где находится. Она посмотрела на обшарпанные стены и закрытую дверь прямо у себя перед носом, вдохнула запах засохшего дерьма, и воспоминания нахлынули на нее. Кори уснула в кабинке женского туалета на Пеннстейшн. Она опять видела сон… тот самый ужасный, отвратительный сон, который на самом деле не был сном, потому что это произошло наяву две недели назад.

Она затрясла головой, пытаясь рассеять пелену страха. Прошло две недели. И ничего не случилось. Разумеется, теперь она в безопасности.

Кори встала. Ноги отказывались повиноваться. Она проспала, сидя на унитазе, не меньше шести часов. Хорошо хоть, что царапина зажила и бок больше не болел. Выйдя из кабинки, Кори вымыла лицо и руки, почистила зубы и причесала волосы. Зубную щетку и расческу она купила в аптеке «Дуэйн-Рид». Отражение в зеркале ее не порадовало. Две недели жизни на улице и немного грима превратили ее в грязную бездомную наркоманку.

Было шесть часов пополудни, и на Пенн-стейшн царила неразбериха — как и рассчитывала Кори. Последние две недели она передвигалась исключительно в толпе. Ее глаза рыскали по сторонам, проверяя каждого, кто мог шпионить за ней, особенно опасаясь встретить жесткое лицо, прикрытое темными очками. Кори стала настоящей бездомной, прячущейся на станциях метро или в церкви, спящей на скамейке в парке или в дорожных тоннелях, питающейся остатками бигмаков, которые извлекала из мусорных баков после закрытия «Макдоналдса». Было очевидно, что она столкнулась с могущественной тайной нацистской организацией. Только так можно объяснить все эти конспиративные квартиры со сложной аппаратурой и канцелярией, а также упорство, с каким ее преследовали эти люди. Они знали, что Кори украла документы.

Возможно, это уже была паранойя, но Кори не сомневалась: они пойдут на все, чтобы выследить и убить ее.

Наверное, стоило обратиться в полицию. Но тогда ей пришлось бы сознаться в краже со взломом — уголовном преступлении, которое поставило бы крест на ее юридической карьере, еще толком не успевшей начаться. Наконец, ей могли просто не поверить. Или нацисты могли перебраться в другое место. Какой здравомыслящий человек способен представить, что в двадцать первом веке они

преспокойно творят свои черные дела в центре Манхэттена?

Она несколько раз пыталась связаться с Пендергастом, но безуспешно. Двери в особняке на Риверсайд-драйв были заперты. Кори уже привыкла к тяжести рюкзака, но постоянно напоминала себе о необходимости передать документы агенту ФБР. Она чувствовала, что они очень важны, но, не зная немецкого языка, не могла в этом убедиться.

Несколько раз она подходила к своему дому и не замечала ничего подозрительного. Кори надеялась, что нацисты так и не узнали, кто она такая.

Но успокаиваться было рано. Так или иначе, она должна передать бумаги Пендергасту и рассказать ему обо всем. Теперь она направлялась к его квартире в «Дакоте».

Кори спустилась в метро на Восьмой авеню. На перроне собралась толпа, вот-вот должен был подойти поезд. Она отошла в дальний конец платформы, дожидаясь, когда поезд извергнет из себя орды пассажиров, тут же проглотит новых и поедет дальше, а вышедшие из вагонов люди поднимутся наверх или к переходу на линию, ведущую на Лонг-Айленд и в Нью-Джерси. Наконец перрон опустел. Оглянувшись в последний раз, Кори села на край платформы, осторожно спустилась с нее, а затем пошла вслед за ушедшим поездом и вскоре пропала в темноте тоннеля.

3

С давних пор лейтенант Винсент д’Агоста взял себе за правило опаздывать на любой вызов в клинику судебной медицины на Восточной Двадцать шестой улице. Он нашел отличную дорогу, на которой постоянно попадались замечательные препятствия, но, несмотря на все задержки, лейтенант появлялся на месте, когда вскрытие еще не закончилось, и вынужден был присутствовать на его заключительном, наиболее неприятном этапе. Ему говорили, что он в конце концов привыкнет к этому.

Однако д’Агоста так и не привык.

Он знал, что на этот раз будет еще хуже, чем обычно. Молодую женщину, специалистку по информационным технологиям, приехавшую в командировку из Бостона, убили и расчленили в номере роскошного отеля. Камеры наблюдения зафиксировали убийцу, словно сошедшего с обложки модного журнала, и жертву не менее привлекательной внешности. Мотив преступления, имеющего все признаки убийства ради удовольствия, а также, возможно, и сексуальный подтекст, гарантировал повышенное внимание прессы к этому расследованию. Даже «Таймс» опубликовала сообщение.

В определенном смысле, хотя лейтенант и не желал в этом признаваться, он был доволен новым заданием. Капитан поручил расследование именно ему, назначил руководителем группы. Это было его преступление, можно сказать, его дитя.

Подходя к зданию с известным изречением над парадным входом: «Taceat colloquia. Effugiat risus. Hic locus est ubi mors gaudet succurrere vitae»[24], д’Агоста подумал о том, какие позитивные изменения произошли в его жизни. Душевные раны полностью зажили, отношения с Лорой Хейворд постепенно налаживались, бывшая жена больше не мешала регулярно видеться с сыном, а дисциплинарные взыскания и неблагонадежный послужной список остались в далеком прошлом. Единственной нерешенной проблемой оставался Пендергаст и поиски человека, похитившего его супругу. Но уж кто-кто, а агент ФБР мог сам позаботиться о себе.

Мысли лейтенанта вернулись к предстоящему делу. Это был не просто шанс, а знаменательная веха в его карьере, начало нового

этапа. Возможно, первый шаг к званию капитана.

Размышляя таким образом, он прошел по центральному коридору, показал дежурной медсестре свой жетон, зарегистрировался и направился в кабинет 113. Он набросил медицинский халат, затем открыл дверь и убедился, что, как всегда, превосходно рассчитал время появления.

Расчлененный труп лежал на каталке. На другой находились отделенные части тела, выложенные с военной точностью, а также пластиковые контейнеры с различными внутренними органами, удаленными при вскрытии.

Судмедэксперт подержала в руке последний из таких объектов — печень — и поместила ее в контейнер.

Рядом с трупом стояли двое других членов только что созданной следственной группы: Барбер, следователь из полицейского участка, в котором произошло преступление, и парень из отдела по выявлению скрытых отпечатков, со странной фамилией, которую лейтенант никак не мог запомнить. Барбер находился в обычном для себя хорошем настроении, наблюдая за происходящим с выражением детского удивления в карих глазах. У парня из отдела — черт возьми, как же все-таки его зовут? — был вид человека, знающего больше всех. Оба они ужасно раздражали д’Агосту, не выносящего этих тошнотворных подробностей. Как они умудряются сохранять спокойствие?

Лейтенант старался подолгу не задерживать взгляд на неприятных деталях и, пока это удавалось, чувствовал себя довольно сносно: утром, к неудовольствию своей подруги Лоры, он отказался от любимого завтрака — французских тостов, а также от апельсинового сока и даже кофе, ограничившись стаканом итальянской минеральной воды.

Д’Агоста кивнул коллегам, шепотом поздоровался. Судмедэксперта, диктовавшую в микрофон результаты вскрытия, он не узнал. Разглядеть ее как следует пока не получалось, но лейтенант не мог не признать, что она молода и красива, хотя держится слишком напряженно.

— Доктор? Я — лейтенант д’Агоста, руководитель следственной группы, — представился он.

— Доктор Пиццетти, — ответила она. — Ваш новый

судмедэксперт.

Итальянка. Это доброе предзнаменование. А слово «новый» полностью объясняло ее нервозность.

— Когда у вас появится возможность, введите меня в курс дела, доктор Пиццетти, — попросил он.

— Конечно.

Она начала собирать вместе части тела, диктуя последние выводы. Тело лежало на каталке, будто небрежно собранный пазл, и судмедэксперт выровняла плохо прилегающие фрагменты, перемешанные во время вскрытия, возвращая останкам человеческую форму. Закрепила крышки на еще открытых контейнерах. Затем ассистент что-то сказал ей низким голосом и передал длинный, зловеще выглядевший шприц.

Дагосте едва не сделалось дурно. Что это за штуковина? Он ненавидел иглы.

Пиццетти склонилась над головой трупа. Череп был уже вскрыт, мозг удален. Разве этого недостаточно? Что, черт возьми, она собирается делать?

Она протянула руку, открыла пальцами глаз убитой женщины и вставила в него иглу.

Д’Агосте нужно было поскорей отвернуться, но он не успел, и вид иглы, погружающейся в ярко-голубой немигающий глаз, подействовал на него самым неприятным образом. Обычно образцы глазной жидкости берут в начале вскрытия, а не в конце.

Он притворился, будто бы закашлялся, отводя глаза в сторону от неприятного зрелища.

— Мы почти закончили, лейтенант, — сообщила Пиццетти. — Просто нам понадобился еще один токсикологический анализ. Первого оказалось недостаточно.

— Хорошо. Никаких проблем.

Она выбросила иглу в мешок для мусора и передала заполненный желтовато-оранжевой жидкостью шприц ассистенту. Затем выпрямилась и оглянулась. Стянула с рук перчатки, выбросила их в тот же мешок, сняла маску и микрофон. Ассистент протянул ей планшет.

Она все еще была напряжена. Сердце д’Агосты смягчилось: молодой, начинающий врач, вероятно, первое самостоятельное вскрытие, волнуется, как бы не наделать ошибок. Но, судя по тому, что он видел перед собой, работа была выполнена отменно.

Пиццетти начала монотонно перечислять данные: рост, вес, возраст, причина смерти, особые приметы, старые травмы, состояние здоровья, перенесенные болезни, патологии. Голос у нее был приятный, хотя все еще несколько нервный. Парень, занимающийся отпечатками, делал пометки в блокноте. Д’Агоста просто слушал, полагаясь на память; при записи он порой пропускал важные подробности.

— Смертельной была только одна рана — в горло, — говорила Пиццетти. — Частичек ткани под ногтями не обнаружено. Токсикологический анализ дал отрицательный результат. Никаких признаков борьбы.

Она продолжала подробно описывать глубину и особенности структуры раны, угол удара. «Это был хорошо подготовленный, умный убийца», — думал д’Агоста, слушая рассказ о том, как эффективен был удар ножом с обоюдоострым лезвием длиной приблизительно в четыре дюйма, как быстро вытекла кровь.

— Смерть наступила не позднее тридцати секунд после удара, — закончила Пиццетти. — Остальные повреждения нанесены уже безжизненному телу.

Она на мгновение прервалась.

— Тело было расчленено при помощи пилы «Страйкер», возможно точно такой же. — Она указала на подставку с инструментами, стоявшую возле трупа. — Клиновидное лезвие пилы приводится в движение сжатым воздухом. Она специально предназначена для разрезания костей, но немедленно прекращает работу, соприкоснувшись с мягкой тканью. Такая конструкция инструмента необходима для того, чтобы не допустить распыления кости или жидкости. Тот, кто им воспользовался, должен быть специалистом. Очень опытным.

Она снова сделала паузу.

Д’Агоста откашлялся. Ком в горле не провалился ниже, но, по крайней мере, больше не грозил вырваться наружу.

— Значит, преступник мог быть патологоанатомом или хирургом? — спросил он.

Доктор Пиццетти ответила не сразу:

— Это не моя обязанность — делать предположения.

— Я просто хотел услышать непредвзятое мнение, доктор. Не научно обоснованный вывод. Я не настаиваю. Ну так как?

Он старался говорить мягко, спокойно, чтобы она не чувствовала никакой угрозы для себя.

Пиццетти все еще сомневалась, и д’Агоста начал понимать, почему она так напряжена: у нее у самой возникли подозрения, что убийца — ее коллега.

— Мне кажется, этот человек проходил профессиональную подготовку, — быстро проговорила она.

— Благодарю вас.

— Преступник также использовал скальпель, чтобы разрезать плоть до костей, и ранорасширители — мы нашли отметины от крючков. И как я уже сказала, «Страйкер», чтобы распилить саму кость. Все разрезы проведены очень точно, ни одного лишнего движения, ни одной ошибки. Словно хирург, делающий ампутацию. За исключением того, разумеется, что он не пережал сосуды и не прижег их.

Пиццетти откашлялась и продолжила:

— Тело расчленено симметрично: один разрез на три дюйма ниже колена, другой — на три дюйма выше; один разрез на два дюйма выше локтя, другой — на два дюйма ниже. Затем были удалены уши, нос, губы, подбородок и язык. С той же хирургической точностью.

Она указала на части тела, размещенные на второй каталке. Чисто вымытые органы казались восковыми слепками или элементами клоунского наряда.

Д’Агоста почувствовал, что комок в горле начинает подниматься. Боже, кажется, и этот стакан минеральной воды был ошибкой.

— А потом он сделал вот это.

Она указала на фотографию размером восемь на десять дюймов, прикрепленную к стенду вместе с другими сделанными на месте преступления. Д’Агоста уже видел это в отеле, но и сейчас непроизвольно напрягся.

На животе жертвы было написано кровью:

Гордишься мной?

Д’Агоста оглянулся на специалиста по отпечаткам — как же его зовут? Сейчас его время выйти на арену, и по блеску в глазах лейтенант догадался, что парню есть о чем рассказать.

— Так… э-э… мистер…

— Кугельмейер, — поспешно ответил тот. — Спасибо. Итак, мы получили практически полный набор отпечатков. Правый и левый большие пальцы, правый и левый указательные, правый безымянный, отдельные участки ладони. И два превосходных отпечатка прямо на надписи, которая, несомненно, была сделана левым указательным пальцем.

— Очень хорошо, — признал д’Агоста.

Даже лучше, чем он предполагал. Убийца действовал с ужасающей небрежностью. Позволил своему лицу попасть в объективы десятка камер наблюдения, оставил повсюду отпечатки. С другой стороны, на месте преступления не нашлось ни единой капельки его слюны, спермы, пота, крови или какой-нибудь другой жидкости. Естественно, на ковре обнаружили множество волосков — это ведь номер отеля, — но на них большой надежды не было. Никаких следов укуса на теле жертвы, никаких царапин — ничего, что позволило бы определить ДНК преступника. Однако эксперты взяли мазки отовсюду, откуда только смогли, и надеялись, что лабораторный анализ даст положительный результат.

Пиццетти рассказывала дальше:

— Не выявлено никаких следов сексуального насилия или домогательств. Жертва только-только приняла душ, что упростило бы нам задачу их нахождения.

Д’Агоста уже открыл рот, собираясь задать вопрос, как вдруг позади раздался знакомый голос:

— Так-так, а это уж не лейтенант ли д’Агоста к нам пожаловал? Как жизнь, Винни?

Он повернулся и увидел внушительную, как у игрока в американский футбол, фигуру доктора Матильды Зивич, главного судебно-медицинского эксперта Нью-Йорка.

Растянутые в циничной усмешке ярко накрашенные губы, пышные светлые волосы, скрытые под огромным медицинским беретом, сшитый на заказ, но все равно тесноватый операционный костюм. Она была малопривлекательна, саркастична, вызывала благоговейный ужас у подчиненных, но при этом оставалась лучшим специалистом и прирожденным руководителем. Нью-Йоркской клинике судебной медицины никогда прежде так не везло с главным врачом.

Доктор Пиццетти напряглась еще сильнее.

Зивич махнула рукой:

— Продолжайте-продолжайте, не обращайте на меня внимания.

На нее невозможно было не обращать внимания, но Пиццетти, сделав над собой усилие, возобновила доклад о предварительных результатах вскрытия, существенных и не очень. Зивич слушала с большим интересом, а затем, заложив руки за спину, начала мучительно медленно обходить вокруг каталок, сначала одной — с трупом, потом другой — с вырезанными частями тела, внимательно изучая их и кривя губы.

Несколько минут спустя она хмыкнула низким голосом, в котором одновременно слышалось и одобрение, и недовольное ворчание.

Пиццетти замолчала.

Зивич выпрямилась и подошла к д’Агосте:

— Лейтенант, вы помните то давнее убийство в музее?

— Разве можно забыть такое?

Тогда он в первый раз имел дело с этой великаншей, задолго до того, как ее назначили главным судмедэкспертом.

— Никогда бы не подумала, что снова столкнусь с таким же необычным случаем. Но сегодня… — Она обернулась к Пиццетти: —

Вы кое-что пропустили.

Молодая женщина замерла:

— Пропустила? Что?

Зивич кивнула:

— Что-то важное, решающее. Одну деталь, которая возносит интерес к этому случаю… — она протянула вверх пухлую руку, — к небесам.

Последовала долгая мучительная пауза. Затем Зивич повернулась к д’Агосте:

— Лейтенант, вы меня удивили.

Д’Агоста почувствовал, что не расстроен этим заявлением, а скорее заинтригован:

— Вы нашли там следы когтей?

Зивич покачала головой и мелодично рассмеялась:

— А вы забавный. — Пока все обменивались озадаченными взглядами, она обернулась к Пиццетти: — Хороший судмедэксперт не делает никаких предварительных заключений до начала вскрытия.

— Да, — согласилась Пиццетти.

— Но вы сегодня поступили именно так.

По лицу молодой женщины стало заметно, что она близка к панике.

— Мне кажется, это не так. Я оценивала лишь то, что видела.

— Вы попытались, но не сумели. Видите ли, доктор, вы полагали, что имеете дело… с одним трупом.

— При всем уважении к вам, доктор Зивич, вы ошибаетесь. Я обследовала каждый разрез и проверяла, не произошло ли подмены. Все части тела идеально подходят друг к другу. Все они принадлежат этому трупу, а не взяты от другого.

— Или такими выглядят. Но вы не провели полную инвентаризацию.

— Инвентаризацию?

Тяжелая туша Зивич переместилась ко второй каталке, где были

выложены промытые части тела. Она указала на один небольшой фрагмент:

— Что это, по-вашему?

Пиццетти наклонилась и присмотрелась:

— Часть… губы, я думаю.

— Думаете.

Зивич выбрала из набора пинцетов на столе самый длинный и осторожно подцепила им фрагмент. Поместила на предметный столик стереомикроскопа, включила подсветку и подозвала Пиццетти.

— Что вы видите? — спросила она.

Пиццетти посмотрела на стереоизображение:

— Это все еще выглядит как часть губы.

— А хрящ вы заметили?

Младший медэксперт долго возилась с пинцетом.

— Да, совсем крошечный.

— А теперь повторяю вопрос: что это, по-вашему?

— Раз это не губа, значит… ухо. Это мочка уха.

— Очень хорошо.

Пиццетти выпрямилась, лицо ее превратилось в неподвижную маску. От нее явно ожидали чего-то большего, и через мгновение она подошла к каталке и уставилась на два уха, лежавшие, словно морские раковины, на столе из нержавеющей стали.

— Мм, оба уха на месте, и оба целые, без каких-либо повреждений. — Она умолкла, вернулась к стереомикроскопу и еще раз посмотрела в окуляры, поправляя фрагмент кончиками пинцета. — Не уверена, что это ухо преступника.

— Точно?

— Мочка не оторвана и не срезана в результате борьбы, — тщательно выговаривая слова, ответила Пиццетти. — Скорее всего, она удалена хирургическим путем, при помощи скальпеля.

Д’Агоста вспомнил один непонятный момент, который

заинтересовал его в записях камер наблюдения. Он покашлял, привлекая внимание:

— Позвольте заметить, что у преступника был небольшой пластырь на мочке левого уха.

— Боже мой, — вырвалось у Пиццетти после ошеломленного молчания, вызванного его словами. — Вы хотите сказать, что он сам отрезал себе ухо и подложил на место преступления?

— Превосходный вопрос, доктор, — усмехнулась Зивич.

Снова надолго наступила тишина, и наконец Пиццетти произнесла:

— Я распоряжусь, чтобы провели полный анализ: микроскопический, токсикологический, ДНК и прочее.

Доктор Зивич, удовлетворенно улыбаясь, сняла перчатки и маску и бросила их в мешок для мусора.

— Очень хорошо, доктор Пиццетти. Вы реабилитировали себя. Удачного вам дня, леди и джентльмены.

И она вышла из комнаты.

4

Доктор Джон Фелдер поднимался по ступеням крыльца обширного особняка, построенного в готическом стиле. Стояло великолепное для поздней осени утро. Воздух был хрустящим, словно чипсы, небо — безоблачно-голубым. Стены здания недавно были тщательно вымыты, и старая кирпичная кладка чуть ли не сияла в солнечных лучах. Даже черные решетки на украшенных лепным орнаментом окнах блестели, как полированные. Единственной вещью, не отмытой до зеркального блеска, оставалась бронзовая табличка на фасаде:

«Больница «Маунт-Мёрси» для душевнобольных преступников».

Фелдер постучал в парадную дверь и подождал, пока ему откроют. За дверью оказался сам доктор Остром, директор «Маунт-Мёрси». Фелдер сделал вид, что не заметил хмурого и холодного выражения на лице Острома, который явно не испытывал особой радости от встречи с ним.

Директор посторонился, пропуская Фелдера, а затем кивнул охраннику, и тот немедленно снова запер дверь.

— Доктор Остром, — произнес вошедший. — Спасибо за разрешение посетить вашу больницу.

— Я пытался связаться с Пендергастом, чтобы согласовать с ним ваш визит, — сказал Остром. — Однако не застал его. И у меня не нашлось веских причин, чтобы и дальше тянуть с рассмотрением просьбы, учитывая ваш статус судебного психиатра. — Он проводил Фелдера к дальней стене холла и добавил, понизив голос: — Однако у нас существует несколько правил для посетителей, и вы обязаны их соблюдать.

— Разумеется.

— Длительность беседы не должна превышать десяти минут.

Фелдер кивнул.

— Вам не следует понапрасну нервировать пациента.

— Нет, конечно же нет.

— И никаких посторонних, не относящихся к делу разговоров.

— Доктор, я вас умоляю.

Фелдер замолчал, словно одно лишь напоминание об этом причиняло ему боль.

С удовлетворенным видом Остром заключил:

— Вы найдете ее в той же палате, что и прежде. Хотя мы и предприняли меры для повышения безопасности.

Они проследовали за санитаром по длинному коридору, по обеим сторонам которого располагались непронумерованные двери. У Фелдера холодок пробежал по спине. Всего две недели прошло с того дня, когда в этих же стенах он испытал самое страшное унижение в своей карьере. По его вине из «Маунт-Мёрси» сбежал пациент. «Нет, не сбежал, — напомнил он сам себе, — а был похищен человеком, выдававшим себя за коллегу-психиатра». От этих воспоминаний лицо Фелдера залила краска стыда. Он сам клюнул на эту приманку. Если бы пациента не удалось быстро вернуть на место, карьера доктора оказалась бы под угрозой. Как бы там ни было, но его все же отправили в принудительный отпуск. Это была оплошность, непростительная оплошность. И вот он снова здесь. Почему его так тянет к этому пациенту, как мотылька на пламя свечи?

Санитар отпер тяжелую стальную решетку, и они продолжили путь по другому нескончаемому коридору, отзывавшемуся на каждый шаг гулким эхом. Наконец остановились возле двери, ничем не отличимой от прочих, за исключением того, что рядом с ней стоял охранник. Остром обернулся к Фелдеру:

— Хотите, чтобы я присутствовал при разговоре?

— Спасибо, но в этом нет необходимости.

— Тем лучше. И помните: десять минут.

Ключом, висевшим на тяжелой цепи, Остром отпер дверь, затем приоткрыл ее.

Фелдер зашел в комнату. Дверь захлопнулась, и он какое-то время простоял неподвижно, дожидаясь, пока глаза привыкнут к тусклому освещению. Постепенно очертания предметов начали приобретать четкость: кровать, стол и стул с привинченными к полу ножками, пластиковый цветочный горшок, книжный шкаф, теперь заставленный старинными тяжелыми томами, многие из которых

имели кожаный переплет. За столом сидела Констанс Грин. В руках у нее не было книги или письма, она сидела неестественно прямо, в напряженной позе. Возможно, она о чем-то задумалась; во всяком случае, Фелдер не заметил в ее глазах пустого, отсутствующего выражения. Наоборот, она посмотрела на него холодным пристальным взглядом. Доктор непроизвольно вздохнул с облегчением.

— Констанс, — произнес он, остановившись перед столом с опущенными по швам руками, как примерный школьник.

Женщина откликнулась не сразу.

— Доктор Фелдер, — едва заметно кивнула она.

Он готовился к этой встрече две недели. Но сейчас, при первых же звуках ее глубокого низкого голоса, все заранее заготовленные слова куда-то подевались.

— Послушайте, Констанс, я просто хотел сказать, что… да, я очень сожалею. Простите меня за все.

Женщина встревоженно посмотрела на него, но не ответила.

— Я сознаю, сколько боли и страданий — и унижений — доставил вам, но благодаря вам я понял, что больше всего на свете боюсь навредить пациенту.

«Особенно такому уникальному пациенту, как вы», — добавил он мысленно.

— Ваши извинения приняты, — сказала Констанс.

— В своем стремлении помочь вам я потерял осторожность. Позволил обмануть себя. Как, в сущности, обманули и всех остальных.

Эту попытку самооправдания женщина оставила без ответа.

Тогда он спросил заботливым тоном:

— Как вы себя чувствуете, Констанс?

— Хорошо, насколько это возможно в моем состоянии.

Фелдер внутренне содрогнулся. На мгновение в комнате повисла тишина, пока он обдумывал, что следует сказать дальше.

— Я совершил страшную ошибку, — признался он. — Она меня

многому научила. И напомнила о том, о чем я действительно забыл. Тот принцип, которому нас учили в медицинской школе: не существует короткой дороги к полному выздоровлению.

Констант немного подвинулась на стуле, держась за него правой рукой. Фелдер заметил пластырь на большом пальце.

— Не стану отрицать, что меня особо интересует именно ваш случай, — продолжил он. — Уверен, что ни один врач не отнесется к вашей болезни с большим сочувствием, чем я.

На лице женщины появилась мимолетная холодная улыбка.

— Болезни, — повторила она.

— Я хотел спросить: согласны ли вы продолжить прерванное лечение? Начать все сначала в обстановке…

— Нет, — прервала его Констанс тихим голосом, в котором слышалось столько металла, что Фелдер замолчал и нервно сглотнул слюну.

— Простите?

Она заговорила спокойно, но твердо, не отводя взгляда:

— Как вы могли даже заикнуться о продолжении вашего так называемого лечения? Из-за вашей беспечности меня похитили отсюда. Из-за вашего желания самостоятельно работать с необычным пациентом я оказалась в плену и едва не погибла. Не оскорбляйте меня заявлениями, будто бы я как-то виновна в ваших ошибках. Неужели вы полагаете, что я смогу снова довериться вам и откажусь от традиционного лечения? Если, конечно, допустить, что я действительно нуждаюсь в лечении. Возмутительная самонадеянность!

Ее возбуждение спало так же быстро, как и возникло. Фелдер хотел что-то ответить, но передумал. Возразить было нечего.

Настойчивый стук нарушил тишину.

— Доктор Фелдер? — послышался из-за двери голос Острома. — Ваши десять минут истекли.

Фелдер попытался что-нибудь сказать на прощание, но не справился с собственным голосом. Он коротко кивнул и направился к двери.

— Доктор Фелдер, — тихо окликнула его Констанс.

Он обернулся.

— Наверное, я чересчур резко говорила с вами. Вы можете навещать меня время от времени, если захотите. Но просто как мой знакомый, а не врач.

Фелдер вдруг почувствовал невероятное облегчение… и благодарность.

— Спасибо вам, — сказал он, сам удивляясь внезапному наплыву эмоций, и вышел в освещенный намного ярче коридор.

5

Д’Агоста должен был к часу дня явиться в главный конференц-зал департамента полиции в Уан-Полис-Плаза. Он совершил большую ошибку, сразу после наблюдения за вскрытием выпив три чашки двойного кофе и съев два куска кекса с хрустящей корочкой в «Старбаксе», и теперь у него в животе происходил странный процесс, не имеющий ничего общего с нормальным пищеварением.

Без пяти минут час. Боже, день обещал быть очень долгим. Несмотря на некоторый прогресс в деле, лейтенанта не покидали дурные предчувствия. Очень дурные. Он опять задумался над тем, в какую чертову дыру провалился Пендергаст. Д’Агоста хотел просто обсудить с ним ход дела, послушать его мнение. Этот случай как раз для него. Проктор, вернувшийся из больницы в особняк на Риверсайд-драйв, ничего не знал о хозяине. У Констанс тоже не было никаких новостей. К телефону квартиры в «Дакоте» никто не подходил, а мобильник Пендергаста, очевидно, до сих пор так и не заработал.

Д’Агоста покачал головой. Незачем так волноваться: Пендергаст часто куда-нибудь пропадает, никого не предупредив.

Пора идти. Д’Агоста взял папку и ноутбук, поднялся из-за стола и направился в конференц-зал. Свыше тридцати сотрудников были подключены к этому делу средней степени важности. Особо важными делами занималось обычно вдвое больше народа. Но все равно их слишком много, и у каждого наверняка есть что рассказать. Совещание может занять целый день, но его необходимо провести. Каждый должен быть в курсе того, что удалось выяснить другим. И как показывает практика, сколько бы ты ни уговаривал и ни угрожал, ничто не заставит полицейского просто сидеть и читать отчет. Это будет настоящий митинг.

Он опоздал на несколько минут и обрадовался, увидев, что все уже собрались. Атмосфера в зале была неспокойной, все явно ожидали чего-то необычного. Как только наступила тишина, д’Агоста услышал зловещее бурление в собственном животе. Он поднялся к кафедре, установленной на колесной подставке возле демонстрационного экрана. Оглядев зал, он сразу заметил начальника детективов Синглтона. Капитан сидел в первом ряду вместе со своим

помощником по округу Манхэттен и другими важными шишками.

В животе опять забурлило. Д’Агоста положил папку на кафедру, дождался тишины и произнес заранее заготовленную фразу:

— Должно быть, все уже знают, что я — лейтенант д’Агоста, руководитель следственной группы.

Он кратко изложил суть дела об убийстве, а затем вызвал первого из составленного собственноручно списка:

— Кугельмейер, отпечатки пальцев.

Кугельмейер подошел к кафедре, на ходу застегивая приобретенный не иначе как в «Уолмарте»[25] пиджак отвратительного коричневого цвета. Д’Агоста показал ему на часы и легонько постучал по ним пальцем, как бы предупреждая о серьезных, вплоть до летального исхода, последствиях, если тот превысит отведенный лимит в пять минут.

— Мы получили превосходные отпечатки с места преступления и с самого трупа, — быстро заговорил Кугельмейер. — Целые и частичные, правых и левых пальцев, а также ладоней. Проверили их по базе данных. Результат отрицательный. У преступника, похоже, никогда не брали отпечатков пальцев.

Вот так. Кугельмейер сел на место.

Д’Агоста снова оглядел зал:

— Форман, волосы и ткань.

Еще один короткий отчет. За ним последовал десяток других: пятна крови, следы обуви, микрочастицы — один за другим, с военной точностью, к полному удовлетворению д’Агосты. Сам он избегал встречаться взглядом с Синглтоном, хотя и не отказался бы узнать мнение капитана.

Лейтенант давно уяснил, что в такие совещания необходимо вносить элемент драматизма, приберегая самые важные сведения напоследок, чтобы не дать коллегам скучать и удерживать их внимание. На этот раз таким «десертом» был Уорсоу помешанный на электронике парень из отдела экспертизы, занимающийся записями камер наблюдения. Несмотря на официальное звание детектива, Уорсоу скорее напоминал подростка, неряшливого, прыщавого, с нечесаными волосами. Вместо костюма, пусть даже самого дешевого,

он был одет в джинсы и футболку с эмблемой какой-то хеви-метал-группы. Но ему все сходило с рук, поскольку в своем деле он был лучшим.

Помимо всего прочего, Уорсоу имел еще и склонность к позерству. Он подошел к кафедре, держа в руке пульт дистанционного управления. Свет в зале потускнел.

— Привет всем! — начал Уорсоу. — Добро пожаловать на наше шоу «Скрытая камера».

Послышался смех.

— В «Мальборо-Гранд» установлены новейшие камеры наблюдения, и мы располагаем замечательными изображениями преступника. Вид спереди, сзади, сбоку, сверху и снизу — все отличного качества. Здесь собраны самые интересные моменты… э-э… из расчета на пятиминутный регламент. Вы получите подборку, которой наверняка придется поделиться с другими отелями, а также с «Таймс», «Пост» и «Дейли ньюс».

Показ начался, и кадры действительно были великолепны, как и обещал Уорсоу. Преступник с пластырем на левом ухе заходит в холл отеля, поднимается на лифте, идет по коридору, заталкивает жертву в номер. Затем выходит обратно в коридор — неторопливо, спокойно, беззаботно.

Кое-что из показанного д’Агоста уже видел, но снова почувствовал, как по спине пробегает холодок. Как правило, убийцы делились на две группы: профессионалы или дилетанты. Но этот человек действовал настолько уверенно и методично, что почти заслуживал отдельной категории. И это крайне настораживало д’Агосту Он не подходил ни под одно определение. Никак не подходил.

Показ закончился под вялые аплодисменты. Уорсоу театрально поклонился, еще раз вызвав раздражение д’Агосты, и сел на место.

Лейтенант вернулся к кафедре. Половина третьего. Пока все шло по плану. В животе снова заурчало, словно он выпил бутылку соляной кислоты. Самое главное сообщение — об отрезанной мочке уха — он оставил для себя. Привилегия руководителя следственной группы.

— Мы пока не определили ДНК той лишней части тела — мочки

уха, найденной на месте преступления, — сообщил он. — Но уже есть предварительные результаты. Она принадлежала мужчине. Состояние кожи указывает на возраст не старше пятидесяти лет — точнее определить сложно. Почти наверняка эта мочка не была оторвана или отрезана в ходе борьбы с жертвой. Скорее всего, убийца намеренно оставил ее на месте преступления. Кроме того, можно предположить, что мочка была удалена за несколько часов до убийства, и не у трупа, а у живого человека. Что неудивительно, поскольку на записи видно, что преступник жив и здоров. У нас есть изображение убийцы, и в скором времени его увидит весь Нью-Йорк. У него достаточно приметная внешность: рыжие волосы, дорогой костюм, спортивное телосложение. Мы располагаем отпечатками его пальцев, образцами волос, волокнами ткани, скоро определим ДНК этого парня. Мы знаем фирму-изготовителя его галстука и ориентировочно — костюма и обуви. Похоже, остался один шаг до его ареста.

Д’Агоста выдержал паузу, собираясь с духом, перед тем как сказать главное:

— Что же не так с этим делом?

Это был риторический вопрос, и никто не вызвался ответить на него.

— Неужели этот парень настолько глуп?

Он опять замолчал, и его слова повисли в воздухе.

— Посмотрите на запись. Может быть, он действительно такой идиот, каким кажется? Я хочу сказать, что он мог бы загримироваться, изменить внешность, избежать контакта хотя бы с частью камер наблюдения. Он не должен был целых пять минут стоять в холле, словно дожидаясь, пока все разглядят и запомнят его, а камеры запишут видеоролик с четырех ракурсов. Убийца не пытался проскользнуть незамеченным. Нам необходим психолог, чтобы понять, почему он так старался попасться всем на глаза, каковы мотивы его действий, что означает надпись на теле убитой, зачем он отрезал себе мочку уха и оставил ее на месте преступления. Возможно, парень просто сошел с ума и хочет, чтобы его быстрее поймали. Но мне кажется, он знает, что делает. И никакой он не псих. Поэтому давайте не будем считать, что преступник уже у нас в руках, несмотря на все полученные результаты.

Наступила тишина. Д'Агосту настораживала и еще одна вещь, но лейтенант решил пока не упоминать о ней. Это могло прозвучать немного странно, и он не знал, как правильно сформулировать свои подозрения. Выбор времени нападения. Камера зафиксировала этот момент. Сначала преступник задержался внизу в холле, а затем ждал в коридоре, когда женщина откроет дверь, чтобы взять газету. Очень точный выбор времени.

Что это — просто совпадение?

6

Киоко Ишимура медленно двигалась вдоль коридора, подметая лакированный пол своим всегдашним конопляным веником. Пол был безупречно чист, но мисс Ишимура за долгие годы привыкла наводить здесь порядок через день, независимо от обстоятельств. В квартире, а точнее, в трех квартирах, перестроенных хозяином в одну, стояла вязкая, затаившаяся тишина. Шум машин с Семьдесят второй улицы не добирался до пятого этажа сквозь толстые каменные стены.

Оставив веник в комнате для прислуги, Киоко взяла фетровую тряпочку, сделала несколько шагов и зашла в небольшую комнату с персидскими коврами на полу и старинным лепным потолком. В книжном шкафу из красного дерева с витражными стеклами хранились иллюстрированные великолепными миниатюрами старинные рукописи и инкунабулы[26]. Мисс Ишимура протерла сначала шкаф, затем стекло, а потом — другой тряпкой — сами тома, тщательно проводя по ребристым корешкам и золоченым буквам обложки. Книги тоже не нуждались в чистке, но она все равно протерла их. Не только в силу привычки: когда мисс Ишимура была чем-то обеспокоена, она всегда находила утешение в работе.

Хозяин квартиры неожиданно, без предупреждения вернулся четыре дня назад и с тех пор вел себя очень странно. Его и прежде трудно было назвать заурядным человеком, но теперь его поведение откровенно пугало. Все это время он не выходил из своей огромной квартиры, оставаясь в шелковой пижаме и английском халате; часами молча и неподвижно сидел в гостиной, уставившись на отделанный мрамором водопад, или в японском садике. Он перестал читать газеты, не отвечал на телефонные звонки и ни с кем не общался, даже с нею.

И он ничего не ел, совсем ничего. Мисс Ишимура пыталась соблазнить его любимыми блюдами — мозуку и шиокара[27], но они остались нетронутыми. Еще сильнее беспокоило то, что он начал принимать какие-то таблетки. Она тайком подсмотрела этикетки на флаконах — дилаудид и леводроморан, разузнала о них в Интернете и ужаснулась. Это были сильные наркотики, и он принимал их во все больших дозах.

Сначала Киоко решила, что хозяин пережил глубокое, почти невыносимое горе. Но с каждым днем он все больше угасал физически: стал таким слабым, что едва не падал в обморок, кожа посерела, щеки ввалились, глаза сделались темными и пустыми. Он по-прежнему пребывал в полном молчании и апатии, и она поняла, что это не просто скорбь, а полное отсутствие интереса к жизни. Словно некое ужасное потрясение выжгло в нем все чувства и эмоции, опустошило его, оставив лишь сухую, покрытую пеплом оболочку.

Возле входной двери загорелась крохотная синяя светодиодная лампочка, подсказывающая глухонемой мисс Ишимура, что зазвонил телефон. Она подошла к аппарату, стоящему на угловом столике, и посмотрела на определитель номера. Звонил лейтенант д’Агоста из полиции. Уже в который раз.

Секунд пять она неподвижно смотрела на телефон. Затем, повинуясь внезапному импульсу, сняла трубку, несмотря на категорический запрет хозяина. Подключила телефон к одному из телетайпов, которыми пользовалась для общения, и набрала сообщение: «Вы ждите, пожалуйста. Я буду звать его».

Она прошла по длинному коридору, повернула в другой, остановилась возле шоджи — перегородки из рисовой бумаги, заменяющей дверь, — отодвинула ее в сторону и заглянула в комнату.

Там стояла большая японская ванна офуро, изготовленная из древесины хиноки[28]. Над высокими стенками в клубах пара поднимались лишь голова и узкие плечи Пендергаста. На столе позади него выстроились, как стража, флаконы с лекарствами и бутылки французской минеральной воды. Вид хозяина снова ужаснул Киоко: изможденное лицо, темные круги под глазами, похожие на синяки. Рукопись «Четырех квартетов» Элиота[29]лежала на широком ободе ванны возле тяжелой сверкающей бритвы. Мисс Ишимура не раз замечала, как хозяин, сидя в ванной, часами рассеянно смотрит на лезвие бритвы, пока оно злобно не заискрится. Вода в ванне была бледно-розового цвета — рана на ноге снова начала кровоточить. Пендергаст не пытался ее лечить, несмотря на настойчивые просьбы мисс Ишимуры.

Она передала ему записку: «Лейтенант д’Агоста».

Пендергаст молча посмотрел на нее.

Мисс Ишимура протянула ему телефон и беззвучно произнесла:

— Dozo[30]

Он опять ничего не сказал.

— Dozo, — повторила она с нажимом.

Наконец он велел ей включить громкую связь настенного телефона. Она выполнила распоряжение и почтительно отошла в сторону. Мисс Ишимура ничего не слышала, но превосходно читала по губам. И она не собиралась выходить из комнаты.

— Алло, — послышался из аппарата слабый скрежещущий голос. — Алло, Пендергаст?

— Да, Винсент, — тихо ответил тот.

— Бог мой, где вы пропадали? Я столько дней подряд пытался дозвониться до вас.

Пендергаст промолчал, откинувшись на стенку ванны.

— Что с вами случилось? Где Хелен?

— Они убили ее, — произнес Пендергаст сухим, равнодушным, приводящим в ужас тоном.

— Что?! Что вы сказали? Когда?

— В Мексике. Я похоронил ее. В пустыне.

Из динамика донесся сдавленный возглас, затем наступила тишина, и наконец д’Агоста снова заговорил:

— О господи. Кто ее убил?

— Нацист. Выстрелом в сердце. В упор.

— О мой бог. Мне так жаль, так жаль. Вы… прикончили их?

— Один убежал.

— Ничего, мы поймаем его и отдадим под суд…

— Зачем?

— В каком смысле «зачем»?

Агент Пендергаст поднял глаза на мисс Ишимуру внимательно

следившую во время разговора за его губами, и покрутил в воздухе указательным пальцем, показывая, что нужно отключить телефон. Немного поколебавшись, она нажала на кнопку, прошла по кафельному полу к перегородке и задвинула ее за собой, оставляя Пендергаста в одиночестве.

Теперь она знала, что с ним случилось. Но это знание ничем не могло помочь. Абсолютно ничем.

7

Удерживая в одной руке маленький металлический поднос с напитками, Винсент д’Агоста открыл раздвижную дверь и вышел на крохотный балкончик. Его размеры едва позволяли поставить здесь стол и два стула. На одном из стульев, скрестив прелестные ножки, сидела капитан Лора Хейворд и просматривала отчет о вскрытии, который принес домой с работы д’Агоста. С Первой авеню доносился шум машин, и хотя было довольно тепло для конца ноября, мороз уже ощутимо пощипывал, так что на балконе они сидели, наверное, последний раз в этом году.

Д’Агоста поставил поднос на стол, Хейворд оторвалась от ужасных фотографий и безмятежно спросила:

— Мм, что это? Выглядит неплохо.

Он протянул ей один из бокалов:

— Попробуй.

Хейворд сделала глоток, нахмурилась, потом пригубила еще раз.

— Что это, Винни?

— Итальянский спритц, — объявил он, усаживаясь рядом. — Лед, просекко, капелька содовой воды, «Апероль»[31]. И для украшения несколько ломтиков королька, который я купил по дороге домой возле Центрального вокзала.

Хейворд отпила еще немного и поставила бокал.

— Мм, — протянула она. — Увы, не могу сказать, что мне это понравилось.

— Неужели?

— По вкусу напоминает горький миндаль, — усмехнулась она. — Я чувствую себя Сократом. Жаль. Ты так старался. — Она накрыла его ладонь своей рукой и легонько сжала.

— Это очень популярный напиток.

Хейворд снова взяла бокал, вытянула руку и принялась рассматривать нежно-оранжевую жидкость.

— Похоже на кампари. Ты пробовал?

— Смеешься? Мои родители пили его каждый день, когда жили в Куинсе и мечтали перебраться на Манхэттен.

— Спасибо, мой милый Винни, но я лучше выпью что-нибудь привычное, если ты не возражаешь.

— Конечно.

Он отпил из своего бокала и тоже решил взять что-нибудь попроще. Прошел через открытую дверь на кухню, поставил бокалы в раковину, взял новые и наполнил их другими напитками: для себя — холодным пивом «Мишлоб», а для нее — вином «Пуйи-Фюме», бутылочка которого на всякий случай всегда хранилась в холодильнике. Затем принес бокалы на балкон.

Несколько минут они сидели молча, слушая пульс жизни Нью-Йорка и наслаждаясь обществом друг друга. Д’Агоста тайком посмотрел на Хейворд. Целых десять дней он готовился к этому вечеру, просчитывая все до малейших деталей: обед, десерт, напитки… а потом предложение. Теперь, когда он снова был в порядке, на работе все складывалось удачно и развод стал просто неприятным воспоминанием, он наконец решился попросить Лору выйти за него замуж. И не сильно сомневался в том, что получит утвердительный ответ.

Но вдруг все пошло кувырком. Это странное убийство, в расследовании которого он, похоже, завязнет по уши. И в особенности — ужасные новости о Пендергасте.

Обед удался на славу. Но теперь стало не до разговоров о свадьбе.

Хейворд снова полистала страницы отчета:

— Как прошло большое совещание?

— Хорошо. Синглтон выглядел довольным.

— ДНК уже определили?

— Нет. Эта чертова лаборатория работает медленнее всех в городе.

— Интересно, почему убийца не пытался пройти незамеченным и не прятался от камер наблюдения. Как будто бросает вам вызов: «Попробуйте поймать меня».

Д’Агоста сделал большой глоток пива.

Хейворд внимательно присмотрелась к нему:

— В чем дело, Винни?

Д’Агоста вздохнул:

— В Пендергасте. Сегодня я наконец-то дозвонился до него. Он сказал, что его жена умерла.

Хейворд чуть не захлебнулась своим напитком:

— Как умерла?

— Те люди, что похитили Хелен, застрелили ее в Мексике. Вероятно, чтобы отвлечь Пендергаста и улизнуть от него.

— О боже… — вздохнула Хейворд, качая головой.

— Это ужасная трагедия. И я никогда прежде не слышал, чтобы он так разговаривал. Это похоже… — Д’Агоста запнулся. — Не знаю. Как будто он сам стал мертвецом. А потом он повесил трубку.

Хейворд сочувственно кивнула.

— Меня беспокоит его состояние. Боюсь, что такая потеря… — Д’Агоста глубоко вздохнул и уставился в бокал с пивом. — Я опасаюсь последствий.

— Каких последствий?

— Не знаю. Если думать только о том, что случилось, может произойти всплеск агрессии. Трудно предугадать, что он сделает. У меня такое ощущение, словно я наблюдаю за железнодорожной катастрофой в замедленной съемке.

— Наверное, ты должен как-то помочь ему.

— Он ясно дал понять, что не ищет сочувствия и не нуждается в помощи. И знаешь, на этот раз я собираюсь исполнить его желание и не вмешиваться.

Он замолчал.

Хейворд откашлялась:

— Винни, ему сейчас очень плохо. Никогда не думала, что скажу это, но, возможно, на этот раз ты обязан вмешаться.

Д’Агоста посмотрел на нее с удивлением.

— Вот что я думаю. Пендергаст никогда раньше не испытывал поражений. Таких, как это. Он решил во что бы то ни стало узнать правду о своей жене. Из-за этого ты едва не погиб, а я чуть не подверглась групповому изнасилованию. Затем, когда он поверил, что Хелен жива… — Хейворд на мгновение остановилась. — В этом вся штука: он не мог допустить даже мысли, что проиграет. Ты же знаешь Пендергаста, знаешь, как он умеет добиваться своего. Он был одержим этим… и вот все закончилось. Он проиграл. — Она опять сделала паузу. — Говоришь, может произойти всплеск агрессии? Но если так, то почему же он здесь, а не там, почему не гонится за убийцами? Почему не стучит в твою дверь, требуя помощи?

Д’Агоста покачал головой:

— Ты задаешь трудные вопросы.

— Я думаю, он сейчас в полном отчаянии, — продолжила Хейворд. — Уверена, что все так и есть.

Оба надолго замолчали. Д’Агоста с кислым видом потягивал пиво.

Наконец Хейворд снова оживилась:

— Винни, то, что я сейчас говорю, против моих же собственных правил. Но возможно, Пендергаста нужно отвлечь от воспоминаний каким-то сложным делом. И знаешь что? Кажется, это дело сейчас перед нами.

Она показала на отчет о вскрытии.

Д’Агоста вздохнул:

— Я очень дорожу твоими советами. Действительно дорожу. Но на сей раз… Нет, я не стану этого делать. Не хочу лезть не в свое дело.

Он посмотрел на нее, грустно улыбнулся и уставился на фасады домов Первой авеню, сверкающие в золотисто-розовых лучах заходящего солнца.

8

Альбана Лоримера приятно удивил холл отеля «Вандербилт». Он был намного меньше и уютнее, чем в «Мальборо-Гранд». Огромная ваза с цветами возвышалась над всем помещением, больше напоминающим со вкусом обставленную гостиную. На полу роскошные ковры. Мягкие, удобные диваны и стулья расставлены вокруг столов из эбенового дерева с блестящей полированной поверхностью. На обшитых темными дубовыми панелями стенах закреплены украшения из стекла ручной выдувки. Возможно, еще Викторианской эпохи.

Альбан сел за маленький столик в кафе. Подошел официант и спросил, не желает ли он чая. Альбан ненадолго задумался, изучил чайное меню и сказал, что желает. Лучше всего — «Ассам» или какой-то другой мягкий сорт, заваренный по-английски, с цельным молоком и сахаром. Он очень старался, чтобы официант запомнил и необычный заказ, и самого посетителя.

Когда официант удалился, Альбан устроился поудобнее, наслаждаясь атмосферой этого места. Больше всего его поразила здешняя публика. Если «Мальборо-Гранд» был просто большим отелем, то этот выглядел скорее тихим элитарным клубом для богатых и влиятельных людей, которым, равно как и их гостям, здесь стремились всячески угодить.

Эти отличия заинтриговали его. Значит, каждый отель обладает индивидуальным характером? «Мальборо-Гранд» похож на молоденькую блондинку, яркую и стильную, несколько шумную, порой даже вульгарную, но симпатичную, сексуальную и забавную. А «Вандербилт» предстал в его воображении солидным седовласым джентльменом с изысканным вкусом и манерами, но немного занудливым и скучным. Альбан задумался над тем, что ему больше по нраву, но так и не решил. Для ответа недоставало личного опыта.

Он рассчитывал посетить и другие отели Нью-Йорка, чтобы сравнить впечатления и представить образ каждого из них. Это была бы забавная игра.

В ожидании заказа он разгладил костюм на груди. Повязка на правом указательном пальце причиняла неудобство. Она вызывала зуд. Но с этим Альбан ничего не мог поделать. По крайней мере, он

чувствовал себя в безопасности, зная, что совсем не похож на того человека, чьи снимки опубликованы во всех газетах. Чем четче были снимки, тем меньше ему нужно было изменять внешность. Забавно, что никто, по-видимому, не понял его иронии. Но не исключено, что полиция все-таки поняла, так что следует сохранять осторожность.

Теперь его можно было бы назвать мистером Брауном. У него были каштановые волосы, карие глаза, кожа пусть и не совсем смуглая, но оливкового оттенка. Только в одежде не присутствовали коричневые тона — он их не любил, предпочитая серый цвет. И все — от галстука до ботинок — производства «Брукс бразерс». Он никогда раньше не слышал об этой нью-йоркской фирме, но ее костюмы были достаточно заурядны, чтобы помочь ему еще лучше вписаться в образ. Хотя к ночи должно было похолодать, его кашемировое кепи с наушниками все равно выглядело немного странно. Возможно, кто-то даже подумал, что он раковый больной и прикрывает таким образом лысину.

Два больших фигурных куска воска, помещенные между зубами и щеками, скругляли его острые скулы, делая лицо более широким, добродушным и, вероятно, чуть глуповатым. Разумеется, он изменил походку, подрезав каблуки на новой обуви так, чтобы внешняя кромка оказалась на три восьмых дюйма ниже, чем внутренняя. В результате изменился сам ритм ходьбы. Его учили, что походка — один из ключевых моментов при идентификации человека.

Чай, как и ожидалось, был превосходен. Альбан оставил на столе пару новеньких, хрустящих купюр и поднялся, ухватившись левой рукой за полированную кромку стола в том месте, которое официант вряд ли станет протирать.

Затем он направился к лифту, вошел в кабину и нажал кнопку шестого этажа. Выйдя из лифта, неторопливо прошел до конца коридора, опять остановился в мертвой зоне малозаметной камеры наблюдения и приготовился ждать. Коридор был не таким длинным, как в «Мальборо», зато ожидание могло оказаться более долгим. Но нет: спустя всего пять минут он зашагал в обратном направлении, на сей раз быстро, а когда из-за угла вышла горничная с подушкой в руках, он замедлил шаг и нацепил на лицо приветливую улыбку. Они встретились посередине коридора, и Альбан вытянул вперед руки и замигал:

— Это вы мне несете подушку, да? В шестьсот четырнадцатый?

— Да, сэр.

— Спасибо.

Он забрал подушку, дал женщине на чай пять долларов и, развернувшись, направился к номеру 614. По дороге проверил подушку на сжатие. Плотный, сохраняющий форму поролон. Похоже, постояльцу из номера 614 не нравилось ощущать себя утонувшим в мягких подушках из гусиного пуха. В этом их вкусы совпадали.

Он подошел к двери и вежливо постучал два раза. В ответ на стандартный вопрос, заданный грубым мужским голосом, он ответил:

— Ваша подушка, сэр.

Дверь открылась. Альбан вытянул руки с подушкой вперед и, как только человек взялся за нее, внезапно шагнул к нему, чуть подтолкнув внутрь комнаты и обвив его шею болевым захватом. Свободной рукой он бесшумно прикрыл за собой дверь. Мужчина вяло сопротивлялся, совсем по-женски, это было жалкое подобие борьбы. Старый, толстый, рыхлый, безвольный. Альбан затащил его в центр комнаты. Мужчина попытался ударить противника кулаком сбоку или сзади, но стоило усилить зажим, как он успокоился. Альбан чувствовал, как дрожат колени бедняги. Скорее всего, от страха, но, может быть, и от удушья. Тонкие сальные волосы мужчины, зачесанные на покрытую ямками лысину, отвратительно пахли лаймом с тоником. Мерзкий запах ударил прямо в нос Альбану, окончательно разозлив его. В прошлый раз все было намного забавней. Ему отчаянно не хватало азарта, даже, может быть, страсти. Чего-то такого, о чем потом захочется вспомнить.

Он ослабил захват, и мужчина хрипло, испуганно выдохнул:

— Что вы де…

Альбан снова надавил ему на шею. Он не был расположен к дискуссиям.

Но мужчина опять задергался, и Альбан шепнул ему по-дружески:

— Тсс, все будет хорошо, если вы не станете мне мешать.

Тот сразу же успокоился. Поразительно, насколько они все доверчивы. Однако Альбан на всякий случай не стал ослаблять захват.

Он повернул мужчину в нужную сторону, встал поудобнее сам и достал перочинный нож, держа его вне поля зрения жертвы. Отвел руку далеко в сторону — и стремительным движением вонзил лезвие глубоко в горло с резким поворотом, как делал уже сотни раз, тренируясь в основном на свиньях. Затем он оттолкнул мужчину от себя, одновременно отпрыгивая назад.

Вместе с вырвавшимся из горла воздухом возбуждающе брызнула струя крови, но ни одна капля не задела Альбана. В этот раз труп упал с более громким стуком, и Альбан сильно огорчился, осознав, что его техника пока далека от совершенства. Он посмотрел на часы, пережидая предсмертные судороги жертвы, потом достал инструменты и незамедлительно приступил к работе.

Немного запыхавшись от усилий, он подумал, что непременно продолжит небольшое частное исследование отелей Нью-Йорка и определит индивидуальный характер каждого из них.

9

Здание отеля оцепила полиция, постояльцев эвакуировали. Управляющего, излишне впечатлительного молодого человека, с нервным срывом увезли в больницу. В практике лейтенанта д’Агосты ничего подобного еще не случалось. Прессу удерживали снаружи, на Пятидесятой улице, и, даже поднявшись на шестой этаж, д’Агоста слышал доносящийся снизу шум и видел огни полицейских машин, проникающие сквозь занавески. Или, может, это разгорался рассвет после долгой, бесконечной ночи.

Д’Агоста в бахилах поверх ботинок стоял посреди спальни и наблюдал за работой последнего эксперта, еще осматривающего место преступления. С момента убийства прошло больше восьми часов. Труп уже увезли вместе с лишней деталью — первой фалангой указательного пальца правой руки. По ковру расплылось пятно крови диаметром в три фута, дальняя стена комнаты тоже была забрызгана кровью так, будто ее поливали из шланга. В воздухе стоял особый железистый запах насильственной смерти, перемешанный с ароматами химических средств, которыми пользовались эксперты.

Капитан Синглтон прибыл за полчаса до окончания осмотра. С одной стороны, д’Агоста был благодарен ему за поддержку: когда начальство проявляет интерес, расследование действительно продвигается быстрее. С другой стороны, он невольно воспринимал присутствие начальства как проявление недоверия. Это убийство стало главным сюжетом ночного выпуска новостей, вытеснив на второе место перестрелку с пятью жертвами в Центральном парке. И надо смотреть правде в глаза: д’Агоста и Синглтон не всегда были лучшими друзьями. Много лет назад, после того злополучного дела, к которому д’Агосту привлек Пендергаст, именно Синглтон потребовал, чтобы лейтенант предстал перед дисциплинарным трибуналом. Впрочем, капитан и прежде никогда не упускал случая устроить подчиненным встряску. Так почему же, при всем уважении к начальнику, его появление вызвало у лейтенанта острое неприятие? Возможно, потому, что капитан отказался помочь, когда встревоженный д’Агоста обратился к нему с просьбой — неофициальной, разумеется, — выделить охрану для встречи Пендергаста с Хелен возле лодочного домика. «Нацисты здесь, в Нью-Йорке? — хмыкнул в ответ капитан. — Это слишком нелепо

даже для агента Пендергаста. Я не могу поднять на ноги всю группу из-за его фантазий». Д’Агоста не рискнул настаивать, поскольку Пендергаст взял с него слово молчать. И вот теперь Хелен мертва.

— «С днем рождения», — пробормотал Синглтон, повторяя текст послания, написанного кровью на теле жертвы. — Что вы на это скажете, лейтенант?

— Мы действительно имеем дело с сумасшедшим.

О кровавой надписи и лишней части тела прессе не сообщили.

— Да, безусловно, — согласился Синглтон.

Он был высок, строен и в свои сорок с небольшим сохранял телосложение пловца. Тщательно подстриженные черные с проседью волосы стремительно начали белеть, но походка по-прежнему оставалась легкой и упругой, и от этого капитан тоже казался моложе своих лет. Отмеченный кучей наград, он славился способностью работать без сна и отдыха. В отличие от большинства коллег Синглтон следил за своей одеждой и носил дорогие, сшитые на заказ костюмы. Что-то в его характере заставляло подчиненных выкладываться на все сто. Он был не из тех, кто добивается повиновения с помощью угроз или ругани; в подобных случаях он просто говорил, что «разочарован». Но д’Агоста скорее согласился бы полчаса выслушивать крики другого начальника, чем вынести минуту гробового молчания разочарованного Синглтона.

— Я долго об этом думал, — сказал Синглтон с той хорошо знакомой интонацией, с какой он обычно принимал трудные и спорные решения. — Психологическая сторона этого дела действительно уникальна. Она явно выходит за пределы обычной патологии. Вам так не кажется, лейтенант?

— Согласен, — коротко ответил д’Агоста, пытаясь понять, куда клонит Синглтон.

— Нам известно, что мочка уха была отрезана за несколько часов до первого убийства. Теперь судмедэксперт утверждает, что и палец ампутировали непосредственно перед вторым преступлением. У нас есть записи с камер наблюдения, где виден пластырь на мочке уха убийцы. Новые записи показывают, что преступник был в странной кепке и с бинтом на пальце. Какой убийца согласился бы так себя уродовать? И что означают эти надписи? О чьем дне рождения идет речь и кто должен им гордиться? И наконец, почему

такого умного и умелого преступника ничуть не заботит, что его могут опознать?

— Я не уверен, что его это не заботит, — возразил д’Агоста. — Обратите внимание, как сильно он изменил внешность.

— И все-таки оставил отпечатки пальцев. Он не против того, чтобы впоследствии мы его опознали. Да и оставленные части тела вроде бы говорят о том, что он хочет быть узнанным.

— Меня беспокоит то, как он остановил горничную, — задумчиво произнес д’Агоста. — Она утверждает, будто бы он знал про подушку и в какой номер ее должны принести. Как это понимать?

— Он мог поддерживать связь с кем-то из персонала, — предположил Синглтон. — С кем-то, кто работает в службе регистрации или на коммутаторе. Все это вам придется проверить.

Д’Агоста хмуро кивнул. Он очень жалел, что рядом нет Пендергаста. Тот быстро разобрался бы со всеми загадками.

— Знаете, на какую мысль меня это наводит, лейтенант?

Д’Агоста приготовился к худшему.

— На какую, сэр?

— Я не люблю отступать, но, похоже, это дело нам не по зубам. Мы должны подключить к расследованию отдел ФБР по изучению поведения преступников.

Д’Агоста не ожидал такого поворота, но, подумав немного, понял, что это естественное, логичное решение. Как-никак речь идет о серийном убийце со значительными, возможно уникальными, психическими отклонениями.

Синглтон пристально смотрел на д’Агосту, словно нуждался в его согласии.

Это тоже было в новинку для лейтенанта. С каких это пор капитана стало волновать его мнение?

— По-моему, это отличная идея, шеф, — сказал он.

Синглтон явно почувствовал облегчение.

— Вы, конечно, понимаете, что многим это не понравится.

Конечно, в этом деле нет ничего такого, что требовало бы вмешательства ФБР: ни терроризма, ни связей с международной преступностью. И вы не хуже меня знаете, насколько неприятным может быть — и будет — сотрудничество с ФБР. Но за всю свою карьеру я ни разу не сталкивался с чем-либо подобным. А у поведенческого отдела есть доступ к такой информации, какую мы сами ни за что не добудем. Однако не так-то просто объяснить все эти соображения нашим коллегам.

Д'Агоста хорошо знал, как тяжело складывались отношения нью-йоркского департамента с ФБР.

— Хорошо, — согласился он. — Я поговорю со своей группой. Как вам известно, сам я уже работал с ФБР и не испытывал особых трудностей.

Услышав это, Синглтон сверкнул глазами. На мгновение д'Агоста даже испугался, что он заведет разговор о Пендергасте. Но нет, капитан был слишком тактичен для этого. Он просто кивнул:

— Как ваш начальник, я сам свяжусь с Квонтико[32], а потом переложу весь груз на ваши плечи. Это лучший вариант, особенно если имеешь дело с ФБР, где всегда было очень строго с субординацией.

Д'Агоста вздохнул. Теперь он еще сильнее сожалел об отсутствии Пендергаста.

Какое-то время они с капитаном молча наблюдали за экспертом, отвечающим за найденные на месте преступления волокна ткани. Вооружившись пинцетом, он медленно передвигался на четвереньках по ковру, разделенному нитяной сеткой на квадраты, каждый из которых следовало тщательно обследовать. Боже, ну и работенка!

— Чуть не забыл, — спохватился Синглтон. — Как там с результатами анализа ДНК по мочке уха?

— Мы их еще не получили.

Капитан медленно повернулся к д'Агосте:

— Прошло уже шестьдесят часов.

Лейтенант почувствовал, как кровь приливает к лицу. С того момента, как образец ДНК поступил из клиники судебной медицины в отдел, возглавляемый доктором Уэйном Хеффлером, у него больше

не было возможности повлиять на темпы работы. Несколько лет назад они с Пендергастом крепко поругались с Хеффлером. И теперь д’Агоста подозревал, что обиженный доктор постарается продержать анализ у себя достаточно долго, чтобы позлить лейтенанта, но не настолько, чтобы самому нарваться на неприятности.

— Я свяжусь с ними, — невозмутимо произнес д’Агоста. — Я немедленно свяжусь с ними.

— Буду вам очень признателен, — ответил Синглтон. — Одна из обязанностей руководителя группы заключается в том, чтобы пинать лентяев под зад. И в данном случае вы имеете право… э-э… загнать носок ботинка как можно глубже внутрь, если вы понимаете, что я имею в виду.

Он дружески похлопал лейтенанта по спине и направился к выходу.

10

Такси повернуло на Семьдесят вторую улицу и остановилось у входа в «Дакоту», возле привратницкой. Швейцар с величественным видом, свойственным представителям этой профессии, приблизился к машине и открыл заднюю дверцу.

Из салона на яркое утреннее солнце вышла женщина. Высокая, стройная, одетая со вкусом. Белая широкополая шляпа скрывала веснушчатое, не по сезону загорелое лицо. Женщина расплатилась с таксистом, затем обернулась к швейцару.

— Могу я позвонить по вашему телефону? — спросила она с сильным английским акцентом.

— Следуйте за мной, мэм.

Швейцар провел ее по темному переходу в крохотную комнатку с окном во внутренний двор.

Она взяла трубку, набрала номер. Гудок прозвучал раз двадцать без всякого эффекта. Швейцар терпеливо ждал.

— Не отвечают, мисс.

Виола присмотрелась к швейцару. Он явно был не из тех, кем можно помыкать. Она приветливо улыбнулась:

— Вы же знаете, что там глухая домработница. Я попробую еще раз.

Швейцар поклонился с видимой неохотой.

Еще двадцать гудков.

— Я полагаю, достаточно. Позвольте узнать ваше имя.

Она снова набрала номер. Швейцар нахмурился. Она понимала, что сейчас он нажмет на сброс.

— Прошу вас, одну секунду, — произнесла она с новой очаровательной улыбкой.

Рука швейцара уже потянулась к кнопке, когда трубку наконец подняли.

— Алло! — поспешно сказала она.

Рука опустилась.

— Могу я узнать причину такой возмутительной настойчивости? — послышался бесцветный, почти замогильный голос.

— Алоизий? — удивленно воскликнула женщина.

Ответа не последовало.

— Это я, Виола. Виола Маскелене.

Снова долгая пауза.

— Как вы здесь оказались?

— Я приехала прямо из Рима, чтобы поговорить с вами. Это вопрос жизни и смерти. Прошу вас.

Ответа не было.

— Алоизий, я обращаюсь к вам в память о… о том, что раньше было между нами. Пожалуйста.

Тихий, неторопливый вздох.

— Что ж, в таком случае заходите.

Лифт, прошипев, остановился на небольшой площадке, застланной бордовым ковром, со стенами из темного полированного дерева. Единственная дверь была приоткрыта. Леди Маскелене зашла в квартиру и замерла в изумлении. В прихожей стоял Пендергаст, облаченный в шелковый халат с персидским орнаментом. У него было изможденное лицо, волосы слиплись. Не позаботившись закрыть дверь, он молча развернулся и направился к ближайшему кожаному дивану. Его походка, прежде порывистая и энергичная, сделалась вялой, как будто он двигался под водой.

Леди Маскелене захлопнула дверь и последовала за ним в розовую гостиную, украшенную крохотными, скрюченными деревцами бонсай. На трех стенах висели полотна импрессионистов. Четвертую занимал водопад, стекающий по плите из черного мрамора. Пендергаст опустился на диван, Виола пристроилась рядом.

— Алоизий, — сказала она, стиснув его ладонь обеими руками. — Когда я увидела вас, у меня чуть сердце не разорвалось. Как ужасно все вышло. Мне очень жаль.

Он посмотрел скорее сквозь нее, чем на нее.

— Я даже представить не могу, что вы сейчас чувствуете. — Виола снова сжала его руку. — Но вы не должны казнить себя. Вы сделали все, что могли, я уверена. Однако предотвратить беду было выше человеческих сил. — Она выдержала паузу. — Я бы очень хотела что-нибудь сделать для вас, чем-то помочь.

Пендергаст мягко высвободил руку, прикрыл глаза и сцепил пальцы на затылке. Казалось, ему стоило больших усилий сосредоточиться, не выпасть из реальности. Затем он снова открыл глаза и посмотрел на Виолу:

— Вы что-то сказали про угрозу жизни. Чьей?

— Вашей, — ответила она.

Поначалу он словно бы не понял смысла сказанного. Потом произнес: «А-а». Немного помолчал. И лишь после этого заговорил снова:

— Может быть, вы объясните, откуда получили такую информацию?

— Со мной связалась Лора Хейворд. Она рассказала, что случилось. И что происходит сейчас. Я бросила все и прилетела из Рима на ближайшем самолете.

Трудно было выдержать этот пустой, ничего не выражающий взгляд, проходящий сквозь нее. Этот человек так разительно отличался от того утонченного, элегантного, собранного Пендергаста, с которым Виола познакомилась на своей вилле на Карпайе и под чьи чары тогда подпала, что смотреть на него теперь было мучительно больно. В ее сердце разрастался гнев на тех, кто довел его до подобного состояния.

Поборов сомнения, она обняла его за плечи. Пендергаст замер, но не отстранился.

— Алоизий, — прошептала она, — позвольте помочь вам.

Он не ответил, и тогда Виола продолжила:

— Послушайте меня. Понятно, что вы скорбите. Неудивительно, что вы скорбите. Но то, что вы заживо похоронили себя здесь, отказываясь с кем-либо говорить, кого-либо видеть… это ничем не поможет. — Она крепче обняла его. — Вы должны справиться со

своей болью — ради Хелен. Ради меня. Я понимаю, что потребуется много времени. Именно поэтому я здесь. Чтобы помочь вам справиться. Вместе мы сумеем…

— Нет, — прошептал он.

Удивленная, она ждала продолжения.

— Не нужно ни с чем справляться, — сказал он.

— О чем вы? — спросила она. — Разумеется, нужно. Я понимаю, что сейчас все кажется бессмысленным. Но пройдет время, и вы увидите…

Пендергаст вздохнул с легким намеком на раздражение. Значит, чувства начали возвращаться к нему.

— Полагаю, следует вам кое-что объяснить. Не угодно ли пройти со мной?

Леди Маскелене посмотрела на него с надеждой и даже с облегчением. В это мгновение он был похож на прежнего Пендергаста, исполненного силы и уверенности.

Он поднялся с дивана, подошел к едва заметной двери в одной из розовых стен, открыл ее и зашагал по длинному темному коридору. Остановился возле другой двери, слегка приоткрытой. Распахнул ее и вошел.

Виола последовала за ним, с любопытством оглядываясь по сторонам. Ей, конечно, уже приходилось бывать в квартире Пендергаста в «Дакоте», но не в этой комнате. Это было словно откровение. Паркетный лакированный пол, изящные, под старину, обои, голубой потолок, создающий иллюзию далекого неба, как на фресках Андреа Мантеньи[33]. В единственном застекленном шкафу хранились странные предметы: черный кусок застывшей лавы, экзотическая лилия в футляре из прозрачного пластика, грубо обломанный сталактит, какая-то деталь инвалидной коляски, несколько сплющенных пуль, набор старинных хирургических инструментов и многое другое. Необычная, несколько даже эксцентричная коллекция, принцип подбора которой мог объяснить только сам Пендергаст.

Вероятно, здесь был его рабочий кабинет.

Но особенно Виолу поразил стол эпохи Людовика XV,

занимающий всю середину комнаты. Палисандровый, с позолоченной окантовкой и удивительно сложной инкрустацией. На нем почти ничего не было, за исключением маленькой стеклянной колбы с резиновой пробкой, медицинского шприца и серебряного блюдца с небольшой горкой белого порошка.

Пендергаст сел за стол. У дальней стены стояло старинное резное кресло. Виола пододвинула его к столу и тоже присела.

Они помолчали, затем Пендергаст плавно повел рукой в сторону предметов на столе.

— Что это такое, Алоизий? — спросила Виола с внезапной тревогой.

— Фенилхолин параметилбензол, — ответил он, снова указав на белый порошок. — Первым его синтезировал мой прапрадед в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году. Одно из многих открытых им лекарственных средств. После нескольких частных… э-э… испытаний этот препарат превратился в нашу семейную тайну. Есть основания полагать, что принимающий его впадает в полную эйфорию, забывая обо всех тревогах и горестях, при этом чрезвычайно усиливаются его интеллектуальные способности. Минут на двадцать-тридцать, а затем препарат вызывает почечную недостаточность, весьма болезненную и ведущую к скорой неизбежной смерти. Я хочу проверить на себе начальную стадию его действия, на что, по понятным причинам, никто до сих пор не отваживался.

Казалось, этот разговор прибавил Пендергасту энергии. Его глаза, очерченные темными, похожими на синяки кругами, теперь были устремлены на колбу.

— А это… — Он повертел в руках сосуд с бесцветной жидкостью. — Смесь тиопентала натрия, хлорида калия и некоторых других компонентов. Она вызовет потерю сознания и остановку сердца задолго до того, как появятся побочные эффекты от принятия параметилбензола. Оставив мне, впрочем, достаточно времени, чтобы испытать мгновения покоя и, возможно, даже радости перед концом.

Виола растерянно посмотрела на Пендергаста, потом на предметы на столе и снова на него. Смысл его слов стал предельно ясен, и ее охватили ужас и отчаяние.

— Нет, Алоизий, — прошептала она. — Вы ведь не всерьез это

сказали.

— Я абсолютно, убийственно серьезен.

— Но… — У нее вдруг перехватило горло. Такого не может быть, просто не должно быть. — Это непохоже на вас. Вы должны бороться, а не… трусливо убегать. Я не позволю вам так поступить.

Пендергаст облокотился о стол и медленно поднялся на ноги. Подошел к двери и открыл ее. Помедлив немного, Виола встала и пошла следом за ним по тому же темному коридору, мимо розовой гостиной и дальше в прихожую. Она как будто видела кошмарный сон. Ей хотелось вернуться, сбросить со стола те ужасные предметы и растоптать их. Но она не могла. Потрясение оказалось настолько глубоким, что лишило ее сил. «Вопрос жизни и смерти», — мучительной насмешкой вернулись к ней ее собственные слова.

Пендергаст ничего больше ей не сказал до самого лифта. И только тогда произнес:

— Я благодарен вам за участие. — Голос его неожиданно сделался глухим и слабым, словно доносился издалека. — За то время и душевные силы, что вы на меня потратили. Но сейчас я должен попросить вас вернуться в Рим.

— Алоизий, — начала она, но он прервал ее:

— Прощайте, Виола. Постарайтесь забыть меня.

Виола почувствовала, что плачет.

— Вы не можете так поступить, — дрожащим голосом произнесла она. — Просто не имеете права. Это слишком эгоистично. Вы ничего не упустили? Есть люди, много людей, которые о вас беспокоятся, которые вас любят. Не надо… пожалуйста, не надо… причинять им боль. Нам. — Она помолчала и добавила немного рассерженно: — Мне.

При этих словах что-то мелькнуло в глазах Пендергаста — слабая искра, уголек затухающего костра, уже покрытого ледяной коркой, — мелькнуло и снова погасло. Это произошло так быстро, что Виола не смогла бы сказать наверняка, видела ли она что-то, или ей только померещилось сквозь слезы.

Он легонько сжал ее руку. Затем, так ничего и не сказав, открыл парадную дверь.

Виола подняла на него заплаканные глаза:

— Я не позволю вам так поступить.

Он быстро взглянул на нее, почти сочувственно:

— Надеюсь, вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы понять: ни вы и никто другой не сможет помешать мне, заставить изменить решение. А теперь я прошу вас уйти. Нам обоим было бы крайне неприятно, если бы мне пришлось выпроваживать вас силой.

Почти целую минуту она умоляюще смотрела на него. Но Пендергаст словно бы не замечал этого. Наконец она отвернулась, содрогаясь всем телом от рыданий. Шестьдесят секунд спустя она снова шла по темному внутреннему двору, едва переставляя ватные ноги и не имея ни малейшего представления о том, куда направляется. По ее щекам текли слезы.

Пендергаст еще долго стоял в прихожей. Потом очень медленно вернулся в кабинет, сел за стол и принялся — в который уже раз — рассматривать стоящие перед ним предметы.

11

После ухода капитана д’Агоста тоже направился в центр. Чертов Хеффлер! Лейтенант готов был размазать о стенку этого сукина сына. Отрезать ему яйца и повесить их на новогодней елке. Он вспомнил, как вместе с Пендергастом заходил к Хеффлеру и как агент устроил доктору взбучку. Это было очень забавно. И сейчас он, д’Агоста, решил разобраться с Хеффлером «а ля Пендергаст».

С этими приятными воспоминаниями он остановился возле отдела анализа ДНК на Уильям-стрит, примыкающего к Манхэттенскому госпиталю. Он посмотрел на часы: восемь утра. Затем обратился к дежурному полицейскому и выяснил, что Хеффлер сидит в своем кабинете с трех часов ночи. Это был хороший знак, хотя д’Агоста не мог сказать наверняка, что он означает.

Лейтенант вышел из автомобиля без полицейских опознавательных знаков, хлопнул дверцей и вошел в здание. Протянул жетон администратору.

— Лейтенант д’Агоста, — громко представился он. — Мне нужно видеть доктора Хеффлера.

— Распишитесь в журнале, пожа…

Но д’Агоста уже проскочил в лифт и ударил кулаком по кнопке верхнего этажа, где находился кабинет Хеффлера, обставленный простенько, но со вкусом и обшитый дубовыми панелями. Секретаря в приемной не оказалось — слишком ранний час. Поэтому д’Агоста сразу проследовал в кабинет.

Хеффлер был на месте.

— О, лейтенант, — произнес он, резко вставая из-за стола.

Д’Агоста на секунду заколебался. Это был совсем не тот Хеффлер, какого он знал, — напыщенный болван в костюме за тысячу долларов. Сегодня доктор выглядел усталым, потрепанным, словно его только что вызывало на ковер начальство.

Тем не менее лейтенант начал заранее заготовленную речь:

— Доктор Хеффлер, мы ждем результатов анализа уже больше шестидесяти часов.

— Да-да, — тут же ответил Хеффлер. — Они готовы. Только что поступили. Мы работали над ними с трех часов ночи. — В наступившей тишине Хеффлер тонкими, ухоженными пальцами торопливо вынул папку с результатами из стола. — Все в порядке. И позвольте принести извинения за задержку. Из-за сокращения бюджета у нас не хватает специалистов. Вы ведь знаете, как это бывает.

Он бросил быстрый взгляд на д’Агосту, то ли приторно-любезный, то ли саркастический.

Д’Агоста почувствовал, что упускает шанс поквитаться с врагом. Кто-то уже успел переговорить по душам с Хеффлером. Может быть, Синглтон? Он вдохнул и попытался сбросить обороты:

— У вас есть результаты по обоим убийствам?

— Именно так. Присядьте, пожалуйста, лейтенант. Мы вместе просмотрим их.

Д’Агоста неохотно опустился на предложенный стул.

— Я просто хочу подвести некоторые итоги. Но если у вас возникнут вопросы — не стесняйтесь, задавайте. — Хеффлер открыл папку. — Ваша команда хорошо поработала, отобрала прекрасные образцы ДНК. У нас точные ДНК-профили[34], полученные из волос, отпечатков пальцев и, конечно же, мочки уха. Они полностью совпадают, так что мы можем утверждать, что это мочка уха преступника.

Он перевернул страницу.

— По второму убийству у нас есть такие же точные ДНК-профили — из волос, отпечатков и фаланги пальца. И снова все три соответствуют друг другу и ДНК первого преступника. Палец и ухо отрезаны у одного и того же человека.

— Насколько надежны эти результаты?

— Абсолютно надежны. Это превосходные профили с чистым, без всяких примесей, материалом. Вероятность случайного совпадения не больше чем одна миллионная процента.

Хеффлер понемногу начал приходить в себя, к нему возвращалась обычная самоуверенность.

Д’Агоста кивнул. Ничего нового он не услышал, но получить

подтверждение было действительно важно.

— Вы проверили его по базе данных ДНК?

— Да, разумеется. По всем базам, к которым у нас есть доступ. Ничего. И это неудивительно, поскольку подавляющее большинство людей не попадают в эти базы. — Хеффлер закрыл отчет. — Вот ваша копия, лейтенант. Я перешлю результаты по электронной почте начальнику детективного бюро, в аналитический отдел, в центральное бюро. Еще куда-нибудь?

— Нет, насколько я помню, — сказал д’Агоста, поднимаясь со стула. — Доктор Хеффлер, когда Синглтон звонил вам, он говорил, что нам требуется также анализ митохондриальной ДНК?[35]

— Да. То есть нет. Синглтон мне вообще не звонил.

Д’Агоста вгляделся в лицо Хеффлера. Кто-то определенно дал пинка под зад этому сукину сыну, и очень хотелось бы узнать, кто именно.

— Но ведь кто-то же вам звонил по нашему делу?

— Да. Комиссар.

— Комиссар? Вы имеете в виду Тальябу? Когда?

Хеффлер помедлил с ответом:

— В два часа ночи.

— Ах вот как. И что он сказал?

— Он сказал, что это очень важное дело и любая оплошность в его расследовании может кому-нибудь… э-э… стоить карьеры.

Это был хороший удар.

— Так что удачи, лейтенант, — ухмыльнулся Хеффлер. — Вы получили все, что хотели. Теперь преступник в ваших руках. Позвольте выразить надежду, что вы не допустите… э-э… оплошность.

Но его усмешка подсказывала, что на самом деле он надеялся на обратное.

12

На первый взгляд библиотека в «Маунт-Мёрси» напоминала обычный читальный зал в частном клубе: стены из полированного темного дерева, старинная мебель, неяркий свет. Однако более тщательный осмотр сразу выявлял различия. Ножки кресел и длинных столов, похожих на обеденные, были намертво ввинчены в пол. Никаких острых или тяжелых предметов. Из выдаваемых пациентам журналов удалены все скрепки. Возле единственного выхода из помещения стоял мускулистый санитар в медицинском халате.

Доктор Джон Фелдер сидел за маленьким круглым столом в дальнем углу библиотеки. Он явно нервничал и никак не мог справиться с собственными руками.

Уловив какое-то движение у двери, он обернулся. В библиотеку в сопровождении охранника вошла Констанс Грин. Она осмотрела зал, увидела доктора и подошла к нему. Одежда Констанс была скромных, неброских тонов: белая плиссированная юбка и бледно-лиловая блузка. В одной руке молодая женщина держала лист бумаги, а в другой — конверт авиапочты.

— Доктор Фелдер, — тихо произнесла Констанс, усаживаясь напротив.

Она засунула бумагу в конверт, который положила на стол адресом вниз, но Фелдер успел заметить, что в письме было всего одно слово. На каком-то экзотическом языке вроде санскрита или маратхи[36].

Он поднял глаза на Констанс:

— Спасибо, что согласились встретиться со мной.

— Не ожидала, что вы возвратитесь так скоро.

— Простите, но я сам не ожидал. Дело в том, что… — Он замолчал и оглянулся, желая удостовериться, что никто не подслушивает. Но даже после этого все равно понизил голос: — Констанс, мне будет очень трудно продолжать работу, зная, что… что вы не доверяете мне.

— Не понимаю, почему это должно вас беспокоить. Я всего

лишь ваша бывшая пациентка, одна из многих.

— Я хочу хоть что-нибудь сделать для вас, помочь вам. — Фелдер не привык рассказывать о своих чувствах, в особенности пациенту, и почувствовал, что краснеет от смущения. — Я не надеюсь, что смогу снова работать с вами — учитывая ваши пожелания. Просто хочу… короче, хочу как-то загладить… искупить свою вину. Исправить ошибку. Чтобы вы могли снова доверять мне.

Последние слова он произнес словно через силу. Констанс внимательно посмотрела на него холодными фиалковыми глазами:

— Почему это так важно для вас, доктор?

Я…

Он вдруг понял, что не знает ответа. Или просто не пытался разобраться в своих чувствах.

Наступившую тишину первой нарушила Констанс:

— Вы как-то сказали, что верите, будто я на самом деле родилась в конце девятнадцатого века на Уотер-стрит.

— Да, я действительно это говорил.

— И до сих пор так считаете?

— Это… это кажется столь невероятным, непостижимым. Но у меня нет оснований усомниться в ваших словах. Я даже нашел кое-какие доказательства, подтверждающие вашу правоту. Кроме того, я знаю, что вы никогда не врете. И когда я изучил вашу историю болезни — изучил непредвзято, — я сильно засомневался, страдаете ли вы вообще каким-либо психическим расстройством. Возможно, вы эмоционально неуравновешенны, это правда. И я уверен, что какая-то психическая травма до сих пор вас беспокоит. Но я не считаю вас сумасшедшей. Я все больше сомневаюсь в том, что вы тогда выбросили своего ребенка за борт корабля. Ваша записка Пендергасту подсказывает, что дитя осталось в живых. Я чувствую, что здесь кроется какая-то загадка, какой-то тайный замысел, который скоро раскроется.

Констанс замерла.

Не дождавшись ответа, он продолжил:

— Это лишь косвенные доказательства, разумеется, но они

весьма убедительны. Кроме того, есть еще и это.

Он достал из кармана портмоне и вытащил из него маленький лист бумаги. Развернул и протянул Констанс. Это была фотокопия старинной газетной гравюры, изображающей типичную сценку из городской жизни: несколько мальчишек с чумазыми лицами играют в стикбол[37]прямо посреди улицы. Чуть в стороне от них с метлой в руке стоит худенькая, чем-то испуганная девочка. Как две капли воды похожая на Констанс Грин, какой та могла бы выглядеть в детстве.

— Это вырезка из «Нью-Йорк дейли инкуайрер» за тысяча восемьсот семьдесят девятый год, — объяснил Фелдер. — Картина называется «Играющие беспризорники».

Констанс впилась взглядом в гравюру. Затем бережно, чуть ли не любовно погладила листок кончиками пальцев, сложила и вернула Фелдеру.

— Вы храните его в бумажнике, доктор?

— Да.

— Почему?

— Время от времени я… э-э… советуюсь с ним. Когда пытаюсь разгадать тайну. Строю предположения.

Констанс оценивающе посмотрела на него. Возможно, Фелдеру показалось, но ее взгляд заметно потеплел.

— В те времена, когда создавалась эта гравюра — сказала она, — газетными иллюстрациями занимались настоящие мастера. Чем бы они ни рисовали — тушью, карандашом или углем, — получались яркие, запоминающиеся картины, достойные размещения в газете. Они присылали свои работы в редакцию, и профессиональные граверы готовили по ним печатные формы, чтобы перенести рисунок на бумагу.

Она наклонилась к сложенному листу, который Фелдер все еще сжимал в руке.

— Я вспомнила, когда был сделан этот рисунок. Художнику нужно было проиллюстрировать цикл статей о многоквартирных домах Нью-Йорка. Он уже набросал эскиз, а затем предложил написать мой портрет. Видимо, я чем-то приглянулась ему. Мои родители к тому моменту уже умерли, так что он спросил разрешения

у сестры. Она согласилась. Закончив работу, он отдал ей черновой набросок, расплатившись им за позволение написать мой портрет.

— Где сейчас этот набросок? — нетерпеливо спросил Фелдер.

— Давно не видела его. Но в благодарность сестра подарила ему локон моих волос. Тогда подобные подарки были в порядке вещей. Я помню, что художник положил локон в маленький конверт и приклеил его к внутренней стороне папки.

Она помолчала.

— Художника звали Александр Винтур. Если бы вы разыскали эту папку, возможно, и локон нашелся бы. Понимаю, что это почти безнадежное дело. Но если бы вам все-таки удалось, простой анализ ДНК подтвердил бы правоту моих слов: мне почти сто пятьдесят лет.

— Да, — пробормотал Фелдер, качая головой. — Если бы.

Он записал имя художника на обороте фотокопии, снова сложил ее и поместил в бумажник.

— Еще раз спасибо за то, что согласились встретиться со мной, Констанс.

Он поднялся.

— Не стоит благодарности, доктор.

Фелдер пожал ее руку и вышел из библиотеки. Впервые с начала дня его походка приобрела упругость, во всем теле ощущался прилив энергии. Прежде доктору всегда было безразлично, доверяют ему люди или нет. Теперь что-то в нем изменилось.

Но что? И почему?

13

Д’Агоста посмотрел на свой сотовый телефон: без одной минуты час. Если то, что он слышал об агенте Конраде Гиббсе, правда, этот человек должен прийти с точностью до секунды.

Лейтенант чувствовал себя неловко. Его прежнее сотрудничество с ФБР по большей части проходило через Пендергаста, и сейчас он подозревал, что это даже хуже, чем полное отсутствие опыта. Методы и стиль работы Пендергаста, его менталитет были чужды, а то и вовсе неприемлемы для строгой дисциплины ФБР.

Лейтенант подумал о чашечке кофе из «Старбакса» и коробке с десятью пончиками из «Криспи крем», ждущих его в небольшой комнате отдыха позади кабинета, и еще раз проверил время.

— Лейтенант д’Агоста?

Гость уже стоял в дверях. Д’Агоста с улыбкой двинулся ему навстречу. Первое впечатление было благоприятным. Правда, внешность специального агента Гиббса оказалась уж очень стандартной: застегнутый на все пуговицы, внушительный, элегантный. Новый с иголочки костюм идеально сидел на его атлетической фигуре. Тонкие губы, загар, сохранившийся с последнего задания во Флориде, — д’Агоста наизнанку вывернулся, чтобы выяснить эту подробность. Но его открытый, приветливый взгляд, даже в сочетании с чрезмерной серьезностью, все-таки был куда лучше зазнайства и высокомерия.

Д’Агоста протянул руку Гиббсу, тот пожал ее — крепко, но не со всей силы, отрывисто и четко. Лейтенант обошел вокруг стола и провел агента в комнату отдыха.

Они уселись за столик и немного поболтали о том, как отличается погода в Нью-Йорке от климата Флориды. Д’Агоста расспросил агента о последнем задании: обычный серийный убийца, расчленяющий тела жертв и разбрасывающий их в дюнах. Гиббс производил впечатление человека сдержанного и интеллигентного, а эти качества лейтенант особенно ценил. Помимо того что ему самому было приятней работать с таким партнером, агент мог положительно повлиять и на всю группу, большинство членов которой, говоря

откровенно, были типичными нью-йоркскими болтунами и горлопанами.

Настораживало лишь то, что по ходу рассказа о своем последнем деле Гиббс становился все более красноречивым. И он ничего не ел… тогда как д’Агоста уже сжевал пончик с карамельным кремом.

— Вы, наверное, знаете, лейтенант, — продолжал Гиббс, — что мы в Квонтико составили подробнейшую базу данных по всем серийным убийцам, как часть программы Национального центра по анализу насильственных преступлений. Мы выделяем такие признаки серийного убийцы: это тот, кто выбирал себе жертв из случайных, не знакомых ему людей, кто убил трех и более человек, убивал исключительно ради удовольствия, действуя в определенной последовательности, которую мы обычно называем почерком убийцы.

Д’Агоста понимающе кивнул.

— В нашем случае совершено только два убийства, и под определение серийных они не подходят. Однако есть основания полагать, что это число может вскоре увеличиться.

— Безусловно.

Гиббс вытащил из портфеля тонкую папку:

— Как только капитан Синглтон позвонил нам вчера вечером, мы бегло просмотрели базу данных.

Д’Агоста наклонился вперед. Становилось все интересней.

— Мы хотели узнать, встречались ли в полицейской практике серийные убийцы, оставлявшие на месте преступления части собственного тела, имевшие похожий почерк et cetera[38]. — Он положил папку на журнальный столик. — Вот предварительные результаты, но это должно остаться между нами. Я вкратце изложу, если вы не возражаете.

— Нет, конечно же.

— Мы имеем дело с хорошо подготовленным убийцей. Очень хорошо подготовленным. Он образован, богат и непринужденно чувствует себя в обстановке фешенебельного отеля. Расчленение трупа не такой редкий случай, как можно подумать. Десятки убийц подошли бы под этот тип преступления. Но обычно они, наоборот,

прячут какую-то часть тела жертвы, а не добавляют собственную. Так поступает только наш убийца. И в этом смысле он уникален.

— Интересно, — сказал д’Агоста. — И какие у вас возникли идеи?

— Начальник нашего отдела долго занимался этой темой и пришел к выводу, что убийца отождествляет себя с жертвой. Он словно многократно убивает сам себя, по частям. Вероятно, он ненавидит себя. Почти наверняка в детстве у него была психологическая травма — сексуальное насилие или издевательства. Возможно, ему часто говорили, что он плохой, что лучше бы он умер или не родился вовсе. Что-то в этом роде.

— Не лишено смысла.

— Преступник внешне ничем не отличается от обычного человека. Поскольку он не имеет внутренних запретов и способен говорить очень убедительно, чтобы добиться своей цели, то может казаться обаятельным и даже харизматичным. Но в душе он ужасно одинок и крайне нуждается в сочувствии.

— Но зачем он убивает?

— В этом-то вся и суть: он почти наверняка получает от убийства чувственное, сексуальное наслаждение.

— Сексуальное? Да ведь мы не нашли следов спермы, а второй жертвой вообще был пожилой мужчина.

— Верно. Но позвольте мне кое-что вам объяснить. Наша база данных строится на так называемых комплексных показателях и корреляциях. И как я уже говорил, по психическому профилю и почерку нашего убийцу вполне можно сопоставить с десятками других преступников. В свое время мы опросили более двух тысяч серийных убийц и всем задавали один и тот же вопрос: зачем они это делали? И черт возьми, все отвечали одно и то же! Ошибка, конечно, возможна, но, скорее всего, наш преступник тоже испытывал от убийства сексуальное удовольствие.

Д’Агоста все еще сомневался, но тем не менее кивнул.

— Продолжаем. У обоих убийств был чувственный подтекст. Преступник испытывал сексуальное возбуждение, вызванное двумя причинами: чувством власти над другим человеком и видом крови. Пол жертвы в этом случае не так уж и важен. А отсутствие спермы

можно объяснить тем, что он не достигал пика наслаждения. Или все дело в том, что он не снимал одежду. Такое частенько случается.

Лейтенант беспокойно заерзал на стуле. Пончик перестал казаться ему таким уж аппетитным.

— Другой общий момент — это определенная последовательность действий, своеобразный ритуал. Убийца получает удовольствие еще и оттого, что повторяет одни и те же движения, в неизменной последовательности, наносит тем же ножом точно такие же повреждения.

Д’Агоста опять кивнул.

— У него есть работа. Вероятно, хорошая. Такие убийцы предпочитают действовать в знакомой, комфортной обстановке. Следовательно, мы можем предположить, что это либо бывший служащий этих отелей, либо, более вероятно, их бывший клиент.

— Мы уже начали проверку персонала отелей, а также постояльцев.

— Превосходно. — Гиббс глубоко вздохнул. Он, конечно, был излишне разговорчив, но д’Агоста и не думал его останавливать. — Ловкость в обращении с ножом говорит о том, что профессия преступника связана с холодным оружием. Либо он просто помешан на клинках. Очень самоуверен, высокомерен. Это еще одна особенность данного типа преступников. Он не боится, что его засекут камеры наблюдения, он смеется над полицией и верит, что сможет контролировать ход расследования. Я уже не говорю об этих издевательских надписях.

— Меня тоже интересуют надписи — у вас есть какие-то предположения на этот счет?

— Могу лишь повторить, что они издевательские.

— А кому, на ваш взгляд, они адресованы?

По лицу Гиббса расплылась улыбка:

— Никому в отдельности.

— А как же «С днем рождения»? Вы считаете, это сообщение тоже никому не адресовано?

— Да. Преступники этого типа любят дразнить полицейских, но

обычно не выбирают отдельную мишень для насмешек. По крайней мере, на первое время. Мы все для них на одно лицо. Преступник мог иметь в виду годовщину любого события — возможно, даже свой собственный день рождения. Это тоже необходимо проверить.

— Отличная идея. А что, если это послание какому-то другому человеку а не полицейским?

— Вряд ли. — Гиббс погладил папку. — Здесь возможно другое. Допустим, убийцу в детстве бросила мать, он рос сиротой. У него сложные отношения с женщинами. А если он гомосексуалист, то с мужчинами. Наконец, могло произойти какое-то событие, озлобившее его: разрыв с любимым человеком, увольнение с работы или — что наиболее вероятно — смерть матери.

Гиббс с удовлетворенным видом откинулся на спинку стула.

— Это предварительные выводы? — поинтересовался д’Агоста.

— Мы их подкорректируем, когда получим дополнительную информацию. У нас поистине огромная база данных. — Гиббс посмотрел д’Агосте прямо в глаза. — Должен признать, лейтенант, что вы поступили правильно, обратившись с этим делом именно к нам. В нашем отделе собраны лучшие в мире эксперты по этому вопросу. Обещаю, что мы будем работать в тесном контакте с вами, уважая ваших людей и согласовывая свои действия.

Д’Агоста кивнул. О большем в его положении не стоило и мечтать.

После отъезда Гиббса лейтенант еще долго сидел за столом. Рассеянно жуя пончик с карамельным кремом, он обдумывал слова Гиббса о мотивах убийцы. В них был определенный смысл. Возможно, даже слишком много смысла.

Господи, как пригодился бы сейчас Пендергаст!

Д’Агоста покачал головой, покончил с пончиком, облизал пальцы и неимоверным волевым усилием закрыл коробку.

14

Д’Агоста отмахнулся от швейцара своим полицейским жетоном и с решительным видом прошел мимо, даже не взглянув на него.

— Сэр? Вы к кому, сэр?

Уже поворачивая во внутренний двор, лейтенант все-таки назвал имя Пендергаста и номер его квартиры.

Лифтер оказался более упрямым, так что пришлось обвинить его в противодействии силам правопорядка, чтобы тот соизволил все же открыть старомодную решетчатую дверь и доставить лейтенанта на нужный этаж.

Д’Агоста часто бывал в «Дакоте» и каждый раз восхищался смесью ароматов пчелиного воска, старого дерева и тонко выделанной кожи. Все здесь поражало аристократической роскошью, начиная с полированной меди кнопок лифта и заканчивая внутренней отделкой — мягкими, поглощающими звуки шагов коврами, стенами из известнякового туфа и изящными подсвечниками позапрошлого века. Но сейчас лейтенант ничего этого не замечал. Он беспокоился за Пендергаста. День за днем он ожидал какой-то развязки, хотя бы нервного срыва. Но ничего не происходило. И от этого было еще страшнее.

Швейцар, конечно же, сообщил о его приходе, и как только д’Агоста надавил на кнопку переговорного устройства, та мгновенно ожила.

— Винсент?

— Мне нужно поговорить с вами. Срочно.

Пендергаст долго не отвечал.

— На какую тему?

Голос Пендергаста звучал так странно, что у д’Агосты пробежал мороз по коже. Хотя, возможно, всему виной было простое дребезжание микрофона.

— Вы впустите меня?

Еще одна долгая пауза.

— Спасибо, что зашли, но нет.

Д’Агоста задумался. «Спасибо, но нет»? Это ему совсем не понравилось. Лейтенант вспомнил разговор с Лорой и решился еще на одну попытку:

— Пендергаст, послушайте. У нас произошло несколько убийств. Серийный убийца. Мне действительно нужен ваш совет.

— Меня это не интересует.

Д’Агоста глубоко вздохнул:

— Я не отвлеку вас надолго. Просто хочу взглянуть на вас, и все. Нам нужно поговорить. Я хочу понять, что происходит, что с вами творится. Вы испытали страшное потрясение…

— Пообещайте, что уйдете и больше не будете меня беспокоить.

Его голос стал еще холодней и равнодушней, чем прежде.

Лейтенант собрался с силами и ответил:

— И не подумаю. Я буду стоять здесь и надоедать вам, пока вы меня не впустите. Буду стоять всю ночь, если потребуется.

Он все-таки добился своего. Один за другим начали открываться замки. Дверь отворилась, и д’Агоста зашел в прихожую. Пендергаст, одетый в черный халат, даже не поздоровавшись, тут же повернулся к нему спиной. Лейтенант следом за ним направился в гостиную с бонсаями и водопадом.

Пендергаст медленно, словно через силу, опустился в кресло, скрестил руки на груди и взглянул на д’Агосту.

Лейтенант в ужасе застыл. Он не верил своим глазам. Лицо агента осунулось, посерело, серебристые сверкающие глаза сделались тяжелыми и тусклыми, будто свинцовыми. Руки едва заметно дрожали.

— Пендергаст, — начал д’Агоста преувеличенно бодро, — я просто хочу, чтобы вы знали, как потрясла меня смерть Хелен. Мне ничего не известно о ваших планах, но я полностью на вашей стороне — как бы вы ни собирались поквитаться с этими ублюдками.

Пендергаст никак не отреагировал на его слова.

— Мы должны получить… э-э… свидетельство о смерти,

медицинское заключение, перевезти тело, пройти через всю эту чертову дипломатическую волокиту с мексиканскими властями. Я пока не знаю, к кому обратиться, но держу пари, что мы быстро управимся. Хелен похоронят достойно, как она заслуживала. А потом мы начнем расследование — ФБР, конечно же, поддержит своего агента. Но и нью-йоркская полиция тоже подключится. И будь я проклят, если не привлеку к делу наших лучших парней. Мы вычислим этих негодяев, я обещаю.

Он остановился перевести дух и взглянул на Пендергаста. Тот прикрыл глаза и как будто задремал. Лейтенант смотрел на своего старого друга и партнера, и вдруг ужасная догадка пронеслась в его голове, едва не парализовав, как удар током высокого напряжения.

— Боже мой! Значит, вы колетесь?

— Что я делаю? — пробормотал Пендергаст.

— Принимаете наркотики.

Тишина, ничем не нарушаемая тишина.

Д’Агоста почувствовал внезапную вспышку гнева:

— Я видел такое тысячу раз. Вы подсели на наркотики.

Пендергаст сделал вялый неопределенный жест рукой:

— И что?

— Как это «что»?

Д’Агоста вскочил со стула. Внутри у него все бурлило. Он помнил столько дерьма, столько смертей и бессмысленных страданий, вызванных наркотиками. Он ненавидел эту мерзость.

Лейтенант посмотрел на Пендергаста:

— Не могу в это поверить. Мне казалось, вы немного умнее. Где они?

Пендергаст не ответил. Просто скривился в равнодушной гримасе.

Д’Агоста не смог этого выдержать и повысил голос:

— Где наркотики?

Не дождавшись ответа, лейтенант наконец позволил гневу вырваться наружу. Он остановился возле книжного шкафа и начал

вытаскивать из него книги, одну за другой.

— Где наркотики?

Он опрокинул со стола горшок с одним из карликовых деревьев.

— Где наркотики? Я не уйду отсюда, пока не найду их! Понял ты, обдолбанный придурок?

— Ваша лексика выходца из нижних слоев общества утратила прежнее очарование.

Что ж, по крайней мере, в этой фразе мелькнула искорка прежнего Пендергаста. Д’Агоста остановился, все еще дрожа от ярости, но уже понимая, что надо успокоиться.

— В моей квартире много комнат, и большинство дверей надежно заперты.

Д’Агоста почувствовал, что сходит с ума. Он из последних сил попытался взять себя в руки:

— Послушайте, что я скажу. Смерть Хелен — ужасная трагедия…

Пендергаст оборвал его холодным, замогильным тоном:

— Не смейте говорить о Хелен и о том, что произошло. Больше никогда.

— Хорошо, не буду. Но вы же не можете просто… Я хочу сказать… — Он замотал головой, не находя слов.

— Вы сказали, что вам нужна помощь в расследовании убийства. Я объяснил, что мне это неинтересно. Теперь, если у вас нет ко мне других дел, могу я попросить вас уйти?

Лейтенант тяжело опустился на стул и закрыл лицо руками. Возможно, расследование убийства смогло бы вытащить Пендергаста из этой трясины. Но никакой уверенности у него не было. Он провел рукой по лицу, поднял голову:

— Позвольте мне просто рассказать об этом деле. Хорошо?

— Если вам это так необходимо.

Д’Агоста положил руки на колени, пару раз глубоко вдохнул:

— Вы читаете газеты?

— Нет.

— У меня есть с собой отчет об этом убийстве.

Лейтенант достал распечатанный на трех листах отчет и протянул Пендергасту. Тот пробежал по листу унылым, безразличным взглядом. Но сразу не возвратил, взял вторую страницу и стал читать дальше. Затем вернулся к началу и стал изучать более внимательно.

Д’Агосте показалось, будто он уловил в глазах агента проблеск интереса. Но нет, это была всего лишь игра воображения.

— Я полагал, что это дело как раз по вашему вкусу. К нам направили специального агента из поведенческого отдела ФБР. Его зовут Гиббс. Конрад Гиббс. Вы его знаете?

Пендергаст медленно покачал головой.

— У него множество всяких теорий. Но они годятся для обычных, стандартных дел. А это… мне кажется, оно буквально создано для вас. Я прихватил с собой папку с описанием места преступления, лабораторными отчетами, результатами вскрытия, протоколом судебной экспертизы и ДНК-анализом.

Д’Агоста вынул папку из портфеля и вопросительно покачал ее на руке. Не получив ответа, положил ее на стол:

— Я могу рассчитывать на вашу помощь?

— Очень жаль, но у меня не хватит времени до ухода просмотреть весь материал.

— До ухода? Куда это вы собрались?

Пендергаст тяжело поднялся, складки черного халата скрадывали очертания его фигуры, так что он сам напоминал теперь Старуху с косой. Свет, померещившийся д’Агосте в его глазах, оказался иллюзией. Глаза сделались еще более пустыми, чем прежде.

Пендергаст протянул лейтенанту руку, холодную, как мороженая макрель, стиснул ладонь д’Агосты и чуть оттаявшим голосом произнес:

— Прощайте, мой дорогой Винсент.

Пендергаст захлопнул входную дверь. Затем направился обратно в гостиную, но остановился в замешательстве. На его лице

отразилось необычайное смятение. Наконец он принял решение. Подошел к столу, взял толстую папку, раскрыл ее и начал читать.

Больше двух часов он простоял неподвижно с папкой в руках. Потом положил ее на стол. Губы Пендергаста приоткрылись и выговорили всего одно слово:

— Диоген.

15

«Роллс-Ройс-Силвер-Рейт» 1959 года выпуска с ревом несся по северной части Риверсайд-драйв, отражая в своем полированном корпусе уличные фонари и огни светофоров. Миновав Сто тридцать седьмую улицу, он сбросил скорость и свернул на дорогу, идущую вдоль высокой кованой ограды с открытыми настежь воротами. Проехав мимо чахлых айлантов и кустов сумаха, автомобиль остановился возле роскошного большого особняка. Верхняя часть четырехэтажного здания из мрамора и кирпича терялась в темноте, прогулочную площадку на крыше мансарды ограждала зубчатая стена. В небе сверкнула молния, вслед за ней донеслись раскаты грома. С Гудзона дул холодный ветер. Было всего шесть часов вечера, но в начале декабря к этому времени на Нью-Йорк уже опускается ночь.

Агент Пендергаст вышел из машины. Несмотря на мороз, его бледное лицо покрывали бисеринки пота, едва заметные в полутьме. Как только он подошел к дубовой двери украшенного колоннами крыльца, кусты на дальней стороне дороги громко зашуршали. Он обернулся на звук и увидел возникшую из темноты Кори Свенсон — в измятой грязной одежде, с пятнами сажи на лице и со спутанными волосами. На ее плече висел изодранный рюкзак. Она посмотрела в одну сторону дороги, затем в другую, крутя головой, как норовистый жеребец, и бросилась к Пендергасту.

— Агент Пендергаст! — хрипло прошептала она. — Где же вы пропадали? Я всю задницу себе отморозила, дожидаясь вас. У меня большие неприятности.

Не дожидаясь дальнейших разъяснений, он отпер замок и пригласил ее войти. Захлопнул тяжелую дверь и включил свет в прихожей с мраморным полом и стенами, обитыми темным бархатом. Через большой обеденный зал готического стиля провел Кори в такую же просторную гостиную, отделенную зеркальной стеной от кабинета. Проктор, шофер Пендергаста, вероятно разбуженный шумом в прихожей и едва успевший набросить халат, поджидал босса, прислонясь к стене.

— Проктор, будьте добры, попросите миссис Траск, чтобы она приготовила ванну для мисс Свенсон, — сказал Пендергаст. — А еще

постирала и выгладила ее одежду.

Кори повернулась к нему:

— А как же…

— Я буду ждать вас в библиотеке.

Полтора часа спустя, чувствуя себя заново родившейся, Кори вошла в библиотеку. В комнате было темно, ни единого огонька. Ей едва удалось разглядеть Пендергаста, сидевшего возле дальней стены в кресле с подголовником. Было в его позе что-то странное — какая-то тревожная неподвижность, если можно так выразиться.

Она устроилась в кресле напротив. Пендергаст сложил пальцы домиком и прикрыл глаза. Кори внезапно занервничала и торопливо начала рассказывать. О Беттертоне и его подозрениях в отношении Пендергаста, о яхте и о своем безумном решении проникнуть в упомянутый им дом на Ист-Энд.

Пендергаст сидел с отсутствующим лицом и, казалось, не слушал ее. Но как только речь зашла о доме, сразу оживился.

— Вы совершили кражу со взломом, — заметил он.

— Знаю, знаю. — Кори покраснела. — Да, я дура, но ведь это для вас не новость…

Она попыталась рассмеяться, но не дождалась ни ответной улыбки, ни какого-либо другого отклика. Пендергаст был совсем не похож на себя прежнего. Она глубоко вздохнула и продолжила:

— Дом выглядел заброшенным, покинутым много лет назад. И я решила забраться внутрь. Вы не поверите, что я там нашла. Это что-то вроде конспиративной квартиры нацистов. Штабеля «Майн кампф» в подвале, старая радиостанция и даже пыточная камера. Судя по беспорядку на верхнем этаже, они собирались переезжать. Я нашла комнату с кучей документации, подготовленной к уничтожению.

Кори сделала паузу, но опять не дождалась никакой реакции.

— Я бегло просмотрела бумаги, полагая, что в них может быть что-то важное. Часть из них оказалась бланками со свастикой, датированными еще периодом войны. На некоторых стоял штамп «Streng Geheim» — позже я выяснила, что по-немецки это означает «Строго секретно». А затем я наткнулась на имя Эстерхази.

Пендергаст мгновенно очнулся:

— Эстерхази?

— Это ведь девичья фамилия вашей покойной супруги, правильно? Я узнала об этом из Сети.

Агент утвердительно наклонил голову. Боже, как же ужасно он все-таки выглядел!

— Как бы там ни было, — продолжила Кори, — я забрала с собой документы, сколько поместилось в рюкзак. Но тут… — Она осеклась, память об этом ужасе была еще слишком свежа. — Тут меня поймал один из нацистов. И хотел застрелить. Но мне удалось прыснуть ему в лицо «Капсикумом»[39]и убежать. Я страшно перепугалась и с тех пор скрываюсь от них, ночуя в подвалах и скитаясь по Брайант-парку. Я ни разу не заходила ни в свою квартиру ни в колледж. И все это время пыталась разыскать вас! — Она вдруг почувствовала, что готова расплакаться, но сдержала слезы. — У меня не получилось пробраться в «Дакоту». Там такие швейцары — будто только вчера из КГБ.

Она достала из рюкзака пачку документов и положила на журнальный столик:

— Вот они.

Пендергаст даже не взглянул на бумаги. Казалось, его мысли были где-то далеко-далеко. Кори встревожилась и пристально посмотрела на него. Агент стал безобразно худым, почти изможденным, и даже в полумраке она различила темные круги у него под глазами и неестественно бледную кожу. Но больше всего пугала его вялость. Он и раньше иногда казался медлительным, но было понятно, что это неторопливость хищного зверя, готового в любой момент прыгнуть на врага. Теперь у Кори не возникло подобного ощущения. Агент был рассеянным, отстраненным и лишь на мгновение заинтересовался ее рассказом. Его как будто вовсе не волновало, что ради него Кори угодила в опасность.

— Пендергаст, — позвала она, — с вами все в порядке? У вас такой вид… как у душевнобольного. Извините, но это правда.

Он отмахнулся от ее расспросов, словно от мухи.

— Эти так называемые нацисты. Они знают ваше имя?

— Нет.

— Не могли вы оставить у них что-нибудь, по чему вас легко будет опознать?

— Думаю, что нет. Все, что при мне было, находится здесь. — Она слегка подтолкнула ногой рюкзак.

— И вы не заметили за собой слежки?

— Не заметила. Я пряталась в подвалах. Это очень страшные люди.

— А какой адрес у этой конспиративной квартиры?

— Ист-Энд-авеню, четыреста двадцать восемь.

Агент надолго замолчал.

— Они не знают, кто вы. Они не смогут вас отыскать, если только случайно не встретят на улице. Это, конечно, маловероятно, но необходимо свести шансы к нулю. — Он обернулся к Кори. — У вас есть где спрятаться? Может быть, друзья? Где-нибудь за пределами города.

Его слова потрясли девушку. Она так надеялась, что Пендергаст приютит ее, защитит, поможет справиться с ситуацией.

— А почему нельзя спрятаться здесь?

Опять тишина вместо ответа. Затем Пендергаст глубоко, прерывисто вздохнул:

— Не вдаваясь в детали, проблема в том, что в настоящий момент я не могу позаботиться о вашей безопасности. Я так занят, что фактически сам представляю для вас угрозу. Надеясь на мою защиту, вы сильно рискуете. К тому же, оставаясь в Нью-Йорке, вы увеличиваете вероятность случайной встречи с этими людьми. Так что подумайте, есть ли такое место, куда вы можете уехать. Я гарантирую, что вы благополучно туда доберетесь и не будете иметь финансовых проблем. А дальше вы сможете рассчитывать только на себя.

Это было настолько неожиданно, что она оцепенела. Куда ей, черт побери, деваться? Ее мать все еще жила в Медсин-Крике, штат Канзас, но Кори дала себе слово, что никогда не вернется в эту навозную кучу.

— Мой отец живет неподалеку от Аллентауна, — нерешительно произнесла она.

Пендергаст, успевший снова принять отсутствующий вид, обернулся к ней:

— Припоминаю, вы что-то о нем говорили. У вас есть его точный адрес?

Кори уже пожалела, что вспомнила об отце.

— Да, есть. Но я не видела его с тех пор, как он бросил мою мать пятнадцать лет назад.

Пендергаст нажал маленькую кнопку на внутренней поверхности стола. Спустя минуту в дверях библиотеки появился Проктор. Даже с костылем он выглядел весьма внушительно.

— Проктор, — обратился к нему Пендергаст, — будьте добры, позвоните в нашу прокатную контору. Я хочу, чтобы вы доставили мисс Свенсон в Аллентаун, штат Пенсильвания, по тому адресу, который она укажет. Снабдите ее тремя тысячами долларов и новым телефоном.

— Будет сделано, сэр, — кивнул Проктор.

Кори растерянно перевела взгляд с Пендергаста на Проктора и обратно.

— Не могу поверить. Вы предлагаете мне просто поджать хвост и удрать?

— Я же объяснил, что это необходимо. У отца вы будете в полной безопасности, тем более что вы с ним так давно не встречались. Вы должны оставаться там по крайней мере месяц, а то и два. Расплачивайтесь только наличными — никаких кредитных карт. Раздавите свою сим-карту, выбросьте телефон и по возможности ни с кем не общайтесь. Свяжитесь со мной, то есть с Проктором, когда захотите вернуться.

— А если я не поеду к своему папаше-неудачнику? — вспылила Кори.

— Боюсь, вы недооцениваете тех парней, у которых вы украли важные документы. Я не хочу, чтобы они вас нашли.

— Но… — Ей совсем не нравилось это предложение, и она

начала выходить из себя. — А как же колледж?

— Зачем мертвецу знания? — холодно возразил Пендергаст.

Кори рывком поднялась с кресла.

— Тысяча чертей, да что же все-таки с вами происходит? — Она вдруг замолчала и снова внимательно посмотрела на него. — Может быть, вы больны?

— Да.

От этих слов холодный пот выступил на лбу Кори. Господи, он действительно болен. Это все объясняло. Она попыталась справиться с раздражением. Последние несколько недель ей столько всего пришлось пережить, и, возможно, Пендергаст был прав, предлагая ей спрятаться.

— Простите меня. — Она так же порывисто села на место. — Просто мне очень не понравилась идея спасаться бегством. Но кто эти люди и какого черта они здесь забыли?

— Боюсь, что эта информация еще сильнее повредит вашей безопасности.

— Позвольте мне остаться и помочь вам. — Кори попыталась улыбнуться. — Однажды у нас неплохо получилось работать вместе.

Пендергаст немного оживился — впервые с начала разговора.

— Спасибо, я тронут, — произнес он тихо. — В самом деле тронут. Но мне не нужна помощь. Сейчас мне требуется только полное одиночество.

Кори ошеломленно замерла в кресле. Она совсем забыла, какой занозой в заднице способен быть Пендергаст.

— Проктор ждет вас.

Еще мгновение она просто смотрела на него. Потом встрепенулась, закинула на плечо рюкзак и вышла из библиотеки.

Пендергаст остался сидеть в темной комнате. Спустя десять минут он услышал, как захлопнулась дверь, поднялся, подошел к одной из книжных полок и снял с нее очень толстый старинный том. Послышался глухой щелчок, и полка отъехала в сторону. За ней оказались латунные створчатые ворота, открыв которые Пендергаст подошел к массивной кленовой двери секретного лифта. Он зашел в

кабину, нажал кнопку и спустился в подвал особняка. Затем проследовал по длинному коридору к вырубленной в скале старинной лестнице, ступени которой терялись во мраке. Агент прошел по ней до самого низа и очутился в огромном подземелье. Миновав череду слабо освещенных залов и галерей, пропитанных ароматом древности, он добрался до комнаты, заставленной столами с современным лабораторным оборудованием. Зажег свет и шагнул к устройству, напоминающему гибрид телефакса с кассовым аппаратом. Сел на стул и нажал кнопку на боковой стенке агрегата. Из него выдвинулся широкий лоток с целым набором коротких и толстых пробирок. Пендергаст зажал одну из них между большим и указательным пальцем. Вытащив из нагрудного кармана скальпель, уколол им большой палец другой руки, собрал кровь в пробирку, поставил ее обратно в гнездо аппарата, нажал несколько кнопок и стал ждать результатов анализа.

16

Доктор Фелдер пересек Семьдесят седьмую улицу, свернул на Сентрал-Парк-Уэст, поднялся по широким ступенькам короткой лестницы и очутился под темными сводами Нью-Йоркского исторического общества. Недавно это здание строгой классической архитектуры основательно отремонтировали, и Фелдер с любопытством осматривал его новый интерьер. Хотя галереи и помещение библиотеки приняли современный вид, все же чувствовалось, как глубоко они укоренились в прошлом — или завязли в нем. О чем ясно говорил дефис в слове «Нью-Йоркское»[40] на табличке перед входом.

Доктор подошел к справочному столу:

— Доктор Фелдер к Фентону Гудбоди.

Женщина за столом сверилась с компьютером:

— Одну минутку. Я позову его. — Она набрала номер и подняла трубку телефона: — Мистер Гудбоди, к вам доктор Фелдер. — И тут же ее повесила. — Он сейчас спустится.

— Спасибо.

Прошло десять минут. Фелдер успел во всех подробностях изучить вестибюль, прежде чем мистер Гудбоди все-таки появился. Высокий, полный, румяный, в очках. Лет шестидесяти на вид. На нем был дорогой твидовый костюм и такой же жилет.

— Доктор Фелдер, — пропыхтел он, вытирая ладонь о жилет, перед тем как поздороваться. — Извините, что заставил вас ждать.

— Ничего страшного.

— Надеюсь, вы не будете против, если мы быстро разберемся с вашим делом? Видите ли, уже половина восьмого, а в девять мы закрываемся.

— Спасибо, было бы просто великолепно.

— В таком случае прошу следовать за мной.

Гудбоди прошел мимо справочного стола по гулкому коридору к узкой лестнице, ведущей вниз. Спустился по ней, затем направился

по другому коридору в огромный зал, весь заставленный стеллажами, на которых хранились разнообразные материалы: ящики с желтоватой бумагой, скатанные в пыльные рулоны или сложенные в гармошку старинные документы, тяжелые тома в кожаных переплетах с медными табличками на титуле. Фелдер растерянно озирался, от бумажной пыли ему ужасно хотелось чихнуть. Он слышал много рассказов об историческом обществе, о невероятном количестве документов и произведений искусства, хранящихся там, но в первый раз наблюдал это богатство собственными глазами.

— Позвольте мне взглянуть. — Гудбоди вытащил из кармана клочок бумаги, снял с носа очки, сложил их и сунул в карман жилета. Затем поднес листок к самым глазам. — Ага, G-14–2140.

Он вернул бумагу в карман, снова достал очки, протер их своим галстуком и водрузил обратно на переносицу. После чего отправился к дальней стене зала. Фелдер терпеливо ждал, пока пожилой мужчина обыскивал сначала верхние ряды стеллажа, потом, с тем же успехом, нижние.

— Что за чертовщина… Я только что их видел… Ах да, идите за мной.

Гудбоди вытянул руку и ухватил толстую пачку бумаг, кое-как уложенных в папку и стянутых жгутом. С видом победителя взглянув на Фелдера, он небрежно бросил документы на ближайший стол. Поднялось целое облако пыли.

— Итак, доктор Фелдер, — сказал архивариус, указывая на ряд стульев перед столом. — Вас интересуют работы Александра Винтура?

Фелдер кивнул и сел. Он чувствовал, что аллергия скоро разыграется не на шутку, и старался лишний раз не открывать рот.

— Вероятно, вы первый, кто о них спрашивает. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, кроме меня, изучал их с той поры, как картины оказались здесь. По вашей просьбе я откопал кое-какую информацию об этом художнике. — Помолчав немного, Гудбоди попросил: — Напомните, пожалуйста, по какой дисциплине у вас докторская степень. История искусств?

— Э-э… да, именно так, — пробормотал Фелдер.

Он не собирался никому раскрывать истинную причину интереса

— не думал даже, что об этом вообще может зайти речь. Ложь слетела с его губ почти автоматически, и теперь не оставалось другого выбора, кроме как и дальше ее поддерживать.

— Тогда предъявите мне ваш диплом, и покончим с формальностями.

Фелдер вскинул голову:

— Диплом?

— Да, диплом, подтверждающий научную степень.

— Я… э-э… боюсь, что я забыл взять его с собой.

Архивариус искренне расстроился:

— Забыли? Дорогой мой, ну разве ж так можно? — Он вздохнул. — В таком случае я не смогу оставить вас здесь одного с экспонатами. Извините, но таковы правила.

— И нет никакой возможности… ознакомиться с ними?

— Есть, но я обязан присутствовать при этом. И боюсь, у нас в запасе осталось всего полчаса.

— Этого хватит.

Согласие посетителя, похоже, успокоило Гудбоди.

— Вот и хорошо. Давайте посмотрим, что у нас тут.

Он развязал веревку и раскрыл папку. Сверху лежал лист плотной бумаги, покрытый толстым слоем пыли.

— Отойдите в сторонку, — сказал Гудбоди, глубоко вдохнул и сдул пыль с листа.

Словно маленький серый ядерный гриб поднялся над головой архивариуса.

— Как я уже говорил, мне удалось собрать немного информации о Винтуре, — донесся из облака голос Гудбоди. — Примечания к акту передачи материалов. Судя по всему, он был главным художником «Бауэри иллюстрейтед ньюс», еженедельника, издававшегося в последние десятилетия девятнадцатого века. Этим он зарабатывал на жизнь. Но хотел стать настоящим живописцем. Кажется, больше всего его привлекали образы бедняков Манхэттена.

Пыль улеглась, и Фелдер сумел разглядеть изображение на

бумаге. Это был написанный маслом портрет мальчика, сидящего на ступеньках крыльца дома. В одной руке он держал мяч, в другой — биту и смотрел с картины немного рассерженно.

— Да, — пробормотал Гудбоди, мельком взглянув на портрет.

Доктор осторожно отложил лист в сторону. Под ним был еще один рисунок — витрина магазина с вывеской «Р. и Н. Мортенсон. Мебель и посуда». Четверо ребятишек с такими же хмурыми лицами смотрели из-за стекла на улицу.

Фелдер потянулся к следующему листу. Мальчик, сидящий на задке повозки, похожей на бочку для перевозки пива. На заднем фоне — неровная дорога с выбоинами, засыпанными щебнем и битым кирпичом. На оборотной стороне листа кем-то — вероятно, самим Винтуром — небрежно написано: «Бэкстер-стрит, 1879».

Далее последовали еще несколько похожих картин. В основном на них были изображены подростки и женщины из бедных кварталов Манхэттена. Реже — мужчины за работой или играющие дети. Реже попадались портреты — во весь рост или по грудь.

— Винтур так и не смог продать ни одной картины, — произнес Гудбоди. — После смерти художника родственники предложили все его архивы историческому обществу, лишь бы только от них избавиться. Принять все эскизы, наброски и альбомы общество не смогло — сами видите, насколько мы ограничены в площади. Но картины, конечно же, взяли. В конце концов, он был нью-йоркским художником, пусть даже и не добившимся известности.

Фелдер взглянул на следующую картину. На ней два мальчика катили обруч от бочки по дороге мимо магазина с вывеской «Скобяные изделия». Доктора не удивило, что картины Винтура плохо продавались: откровенно говоря, они были довольно посредственными. И дело, видимо, не в выборе сюжетов и персонажей, а в их невыразительности, отсутствии живости в лицах и позах.

Доктор открыл следующий лист и застыл от неожиданности.

С портрета на него смотрела Констанс Грин. То есть именно так могла выглядеть Констанс в шестилетнем возрасте. На этот раз Винтуру удалось превзойти себя и написать портрет, достойный оригинала. Она была точно такой же, как на газетной гравюре с играющими беспризорниками, только с куда более живым и

выразительным лицом. Удивленно приподнятые брови, слегка надутые губы, завитки волос — все передано безошибочно. Только глаза отличались. Здесь они были по-детски невинными и, возможно, немного испуганными. Совсем не похожими на те, что так пристально изучали доктора во время последней встречи в библиотеке больницы «Маунт-Мёрси».

— Да, неплохой портрет, — заметил Гудбоди. — В самом деле неплохой. Такой не стыдно показать на выставке, не правда ли?

Выйдя из оцепенения, Фелдер поспешно перевернул лист. Он не хотел, чтобы архивариус видел, насколько потрясла его эта картина. Идея выставить портрет на всеобщее обозрение ему тоже почему-то не понравилась.

Он бегло просмотрел оставшиеся работы, но ни других изображений Констанс, ни локона ее волос в папке не оказалось.

— Вы не знаете, где можно найти остальные его работы, мистер Гудбоди? — спросил он архивариуса. — Особенно меня интересуют эскизы и альбомы, о которых вы говорили.

— К сожалению, не имею понятия. В архивах указано только, что его семья жила в Саутпорте, штат Коннектикут. Попробуйте поискать там.

— Я так и сделаю. — Портрет настолько потряс Фелдера, что доктор, поднимаясь со стула, едва не потерял равновесие. — Огромное вам спасибо за потраченные на меня время и силы.

Гудбоди просиял от удовольствия:

— Общество всегда радо помочь научным исследованиям. О, уже девять часов. Пойдемте, я провожу вас наверх.

17

В библиотеке особняка на Риверсайд-драйв было холодно и темно. В остывшем пепле камина грудой лежали нераспечатанные письма. Стоявший обычно у стены длинный стол был вытащен на середину комнаты и завален распечатками и фотографиями. Несколько листов свалились на пол, и на них отпечатались следы обуви. На дубовом столе в другом углу библиотеки стоял монитор, и на нем раз за разом прокручивались кадры с заходящим в холл отеля мужчиной в темном костюме.

Пендергаст беспокойно бродил по комнате, словно зверь в клетке. Иногда он останавливался и смотрел на монитор или склонялся над бумагами, перебирая их, внимательно изучая и снова раздраженно бросая в кучу. Порой среди них попадались люминесцентные фотографии, покрытые темными линиями и спиралями молекул ДНК, похожие на снимки призраков. Агент поднимал то один лист, то другой, дрожащей рукой подносил к лицу, что-то сопоставляя, а затем отпускал в обратный полет на стол.

Выпрямившись, он прошел через всю библиотеку к маленькому сервировочному столику уставленному всевозможными бутылками, налил себе бокал амонтильядо, выпил его залпом, снова наполнил до краев и опять осушил до дна.

Пендергаст снял пиджак и повесил на стул, развязал галстук, расстегнул сорочку. Затем снова зашагал по кругу. Лицо его блестело от пота, даже светлые волосы были влажными.

Часы на каминной полке пробили полночь.

На очередном круге он снова свернул к бутылке амонтильядо. Налил вина в бокал, поднял, но после секундного колебания, даже не пригубив, опустил обратно с такой силой, что стекло треснуло и янтарная жидкость пролилась на стол.

Он опять заметался по комнате, как будто ничего не заметил. Остановился на мгновение возле камина и кочергой перемешал свежевысыпанные письма с потухшими углями.

Следующую остановку агент сделал у монитора и с видимым усилием заставил себя взглянуть на него. Взял пульт управления, нажал тонким паучьим пальцем на кнопку покадрового показа и

замер, рассматривая человека в темном костюме, сначала входящего в отель, потом стоящего в холле и наконец выходящего. Пендергаст наклонился к монитору, изучая лицо преступника, одежду, походку, прикидывая на взгляд его рост и вес. Еще одно нетерпеливое нажатие кнопки, и на экране появились новые кадры с тем же самым человеком — или не тем же? — уверенно шагающим через холл другого отеля. Агент прокручивал записи снова и снова, в замедленном темпе и в убыстренном, с остановками, увеличивая и уменьшая масштаб, бесконечно заставляя преступника входить в отель и выходить обратно. Наконец он бросил пульт на стул и опять направился к сервировочному столику.

Дрожащей рукой он взял другой тонкий бокал, наполнил хересом и выпил, пытаясь алкоголем заглушить ломку, хотя и понимал, что только продлевает свои мучения.

Сделав еще один круг по комнате, он притормозил возле двери. Там стоял крупный, атлетического вида мужчина с серебряным подносом в руках. Лицо мужчины скрывалось в тени, и разгадать его выражение было невозможно.

— В чем дело, Проктор? — резко спросил Пендергаст.

— Если вам больше ничего не нужно, сэр, то я ложусь спать.

Проктор подождал распоряжений, но не услышал в ответ ни слова и растворился в темноте. Как только он вышел, Пендергаст, словно одержимый, продолжил кружить по комнате, снова и снова просматривая записи, перепроверяя документы и сличая фотографии.

Внезапно он остановился на полушаге, обернулся и тихо позвал:

— Проктор?

В дверях снова материализовалась тень шофера.

— Да?

— Вообще-то, если подумать, то нужно подготовить автомобиль. Будьте добры.

— Могу я узнать, куда мы поедем?

— В Уан-Полис-Плаза.

Когда Винсенту д’Агосте доставались дела повышенной сложности, лучше всего ему работалось в промежуток с полуночи до

двух — идеальное время, чтобы собраться с мыслями и привести в порядок документы. А самое главное — еще раз взглянуть на стенд, на котором лейтенант размещал все факты и улики, пытаясь свести их воедино во времени и в пространстве. Стенд занимал половину стены и с годами порядком пообтерся, но еще годился для работы. И теперь д’Агоста прикалывал к нему внушительную пачку карточек, фотографий и записей из блокнота, отмечая взаимосвязи кусочками веревки.

— Что я вижу? Час ночи, а лейтенант все еще погружен в работу.

Он обернулся и увидел в дверях улыбающегося агента Гиббса. Д’Агоста подавил вскипающее в груди раздражение:

— Доброй ночи, агент Гиббс.

Между ними установись формальные, чисто профессиональные отношения, и лейтенанта это полностью устраивало.

— Вы позволите? — Гиббс жестом попросил разрешения войти.

Д’Агоста не нашел причины для отказа:

— Разумеется, прошу вас.

Гиббс вошел в кабинет, заложив руки за спину, кивнул в сторону стенда:

— Каменный век. Мы давно уже такими не пользуемся. У нас в Квонтико вся обработка ведется на компьютерах. — Он опять улыбнулся. — А в последнее время я составляю все схемы на своем верном айподе.

Он показал на кожаный портфель.

— А мне больше нравится старый испытанный способ, — сказал д’Агоста.

Гиббс внимательней пригляделся к стенду:

— Неплохо. За исключением того, что я не могу разобрать ваш почерк, весьма недурно.

«Он просто пытается завязать разговор», — сказал себе д’Агоста.

— Увы, добрые сестры из Холи-Кросс[41]так и не сумели вдолбить в меня привычку писать разборчиво.

— Очень жаль. — Гиббс, похоже, не оценил юмора, но через мгновение вдруг просиял. — Я очень рад, что застал вас в столь поздний час. Я заехал просто так, занести кое-что.

Он взгромоздил портфель поверх всего того беспорядка, что был на столе у д’Агосты, щелкнул замками, вытащил увесистую папку и с невероятно гордым выражением лица протянул лейтенанту.

Д’Агосте пришлось принять ее. Папку украшали печати ФБР и поведенческого отдела. Далее было написано следующее:

Федеральное бюро расследований
Отдел по исследованию поведения преступников
и
Национальный центр изучения насильственных преступлений
Анализ поведения преступника
УБИЙЦА ИЗ ОТЕЛЯ:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА
Психологический профиль и методы совершения преступлений
Оценка потенциальной угрозы

— Однако вы быстро, — сказал д’Агоста, взвешивая папку в руке. — Значит, вы назвали его Убийцей из отеля?

— Вы же знаете, как это принято в ФБР, — с легким смешком ответил Гиббс. — У любого дела должно быть название. В бумагах значилось множество имен — мы выбрали самое подходящее.

Д’Агоста не был уверен, что отель имеет в деле настолько

важное значение, чтобы стать прозвищем убийцы, но решил не возражать. Это лучший способ сохранять хорошие отношения с ФБР.

— Мы бросили на это дело наши лучшие силы, — продолжал Гиббс. — Как вы узнаете из отчета, мы полагаем, что Убийца из отеля только начал серию преступлений и она вскоре продолжится. Вдобавок ко всему мы имеем дело с исключительно умным и подготовленным преступником. Это дело уже можно назвать важным, но оно станет делом особой важности, если мы не поймаем убийцу в ближайшее время.

— Это моя копия отчета?

— Да, конечно. Читайте на здоровье.

Гиббс повернулся к выходу и чуть не столкнулся с худым, почти изможденным мужчиной в черном костюме, неизвестно откуда нарисовавшимся в дверном проеме.

Д’Агоста обернулся.

Пендергаст выглядел как настоящий зомби. Другого слова тут не подобрать: одежда висела на нем, как погребальный саван, глаза выцвели почти до белизны, лицо было невыразительное и неподвижное, мертвое.

— Простите, — обеспокоенно пробормотал Гиббс, пытаясь пройти.

Но Пендергаст вытянул руку, преграждая ему дорогу. Тонкая, жутковатая улыбка появилась на его лице, больше похожем на посмертную маску.

— Старший специальный агент Гиббс? Я специальный агент Пендергаст.

Гиббс встал как вкопанный, торопливо приводя мысли в порядок.

— Рад с вами познакомиться, агент Пендергаст. Мм… или мы уже встречались?

— Увы, нет.

Странный, незнакомый тон в голосе друга встревожил д’Агосту.

— Ах вот как? Хорошо, — пробормотал Гиббс. — И что привело вас сюда?

Пендергаст зашел в кабинет и молча указал на папку в руках у лейтенанта.

Гиббс несколько растерялся:

— Вас назначили расследовать дело Убийцы из отеля? Я крайне удивлен: меня никто не предупредил об этом.

— Вас и не могли предупредить, поскольку я еще не назначен. Но буду. Да, непременно буду назначен.

Хаос в голове старшего агента все нарастал, он из последних сил старался встретить неприятные новости так, как подобает профессионалу.

— Ясно. А позвольте узнать, из какого вы отдела и каков круг ваших полномочий?

Вместо ответа Пендергаст притворно-дружеским жестом положил руку на плечо коллеги:

— Я надеюсь, агент Гиббс, что мы с вами не только сможем работать в паре, но и станем добрыми друзьями.

— Было бы замечательно, — по-прежнему беспокойно отозвался Гиббс.

Пендергаст похлопал его по плечу. И как показалось д’Агосте, слегка подтолкнул к двери.

— Мы увидимся завтра, коллега?

— Да, — ответил Гиббс. К нему постепенно возвращалось самообладание, но, судя по хмурому лицу, он был смущен и расстроен. — Конечно увидимся. И тогда я буду рад предъявить вам бумаги, подтверждающие мои полномочия, и взглянуть на ваши. И обсудить порядок взаимодействия между нашими отделами.

— Мы будем взаимодействовать, сколько вам заблагорассудится, — сказал Пендергаст и повернулся к нему спиной, показывая, что разговор окончен.

Через мгновение Гиббс покинул кабинет.

— Что за хрень? — проворчал д’Агоста. — Вы только что нажили себе врага. Какая муха вас укусила?

— Вот именно, что за хрень? — повторил Пендергаст.

Ругательство в его исполнении прозвучало неестественно. — Вы попросили у меня помощи. Я пришел.

Он выхватил папку из рук д’Агосты, рассеянно пролистал и небрежно бросил на захламленный стол лейтенанта.

— Как же звучит то очаровательное выражение, которое вы так любите употреблять? — спросил он. — Ах да, кусок дерьма. Так вот, даже не читая отчет, я могу с уверенностью сказать, что это чистейший, натуральнейший кусок дерьма. Еще тепленький, только что вылезший из клоаки.

— Мм… почему вы так решили?

— Потому что я знаю, кто этот убийца. Мой брат Диоген.

18

Человек, именующий себя Альбаном Лоримером, утер пот со лба рукой в кожаной перчатке. Он сидел по-японски, на пятках, дыхание его было тяжелым и прерывистым. Расчленять такое крупное тело сравнительно небольшим ножом — работа не из легких. Но он находился в прекрасной форме и получал удовольствие от физической нагрузки.

Этот отель ему понравился больше. «Ройял-Чешир» был действительно великолепен. Изысканная отделка холла, выдержанная в черно-белых тонах, так восхитила его, что даже несколько затруднила ему работу. Но Альбан принял этот вызов. Определить индивидуальный характер отеля оказалось труднее, чем в прежние разы. Пожалуй, он напоминал члена палаты пэров, за спиной у которого множество поколений аристократических предков, богатого и элегантного, но не стремящегося к вульгарной роскоши. Его пятнадцатиэтажный силуэт был действительно изящен.

И молодая женщина — Альбан был уверен, что это будет молодая женщина, — тоже оказалась лучшей из всех жертв. Она сопротивлялась отчаянно, даже после того, как Альбан вскрыл ей ножом горло. И он отблагодарил ее за упорство, расположив части тела в некоем подобии «Витрувианского человека» Леонардо да Винчи. Некоторые органы изображали стрелки компаса, а жемчужину экспозиции Лоример разместил на лбу жертвы. Наконец он глубоко вдохнул, обмакнул палец в лужу крови на полу и очень аккуратно написал на обнаженном животе новое послание, а затем вытер кончик пальца чистым краем ковра.

Альбан догадывался, кто будет расследовать эти убийства. Какая восхитительная ирония судьбы.

Внезапно он поднял голову. Все было тихо, тем не менее он почувствовал, что в его распоряжении осталось лишь несколько секунд. Быстро собрал инструменты, сложил их в кожаный футляр, вскочил, выбежал из спальни и спрятался в ванной.

Несколько мгновений спустя щелкнул замок, и дверь в номер со скрипом открылась. Послышался звук шагов, приглушенный мягким ковром.

— Мэнди? — прозвучал мужской голос. — Мэнди, дорогая, ты здесь?

Мужчина прошел в сторону спальни.

Стараясь ступать как можно тише, Альбан на цыпочках прокрался в прихожую, открыл наружную дверь, шагнул в коридор… и после секундного колебания вернулся обратно в ванную.

— Мэнди?.. Боже мой! — раздался из спальни вопль ужаса. — Нет, нет, нет!

За ним последовал глухой удар, какой бывает, когда человек падает на колени, и сдавленные всхлипы.

— Мэнди! Мэнди!

Альбан подождал, пока истерика сменится криками о помощи.

Дверь в номер снова распахнулась.

— Служба безопасности отеля, — низким голосом сказал вошедший. — Что случилось?

— Моя жена! Ее убили!

Тяжелой походкой охранник прошел мимо ванной, затем охнул и внезапно закричал что-то в рацию под монотонные стоны обезумевшего от горя мужа убитой.

Альбан выскочил из ванной, метнулся к двери, открыл ее, шагнул в коридор, остановился на секунду и закрыл дверь. Неспешно проследовал по коридору к лифту, нажал кнопку вызова. Когда индикатор показал, что кабина начала подниматься, Лоример развернулся и пошел дальше по коридору к лестнице. Спустился по ней и оказался в таком же коридоре двумя этажами ниже.

Он убедился, что его никто не видит, улыбнулся и направился к лифту.

Спустя две минуты Альбан Лоример покинул отель через служебный вход, низко надвинув на глаза шляпу и глубоко засунув руки в карманы пальто. Он не спеша шел по Сентрал-Парк-Уэст, утреннее солнце поблескивало на тротуаре, а вдалеке надрывались полицейские сирены.

19

Кори Свенсон стояла на обшарпанном крыльце покосившегося двухквартирного дома на углу Бёрч-стрит и Четвертой улицы на западной окраине Кайахоги — полузаброшенного, вымирающего пригорода Аллентауна, штат Пенсильвания. Никто не ответил на ее многократные звонки, и теперь она рассматривала выстроившиеся вдоль улицы одинаковые дома с одинаково дряхлыми, как минимум двадцатилетнего возраста, пикапами возле каждого из них. Именно так она и представляла место, которое ее отец мог бы назвать своим домом. И эта мысль ее не обрадовала.

Кори снова надавила на кнопку и услышала звонок, разнесшийся по пустому дому. Оглянувшись, она заметила, как задернулись занавески в окне соседнего дома, как сосед с другой стороны улицы, вынося мусор, остановился и уставился на черный «линкольн-континенталь», на котором она приехала.

Чертов шофер, чего он дожидается? Кори нетерпеливо дернула ручку двери.

Поставив чемодан на крыльцо, она подошла к машине:

— Не стоит вам понапрасну терять время. Можете уезжать.

— Сожалею, мисс Свенсон, — улыбнулся водитель, — но мне приказано убедиться, что вы вошли в дом. Поскольку там никого нет, я полагаю, что должен получить дополнительные инструкции.

Он достал из кармана телефон.

Кори закатила глаза. Это было уже слишком. Как ей избавиться от этого парня?

— Не звоните пока. Разрешите, я еще раз попробую. Вдруг он просто спит.

Это было вполне возможно. Старый пьяница запросто способен уснуть среди бела дня или просто упиться до потери сознания. С другой стороны, хотя сегодня и суббота, он мог быть на работе. Если только у него есть работа.

Она вернулась на крыльцо и опять дернула дверь. Замок был дрянной, а у нее в сумке лежал набор отмычек. Загородив собой

дверь от шофера, Кори вставила отмычку в замок, покрутила немного и сдвинула защелку даже быстрее, чем ожидала. Готово.

Кори занесла в дом чемодан и захлопнула дверь. Затем подняла жалюзи, встала у окна, помахала шоферу, притворно улыбаясь, и подняла вверх большой палец. Водитель помахал в ответ, и машина, рванув с места, умчалась прочь.

Кори осмотрелась. Входная дверь вела прямо в жилую комнату, на удивление чистую и опрятную, разве что бедновато обставленную. Опустив чемодан, Кори плюхнулась на облезлый диван и вздохнула.

Нелепость ситуации угнетала ее. Не нужно было соглашаться на это предложение. Она ни разу не видела отца с тех пор, как он сбежал пятнадцать лет назад. Это-то она могла бы ему простить — что ни говори, а мать была чокнутая, — но он даже не попытался как-то увидеться с дочерью, написать или позвонить. Ни подарков на день рождения или Рождество, ни поздравления с окончанием школы, ни даже простого телефонного разговора, когда ей бывало особенно плохо, — ничего. Она сама удивлялась, что помнит об отце только хорошее, помнит доброго, веселого мужчину, ходившего вместе с ней на рыбалку. Но ведь ей тогда было всего шесть лет, и любой пьяница-неудачник мог показаться веселым и добрым нуждающемуся в ласке ребенку.

Кори снова огляделась. Комната была безликой, не обжитой. Но по крайней мере, на полу не валялись пустые бутылки, и мусорная корзина не была наполнена смятыми пивными банками и пустыми коробками из-под пиццы. Просто не возникало ощущения, что здесь кто-то живет. Где же отец? Наверное, все-таки надо было сначала позвонить.

Все складывалось хуже некуда. Она почувствовала, что готова разреветься.

Кори заставила себя подняться с дивана и прошла в спальню. Комната была маленькая, но чистая, с односпальной кроватью и потрепанным томиком «Двенадцати шагов и двенадцати традиций»[42] на ночном столике. Вдоль стены стояли два шкафа. От нечего делать она открыла один из них. Джинсы, хлопчатобумажные рубашки и дешевые костюмы на согнутых из проволоки вешалках. Кори подошла ко второму шкафу. Странно: полки были забиты множеством бумажных пакетов разных размеров, тщательно, почти с

любовью сложенных и перевязанных пачек с письмами и красочными открытками, какие обычно посылают родственникам на праздники. Кори присмотрелась внимательней. Все они были адресованы ей: «Кори Свенсон, Уиндем-Парк-Эстейт, 29, Медсин-Крик, Канзас». Вероятно, они были сложены в хронологическом порядке, за все прошедшие годы. Конверты и посылки проштампованы, и на всех наклеена полоска с надписью: «Вернуть отправителю».

Кори обхватила голову руками и целую минуту смотрела на содержимое шкафа. Затем выбежала из дома и постучалась в дверь соседней квартиры. Оттуда донесся хриплый голос:

— Кто там?

— Кори Свенсон.

— Кто?

— Кори Свенсон, дочь Джека Свенсона. Я… — У нее вдруг перехватило горло. — Я приехала навестить отца.

За дверью удивленно охнули, и послышался скрежет отпираемого засова. Дверь открылась, и наружу выглянула невысокая малопривлекательная женщина с дряблыми руками и пористой, словно губка, кожей лица. Из комнаты у нее за спиной резко пахло табачным дымом. Женщина оглядела Кори с ног до головы, задержавшись на волосах, окрашенных в лиловый цвет.

— Дочь Джека Свенсона? Похожа. — Она еще раз внимательно посмотрела на девушку. — Его здесь нет.

— Я уже поняла, — ответила Кори, изо всех сил стараясь сдержать иронию. — Вы не знаете, где он?

— Уехал.

Кори проглотила еще один ехидный ответ.

— Вы не знаете, куда он уехал и когда собирается вернуться? — натужно улыбнулась она старой карге.

Еще один изучающий взгляд. Судя по выражению лица, женщина собиралась сказать что-то важное, но сомневалась, стоит ли это делать.

— У него неприятности, — наконец решилась она. — Он сбежал из города.

— Какие неприятности?

— Украл автомобиль агентства, в котором работал, чтобы с его помощью ограбить банк.

— Что вы сказали? — удивленно переспросила Кори.

Она знала, что ее отец — неудачник. Это впечатление сложилось за годы его отсутствия под влиянием горьких слов матери. Но мысленно она представляла себе отца очаровательным бездельником, который спал со многими женщинами, пускался в различные авантюры и не задерживался надолго ни на одной работе. Лучшие мгновения своей жизни он провел в баре, рассказывая друзьям анекдоты. Только преступником он никогда не был.

Разумеется, многое могло измениться за те пятнадцать лет, что прошли с их последней встречи.

Обдумав неожиданные известия, Кори решила, что все, в конце концов, не так уж плохо. Она может жить в доме отца и не видеться с ним. Если он заплатил за квартиру. Но даже если не заплатил, аренда такой трущобы не может стоить очень дорого. Полученных от Пендергаста трех тысяч должно хватить.

— Ограбить банк? — Кори все-таки не удержалась от легкомысленной усмешки. — Ну и дела! Вот так папа! Надеюсь, он заграбастал кучу денег.

— Наверное, кому-то это покажется забавным, но только не нам.

Женщина сердито поджала губы и с шумом захлопнула дверь.

Кори вернулась на свою половину дома и снова улеглась на диване, вытянула ноги и задумалась. Чтобы избежать неприятностей, нужно заранее обо всем позаботиться: сообщить полиции, что она поселилась в доме отца, заплатить за квартиру, воду и электричество. В самом деле, удачно сложилось, что ее отец ударился в бега. Значит, ей не придется отвечать за его выходки.

Однако в глубине души она все-таки была расстроена. Даже огорчена. Несмотря ни на что, она все же хотела встретиться с отцом — хотя бы для того, чтобы спросить, почему он бросил ее, оставил во власти матери, отлично зная, какой та бывает отвратительной пьяной стервой. Должно же быть объяснение этому… А также пакетам и письмам, хранящимся в шкафу. По крайней мере, она надеялась, что они что-то значат.

Кори захотелось пить. Она прошла на кухню, повернула кран, подождала, пока ржавая теплая вода не станет чистой и холодной, набрала целый стакан и выпила до дна. И все-таки, раз отец пустился в бега, куда он может отправиться в первую очередь?

Она не успела мысленно договорить вопрос, как уже нашла ответ на него.

20

Доктор Фелдер никогда прежде не бывал в Саутпорте, штат Коннектикут, но неожиданно понял, что очарован им. Это был милый сонный портовый городок в самом дальнем углу шумного и суетливого округа Фэрфилд. Доктор повернул с Пекуот-авеню на Сентер-стрит, направляясь к историческому центру города, и подумал, что жить здесь, наверное, не так уж и плохо.

Здесь чувствовался подлинный дух Новой Англии. Преобладали дома в колониальном стиле, построенные, вероятно, в начале двадцатого века, с выкрашенными в белый цвет деревянными заборами и аккуратно подстриженными газонами. Городская библиотека тоже выглядела внушительно: каменное здание в романском стиле с причудливым лепным орнаментом по фасаду. Единственным темным пятном в городском пейзаже выглядел старинный обветшавший особняк времен королевы Анны, напоминавший жилище семейки Аддамс. Огромный, с наглухо закрытыми ставнями, обвалившейся кровлей и заросшим сорняками двором. Для полного сходства не хватало только усмехающейся физиономии дядюшки Фестера, выглядывающей из чердачного окна.

Настроение Фелдера снова улучшилось, когда он подъехал к центру города. Припарковавшись напротив яхт-клуба, он прочитал написанное от руки объявление и энергичной, пружинистой походкой направился к радующему глаз одноэтажному деревянному домику у входа в порт.

В пустом зале исторического музея Саутпорта приятно пахло старыми книгами и лаком для мебели. Здесь было множество хорошо сохранившихся старинных вещей, в углу в кресле-качалке сидела и вязала крючком смотрительница музея, женщина почтенного возраста, тоже хорошо сохранившаяся.

— Добрый день, — сказала она. — Могу я вам чем-нибудь помочь?

— По правде сказать, да, — ответил Фелдер. — Не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

— С удовольствием. Садитесь, пожалуйста.

Женщина указала на соседнее кресло, и доктор устроился в нем.

— Я собираю сведения о художнике Александре Винтуре. Насколько мне известно, он родом из здешних краев.

— Да, это правда, — кивнула смотрительница.

— Меня интересуют его работы. В особенности альбомы. Не знаю, сохранились ли они до настоящего времени, но если сохранились, не подскажете ли вы, где их можно увидеть?

Женщина положила спицы на колени.

— Да, молодой человек, могу с уверенностью сказать, что они сохранились. И я знаю, где они сейчас находятся.

— Рад это слышать, — взволнованно произнес Фелдер.

Все складывалось намного лучше, чем он ожидал.

— Нам кое-что известно о семье Винтура, — продолжила смотрительница. — Александр Винтур не достиг, так сказать, вершин славы. Он был прекрасным иллюстратором с верным глазом, но его вряд ли можно назвать настоящим художником. Однако с исторической точки зрения его работы представляют интерес. Но вы, конечно же, и сами все это знаете.

Она приветливо улыбнулась.

— Нет-нет, — поспешно заверил ее доктор, — продолжайте, прошу вас.

— Что касается семьи Винтура, то сын его брата — его племянник — очень удачно женился на дочери богатого здешнего судовладельца. Александр, всю жизнь остававшийся холостяком, переехал из фамильного бунгало на Олд-Саут-роуд в куда более просторный дом племянника.

— Продолжайте, — нетерпеливо кивнул Фелдер.

— Этот судовладелец был страстным коллекционером, собирал старинные книги, рукописи, гравюры и в особенности — письма знаменитостей. Говорят, он приобрел весь архив Альберта Бирштадта[43], начиная с поездки в Калифорнию в тысяча восемьсот восемьдесят втором году. В том числе и десятки эскизов. Ему также удалось раздобыть любовную переписку Гровера Кливленда[44] с Френсис Фолсом до того момента, когда они поженились. Как вы, должно быть, знаете, это единственный президент, свадьба которого проходила прямо в Белом доме.

— Нет, я об этом не знал, — сказал Фелдер, придвигаясь ближе.

— Понятно. Еще там были письма Генри Джеймса[45] его редактору Хьютону Миффлину во время работы над «Женским портретом». Весьма внушительная коллекция. — Она снова склонилась над вязаньем. — Как бы там ни было, но Александр Винтур умер сравнительно молодым, так и не женившись, и сестра художника унаследовала все произведения, за исключением картин, подаренных Нью-Йоркскому историческому обществу. Альбомы и записные книжки, должно быть, попали к ее сыну. У того была всего одна дочка — внучатая племянница Александра. Она до сих пор живет в Саутпорте. Мы уверены, что альбомы Винтура хранятся в ее библиотеке, вместе с коллекцией писем и рукописей другого деда. Разумеется, нам бы очень хотелось заполучить их, но… — Женщина грустно улыбнулась.

Доктор от восхищения захлопал в ладоши:

— Замечательные новости. Скажите, пожалуйста, где она живет, чтобы я смог созвониться с ней.

Улыбка исчезла с лица смотрительницы.

— О господи, все не так просто. — Она замолчала в нерешительности. — Простите, я не хотела пробудить в вас напрасные надежды.

— Что вы хотите этим сказать?

Женщина снова помедлила с ответом:

— Я сказала вам, что знаю, где находятся альбомы. Но не говорила, что вы сможете их увидеть.

Фелдер недоуменно взглянул на нее.

— Почему не смогу?

— Мисс Винтур… Хорошо, будем говорить откровенно: она с детских лет отличается некоторыми странностями. Никуда не выходит, не заводит ни с кем знакомств, не принимает гостей. После того как умерли ее родители, она все время сидит дома. Еще будучи ребенком, она вела себя странно. А еще этот ужасный слуга… — Женщина сокрушенно покачала головой. — Это так печально, ее родители были столпами здешнего общества.

— Но ее библиотека… — начал было Фелдер.

— О, многие люди пытались получить к ней доступ — специалисты и просто любители. Письма Генри Джеймса и в особенности Гровера Кливленда, как вы понимаете, представляют большую историческую ценность. Но она всем отказывает. Без исключений. Не так давно приезжали ученые из Гарварда, интересовались письмами Бирштадта. Говорят, предлагали неплохие деньги. Но она их даже на порог не пустила.

Женщина наклонилась к доктору и покрутила пальцем возле виска.

— Сумасшедшая, — доверительно прошептала она.

— Но… неужели ничего нельзя сделать? Это ужасно важно.

— Должно случиться настоящее чудо, чтобы она приняла вас. Мне неприятно это говорить, — добавила она еще тише, — но я знаю множество ученых и других людей, которые только и ждут того момента, когда она уже не сможет помешать им ознакомиться с коллекцией.

Фелдер поднялся.

— Сожалею, что не сумела вам помочь.

— Мне в любом случае придется скоро уехать, — вздохнул доктор. — Но пока я здесь, попытаюсь все-таки встретиться с ней.

Женщина сочувственно посмотрела на него.

— Вы не подскажете, как найти ее дом? — спросил он. — Ведь ничего страшного не произойдет, если я просто постучусь к ней, как вы думаете?

— Нет, не произойдет, но и обольщаться я бы на вашем месте не стала.

— Хорошо. Я просто хотел бы узнать ее адрес.

Доктор достал блокнот и приготовился записывать.

— О, это необязательно. Вы не сможете проехать мимо. Это большой особняк на Сентер-стрит, неподалеку от городской библиотеки.

— Тот самый, полуразвалившийся? — уточнил Фелдер упавшим голосом.

— Именно. Это просто ужасно, что она довела дом своих предков до такого состояния. Позор для всего города. Как я уже говорила, многие здесь ждут не дождутся одного счастливого дня…

Она замолчала и снова взялась за вязание.

21

Джон Фелдер медленно — очень медленно — ехал по Сентер-стрит, вздымая над мостовой мертвые декабрьские листья. Доктор низко наклонил голову, словно не желал ничего видеть, кроме приборной доски своего «вольво». И неудивительно, после того разочарования, какое он только что испытал. Он слишком рано поверил, что эта поездка в Коннектикут принесет ему удачу.

Хотя все еще возможно. Всякое может случиться.

Мимо проплывали свежеокрашенные дома с ухоженными лужайками, заботливо укрытыми на зиму защитной пленкой. Вдруг на дорогу опустилась тень, как будто тучи закрыли солнце… и впереди показалось *это*. Фелдер вздрогнул. Он взглянул на железные ворота с острыми ржавыми шипами поверху, на засохшие сорняки во дворе, на сам мрачный особняк с чересчур заостренной крышей, нависшей над темным каменным фасадом. Ему даже почудилось, что он видит огромную трещину наподобие той, что была на доме Ашеров[46], рассекающую дом от фундамента до крыши. Он подумал, что достаточно одного сильного порыва ветра в нужном направлении, чтобы разрушить это уродливое строение.

Фелдер остановил машину, заглушил двигатель и вышел. Толкнул створку ворот — она раскрылась с замогильным стоном, оставив на его руках рыжие пятна ржавчины и лоскутки облупившейся черной краски. Доктор двинулся к дому по растрескавшейся бетонной дорожке, раздумывая, что он скажет хозяйке.

Проблема заключалась в том, что, хотя Фелдер и был психиатром, он не умел манипулировать людьми. Он был ужасным лжецом и с легкостью обманывал самого себя — как показали недавние события, о которых теперь неприятно вспоминать. Что, если повторить уловку, которая помогла ему в Нью-Йоркском историческом обществе? Но раз уж пожилая мисс Винтур отказала делегации из Гарварда, ей ничто не помешает проделать то же самое с безвестным исследователем, не имеющим при себе даже диплома для подтверждения его ученой степени.

Тогда, может, сыграть на ее родственных чувствах, объяснить,

что он намерен вывести из мрака безвестности и прославить имя ее двоюродного деда? Нет, она могла бы справиться с этим и сама, без его помощи.

Что же все-таки сказать ей?

До крыльца доктор дошел слишком быстро. Скрепленные цементом камни предательски шатались под ногами, когда он поднимался по ступеням. Краска на массивной черной двери потрескалась и местами облетела. К ней крепилось бронзовое кольцо в форме головы грифона. Она словно впилась взглядом в доктора, выбирая момент, чтобы укусить. Не обнаружив нигде звонка, Фелдер вздохнул, ухватился за кольцо и осторожно постучал им в дверь.

Подождал немного, но ответа не было.

Постучал еще раз, чуть-чуть сильнее. По пустым внутренностям особняка прокатилось гулкое эхо.

Но больше никто не отозвался.

Доктор облизал губы, почувствовав облегчение: еще одна попытка, и можно с чистой совестью уезжать. Перехватив поудобней кольцо, он постучал в третий раз.

В глубине дома прозвучал невнятный голос. Минутой позже послышались шаги, снова разбудившие эхо в каменных стенах. Лязгнула цепочка, заскрипел замок, отчаянно нуждающийся в смазке, и дверь приоткрылась.

Сначала Фелдер ничего не смог разобрать в темноте. Затем опустил взгляд ниже, и увидел нечто напоминающее глаз. Да, это действительно был глаз. Неодобрительно прищурившись, словно подозревая в докторе свидетеля Иеговы или коммивояжера, он оглядел доктора с головы до ног.

— Ну? — донесся из темноты тонкий недовольный голос.

Фелдер раскрыл рот от удивления:

Я…

— Ну? Что у вас?

Доктор откашлялся. Все складывалось даже хуже, чем он ожидал.

— Вы насчет сторожки? — предположил голос.

— Простите, что?

— Я спрашиваю, вы хотите снять комнату в сторожке?

«Воспользуйся подсказкой, идиот!»

— В сторожке? Ах да. Я…

Дверь захлопнулась у него перед носом.

Целую минуту Фелдер с озадаченным видом стоял на верхней ступеньке, а затем дверь снова открылась, на этот раз шире. За ней стояла женщина очень низкого роста. Она была одета в лисью шубу, слегка подпорченную молью, и нелепую широкополую соломенную шляпу, какие обычно носят на пляже. На локте у женщины висела вполне модная кожаная сумка.

Что-то мелькнуло в темноте за ее спиной и приблизилось к двери. Наконец Фелдер сумел разглядеть высокого, по меньшей мере шести с половиной футов ростом, мужчину с фигурой профессионального футболиста. Судя по цвету кожи и некоторым чертам лица, он был родом с Фиджи или с какого-то другого острова Океании. Мужчина носил странную бесформенную одежду, белую с оранжевыми узорами, волосы его были коротко подстрижены, а лицо и руки сплошь покрыты татуировками. Он неприязненно посмотрел на Фелдера, но ничего не сказал.

«Вероятно, это и есть тот самый ужасный слуга», — подумал доктор. Он судорожно сглотнул и заставил себя не смотреть на татуировки. Этому дикарю не хватало только кости в носу.

— Вам повезло, — сказала женщина, надевая белые перчатки. — Я уже собиралась отказаться от рекламы. Идея сначала показалась мне удачной — в самом деле, любой должен быть счастлив, сняв такое помещение. С другой стороны, трудно понять, о чем думает нынешняя молодежь. Еще два месяца рекламы в газете — это пустая трата денег. — Она прошла мимо Фелдера, затем обернулась. — Ну так идемте же, идемте!

Фелдер направился за ней сквозь засохшие сорняки, шуршащие на зимнем ветру. По рассказам смотрительницы музея, он ожидал, что мисс Винтур окажется древней мумией. На самом деле она выглядела не так уж плохо, почти привлекательно: лет на шестьдесят с небольшим, и лицом слегка напоминала пожилую Бетт Дэвис[47]. У нее был заметный акцент, примерно так говорили в лучшие времена

жители родного для доктора северного берега Лонг-Айленда, но теперь этот говор уже редко услышишь. Позади Фелдера шумно и неуклюже шагал слуга, и это несколько нервировало.

— Кто вы? — внезапно спросила женщина.

— Простите, — растерялся Фелдер, — в каком смысле?

— Как ваше имя?

— Э… Простите, я… Фельдман. Джон Фельдман.

— А кто вы по профессии?

— Врач.

Она остановилась и оглянулась на него:

— Сможете меня консультировать?

— Думаю, что смогу. Если это необходимо.

— Проживая здесь, вам следует соблюдать некоторые правила, молодой человек. В конце концов, это не просто сторожка, ее проектировал сам Стэнфорд Уайт[48].

— Стэнфорд Уайт?

— Единственная в своем роде, больше он ничего подобного не строил. — Ее взгляд вдруг стал подозрительным. — Об этом сказано в рекламе. Разве вы ее не читали?

— Ах да, — быстро проговорил Фелдер. — Из головы вылетело. Прошу прощения.

Женщина фыркнула, словно такая забывчивость оскорбила ее, и принялась дальше пробираться сквозь сорняки.

Они обогнули угол особняка и увидели сторожку. Она была сложена из того же темного камня, что и само здание, и предназначалась для охраны входа и въезда, ныне уже не существующего. Стекла на окнах давно потрескались и закоптились, некоторые из них оказались заколочены досками. Фелдер отметил, что в этой двухэтажной постройке, заброшенной и облезлой, до сих пор ощущалось известное изящество линий.

Хозяйка подошла к единственной двери, закрытой на висячий замок. Бесконечно долго рылась в сумке, отыскивая нужный ключ. Наконец открыла и театрально махнула рукой:

— Смотрите!

Фелдер заглянул внутрь. В воздухе висели крупные частицы пыли, едва не заслоняя солнечный свет, пробивающийся сквозь закопченные окна. Здесь можно было различить только общие контуры предметов, не более того.

Пожилая женщина, вероятно раздосадованная тем, что он не пришел в восторг от увиденного, зашла в помещение и щелкнула выключателем.

— Входите, входите, — раздраженно сказала она.

Фелдер переступил порог. Слуга, едва умещавшийся в проеме двери, остался стоять снаружи, скрестив руки на богатырской груди и загораживая дорогу.

Высоко над головой из последних сил боролась за жизнь единственная лампочка. Фелдер уловил стремительное движение летучих мышей, потревоженных светом. Он окинул взглядом комнату. Со стропил свисали толстые нити паутины, а остальное пространство заполняли, словно выброшенные на берег после кораблекрушения, ненужные вещи давно минувшей эпохи: детские коляски, чемоданы, портновский манекен. Пыль фонтанами вздымалась вверх при каждом шаге. Серо-зеленая плесень на стенах напоминала пятна на шкуре леопарда.

— Стэнфорд Уайт, — с гордостью повторила женщина. — Ничего похожего вы нигде не увидите.

— Очень мило, — пробормотал Фелдер.

Она обвела комнату рукой:

— Конечно же, здесь требуется поработать тряпкой, но ничего такого, с чем нельзя управиться за вечер. Пять тысяч в месяц.

— Пять тысяч, — повторил Фелдер.

— Достаточно дешево для квартиры с меблировкой, прошу заметить! Никаких перестановок делать нельзя. Коммунальные услуги, естественно, не включены. Вам придется платить за уголь для камина. Но здание так прекрасно спроектировано, что обогрев вам может и не понадобиться.

— Мм, — протянул Фелдер.

Ему очень не хотелось здесь замерзнуть.

— Спальня и ванная наверху, кухня сразу за прихожей. Хотите взглянуть?

— Нет, пожалуй. Спасибо.

Женщина огляделась с неподдельной гордостью, словно не замечая пыли и грязи вокруг.

— Я очень придирчиво выбираю тех, кого пускаю в свой дом. Я не потерплю никакого разгула и лиц противоположного пола. Это исторический памятник, и, кроме того, я обязана хранить доброе имя моей семьи. Уверена, что вы меня понимаете.

Фелдер рассеянно кивнул.

— Но вы мне кажетесь порядочным молодым человеком. Возможно — посмотрим, как все сложится, — я буду в определенные дни приглашать вас на чай к себе в гостиную.

В гостиную. Фелдер вспомнил рассказ смотрительницы музея о том, как делегацию из Гарварда не пустили даже на порог. Несмотря на предложенную приличную сумму.

Тут он заметил, что мисс Винтур выжидающе смотрит на него.

— Договорились? Видите ли, я никуда не выхожу из дома по состоянию здоровья. Пять тысяч в месяц и коммунальные услуги.

Фелдер с удивлением услышал, как кто-то — неужели он сам? — отвечает:

— Хорошо, я согласен.

22

Д’Агосте довелось повидать в жизни немало дерьма, и он никогда не забудет те два расчлененных трупа из Уолдо-Фоллс, штат Мэн. Но то были еще цветочки. А сейчас он стоял на месте самого кровавого из всех этих действительно ужасных убийств. Обнаженное тело молодой женщины лежало лицом вверх, отрезанные конечности изображали стрелки часов, лужа крови растеклась во все стороны тонкими ручейками, как солнечная корона, а другие вырезанные органы были выложены в круг, обозначая границы этого чудовищного натюрморта. А еще здесь был палец ноги — лишний палец ноги, — заботливо положенный на лоб жертве.

И вдобавок ко всему на животе жертвы кровью была выведена надпись:

«Тебе водить!»

Судмедэксперт, следственная бригада и фотограф провозились здесь несколько часов, закончили свои дела, собрали улики и ушли. Теперь настала его очередь — его и Гиббса. Д’Агоста вынужден был признать, что тот умел терпеливо ждать. Он не размахивал своим жетоном и не расталкивал всех локтями, как поступали другие агенты ФБР. В последнее время руководство криминального бюро разработало правила поведения старших офицеров, присутствующих при осмотре места преступления, в которых им запрещалось вмешиваться в работу специалистов. И д’Агоста относился к этому крайне серьезно. Он уже сбился со счета, сколько раз осмотр срывался из-за появления какого-нибудь начальника, желающего самолично сфотографировать жертву или показать место преступления своим друзьям-политикам, а то и просто для того, чтобы показать, кто здесь главный.

Лучи яркого солнца нагрели воздух в комнате, отчего запах крови, фекалий и смерти стал еще сильнее. Д’Агоста обошел вокруг трупа, тщательно рассматривая малейшие подробности, чтобы они навсегда врезались в память, и мысленно воссоздал картину преступления. Это было хорошо спланированное и четко исполненное убийство. Здесь чувствовалась уверенность преступника, даже некоторое высокомерие.

Как только д’Агоста увидел место преступления, у него

возникло дежавю, какая-то неуловимая деталь показалась ему знакомой. Он долго разбирался с этим ощущением и наконец понял, что именно не давало ему покоя. Он словно бы стоял перед экспозицией в музее, где каждый предмет расположен на определенном, тщательно продуманном и просчитанном месте, чтобы создать у зрителя необходимое впечатлению, иллюзию, зрительное восприятие.

Но какое? И зачем?

Он взглянул на Гиббса — тот присел на корточки и изучал надпись на животе убитой. Из-за расставленных вокруг осветительных приборов место преступления пересекали многочисленные тени от людей и предметов.

— На сей раз убийца работал в перчатках, — заметил агент.

Д’Агоста кивнул. Важное наблюдение. В его глазах Гиббс поднялся на ступеньку выше.

Он сильно сомневался, что за этими преступлениями действительно стоит брат Пендергаста. Вообще не видел никакой связи между почерком убийцы и тем, что когда-то совершил Диоген. Что касается мотивов, то в отличие от дикого кровавого разгула Диогена нынешний преступник не имел никаких причин расправиться именно с этими случайно выбранными жертвами. Тот человек, которого зафиксировали камеры наблюдения, ростом, весом и комплекцией примерно соответствовал параметрам Диогена. Но в движениях не чувствовалось ничего общего, и глаза были совсем другие. Брат Пендергаста не производил впечатления психа, способного изуродовать себя и оставить часть своего тела на месте преступления. Наконец, имелась еще одна маленькая сложность: Диоген погиб в жерле сицилийского вулкана. Единственная свидетельница была абсолютно уверена в его смерти. Очень надежная свидетельница, пусть даже и сама она слегка тронулась умом.

Пендергаст отказался объяснять, на чем основана его уверенность. В глубине души д’Агоста считал, что эта странная идея вызвана глубокой депрессией агента после смерти жены, усугубленной приемом наркотиков. Лейтенант уже сожалел, что привлек Пендергаста к этому делу… и почувствовал дьявольское облегчение, когда тот не захотел приехать на место преступления.

Гиббс закончил осмотр трупа и выпрямился.

— Я начинаю подозревать, лейтенант, что мы имеем дело с двумя убийцами. Возможно, это сообщники, наподобие Леопольда и Леба[49].

— Вы так думаете? У нас есть видеозаписи только одного преступника, один набор отпечатков и состав крови, один нож.

— Совершенно верно. Но задумайтесь лучше вот над чем. Во всех трех отелях прекрасно работает служба безопасности. Охранники ведут круглосуточное наблюдение. И в каждом случае наш преступник спокойно входил в отель и выходил обратно, его ни разу не остановили, ни о чем не спросили. Это можно объяснить только одним способом: его страховал сообщник — полицейский или охранник.

Д’Агоста задумчиво кивнул.

— Наш преступник выполняет важную работу. Привлекает к себе внимание, старается попасть в объектив камеры: «Мама, привет, посмотри на меня!» Но где-то рядом находится его сообщник, который ведет себя совершенно иначе. Тот, кто прячется в тени, его никто не замечает, но сам он все видит и слышит. Совершая преступление, они не встречаются друг с другом, но постоянно находятся на связи.

— С помощью наушников или какого-то другого устройства.

— Точно.

Д’Агосте сразу понравилась эта идея.

— Значит, нам нужно найти этого парня, раз уж он попал в записи камер наблюдения.

— Да, но он наверняка был тщательно загримирован.

Внезапно упавшая на труп длинная тень заставила д’Агосту вздрогнуть. Через мгновение из спальни вышел высокий человек в черном костюме. Светлые волосы образовали нимб вокруг его неосвещенного лица, но напоминал он скорее не ангела, а кошмарного ночного призрака.

— Говорите, убийц было двое? — лениво растягивая слова, произнес он.

— Пендергаст! — воскликнул лейтенант. — Черт побери, как вы сюда попали?

— Так же, как и вы, Винсент. Просто я решил сначала осмотреть спальню.

Его голос звучал не слишком дружелюбно, но, по крайней мере, в нем появились привычные стальные нотки, которых д’Агосте так не хватало в друге во время их последней встречи.

Лейтенант оглянулся: Гиббс смотрел на коллегу с тщательно скрываемым, но все же заметным недовольством.

Пендергаст сделал еще шаг вперед, вступая в полосу яркого бокового света, и черты его лица приобрели совершенство мраморной статуи.

— Рад вас видеть, агент Гиббс.

— Взаимно.

— Надеюсь, вы не возражаете против нашей совместной работы?

Гиббс помедлил с ответом:

— Раз уж вы сами об этом заговорили, то хочу заметить, что мне до сих пор не сообщили о вашем назначении на это дело.

Пендергаст поцокал языком:

— Бюрократические органы ФБР не всегда работают быстро и надежно.

— Но разумеется, — добавил Гиббс, все так же безуспешно пытаясь скрыть неприязнь, — я не стану отказываться от помощи столь опытного агента.

— Помощи, — повторил за ним Пендергаст.

Он внезапно сорвался с места, обошел вокруг трупа, резко наклонился, долго рассматривал лежащие на полу части тела, затем поднял что-то пинцетом и поместил в пробирку. Еще одно невероятно быстрое перемещение, и он снова оказался лицом к лицу с Гиббсом.

— Значит, двое?

Тот кивнул:

— Пока это всего лишь рабочая версия. Выводы делать еще

рано.

— Хотелось бы выслушать ваши соображения. Мне ужасно интересно.

Д’Агосту немного смутили слова Пендергаста, но он промолчал.

— Хорошо, — согласился Гиббс. — Не знаю, показывал ли вам лейтенант наш предварительный отчет, но мы считаем, что это работа профессионального, хорошо подготовленного убийцы или убийц, которая включает в себя определенные ритуальные действия. Если хотите, я распечатаю отчет и для вас.

— Спасибо, у меня он уже есть. Но лучше услышать все — как это говорится? — из первых уст. Так каковы же мотивы?

— Преступники этого типа, — размеренно продолжал Гиббс, — обычно получают от убийства чувственное удовольствие, вызванное ощущением полной власти над другим человеком.

— А лишние части тела?

— Это уникальный случай в нашей практике. Психологи предполагают, что преступник остро ощущает свое ничтожество, ненавидит себя — возможно, из-за того, что над ним много издевались в детстве, и сейчас он совершает своего рода ритуальное самоубийство. Наши эксперты отталкиваются от этой гипотезы.

— Какая удача для нас. А что вы скажете о надписи: «Тебе водить»?

— Преступники этого типа нередко позволяют себе насмешки над служителями закона.

— В вашей базе данных найдется ответ на любой вопрос.

Судя по всему, Гиббс не знал, как воспринимать эти слова.

Д’Агоста тоже.

— Согласен, это очень хорошая база данных, — заметил Гиббс. — Как вам должно быть известно, агент Пендергаст, единая система сбора и хранения данных включает в себя десятки тысяч записей. Наши выводы основаны на статистике, комплексных показателях и корреляции. Это не означает, что наш убийца будет полностью соответствовать рассчитанному психологическому профилю, но определенное направление работы у нас появилось.

— Да, действительно. У вас появился след, который заведет в глухие дебри.

Метафора получилась довольно туманной, и д’Агоста крепко задумался над тем, какой смысл в нее вложил Пендергаст. В комнате повисла напряженная тишина. Пендергаст продолжал пристально смотреть на Гиббса, словно изучал неизвестный науке вид живых существ. Потом подошел к лейтенанту и взял его под РУКУ.

— Итак, Винсент, — сказал он, — мы снова вместе расследуем дело. И я должен поблагодарить вас — как бы получше выразиться? — за то, что вы вернули меня к жизни.

Он развернулся и стремительно направился к двери, так что полы черного пальто развевались при каждом шаге.

23

Лейтенант д’Агоста сидел ссутулившись в видео-лаборатории «С» на девятнадцатом этаже здания Уан-Полис-Плаза. Час назад он вернулся с места третьего убийства и теперь чувствовал себя так, будто провел пятнадцатираундовый поединок с профессиональным боксером.

Он повернулся к сотруднику, сидящему за пультом, — тощему студентику по имени Хонг:

— Камера пятнадцатого этажа. На шестьдесят секунд назад.

Хонг забарабанил пальцами по клавиатуре, и черно-белое изображение на центральном мониторе ожило, быстро перематываясь назад.

Наблюдая за картинкой, д’Агоста мысленно восстанавливал ход событий. Судя по записям камер наблюдения отеля «Ройял-Чешир», убийца опять проник в номер, как будто заранее зная, что дверь сейчас откроется. Он затащил жертву в спальню, перерезал ей горло и принялся за свою жуткую работу. На все это ушло меньше десяти минут.

Когда муж убитой вернулся в номер, преступник скрылся в ванной. Мужчина обнаружил труп жены, и его безумные вопли привлекли внимание охранника. Тот вошел в помещение, увидел, что там произошло, и вызвал полицию. В начавшемся беспорядке убийце удалось ускользнуть. Это подтверждали видеозаписи, следы, обнаруженные в номере, а также показания мужа убитой и охранника.

Все выглядело простым и понятным. Но дьявол — вот уж действительно кусок дерьма! — скрывался в деталях. Как, например, убийца догадался спрятаться в ванной? Если он занимался своей мерзкой работой в спальне и вдруг услышал щелчок открывающегося замка, то никак не мог пробраться в ванную незаметно для мужа убитой. Должно быть, он спрятался там раньше, чем ключ-карта прикоснулась к замку. Значит, его потревожил какой-то другой звук.

Тут даже дураку понятно, что у него должен быть сообщник. Но где?

— Начни с этого места, — велел д’Агоста Хонгу.

Он, наверное, уже в десятый раз просматривал тот фрагмент записи, где муж зашел в номер. Пять секунд спустя дверь открылась, и в коридор выглянул убийца в фетровой шляпе и длинном плаще. И вдруг — вопреки всякой логике — вернулся назад в номер. Еще через несколько секунд из-за угла появился охранник.

— Останови, — сказал д’Агоста.

Проблема заключалась в том, что некому было подать этот сигнал об опасности. Во всяком случае, из коридора.

— Крути дальше, — распорядился лейтенант.

Он мрачно наблюдал, как охранник, привлеченный громкими криками, зашел в номер. Уже через мгновение оттуда выскользнул убийца и направился в сторону лифта. Нажал кнопку вызова, ждал целую минуту, а затем, словно передумав, прошел дальше по коридору к лестнице.

Спустя несколько мгновений двери лифта открылись, и из него вышли трое мужчин в форме.

— Достаточно, — произнес д’Агоста. — Теперь покажи запись с тринадцатого. С той же временной отметки.

— Легко, лейтенант, — ответил Хонг.

Они уже просмотрели записи с четырнадцатого этажа. Там в это время работали несколько уборщиц, их тележки перегораживали коридор. Теперь д’Агоста следил за тем, как убийца появился на тринадцатом этаже. Снова вызвал лифт, дождался, но не стал садиться, поскольку кабина направлялась вверх. Надавил на кнопку еще раз и, когда лифт вновь остановился на этаже, зашел внутрь.

— Стоп, — отдал команду лейтенант.

Он жутко устал от этих просмотров. Но где же все-таки сообщник?

В одних ситуациях поблизости не было никого, кто мог бы подать сигнал. В других, когда такие люди присутствовали, лейтенант не мог уловить никакой связи между ними. Ни один фокусник не успел бы за пятнадцать секунд превратиться из почтенного сутулого джентльмена лет восьмидесяти в толстую чернокожую уборщицу. Если только преступник не имел с

полдюжины сообщников.

Это было странно, пугающе странно.

— Камера холла, — пробормотал д’Агоста. — Та же временная отметка.

Изображение на мониторе смазалось, потом снова вошло в фокус, показывая снятый с большого расстояния роскошный холл отеля. Двери лифта открылись, и оттуда появился убийца. Один. Он двинулся к выходу, затем, казалось, передумал, развернулся и сел в кресло, спрятав лицо за газетой. Спустя семь секунд мимо пробежал мужчина в форме охранника. Убийца тут же поднялся с кресла, но вместо того, чтобы продолжить путь к выходу, направился к неприметной двери в служебное помещение. Практически в тот же момент она открылась, и в холл вышел швейцар. Преступник пропустил его и проскользнул внутрь, ему даже не пришлось касаться двери руками — та захлопнулась сама.

Что происходило в этой комнате, д’Агоста видеть не мог. Другая камера зафиксировала, как преступник вышел на погрузочную площадку отеля. При повторном просмотре записей в холле никаких следов сообщника опять не нашлось.

Хонг сам остановил запись.

— Показать еще что-нибудь?

— Какую-нибудь старую серию «Трех бездельников»[50].

Д’Агоста с трудом поднялся, чувствуя себя еще более разбитым, чем тогда, когда зашел в лабораторию.

Но в этот момент его осенила догадка: сообщнику не нужно было одновременно находиться во всех этих местах. Если он имел доступ к системе наблюдения, то мог следить за происходящим точно так же, как сам лейтенант. Получается, что это был либо кто-то из дежуривших на пульте охранников, либо посторонний человек, подключившийся к системе наблюдения. Возможно, через Интернет, если управляющий компьютер подсоединен к Сети. И тогда сообщник мог находиться где угодно, даже за пределами Нью-Йорка.

Это была блестящая мысль, и д’Агосте оставалось только понять, что с ней делать.

24

Этот домик не принадлежал отцу Кори. Джек Свенсон был не из породы владельцев собственности. Он предпочитал взять какую-либо вещь на время, а затем долгие годы пользоваться ею как своей. Именно так Джек однажды наткнулся на крытую рубероидом лачугу в лесу, принадлежавшем компании «Ройял пейпер», на левом берегу реки Делавэр. Отец утверждал, будто бы познакомился на рыбалке с неким руководителем компании и тот якобы разрешил ему останавливаться в этой хижине сколько угодно, при условии не привлекать к себе внимания и не искать приключений на свою голову. Кори предполагала, что сделка обошлась ему в немалое количество пива, а также рыбацких историй и неотразимого обаяния Джека Свенсона. В хижине не было отопления, воды и электричества, оконные стекла давно разбились, а крыша прогнила насквозь, и поэтому, очевидно, никто не возражал против того, чтобы Джек поселился в ней, кое-как привел ее в пригодное для жилья состояние и даже приглашал друзей порыбачить на соседнем озере Лонг-Пайн.

Кори, разумеется, ни разу здесь не была, но знала об этом домике со слов матери, с неприязнью вспоминавшей, как отыскала Джека в «рыбацкой хижине на озере где-то в Нью-Джерси», когда понадобилось подписать документы о разводе и разделе их совместного (несуществующего) имущества.

Кори не сомневалась, что именно в этой хижине отец теперь и прятался. Юридически она не принадлежала Свенсону, так что по официальным каналам выследить его не могли. И уж конечно, слухи об ограблении заштатного банка в Аллентауне не доберутся до небольшой деревни рядом с заповедником Уортингтон в штате Нью-Джерси.

Если верить карте, в округе было только одно озеро с названием Лонг-Пайн. На автобусной остановке в Ист-Страудсберге — ближайшем к заповеднику очаге цивилизации — Кори за безумные деньги наняла такси, доставившее ее к неприметному строению, известному в округе как «магазин Фрэнка на Олд-Фаундри-роуд». Выходя из машины, девушка очень надеялась, что не ошиблась в своих предположениях.

Отсчитав таксисту сто двадцать долларов, Кори направилась к

магазину. Это была маленькая лавка, торгующая рыбацкими принадлежностями: крючками, блеснами, удочками, ведрами, дровами, горючим для лампы Коулмана[51] и, конечно же, пивом. Целый прилавок, уставленный пивом.

Подходящее местечко для ее отца.

Когда она подошла к прилавку, столпившиеся возле кассы пьянчуги разом замолчали. Наверняка их насторожил цвет волос Кори. А она уже и без того устала, да и сто двадцать долларов, уплаченные за такси, настроения ей не прибавили. Не хватало еще проблем с этими простыми славными парнями.

— Я ищу Джека Свенсона, — сказала она.

Тишина сгустилась.

— А зачем? — отозвался наконец главный здешний остряк-самоучка. — Может, Джек… обрюхатил тебя?

Он заржал и повернулся к друзьям, приглашая повеселиться вместе с ним.

— Я его дочь. Понятно тебе, умственно отсталый недоносок?

Ее громкий голос разнесся по вновь притихшему магазину.

Теперь захохотали друзья пьянчуги, а сам он густо покраснел, но ничего не успел ответить.

— Ловко она тебя срезала, Мерв! — подтолкнул его в плечо один из приятелей, чуть меньше остальных похожий на обезьяну.

Кори ждала, скрестив руки на груди.

— Значит, ты и есть та самая «девочка», о которой он все время твердит? — дружелюбно спросил самый дальний родственник обезьяны.

Слова о том, что отец часто вспоминает о ней, очень удивили Кори, но она не подала виду. А на Мерва, стоящего в сторонке с крайне смущенным видом, вообще перестала обращать внимание.

— Так вы знаете моего отца?

— Он, наверное, у себя в хижине, — сообщил дружелюбный мужчина.

«Есть!» — подумала Кори. Она все правильно рассчитала. И

почувствовала огромное облегчение оттого, что ее усилия не пропали даром.

— Где она находится?

Мужчина объяснил. До хижины нужно было пройти не меньше мили.

— Я мог бы тебя подвезти, — добавил он.

— Нет, спасибо.

Кори подняла рюкзак и направилась к выходу.

— Я бы подвез с удовольствием. Я друг твоего папаши.

Она едва удержалась от расспросов об отце. Сейчас явно был неудачный момент для этого. Кори еще раз оценивающе взглянула на мужчину. Он казался вполне безобидным, а на улице было холодно, да и рюкзак весил, наверное, целую тонну.

— Хорошо. Если только Перв, то есть Мерв не увяжется следом.

Она показала рукой на первого пьянчугу.

Все снова рассмеялись.

— Тогда поехали.

Кори попросила водителя не везти ее прямо к хижине, а высадить в таком месте, откуда она сама легко найдет дорогу. Это оказалась грязная, скользкая тропинка, начинающаяся от большой лужи, которую пришлось обходить по лесу. Кори прошла около полумили, то приближаясь к озеру, то снова отдаляясь, и вдруг поняла, что впервые за долгое время по-настоящему успокоилась и расслабилась. Стоял обычный для начала декабря погожий день: солнце пробивалось сквозь ветви дубов и сосен, выхватывая из тени небольшие участки дороги, пахло смолой и прелыми листьями. Если и есть на свете место, где можно спрятаться от полиции — или от нацистов, — так это именно здесь.

Но стоило подумать об отце, о том, что сказать ему при встрече, и девушка снова почувствовала себя неуютно. Она смутно помнила, как он выглядит, — мать выбросила все фотографии с отцом. Она понятия не имела, как с ним себя вести и что от него ожидать. Господи, он ведь теперь преступник, ограбивший банк. А если он вдобавок еще алкоголик или наркоман? Или один из тех, кто вечно

скулит и ищет себе оправдания, обвиняя во всех неудачах злую судьбу и плохих родителей. А еще он мог сойтись с какой-нибудь мерзкой, уродливой сучкой.

А что будет, если вдруг нагрянут полицейские и застанут Кори вместе с отцом? Она уже сверилась в Сети с Кодексом США: согласно параграфу 1071 раздела 18, обвинение должно доказать, что она предоставила убежище преступнику или предприняла какие-то действия, препятствующие его аресту. Одного факта проживания с ним недостаточно, чтобы привлечь к уголовной ответственности. Но вполне хватит на то, чтобы повредить карьере. Тоже ничего хорошего.

Короче говоря, все это путешествие выглядело глупой затеей. Она действовала необдуманно. Нужно было остаться в доме отца, в относительной безопасности, а ему самому позволить жить так, как он хочет. Кори остановилась, сняла со спины рюкзак и присела на него. Почему она даже не пыталась обдумать такой простой вариант?

Нужно просто вернуться в Аллентаун или Кайахогу и забыть обо всей этой ерунде. Кори встала, забросила за плечи рюкзак и повернула в обратную сторону. Но тут же засомневалась.

Она слишком долго сюда добиралась, чтобы теперь отступать. А еще она хотела узнать — это действительно было необходимо — про те письма в шкафу. Почтальон в Медсин-Крике был малообщительным человеком. Но Кори и представить не могла, что он настолько молчалив, чтобы не сказать ни слова о письмах.

Она снова развернулась и двинулась дальше. Тропа окончательно ушла в сторону от дороги, и за очередным поворотом, в лучах пробившегося сквозь облака солнца, показалась одинокая хижина. Кори остановилась и принялась разглядывать ее.

Уютной или милой эту хижину назвать было трудно. Крыша из рубероида, уложенного на кое-как прибитые доски. На окнах по обеим сторонам двери висели занавески, но стекла уже пошли трещинами. Позади виднелась пристройка. Над крышей торчала ржавая труба дымохода.

Однако двор выглядел ухоженным, газон аккуратно подстрижен. Из дома доносился какой-то шум.

О господи, сейчас начнется! Кори постучала. Шум внутри затих. Может быть, он решил запоздало запереть дверь?

— Есть кто-нибудь дома? — крикнула она, чтобы помешать этому.

Стало еще тише. Потом из-за двери спросили:

— Кто там?

Она глубоко вздохнула:

— Это Кори. Твоя дочь Кори.

Молчание длилось невыносимо долго. Затем дверь резко распахнулась, во двор выскочил мужчина — она сразу узнала его — и обнял ее так, что едва не задушил.

— Кори! — растерянно причитал он. — Я столько лет мечтал об этом! Я верил, что когда-нибудь это случится. Я молил Бога — и Он услышал меня. Моя Кори!

Он захлебнулся рыданиями, и эти слезы радости, наверное, удивили бы ее, если бы Кори сама не была так растрогана.

25

Внутри хижины оказалось на удивление чисто, уютно и даже мило, хотя обстановка была бедновата. Джек — у Кори никак не получалось произнести вслух слово «папа» — показывал свое жилище не без некоторой гордости. Оно состояло из двух комнат: кухни-столовой-гостиной и крошечной спальни, едва вмещавшей шаткую колченогую кровать, стол и умывальник. Ни электричества, ни водопровода здесь не было. Старенькая печь Франклина[52]давала достаточно тепла. Для приготовления пищи Джек пользовался установленным на ножках примусом, работающим на сжиженном газе. Рядом располагалась раковина из мыльного камня[53] размером два на четыре фута, со сливной трубой, уходящей куда-то под половицы. Вдоль стены рядом с входной дверью стояли пластиковые канистры с питьевой водой. Отец объяснил, что набирает воду из родника в полумиле отсюда.

Везде было прибрано, все вещи аккуратно расставлены. Кори нигде не заметила пустых бутылок или банок из-под пива. Красные узорчатые занавески на окнах радовали глаз, грубый деревянный стол был накрыт клетчатой скатертью. Но больше всего ее удивили — хотя она и старалась не подавать виду — развешенные над столом фотографии в рамках, ее фотографии. Кори даже не подозревала, что ее в детстве так часто фотографировали.

— Тебя мы поселим в спальне, — сказал Джек, открывая дверь во вторую комнату. — А я буду спать на диване.

Кори не стала спорить. Она сбросила рюкзак на кровать и вернулась в кухню. Отец склонился над примусом.

— Ты ведь поживешь у меня? — спросил он.

— Если это удобно.

— Еще как удобно. Будешь кофе?

— Господи, конечно буду.

— Вот только кофеварки у меня нет, — усмехнулся он, насыпал молотого кофе в эмалированную кружку с водой, размешал и поставил на огонь.

После трогательной встречи прошло уже немало времени, но они

все еще не решались расспрашивать о чем-то друг друга. Хотя Кори умирала от любопытства, и отец, по-видимому, тоже. Никто не хотел торопить события.

Отец что-то напевал себе под нос, вынимая пончики из картонной коробки и выкладывая их на тарелку. Кори вдруг вспомнила, что и раньше, пятнадцать лет назад, у отца была такая привычка. Она тайком наблюдала за его хлопотами. Он похудел и как будто стал ниже ростом, но это, наверное, потому, что она сама выросла. Не мог же он из великана, каким Кори его помнила, вдруг превратиться в коротышку с жалкими пятью футами и восемью дюймами. Волосы отца поредели, только одна прядь торчала над макушкой. Лицо покрылось морщинами, но все еще сохраняло былую, чисто ирландскую живость и привлекательность. Притом что в крови Джека Свенсона едва набралась бы даже четверть ирландской крови, а остальные предки были шведами, поляками, болгарами, итальянцами и венграми. «Я — еще тот двортерьер», — вспомнила Кори давнишнюю присказку отца.

— Сахар, молоко? — предложил он.

— А можно со сливками?

— Есть только жирные.

— Отлично. Немного жирных сливок и три ложки сахара.

Он принес две дымящиеся чашки, поставил на стол и сел рядом. Сначала они пили молча, Кори почувствовала, что проголодалась, и съела один пончик. За окнами щебетали птицы, утреннее солнце пробивалось сквозь листву, ароматы леса проникали в комнату. Это было так замечательно, что у Кори навернулись слезы на глаза.

Джек тут же переполошился:

— Что с тобой, Кори? У тебя что-то случилось? Чем я могу помочь?

Она успокаивающе махнула рукой, утерла слезы и улыбнулась:

— Ничего страшного. Не беспокойся. Я… просто устала немного.

Все еще взволнованный, он сел обратно на стул, протянул руку, чтобы обнять ее, но она отстранилась:

— Дай мне время привыкнуть.

Отец резко отдернул руку:

— Да-да, конечно.

Его заботливость растрогала Кори. Она захлюпала носом. Возникла неловкая пауза, никто не хотел первым задать вопрос.

— Ты можешь оставаться у меня, сколько захочешь, — решился наконец Джек. — Я ни на чем не настаиваю, приезжай и уезжай, когда тебе вздумается… Хм, а где же твоя машина?

Я что-то не заметил.

Она покачала головой и тут же спросила без всякого перехода:

— Говорят, ты ограбил банк?

Он замер от неожиданности, но все-таки ответил:

— Нет, это неправда.

Внутри у Кори похолодело. Он уже начал лгать ей.

— Я действительно не делал этого. Меня подставили.

— Но ведь ты… сбежал.

Он вздернул голову, тряхнув остатками волос:

— Да, я сбежал. Как последний дурак. Знаю, что сглупил, но ведь я же не виноват. У них есть доказательства, но это потому, что меня подставили. Все выглядит так, будто…

— Постой. — Кори подняла руку. — Не рассказывай дальше.

Ей не хотелось слушать, как он лжет… если это в самом деле была ложь.

Отец замолчал.

Кори сделала большой глоток. У кофе был изумительный вкус. Она взяла второй пончик и надкусила его. Остановись, мгновенье! Кори попыталась расслабиться, но один вопрос, который она гнала от себя, возвращался снова и снова. В конце концов она сглотнула слюну и произнесла:

— А что это за пакеты и письма лежали в твоем шкафу?

Джек уставился на нее:

— Ты их видела?

— Что тогда произошло на самом деле? Почему ты уехал и… ни разу даже не позвонил? За все пятнадцать лет.

Он взглянул на дочь с удивлением и грустью:

— Дьютт не разрешила звонить тебе, она сказала, что ты не хочешь со мной разговаривать, и я… я подумал, что ты права. Но я каждую неделю посылал тебе что-нибудь, Кори. Письма, а то и подарки, если появлялась возможность. Ты становилась старше, и я пытался угадать, что тебе могло бы понравиться. Куклы Барби, детские книжки. На каждый день рождения я посылал тебе подарок, а когда не было денег, то хотя бы открытку. Я отправил тебе, наверное, тысячу писем… писал о том, чем занят, что у меня случилось нового, пытался дать тебе советы, в которых ты, как я представлял, нуждалась. И все они возвращались обратно. Все до единого. Должно быть, Дьютт не принимала их. Или переехала куда-нибудь, не оставив адреса для пересылки.

Кори снова глотнула кофе.

— Тогда зачем же ты посылал мне подарки, если знал, что я все равно их не получу?

Он опустил голову:

— Надеялся, что когда-нибудь смогу передать их тебе в руки — сразу все. В каком-то смысле это дневник всей моей жизни и — как ни странно — твоей тоже. Или той жизни, которой ты жила в моем воображении. Я представлял, как ты взрослеешь, какие у тебя появляются увлечения. Или, может быть, парень. И… — Смутившись, он ненадолго замолчал. — Эти письма и посылки, пусть даже возвращенные… да, это была хоть какая-то возможность пообщаться с тобой, побыть рядом. — Еще одна пауза. — Понимаешь, я надеялся, что когда-нибудь ты сама напишешь мне…

Увидев шкаф, заполненный письмами и пакетами, Кори предполагала и надеялась, что объяснение будет именно таким. Но об одном она все-таки не догадывалась: все то время, что она ожидала писем от отца, он точно так же ждал весточки от нее.

— Она говорила, что ты отказался платить пособие на ребенка, живешь с другой женщиной, не задерживаешься подолгу ни на одной работе и постоянно пьянствуешь в барах.

— Все это неправда, Кори, или, по крайней мере… — Он

покраснел. — Я действительно часто сидел в барах. И женщины… они тоже были. Но я не пью уже девять лет. И я старался выплачивать пособие, когда мог. Иногда я даже оставался без еды, лишь бы послать ей чек.

Кори покачала головой. То, что рассказывала мать все эти годы, конечно же, оказалось неправдой. Как можно было верить озлобленной, пьющей матери? Кори вдруг почувствовала себя ужасно глупой. И виноватой в том, что пятнадцать лет так плохо думала об отце.

И все-таки главным было чувство облегчения.

— Мне так жаль, — сказала Кори.

— Чего?

— Жаль, что я ничего не понимала… ничего не делала.

— Ты же была ребенком.

— Мне двадцать два года. Я давно должна была обо всем догадаться.

Джек махнул рукой:

— Что было…

— …то прошло, — не удержалась она от улыбки.

— Я никогда не умел красиво говорить. Но я стараюсь жить по одному хорошему правилу.

— Какому?

— Не держи на людей зла.

Про себя Кори такого сказать никак не могла.

Отец поднял кружку с заваренным кофе:

— Будешь еще?

— Пожалуйста.

Он разлил напиток по чашкам и снова сел.

— Кори, я все-таки хочу рассказать тебе об этом ограблении банка. Меня подставил кто-то из сослуживцев, но я не знаю, кто именно. По-моему, это как-то связано с обманом клиентов, завышением ставок по кредитам. Они наживались на этих процентах.

Проблема в том, что так поступали все. За исключением Чарли — единственного честного парня среди них.

— Но ты сбежал, — повторила она.

— Да, я понимаю, что поступил глупо, необдуманно. Я решил, что укроюсь здесь и смогу выяснить правду. Но у меня даже нет телефона. Мне пришлось его выбросить, чтобы меня не отыскали по звонкам. И теперь я не могу ничего выяснить… и все думают, что я виновен, раз сбежал. Черт возьми, я не могу отсюда выбраться.

Кори посмотрела отцу в глаза. Ей так хотелось верить ему.

— Но я-то могу, — возразила она. — И я проведу расследование.

— Не говори глупостей, — рассмеялся он. — Ты понятия не имеешь, как это делается.

— Уверен? Да будет тебе известно, что я учусь в колледже уголовного права имени Джона Джея, получаю только отличные оценки, а год назад в Медсин-Крике помогала одному агенту ФБР расследовать дело серийного убийцы.

Джек вытаращил глаза от удивления:

— О нет! Моя дочь служит в полиции?

26

Незнакомый мужчина возник в дверях приемной так внезапно, что Мадлен Тил подскочила на стуле. Посетитель выглядел очень странно: весь в черном, с бледным лицом и серыми глазами, он буквально излучал возбуждение, граничащее с нетерпением.

— Господи, как вы меня напугали! — сказала она, приложив руку к груди. — Чем я могу помочь вам?

— Мне необходимо увидеться с доктором Хеффлером.

Это трудно выразить словами, но он действительно выглядел как Старуха с косой, но при этом обладал приятным голосом с очаровательным южным акцентом. Сама Мадлен выросла на Среднем Западе, и нью-йоркское разнообразие говоров и акцентов до сих пор резало ей слух.

— Вы записаны на прием?

— Нет, но мы с ним старые приятели.

«Старые приятели». Ей не понравилось, как он это произнес. Вряд ли кто-то из знакомых доктора Уэйна Хеффлера назвал бы его приятелем. Мадлен считала его напыщенным, самодовольным индюком с необоснованными претензиями на аристократизм. За годы работы она много узнала о Хеффлере, но самым отвратительным было то удовольствие, с каким он прилюдно, во всеуслышание указывал подчиненным на ошибки. Причем сам он частенько пренебрегал своей работой, сваливая ее на других, если вдруг что-то пошло не так, и в итоге им доставались все шишки, а он всегда выходил сухим из воды.

— Как ваше имя, сэр?

— Специальный агент Пендергаст.

— О, так вы из ФБР?

С широкой улыбкой, которая особенно беспокоила Мадлен, агент вынул из кармана бумажник, раскрыл его и предъявил жетон и удостоверение. Затем плавно закрыл и спрятал во внутренний карман черного шерстяного пиджака. Со смутным, непонятно чем вызванным недовольством Мадлен нажала кнопку интеркома и

подняла трубку:

— Доктор Хеффлер, вас хочет видеть агент ФБР по фамилии Пендергаст. Он не записан на прием, но утверждает, что хорошо знаком с вами.

Короткая пауза.

— Вы сказали, Пендергаст?

— Да, доктор.

— Пригласите его.

Мадлен повесила трубку:

— Вы можете войти.

Но агент не двинулся с места:

— Было бы лучше, если бы доктор вышел сам.

Так, это уже интересней. Она снова взяла трубку.

— Он просит, чтобы вы вышли к нему.

— Скажите этому сукину сыну: если он хочет видеть меня, пусть заходит в кабинет или проваливает ко всем чертям.

Пендергаст вытянул руку, схватил трубку и легонько дернул ее на себя:

— Позвольте мне.

Мадлен отпустила трубку. Никто не посмеет упрекнуть ее за то, что она не оказала сопротивления агенту ФБР.

— Доктор Хеффлер? Это агент Пендергаст.

Мадлен не смогла разобрать ответ, но доносившиеся из трубки звуки, напоминающие стрекотание сверчка, подсказали ей, что Хеффлер ответил на повышенных тонах.

«Похоже, будет весело», — подумала она.

Агент терпеливо выслушал доктора, а затем ответил:

— Я приехал за результатами анализа митохондриальной ДНК по делу Убийцы из отеля.

Из трубки снова раздалось сердитое стрекотание.

— Какая досада. — Агент повернулся к Мадлен, протянул ей трубку и улыбнулся, на этот раз вроде бы искренне. — Благодарю вас. И вот еще что: как пройти в лабораторию, где проводят митохондриальный анализ?

— Направо по коридору, но… туда нельзя входить без сопровождающего, — тихо произнесла она.

— У меня будет сопровождающий. Доктор Хеффлер согласился проводить меня или, по крайней мере, скоро согласится.

— Но…

Пендергаст достал свой сотовый телефон и набрал номер, затем вышел из приемной, повернул направо и неспешно зашагал по коридору. Как только он исчез из виду, зазвонил телефон Мадлен.

— Позовите, пожалуйста, доктора Хеффлера, — попросил голос из трубки. — Это мэр Старк.

— Мэр Старк? — Невероятно, но это действительно звонил мэр, собственной персоной. — Да, сэр, одну секунду.

Она переключила звонок на телефон Хеффлера. Не прошло и минуты, как доктор с багровым лицом пулей вылетел из кабинета:

— Куда он пошел?

— По коридору, в лабораторию. Я сказала ему…

Но Хеффлер уже припустил неуклюжей трусцой вдогонку за агентом. Мадлен никогда не видела шефа таким расстроенным и напуганным, и — к чему скрывать — она наслаждалась этим зрелищем.

«Роллс-ройс» остановился у крыльца особняка на Риверсайд-драйв. Агент Пендергаст вышел из машины, держа в руке тонкую папку из манильской бумаги. Вечерело, с Гудзона подул холодный ветер и растрепал его светлые волосы. Засохшие листья неслись над тротуаром и, когда открылась тяжелая дубовая дверь, залетели в прихожую вместе с ним.

Петляя по темным коридорам, Пендергаст решительным шагом направился в библиотеку. Здесь все оставалось неубранным, стол был завален бумагами, разбросанными также и по полу. Дверцы книжного шкафа были открыты нараспашку. Агент прошел к дальней стене, быстро щелкнул пальцами, и книжные полки, повинуясь скрытому

механизму, разошлись в стороны, а за ними появился небольшой рабочий стол с компьютером и монитором. Даже не присев, Пендергаст быстро застучал пальцами по клавиатуре, и монитор тут же ожил. Агент вытащил из папки плоский пакет, нетерпеливо разорвал бумагу, достал компакт-диск и вставил его в дисковод. Затем набрал пароль, и на экране появилась долгожданная черно-белая страница официального документа:

Группа специалистов по клиническим исследованиям

База данных митохондриальной ДНК

Митохондриальная гаплогруппа[54]***homo sapiens***

Полиморфизмы[55] ***и мутации***

ЭТО КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ БАЗА ДАННЫХ,

ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЕЕ БЕЗ СПЕЦИАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ

СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО.

Строчки бежали по экрану со скоростью пулемета, затем появилось изображение вращающегося колеса. Еще через секунду замигал короткий ответ. Пендергаст, по-прежнему стоя перед монитором, смотрел на этот ответ пять долгих секунд — и вдруг пошатнулся. Он отступил на шаг, задрожал и рухнул на колени.

27

Специальный агент Пендергаст вошел в гостиную своей квартиры в «Дакоте». Остановился, прислушиваясь к шуму водопада. Шагнул к небольшой картине кисти Моне и поправил ее, хотя рама идеально ровно висела на розовой стене. Агент двинулся дальше к горшку с бонсаем, взял со стола садовые ножницы ручной ковки и аккуратно срезал несколько свежих побегов. Рука немного дрожала.

Закончив с подрезкой, он принялся беспокойно бродить по комнате, время от времени останавливаясь, чтобы подтолкнуть плавающие в чаше фонтана лепестки лотоса.

Он должен был совершить некое деяние, но даже думать об этом было невыносимо.

Наконец он покинул гостиную и решительно зашагал по длинному коридору с множеством дверей. Кивнул мисс Ишимуре, отдыхающей в своей комнате с книгой на японском языке. Потом свернул за угол в другой коридор и вошел в первую дверь справа.

Вдоль обеих боковых стен комнаты располагались высокие, до потолка, книжные шкафы красного дерева, заставленные изданиями восемнадцатого и девятнадцатого века в тяжелых кожаных переплетах. Всю дальнюю стену занимала огромная ниша, также отделанная красным деревом, в ее углах стояли две скамейки с мягкими вышитыми подушками, развернутые одна к другой. Между ними располагалось огромное панорамное окно, выходящее на пересечение Сентрал-Парк-Уэст и Семьдесят второй улицы. Дальше начинался сам необъятный Центральный парк с оголенными, продрогшими под лучами холодного зимнего солнца деревьями.

Пендергаст закрыл глаза, позволил телу расслабиться, выровнял дыхание. Окружающая обстановка начала постепенно исчезать: сначала комната, потом квартира, здание, остров, затем весь мир растворился во все расширяющейся сфере контролируемого забвения. Процедура заняла около четверти часа. Он погрузился в полную темноту, абсолютную пустоту и непоколебимое спокойствие. Потом медленно, очень медленно открыл глаза — не в физическом смысле, а свое внутреннее, духовное зрение.

Небольшая комната вновь предстала перед ним во всех деталях.

Но она оказалась абсолютно пустой.

Пендергаст не позволил себе удивиться. Он был мастером чонгг ран — древней тибетской духовной практики, потратил много лет на ее изучение. Прежде крайне редко случалось такое, чтобы ему не удавалось достичь «стонг па нийд» — состояния чистой пустоты. Очевидно, помешало нечто сокрытое в нем самом.

Придется потратить на медитацию больше времени, намного больше.

Он снова успокоил дыхание, замедлил пульс до сорока ударов в минуту. Отключил свой разум, чтобы заставить умолкнуть внутренний голос, освободиться от надежд и желаний, забыть даже о том, зачем пришел в эту комнату. На какое-то мгновение он завис в невесомости в пустом пространстве. Затем — намного медленней, чем в прошлый раз, — начал воссоздавать в уме совершенную копию острова Манхэттен, начиная с собственной квартиры и постепенно отодвигаясь все дальше и дальше. Он проходил комнату за комнатой, дом за домом, наконец — с заботливым вниманием — квартал за кварталом. Пендергаст удерживал в уме каждую улицу Манхэттена, каждого живущего здесь человека. Он задерживал взгляд на каждом углу, на каждом перекрестке, на каждом ничем не примечательном здании, собирая все детали в прекрасное кружево памяти. Шаг за шагом он продолжал напряженную умственную работу, расширяя круг, пока не достиг Гудзона на западе и Гарлема на востоке, Бэттери-парка на юге и Спайтен-Дайвила[56]на севере. Бесконечно долго он удерживал в голове весь остров и каждую его деталь по отдельности и во взаимосвязи с остальными, а убедившись в их совершенстве, одним щелчком выбросил из головы. Смыл. Растворил. Погасил. Не оставил внутри ничего, кроме темноты.

Теперь он мысленно снова открыл глаза. Было пять часов вечера. На скамейке напротив него сидела Хелен Эстерхази-Пендергаст. Это была любимая комната Хелен. Ей не особенно нравился Нью-Йорк, и эта крошечная каморка — уютная, обставленная книгами, с запахом полированного дерева и видом на Центральный парк — служила ей тайным убежищем.

Конечно, в обычном понимании Хелен здесь не было, но в каком-то другом — в сознании Пендергаста, хранившем каждое воспоминание о ней, каждую мельчайшую деталь ее облика, — она оставалась частью его внутреннего мира и продолжала, так сказать,

квазиавтономное существование.

В этом и заключалась сила и красота чонгг ран.

Руки Хелен были сложены на коленях, и на ней было то платье, которое Пендергаст хорошо помнил: черный шелк с бледно-коралловой вышивкой по краю глубокого выреза. Она выглядела теперь моложе — приблизительно как в то время, когда произошел этот несчастный случай на охоте.

Ирония заключается в том, что это действительно был несчастный случай, только совсем другого рода, чем он считал все эти годы.

— Хелен, — позвал он.

Она подняла глаза и на мгновение встретилась с его взглядом. Улыбнулась и снова опустила голову. Эта улыбка заставила его вздрогнуть от боли и отчаяния, изображение моргнуло и едва не погасло. Пендергаст подождал, пока картина восстановится, а его сердце станет биться спокойней.

— По городу разгуливает на свободе серийный убийца, — продолжил он. И сам удивился своему дрожащему голосу и сухому, официальному тону, каким он никогда не разговаривал с женой. — Он убил уже троих. И каждый раз оставлял какое-нибудь сообщение. Вторым было «С днем рождения».

Она молчала.

— Это второе убийство случилось в мой день рождения. Поэтому — и по некоторым другим деталям — я заподозрил в убийце своего брата Диогена. Потом я вроде бы получил подтверждение этой догадки, сравнив ДНК убийцы со своей и выяснив, что они очень похожи. Похожи, как бывает у родных братьев.

Он остановился, чтобы проверить, какое впечатление произвели на жену его слова. Но она продолжала смотреть на собственные руки, сложенные на коленях.

— Но сейчас я просмотрел анализы митохондриальной ДНК. И они показали еще одно совпадение. Убийца приходится родственником не только мне, но и тебе тоже.

Хелен вскинула голову. Но либо не могла, либо не хотела ничего отвечать.

— Помнишь, как ты уехала в Бразилию? Это было за год до того, как мы поженились. Ты долго отсутствовала — почти пять месяцев. Тогда ты объяснила мне, что была в миссии «Врачей на крыльях». Но ведь ты сказала неправду, так ведь? А правда заключается в том, что ты уехала в Бразилию, чтобы тайно родить там ребенка. Нашего ребенка.

Слова повисли в воздухе. В ответ на пристальный взгляд Пендергаста Хелен встревоженно посмотрела на него.

— Кажется, я даже понял, когда был зачат ребенок. В ту ночь, когда мы вместе встречали восход луны через две недели после нашего знакомства. Я ведь не ошибаюсь, да? А теперь… теперь ты поставила меня перед фактом, что у меня есть сын, о котором я ничего не знаю, которого никогда не видел… и который стал серийным убийцей.

Хелен снова опустила глаза.

— Кроме того, я видел документы, в которых сказано, что ты и твой брат Джадсон принимали участие в евгенических[57] экспериментах, корни которых уходят во времена нацистского режима. Бразилия, Джон Джеймс Одюбон[58], Менгеле[59], Вольфганг Фауст, «Лонжитьюд фармасьютиклз», «Ковенант», «Der Bund» — это все звенья одной длинной уродливой цепи, которые только сейчас начинают сходиться. Кое-что мне объяснил Джадсон незадолго до своей гибели. Он сказал: «Я стал тем, кем был предназначен стать с рождения. Для этого я и был рожден, и это от меня не зависит. Если бы ты только знал, через какие ужасы пришлось пройти нам с Хелен, ты бы понял».

Он остановился, проглотил ком в горле.

— Но в том-то и дело, что я не понимаю. Почему ты все скрывала от меня? Твою беременность, нашего ребенка, прошлое твоей семьи, все те ужасы, о которых говорил Джадсон… Почему ты не разрешила мне помочь тебе? Почему все эти годы держала нашего ребенка вдали от меня и тем самым, возможно, позволила ему стать… тем, кем он стал? Ты, конечно же, знала о мрачной наследственности моей семьи, возвращающейся через поколение. Но правда состоит в том, что ты ни разу не упомянула о нем до самого последнего момента, до этих слов: «Он скоро приедет».

Хелен прятала от него глаза и лишь сжимала и разжимала

пальцы неподвижно лежащих на коленях рук.

— Мне хотелось бы думать, что ты невиновна — или, по крайней мере, напрямую невиновна — в смерти своей сестры. Еще мне хотелось бы верить, что Эмма Гролье, как ее все называли, была уже мертва, что ее милосердно подвергли эвтаназии, когда ты узнала об этом ужасном плане. Я, конечно, надеюсь, что это было случайное совпадение. И конечно, тебе тоже было проще в это поверить. Но почему она должна была погибнуть вместо тебя? Я долго об этом думал и теперь, кажется, понимаю, что произошло. Узнав о трагедии семьи и о том, каким жестоким экспериментам она подвергалась, ты, должно быть, пригрозила Чарльзу Слейду и «Лонжитьюд» — а заодно и «Der Bund» — рассказать правду о препарате Одюбона. И они, в свою очередь, решили убить тебя, чтобы сохранить все в тайне. Правильно?

Руки Хелен задрожали.

— Твой брат Джадсон получил задание, которое не мог выполнить. Несомненно, именно поэтому он и решил порвать с «Ковенантом». И придумал хитрый план, как сохранить тебе жизнь. У твоей сестры-близняшки была неизлечимая болезнь — я только сегодня нашел в открытом доступе выписку из ее истории болезни. Тогда он организовал тот несчастный случай во время охоты на льва с красной гривой и предъявил заказчикам труп сестры вместо твоего. Джадсон рассказал им о холостых патронах в твоем ружье, о том, как ты увлеклась охотой и ушла далеко от остальных. «Der Bund» поверил его объяснениям. Он нашел дрессированного льва, который набросился на тебя и утащил, не причинив большого вреда, а потом по команде растерзал тело твоей сестры. Джадсон, вероятно, до последней возможности держал всю подготовку в тайне от тебя. Именно поэтому ты выглядела такой расстроенной в тот последний вечер в Африке: он был где-то рядом с лагерем вместе с дрессировщиком льва и трупом недавно умершей Эммы. Он встретился с тобой и объяснил свой план. Только все пошло не совсем так, как он задумал: лев вышел из повиновения и откусил тебе руку. К счастью, потом он набросился на труп твоей Эммы и достаточно его изуродовал, чтобы Джадсон смог подложить на место трагедии и твою руку с кольцом — еще одно подтверждение того, что ты погибла. Надо отдать ему должное: он умудрился сохранить голову в такой отчаянной ситуации.

Пендергаст сокрушенно покачал головой.

— Дьявольски сложный план, но такой и был необходим, чтобы не вызвать у меня подозрений. Если бы все не выглядело настолько естественно, я бы не успокоился, пока не докопался до правды, — точно так же, как не могу успокоиться теперь.

Ужасное, невыносимое молчание вместо ответа.

— И все-таки почему ты просто не подошла ко мне той ночью в охотничьем лагере? Почему не позволила помочь тебе? Почему, ну почему не доверилась мне?

Он перевел дух.

— И еще одно, чего я никак не могу понять. Ты любила меня, Хелен? Ты когда-нибудь любила меня? Я всегда чувствовал, что да, любила. Но теперь, узнав обо всем этом, я уже не уверен. Мне хотелось бы думать, что в первый раз ты встретилась со мной лишь для того, чтобы раздобыть дневники Одюбона, но неожиданно влюбилась в меня. Мне хотелось бы, чтобы моя догадка о твоей беременности оказалась ошибочной. Но ведь это не так? И наша свадьба тоже была частью плана? А я был просто пешкой в сложной игре, смысл которой мне до сих пор не вполне понятен? Хелен, прошу тебя, ответь мне! Это… это так мучительно — не знать правды.

Хелен сидела неподвижно. Лишь одинокая слезинка скатилась по ее щеке. В каком-то смысле это и был ответ.

Пендергаст долго смотрел на нее, дожидаясь еще какого-нибудь знака. Наконец вздохнул и закрыл глаза. А когда открыл снова, в комнате, кроме него, никого больше не было.

И тут где-то рядом с квартирой раздался приглушенный крик.

28

Пендергаст вскочил, выбежал из комнаты и бросился по коридору к прихожей. Приблизившись, он услышал громкие взволнованные голоса и различил среди них нечленораздельные, но протестующие выкрики мисс Ишимуры, а также чьи-то стоны или всхлипывания.

Он открыл дверь и увидел необычную картину. Швейцар и начальник службы безопасности «Дакоты» по фамилии Франклин держали под руки щуплого юношу, одетого в джинсы и рваную рубашку, с растрепанными волосами, измазанного с ног до головы сажей и к тому же неприятно пахнущего. Одно ухо юноши было перевязано окровавленным бинтом, и такие же грязные бинты обтягивали его руку и ногу. Мальчишка едва держался на ногах и был явно не в себе — закатывал глаза и что-то бессвязно бормотал.

— Что здесь происходит? — обратился Пендергаст к охраннику.

— Прошу прощения, мистер Пендергаст, но этому юноше плохо, ему нужна помощь.

— Это я вижу. Но зачем вы его сюда привели?

Охранник растерялся:

— Простите, что?

— Мистер Франклин, я спрашиваю, зачем вы привели его к моей квартире? Ему нужно в больницу.

— Я понимаю, сэр, но раз уж это ваш сын…

— Мой сын?

Агент изумленно уставился на юношу.

Начальник охраны принялся торопливо объяснять:

— Я просто подумал, учитывая то, что он сказал… — Он опять засомневался. — Надеюсь, я не сделал ничего дурного, приведя его сюда?

Пендергаст продолжал рассматривать юношу. Все мысли разом вылетели из головы, настолько он был ошеломлен нереальностью происходящего, как будто весь мир сделался плоским, нарисованным

на листе бумаги. Внешний вид юноши — светлые волосы под слоем сажи, серебристо-голубые глаза, аристократические черты лица — только усилил это изумление. Пендергаст был не в состоянии шевелиться, говорить, думать. Но все вокруг ждали его слов, его решения: либо он одобряет действия охранника, либо нет.

Стон юноши нарушил тишину.

Франклин встрепенулся:

— Прошу прощения, мистер Пендергаст, мы, конечно, о нем позаботимся, вызовем полицию и машину «скорой помощи». Но я полагал, раз это ваш сын, то вы сами во всем разберетесь… не сообщая властям.

Он смущенно замолчал.

Агент шевельнул губами, но не смог произнести ни слова.

— Мистер Пендергаст?

Начальник охраны и швейцар все еще держали юношу под руки.

Тишина в прихожей сделалась густой и плотной. Доносившийся из-за двери шум водопада звучал в ней неестественно громко.

Наконец вмешалась мисс Ишимура. Она подошла к Франклину и показала жестами, что юношу нужно уложить на кожаный диван. Охранник со швейцаром так и поступили, а мисс Ишимура принесла подушку и подсунула ее под голову бедняги. Перемещение, казалось, привело его в чувство. Взгляд приобрел осмысленность, покружил по комнате и остановился на Пендергасте.

Юноша поднял голову, его глаза засверкали.

— Отец… — тяжело дыша, произнес он с сильным акцентом. — Спрячь меня…

Эта короткая фраза отняла у него последние силы. Голова откинулась на подушку, глаза помутнели, губы зашептали что-то неразборчивое.

Пендергаст моргнул. Его зрение несколько прояснилось, внезапно потемневшие глаза внимательно осмотрели юношу, отмечая отдельные детали: расположение бинтов, рост, телосложение, черты лица. Как только Пендергаст вышел из оцепенения, смысл увиденного проник в его сознание: мальчик очень похож на Диогена,

даже больше, чем на него самого или на Хелен. Невольно, не спрашивая его согласия, в голове начали прокручиваться многократно просмотренные записи камер наблюдения.

Наконец мысли оформились в одну короткую фразу: «Это мой сын, Убийца из отеля».

— Мистер Пендергаст, — спросил Франклин, — что нам делать дальше? Вызывать полицию? Этому парню нужен врач.

«Мой сын — Убийца из отеля».

Реальность вернулась ослепительной вспышкой. Пендергаст внезапно оживился, подбежал к юноше и опустился рядом с ним на колени. Затем взял его руку — она была обжигающе горячей — и нащупал пульс. Учащенный и слабый, нитевидный. У юноши высокая температура, он бредит. Вероятно, при самоампутации произошло заражение крови.

Агент поднялся на ноги и выпрямился.

— Спасибо, мистер Франклин, — быстро проговорил он. — Полицию вызывать не нужно. Вы все сделали правильно. Доктора я сейчас найду.

— Как вам угодно, сэр.

Франклин и швейцар вышли из квартиры.

Пендергаст повернулся к домработнице, внимательно следившей за его губами:

— Мисс Ишимура, будьте добры, приготовьте бинты, таз с горячей водой, бактерицидную мазь, полотенце, ножницы и принесите все это в красную комнату.

Мисс Ишимура ушла. Пендергаст подсунул руки под спину юноши, поднял его — он был ужасно худым — и перенес на кровать в свободной спальной комнате, окна которой выходили во внутренний двор «Дакоты». Юноша что-то бормотал и отчаянно дрожал. Агент стащил с него грязную одежду, а кое-где и просто разорвал ее, затем осмотрел раны, начиная с уха. Мочка была отрезана так, что не оставалось никаких сомнений в том, что именно ее подбросили рядом с первым трупом. Ухо выглядело ужасно и уже начало гноиться. С отрубленным пальцем руки все было еще хуже, кость торчала наружу. Рана на ампутированном пальце ноги

открылась и сильно кровоточила. Вероятно, парень проделал долгий путь с поврежденной ногой.

Мисс Ишимура принесла таз с горячей водой и полотенце. Пендергаст обтер лицо юноши. Это мягкое прикосновение снова вернуло его в сознание.

— Отец, — прошептал он, — помоги…

— Я здесь, — ответил Пендергаст. — Все в порядке. Ты в безопасности.

Его голос прозвучал хрипло. Он намочил полотенце и положил на горячий, сухой лоб юноши. Мисс Ишимура вернулась с подносом, на котором лежали бинты, бактерицидная мазь и другие медикаменты.

— Я не виноват… bitte, mein Gott, bitte[60], не бросай меня…

Пендергаст осторожно промыл поврежденный палец руки, вычистил рану, смазал мазью и заново перебинтовал. Затем обработал палец на ноге, который был в ужасающем состоянии и продолжал кровоточить, несмотря на все его старания. Но он хотя бы промыл и перевязал рану. Юноша стонал и беспокойно ворочался в бреду, раз за разом повторяя: «Я не виноват».

Пендергаст закончил перевязку и встал. Неожиданно комната закружилась у него перед глазами, но мисс Ишимура успела подхватить его под локоть и помогла сохранить равновесие. Она вывела его за руку, словно ребенка, в коридор и показала знаками, что посидит с больным, а Пендергаст может заняться своими делами или отдыхать.

Молча кивнув, он отправился по коридору в кабинет. Закрыл дверь и на мгновение прислонился к ней, чтобы прийти в себя и собраться с мыслями. Затем сел в кресло, закрыл глаза и попытался — огромным усилием воли — справиться с охватывающей его паникой.

Постепенно ему удалось успокоить пульс и дыхание.

Это была просто еще одна проблема. Так о ней и нужно думать: проблема.

«Мой сын — Убийца из отеля».

Он взял телефонную трубку и набрал номер:

— Доктор Росситер? Это Алоизий Пендергаст. Я хотел бы сделать вызов на дом, в мою квартиру в «Дакоте». Юноша в очень тяжелом состоянии, с несколькими открытыми ранами. Необходима помощь хирурга. Как всегда, я надеюсь на ваши опыт и осторожность и предоставляю вам полную свободу принятия решений.

29

Капитан Лора Хейворд быстро шла по коридору Тридцать второй начальной школы в актовый зал. По городу прокатилась волна преступлений против бездомных: избиения, грабежи, одного несчастного в парке Риверсайд малолетние хулиганы просто сожгли, — и теперь комиссар поручил ей обойти окрестные школы и поговорить с учениками о тяжелой жизни этих людей. И в первую очередь она хотела донести до подростков именно эту мысль: бездомные — такие же люди, как и они сами. За последние недели Хейворд побывала уже в полудюжине школ, и везде ее выступления прошли удачно. Она чувствовала, что сумела что-то изменить в сознании школьников. Ее радовала возможность поучаствовать в таком важном деле. В свое время Лора Хейворд выбрала темой своей диссертации социальную структуру сообщества бездомных Нью-Йорка и несколько месяцев наблюдала за ними, изучала их жизнь, пыталась разобраться в их судьбах, надеждах и трудностях. В последние годы она была слишком занята рутинной полицейской работой, чтобы применять на практике свои знания по социологии, но сейчас они ей очень помогли.

Свернув за угол, она неожиданно столкнулась с идущим навстречу д’Агостой.

— Винни! — Она удержалась от поцелуя, поскольку оба они находились на службе. — Что ты здесь делаешь?

— Разыскиваю тебя, — ответил он. — Я как раз проезжал мимо, и мне нужно с тобой кое о чем поговорить.

— А нельзя было поговорить об этом, например, за завтраком? — спросила она.

Он взглянул на нее озабоченно и немного виновато. Хейворд чувствовала, что его вот уже несколько дней что-то тревожит. Но с такими вещами нельзя торопиться — нужно просто ждать, когда человек сам захочет все тебе рассказать. А потом сделать так, чтобы он не передумал.

Она посмотрела на часы:

— У меня выступление через десять минут. Пойдем поговорим прямо в зале.

Они вместе прошли через двойные двери и оказались в помещении, построенном в стиле середины прошлого века, с балконом и широкой сценой. Хейворд вспомнила точно такой же зал своей школы, проходившие там собрания, учения по гражданской обороне и киносеансы. Сейчас зал был уже наполовину заполнен, но они сели в сторонке, на заднем ряду.

— Итак, — сказала Хейворд, повернувшись к д’Агосте. — В чем проблема?

Он не спешил с ответом.

— Пендергаст, — произнес он наконец.

— И почему я не удивляюсь?

— Я очень беспокоюсь о нем. Он и раньше был способен на грубые шутки и насмешки над людьми, но сейчас ведет себя просто странно — даже для него.

— Расскажи подробней, — попросила Хейворд.

— После гибели жены он затворился в своей квартире, и я почти уверен, что он принимал сильнодействующие препараты. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду.

— Какие именно?

— Не могу сказать точно, но у меня возникло ощущение, что он сознательно готовится к самоубийству. По твоему совету я принес ему папку с материалами по Убийце из отеля. Кажется, они задели его за живое. Он вышел из апатии и взялся за это дело с какой-то маниакальной страстью. Неожиданно появился на месте третьего убийства, заявил, что уполномочен вести расследование, и теперь всячески отравляет жизнь агенту Гиббсу. Я пытался объяснить, что это не доведет до добра. Думаю, он настолько опустошен, что уже по одной этой причине не может найти общий язык с Гиббсом. То есть я и раньше замечал, как он измывался над теми, кто его раздражал, но на то всегда были серьезные причины.

— О господи. Похоже, моя идея оказалась не такой удачной, как мы думали.

— Я еще не добрался до самого плохого.

— И что же это?

— Его версия преступления. Она по меньшей мере странная.

Хейворд вздохнула:

— Рассказывай.

Д’Агоста вздохнул в ответ:

— Он считает, что убийца — его брат Диоген.

Хейворд нахмурилась:

— Я думала, что Диоген умер.

— Все так думали. Проблема в том, что Пендергаст не хочет объяснять, почему считает, что убийца — его брат. Мне эта мысль кажется нелепой. Боюсь, что смерть жены помрачила его рассудок.

— У него есть какие-то доказательства?

— Насколько мне известно, нет. По крайней мере, мне он ничего об этом не рассказывал. Но я все равно не понимаю его. Почерк убийцы абсолютно непохож, вообще нет никаких причин связывать это дело с Диогеном. Я наскоро проверил базы данных, и по всем признакам его брат действительно пропал и, скорее всего, умер. Это какое-то безумие.

— А что думает об этом Синглтон?

— Это вторая проблема. — Хотя рядом с ними никого не было, лейтенант перешел на шепот: — Пендергаст велел никому не говорить о его версии. Ни Гиббсу, ни Синглтону — вообще никому.

Хейворд посмотрела на д’Агосту и уже открыла рот, чтобы спросить, почему он раньше не рассказал об этом. Но затем передумала. Он и так был сильно расстроен. И раз уж все-таки решился поговорить с ней, значит просит совета. Но ирония судьбы заключалась в том, что именно из-за ее совета Пендергаст и заинтересовался этим делом.

— Я понимаю, что любую информацию, какой бы невероятной она ни казалась, необходимо приобщить к делу. Возможно, она как-то поможет в раскрытии преступления. Но… я ведь обещал ему. — Лейтенант покачал головой. — Боже мой, я совсем запутался.

Хейворд осторожно взяла его за руку:

— Винни, это твоя обязанность — проверять любую версию,

любую информацию, даже самую неправдоподобную. Ведь ты — руководитель группы.

Д’Агоста не ответил.

— Я понимаю, что Пендергаст твой друг. Я знаю, что он пережил ужасное горе. Но тут дело не в дружбе. И даже не в твоей карьере. Просто нужно поймать опасного преступника, который, возможно, будет убивать и дальше. Винни, ты должен сделать правильный выбор. Если у Пендергаста есть какая-то информация, нужно получить ее и проверить. Это же очевидно.

Д’Агоста опустил голову.

— А его отношения с Гиббсом — это забота ФБР. Пусть они сами между собой разберутся, хорошо? — Она чуть тверже сжала его руку. — Мне пора выступать. А вечером мы продолжим разговор.

— Хорошо.

Она снова удержалась от того, чтобы поцеловать его. Оглянувшись в последний раз перед выходом на сцену она нахмурилась, потому что д’Агоста выглядел таким же растерянным, как и до разговора.

30

Наступил полдень. Доктор приходил и уже ушел. Юноша, отмытый от сажи, уснул. В комнате было тихо и темно, занавески задернуты, в углу неподвижно сидел человек с бледным лицом, похожий на выплывшее из темноты привидение.

Юноша шевельнулся и вздохнул. Он спал уже восемнадцать часов. Одна рука лежала поверх одеяла. Запястье охватывал браслет наручников, прикрепленных другим кольцом к спинке кровати.

Юноша снова вздохнул, а затем в темноте что-то слабо сверкнуло — он открыл глаза. Беспокойно заерзал, поднял голову. Огляделся и заметил сидящего в углу мужчину.

Они долго смотрели друг на друга, и наконец юноша прошептал:

— Пить.

Мужчина молча поднялся и вышел из комнаты, потом вернулся со стаканом воды и соломинкой. Юноша потянулся к воде, но наручники остановили его руку. Он удивленно посмотрел на мужчину, но ничего не сказал. Пендергаст поднес стакан к его рту.

Юноша сделал несколько глотков и снова откинул голову на подушку.

— Спа… спасибо.

Голос звучал еще слабо, но юноша пришел в себя и уже не бредил. Температура спала, лекарства начали действовать, длительный сон немного укрепил его силы.

Помолчав, юноша поднял руку с наручником на запястье и спросил:

— Зачем?

— Ты знаешь зачем. А я хочу знать, зачем ты пришел сюда.

— Потому что ты… отец.

— Отец, — повторил Пендергаст, словно пробуя на вкус незнакомое слово. — Откуда ты это знаешь?

— Я слышал… разговор. О тебе. Пендергаст. Мой отец.

Агент не ответил. Юноша снова заворочался:

— Они знают… что я здесь?

Он говорил неуверенно, со странным акцентом, отчасти похожим на немецкий, но более мягким, приятным на слух. Вероятно, португальским. Его чисто вымытое лицо оказалось бледным и болезненным, под кожей проступали голубые вены. Под глазами юноши обозначились темные круги, словно от ушибов, мокрые от пота волосы прилипли ко лбу.

— Если ты про полицию, — произнес Пендергаст сухим, ледяным тоном, — то я им не звонил. Пока.

— Не полиция… — сказал юноша. — Они.

— Они?

— Остальные. Мой… мой брат.

Наступила глубокая, вязкая тишина, а затем Пендергаст спросил изменившимся, чужим голосом:

— Твой брат?

Юноша закашлялся и попытался сесть в кровати:

— Можно еще воды?

Отложив в сторону свой сорок пятый калибр, Пендергаст подошел к юноше, подложил ему подушку под спину и поднес стакан. На этот раз юноша пил с жадностью, до самого дна.

— Я голоден, — пожаловался он.

— Поешь, когда придет время, — ответил Пендергаст, усаживаясь обратно в кресло и возвращая в карман револьвер. — Итак, ты сказал, твой… брат?

— Мой брат.

Пендергаст нетерпеливо посмотрел на юношу:

— Хорошо. Расскажи мне о нем.

— Это Альбан. Мы… близнецы. Вроде того. Это он убивал. Он резал меня. Он думает, что это lustig. Весело. Но я убежал. Они не приходили за мной?

В его интонациях появился страх.

Пендергаст встал, подошел к окну, затем повернулся. Его стройный силуэт в полумраке казался призрачным.

— Дай мне разобраться, — глухо проговорил он. — У тебя есть брат-близнец, который убивает людей в отелях Нью-Йорка. Он держал тебя взаперти и отрезал части твоего тела — мочку уха, пальцы на руке и ноге, чтобы оставить их на месте преступления.

— Да.

— Но почему ты пришел ко мне?

— Ты… отец. Или нет? Альбан… так говорил. Он часто разговаривал о тебе с остальными. Они не знают, что я все слышу. И понимаю.

Пендергаст застыл на месте и долго ничего не отвечал. Потом подошел к креслу и тяжело опустился в него, как будто движения причиняли ему боль.

— Вероятно, — заговорил он снова, проводя рукой по бледному лбу, — тебе придется повторить с начала. Расскажи мне все, что знаешь. Где ты родился, как это произошло, кто такой твой брат Альбан и что вы делаете здесь, в Нью-Йорке.

— Я попробую. Но я мало знаю.

— Постарайся.

— Я родился в… Бразилии. Они называли это место Нова-Годой[61].

Пендергаст насторожился:

— Твоя мать была…

— Я ни разу не видел свою мать. Альбан был хороший близнец. А я… плохой.

— Как тебя зовут?

— У меня нет имени. Только хорошим близнецам дают имена. Я… Сорок седьмой.

— А что значит хороший и плохой близнец? В чем разница?

— Не знаю, как это происходит. Не уверен. Хорошие близнецы получают весь хороший материал, а плохие — плохой. Хорошие близнецы учатся в школе, занимаются спортом, проходят подготовку.

Их хорошо кормят. А мы… работаем в поле.

Пендергаст поднялся медленно и тихо, словно изумленная тень.

— Значит, в Нова-Годой полно близнецов?

Юноша кивнул.

— И твой близнец, этот Альбан, он совершил все эти убийства?

— Он… любит это.

— Почему он убивает?

Юноша пожал плечами.

— А как ты убежал?

— Они считают меня глупее, чем есть. Я обманул их и убежал. — Он то ли всхлипнул, то ли икнул. — Надеюсь, они не придут за мной.

— Где тебя держали?

— Это было… под землей. Длинный тоннель, старый, холодный. Они держали меня… в большой печи. Холодной, большой, как эта комната. Грязные кирпичи, грязный пол. Тяжелая металлическая дверь. В последний раз… они забыли запереть.

— И?

— Я убежал. Просто убежал.

— Как ты нашел меня?

— Я слышал, они говорили, что ты живешь в роскошном доме. В доме «Дакота». Я спрашивал о нем. Один незнакомец помог мне, подвез на своей желтой машине. Дал мне вот это.

Он показал на несколько мятых купюр, которые мисс Ишимура вынула из кармана его джинсов.

Пендергаст достал из кармана ключ и снял наручники с запястья юноши.

— Извини, — сказал он. — Я все неправильно понял.

Юноша улыбнулся:

— Пустяки. Я… привык к ним.

Пендергаст нажал кнопку возле двери, и через мгновение вошла

мисс Ишимура. Агент повернулся к ней и быстро проговорил:

— Будьте любезны, приготовьте завтрак нашему гостю. Яичница, колбаса, гренки, апельсиновый сок. Спасибо.

Затем он вернулся к разговору:

— Значит, кто-то посадил тебя в такси? Ты долго ехал?

— Очень долго. Вокруг было много-много машин.

— Что ты еще помнишь? Вы проезжали по мостам или тоннелям?

— Мы ехали по большому мосту через реку. — Он покачал головой, вспоминая. — Много зданий, очень высоких.

Пендергаст взял трубку внутреннего телефона.

— Чарльз? То такси, на котором приехал мальчик. Мне нужен его номер. Посмотрите записи камер наблюдения и сообщите мне сразу, как только найдете. Спасибо.

Он повесил трубку и подошел к юноше, лежащему в кровати. Такому потерянному, испуганному, беззащитному.

— Давай проверим, правильно ли я понял твой рассказ. Ты и твой брат — близнецы, родились и выросли в Бразилии. Вероятно, вы были частью какого-то эксперимента. В результате чего он получил все необходимые качества, хороший генетический материал, а тебе достался плохой, так сказать нежелательный. Правильно?

— Они говорят, что мы — отходы. Мусор.

— И каждый из вас получил номер. Твой номер — сорок седьмой.

— Да, сорок седьмой.

— Значит, там должно быть много таких, как ты.

Юноша кивнул:

— Можно открыть занавески? Пожалуйста. Я хочу видеть свет.

Пендергаст подошел к окну и отдернул занавески, пропуская в комнату лучи унылого желтого зимнего солнца, низко висящего над шиферной кровлей, фронтоном, башенками и мансардными окнами знаменитого здания. Юноша со счастливым выражением на бледном лице повернулся к свету.

Пендергаст тихо сказал:

— Первым делом тебе нужно имя. Настоящее имя.

— Я не знаю, как меня называть.

— Тогда я сам назову тебя. Как тебе нравится имя… Тристрам?

— Прекрасное имя. А я могу называть тебя… отец?

— Да, — ответил Пендергаст. — Да, пожалуйста, называй меня… — Ему потребовалось усилие, чтобы произнести это слово: — Отец.

31

Кори стояла у дальнего конца торговой площадки дилерской компании «Джо Рикко Шевроле-Кадиллак», на которой сверкали в холодном солнечном свете выстроившиеся в ряд новые автомобили и грузовики. Наступили тяжелые времена, в особенности в округе Аллентаун, и ее сразу выставили за дверь, как только поняли, что она не собирается покупать машину, а просто ищет работу.

Она была вне себя от злости. Ради этого визита ей пришлось сходить в местную парикмахерскую. Обесцветить ее лиловые волосы оказалось дьявольски трудно, и в конце концов после небольшого скандала их просто окрасили в черный цвет и подстригли до уровня плеч. Теперь она выглядела в ретро-стиле середины прошлого века, который ей по-своему нравился, но все-таки был слишком уж старомодным. Сшитый на заказ серый костюм, туфли-лодочки и легкий макияж окончательно превратили Кори из готки в яппи[62]. В результате от выданных Пендергастом трех тысяч остались сущие слезы.

И все без толку.

Задним числом она понимала, что глупо было претендовать на должность продавца автомобилей, не имея никакого опыта, кроме учебы в колледже. Лучше бы она попросилась в помощники продавца или в уборщицы. Но сейчас уже поздно. Нужно придумать какой-то другой способ проникнуть в фирму, чтобы выяснить, что же там на самом деле происходит.

Кори еще решала, что делать дальше, когда услышала позади голос:

— Простите…

Она обернулась и увидела пожилую пару, прилично одетую и вполне безобидную.

— Да?

— Не могли бы вы помочь нам?

Кори растерянно огляделась и уже собиралась сказать, что не работает здесь, но что-то ее остановило. Вместо этого она сказала:

— С удовольствием. — И, одарив клиентов очаровательной улыбкой, протянула руку: — Меня зовут Кори.

— Сью и Чак Гессе, — представился мужчина и ответил на рукопожатие.

Кори не знала, чем это закончится, но, черт возьми, почему бы не попробовать?

— Добро пожаловать в «Джо Рикко Шеви-Кадиллак», — торжественно произнесла она.

— Я только что вышел в отставку из университета и теперь подыскиваю что-нибудь изящное и удобное, — объяснил Чак.

Девушка могла бы сразу показать профессору машину, подходящую под его описание, но по спокойному и внимательному лицу его супруги поняла, что решение принимать будет она. Супруги Гессе выглядели идеальной парой. Мужчина даже носил галстук-бабочку который Кори всегда расценивала как признак покладистого характера. И у нее появилась идея.

Единственная проблема состояла в том, что она вообще не разбиралась в автомобилях.

— Мы хотели бы приобрести седан, — сообщил профессор, — но так и не решили, какой лучше — CTS-Спорт или CTS-V. Не могли бы вы помочь нам сделать выбор?

О-хо-хо! Кори снова улыбнулась и наклонилась к супругам:

— Я должна вам кое в чем признаться.

Мужчина удивленно приподнял густые брови.

— Дело в том, что вы — мои первые клиенты. И я… одним словом, я не уверена, что сама хорошо понимаю, чем они отличаются.

— О, как жаль… — пробормотал мужчина, озираясь по сторонам. — А другого продавца здесь нет?

— Чак, — возмущенно шепнула ему супруга. — Разве ты не слышал, что она сказала? Мы — ее первые клиенты. Мы не можем так с ней поступить.

«Да благословит вас Господь», — подумала Кори.

— Э-э… да. Я об этом не подумал. И не хотел вас обидеть. —

Профессор смутился самым обезоруживающим образом.

— Я сделаю все, что смогу, — заверила его Кори. — Мне действительно не хватает опыта, но я обязательно научусь продавать машины. Однако здесь я всего три дня, меня приняли с испытательным сроком и… — Она тихо добавила: — Я даже не знаю, сколько здесь продержусь.

— Я понимаю, — сказал мужчина. — Разумеется, нам необязательно покупать машину именно сегодня.

— Может быть, вы мне покажете, где стоят эти седаны? — предложила Кори. — Мы посмотрим на них и попробуем разобраться вместе.

— Они там.

Профессор тут же направился через всю площадку к нескольким рядам респектабельных четырехдверных автомобилей, сверкающих на солнце разными цветами. Похоже, он прекрасно здесь ориентировался. Мужчина остановился возле красной машины и положил руку на ее капот.

— Вам нравится? — спросила Кори, чувствуя себя довольно глупо и не зная, что еще сказать.

— Да, недурен.

— А не могли бы вы объяснить… э-э… чем он вам нравится? Мне хотелось бы это понять, раз уж я собираюсь продавать автомобили.

Мужчина начал оживленно перечислять особенности и технические характеристики автомобиля, ссылаясь при этом на «одну дельную статью», которую он прочитал то ли в «Нью-Йорк таймс», то ли в «Ю-Эс-Эй тудей». Он говорил о волшебном, в духе «американской мечты», преображении «Дженерал моторс» из динозавра автомобилестроения в успешную современную компанию, способную конкурировать с «Тойотой» и «Хондой» даже на их внутреннем рынке. О том, какие превосходные машины она выпускает. Он выдал множество полезной информации, загибая при этом пальцы, словно пересчитывал что-то. Кори слушала с интересом, ободряюще улыбаясь. Она всегда считала «кадиллак» старомодным автомобилем для пожилых людей, но оказалось, что это один из лидеров рынка.

— А почему V-седан стоит почти в два раза дороже, чем «Спорт»? — спросила она. — Я не вижу между ними особой разницы.

— О нет, разница огромная, — сказал мужчина, поправляя галстук-бабочку и тут же стал с профессорской точностью называть отличия.

Кори с жадностью ловила каждое слово. Она была поражена тем, сколько знал об автомобилях этот человек. Но с другой стороны, на то он и профессор.

Двадцать минут спустя Кори привела супругов Гессе в главный зал и разыскала того менеджера, что проводил с ней собеседование, а точнее говоря, отказался его проводить. Менеджер держал в руке бутылку с диетической кока-колой и, громко смеясь, обсуждал что-то с двумя другими продавцами. Когда Кори с клиентами подошла ближе, смех затих. Менеджер удивленно покосился на нее, но благоразумно промолчал.

— Должен вам сказать, — громко заявил профессор, — что эта девушка, ваш новый продавец, очень хорошо поработала и помогла нам выбрать вот тот красный седан. Давайте теперь поговорим о цене и оформим покупку.

Кори стояла рядом, гадая, что произойдет дальше, но менеджер оказался хитрой лисой. Не моргнув глазом, он жестом приказал одному из продавцов заполнять нужные бумаги, затем пожал руки обоим супругам, сказал, что у них прекрасный вкус, и похвалил Кори, как будто она на самом деле работала здесь продавцом.

Дружески похлопав Кори по спине, он прошептал:

— Зайдите в мой кабинет, я скоро вернусь, и мы с вами побеседуем.

Кори ужасно волновалась, пока ждала его прихода. Через полчаса он вернулся, уселся за стол, вздохнул, сложил руки и наклонился вперед:

— Какого черта вы здесь устроили?

— Я продала клиентам автомобиль, разве не так?

Он пристально посмотрел на нее:

— Эка важность! Да я продаю полдюжины машин в день!

Кори вспыхнула:

— Мне просто хотелось показать вам, на что я способна. Если вам не понравилось — прекрасно. Оставьте себе комиссионные, а я уйду отсюда и никогда больше не побеспокою вас.

Она с решительным видом поднялась со стула.

— Сядьте, — остановил ее менеджер, немного успокоившись. — Хорошо, я действительно впечатлен вашими успехами. Мистер Галстук-Бабочка и его супруга заходили к нам уже раз десять, и я был уверен, что они наведываются сюда лишь затем, чтобы попинать колеса. А вы за тридцать минут раскрутили их на автомобиль за семьдесят одну тысячу долларов. Как вам это удалось?

— Это мой секрет.

Он еще раз смерил ее взглядом. Такой ответ ему совсем не понравился.

— Вы хотите работать здесь? Тогда научитесь уважать начальство.

Кори покачала головой:

— У меня есть своя система. И если ваши продавцы хотят изучить ее, пусть ходят за мной и наблюдают, как я работаю.

Она дерзко улыбнулась. Менеджер был та еще скотина, но вовсе не дурак. И не из тех, кто станет резать курицу, несущую золотые яйца. Он наверняка сумеет оценить ее нахальство и деловую хватку.

— Ну хорошо, — сдался он. — Мы берем вас с испытательным сроком в одну неделю. Нам нужна девушка-продавец. Но учтите: никакого фиксированного оклада, только комиссионные. Никаких льгот и пособий. Без официального оформления. Платить за вас налоги нам совершенно ни к чему. И с вами постоянно будет работать напарник. Согласны?

— Согласна.

Он протянул ей руку:

— Джо Рикко-младший.

— Кори Свенсон.

Они обменялись рукопожатием.

— Вы, случайно, не знакомы с Джеком Свенсоном? — небрежно спросил Рикко.

— Нет. А в чем дело?

— Он раньше работал на вашем месте.

— Нет, не знаю такого. Свенсон — распространенная фамилия. Вы, наверное, слышали про «Телеужин»?[63]

— Так значит, вы их родственница?

Кори засмущалась:

— Только никому не рассказывайте. Пусть все думают, что я работаю, чтобы не умереть с голода.

Ее признание произвело впечатление на Рикко-младшего. Очень сильное впечатление.

32

Юноша сидел за столом и ел хлеб с маслом и джемом. Никогда в жизни он не пробовал ничего чудеснее. А еще восточная женщина дала ему колбасы — он много раз видел, как брат ел колбасу, но сам всегда лишь глотал слюни, представляя, как это должно быть вкусно. Медленно пережевывая и наслаждаясь невероятной сладостью джема, юноша думал о своем новом имени — Тристрам. Имя звучало немного странно, и он мысленно повторял его, пытаясь привыкнуть. Тристрам. Тристрам. Это казалось почти чудом — иметь собственное имя. Он даже не мечтал о такой возможности. А теперь без особых хлопот получил его.

Он откусил еще раз и посмотрел на отца. Отец немного пугал его: спокойный, холодный и отстраненный, совсем как они. Те, кто так часто его наказывал. Но еще Тристрам понимал, что отец — сильный, хороший человек, и чувствовал себя рядом с ним в безопасности. Впервые в жизни он был уверен в том, что ничего плохого не случится.

В комнату вошел другой мужчина. Большой, мускулистый и молчаливый. Как те, что наказывали его. Тристрам осторожно, краем глаза, следил за вошедшим. Он привык смотреть и слушать тайком, не показывая виду. Они наказали бы его, если бы догадались, что он наблюдает за ними или прислушивается. Он давным-давно научился скрывать эту привычку, и не только ее. Чем меньше на него обращали внимание, тем лучше. Он всегда старался оставаться незаметным. Другие не были такими осторожными. И многие из них уже мертвы. А он выжил благодаря своей осмотрительности.

— Присаживайтесь, Проктор, — сказал отец другому мужчине. — Хотите кофе?

Мужчина не двинулся с места:

— Нет, спасибо, сэр.

— Познакомьтесь, Проктор, это мой сын Тристрам. Тристрам, это Проктор.

Тристрам удивленно поднял голову. Он не привык к тому, чтобы его выделяли, называли по имени и представляли другим людям. Обычно это заканчивалось побоями… или чем-то еще более

ужасным.

Мужчина едва заметно наклонил голову. Он казался безразличным. И это полностью устраивало Тристрама.

— За вами следили? — спросил отец мужчину.

— Я этого ожидал, сэр, и я это заметил.

— Нужно доставить Тристрама в особняк на Риверсайд-драйв. Там намного безопаснее. Пройдете, конечно же, с черного хода. Я поеду на другом автомобиле и постараюсь отвлечь их. Полагаю, вы знаете, как действовать.

— Разумеется, сэр.

— Не будем тратить время впустую. — Отец повернулся к Тристраму и строго, но не злобно сказал: — Заканчивай завтрак, Тристрам.

Юноша проглотил оставшийся кусок хлеба и допил кофе. Он никогда не пробовал такой восхитительной пищи и надеялся, что там, куда его отвезут, будет не хуже.

Вместе с отцом и другим мужчиной он прошел по нескольким извилистым коридорам и остановился возле неприметной деревянной двери. Палец на ноге начал болеть, но Тристрам изо всех сил старался не хромать. Если отец подумает, что рана слишком тяжелая, то может бросить его здесь. Он видел такое много раз.

Они вошли в совершенно пустое помещение с запертым на замок люком в полу и мотком троса рядом с ним. Отец отпер замок, поднял крышку и посветил фонарем вниз. Тристрама внезапно пронзил страх — ему частенько приходилось сидеть в подвалах с точно таким же люком. Но затем он разглядел внизу небольшую комнату с комодом и диваном и выстроившимися в ряд на столе диковинными аппаратами, от которых к стене тянулось множество проводов.

Отец сбросил вниз конец веревочной лестницы и передал фонарь мужчине по имени Проктор.

— Когда будете выходить через задний ход, держите мальчика рядом с собой. Пройдите по Двадцать четвертой улице, затем поверните на Семьдесят вторую и внимательно осмотритесь. У тротуара будет стоять подержанная «хонда-сивик». Убедитесь, что за вами никто не следит, и садитесь в нее. Я встречусь с вами в особняке

через несколько часов.

Пендергаст обернулся к юноше:

— Тристрам, ты поедешь с Проктором.

Тристрам снова ощутил приступ страха:

— А ты не поедешь?

— Он будет охранять тебя. А я приеду немного позже.

Юноша на секунду застыл в нерешительности, обреченно вздохнул и начал вслед за Проктором спускаться по веревочной лестнице. Он должен поступать так, как ему приказано. И тогда, возможно, — как это случалось прежде — он останется в живых.

Два часа спустя Проктор с юношей сидели в большой, тускло освещенной библиотеке особняка на Риверсайд-драйв, дожидаясь приезда Пендергаста. Проктор всегда ощущал себя солдатом, исполняющим приказы. Точно так же он думал сейчас, пусть даже этот странный мальчик был сыном Пендергаста. Он действительно внешне очень походил на отца, но в характере и поведении не ощущалось ничего общего. Проктору никто ничего не объяснял, но он и не требовал объяснений. И все-таки из всех сюрпризов, каких он много повидал на службе у Пендергаста, этот был самый неожиданный.

Поначалу мальчик был замкнут, испуган и молчалив. Но как только они добрались до особняка и стало ясно, что Проктору можно доверять, он немного расслабился и за последние полчаса извел спутника своим любопытством. На странном, с заметным акцентом, английском он спрашивал обо всем — книгах, коврах, картинах, демонстрируя при этом поразительную неосведомленность о самых простых вещах. Он никогда не видел телевизора, не знал, что такое компьютер и радио, не слышал никак песен, за исключением нескольких старых немецких песен, таких как «Horst Wessel»[64]. Постепенно Проктор выяснил также, что мальчик никогда не был в ресторане, не плавал в бассейне, не играл, не имел друзей и домашних животных, не пробовал мороженое, не знал свою мать, не катался на велосипеде — и, вероятно, до сегодняшнего утра не ел горячей пищи. Казалось, его личность только начинает формироваться после многолетнего сна, как цветок, раскрывающийся под первыми лучами солнца. Было несколько коротких вспышек

раздражения и непослушания, но в остальное время мальчик выглядел ужасно испуганным — боялся, что его поймают, опасался чем-нибудь рассердить Проктора, просто привлечь к себе внимание. Он казался крайне подавленным и пассивным. И Проктор не мог не задуматься о том, откуда он приехал в Нью-Йорк, а главное, кто и как его воспитывал.

Двойные двери отворились, и в библиотеку бесшумно вошел Пендергаст.

Тристрам тут же встал с возгласом:

— Отец.

Пендергаст отстранился, словно бы даже защищаясь.

— Можешь не вставать, Тристрам, — сказал он и повернулся к Проктору: — Какие новости?

Юноша послушно сел на место.

— На этот раз, похоже, за нами не следили, — ответил Проктор. — Я сделал все от меня зависящее.

Пендергаст кивнул, подошел к Тристраму и сел на соседний стул:

— Мне необходимо узнать подробности. О том месте, где ты вырос, — о Нова-Годой.

Тристрам поморщился:

— Я попробую.

— Опиши мне его, пожалуйста.

— Опиши? — смущенно повторил юноша.

— Объясни, что это такое. Здание? Город? Поселок? На что он похож? Как туда добраться?

— Понятно. Но я мало знаю: нас, плохих близнецов, держат под охраной. Мы не можем ходить, куда захотим.

На лице юноши появилось обеспокоенное выражение, словно он боялся огорчить отца своим ответом.

— Просто расскажи все, что ты о нем знаешь. Все, что видел.

— Это город. В глубине джунглей. Там нет никаких дорог,

можно только плыть по реке, или… — Он изобразил рукой крылья самолета. — Город стоит на берегу озера.

— Озера, — повторил Пендергаст.

— Да. В середине озера… плохое место.

— Расскажи мне о плохом месте.

— Нет! — Тристрам взволнованно вскочил на ноги. — Нет. Плохих близнецов, таких как я, забирают в это плохое место. Они не возвращаются назад.

Он так разволновался, что Пендергаст несколько минут не задавал новых вопросов, дожидаясь, пока юноша успокоится.

— Кто живет в этом городе, Тристрам? — спросил он наконец.

— Рабочие. И хорошие близнецы.

— А ты где живешь?

— В яме, — просто ответил юноша. — С другими такими, как я. С номерами вместо имени.

— Чем вы заняты, когда не спите?

— Мы работаем. В поле. Иногда нас забирают. Для… опытов. — Он отчаянно замотал головой. — Не хочу говорить про опыты.

— Этот город, — продолжил Пендергаст. — Его охраняют?

— Да, — кивнул юноша. — Солдаты. Много солдат.

— Кому подчиняются солдаты? Кто главный в городе? Управляющий совет, то есть группа уважаемых людей?

Тристрам покачал головой:

— Один человек.

— Как его зовут.

— Ф-фишер, — еле слышно прошептал Тристрам, словно даже произносить это имя было небезопасно.

— Как он выглядит? — спросил Пендергаст.

— Он высокий. Старше, чем ты. Stark, kräftig… сильный, как он, — Тристрам показал на Проктора. — У него белые волосы, совсем белые.

Проктор удивился тому, какой эффект произвело это описание. Пендергаст вздрогнул и отвернулся.

— Этот город, — странным голосом произнес он. — У него есть еще какие-то особенности?

— Особенности? — Тристрам нахмурился. — Что значит «особенности»?

Пендергаст снова сел прямо.

— Есть что-то такое, чем он отличается от других городов? Например, для того, кто приехал издалека?

— Да, есть…

Мальчик поднял обе руки, очертил ими круг, а потом сложил домиком.

— Не уверен, что понимаю, — признался Пендергаст.

Тристрам повторил движение и огорченно вздохнул из-за того, что не сумел объяснить.

Пендергаст встал со стула:

— Спасибо, Тристрам, ты мне очень помог. Теперь слушай: я должен прямо сейчас помешать твоему брату убить еще кого-нибудь.

Тристрам кивнул.

— Пока я занят этим делом, я не могу быть здесь с тобой.

— Нет, — снова вскочил юноша.

— Ты должен оставаться здесь. Они тебя ищут.

— Я их не боюсь.

Проктор снисходительно взглянул на него. Храбрые слова и похвальные намерения, но стоит кому-нибудь постучать дверь, как мальчишка подожмет хвост и спрячется за спину отца.

— Я верю, что ты хочешь помочь, — мягко возразил Пендергаст. — Но сейчас ты должен зарыться поглубже.

— Зарыться… глубже? — повторил сын.

— Спрятаться. В этом доме есть подходящее место, где ты будешь защищен от любого нападения, любой угрозы.

Вспышка возмущения исказила лицо юноши:

— Спрятаться? В яме? Я не хочу! Я слишком долго просидел в яме!

— Тристрам, ты совершил храбрый поступок, когда решил убежать. Ты приехал ко мне. И теперь должен мне доверять. — Пендергаст взял его за руку. — Ты не будешь сидеть в яме. С тобой останется Проктор. А я буду приходить к вам так часто, как только смогу.

Лицо юноши раскраснелось. Ему явно не нравилось это предложение, но он опустил голову и промолчал.

Пендергаст отвел Проктора в сторону:

— Вы знаете, где его спрятать.

— Да, сэр.

— И вот еще что, Проктор. Могу я вас попросить использовать это время… э-э… вынужденной изоляции, чтобы кое-чему обучить мальчика?

Проктор удивленно взглянул на агента:

— Обучить?

— Побольше разговаривайте с ним. Пусть он усовершенствует свой английский. Подружитесь с ним — он отчаянно нуждается в помощи, чтобы адаптироваться в обществе. Он ничего не знает об окружающем мире. Почитайте с ним книги — романы или рассказы, неважно, лишь бы ему было интересно. Слушайте музыку, смотрите кино. Отвечайте на его вопросы. Покажите, как пользоваться компьютером.

Проктора передернуло от перспективы стать для мальчика нянькой.

— Да, сэр, — с трудом проговорил он.

Пендергаст снова обратился к Тристраму:

— Мне пора уходить. Но с Проктором тебе нечего бояться. А завтра я вернусь. Тристрам, я хочу, чтобы ты вспомнил все о своем детстве и взрослении: как ты жил, где ты жил, где находилось это место, кто был рядом с тобой — и был готов рассказать мне об этом завтра. У нас будет долгий разговор.

Юноша вздохнул и сдержанно кивнул.

— До свидания, Тристрам.

Пендергаст пристально посмотрел на него, затем слегка наклонил голову, прощаясь с Проктором, и вышел из библиотеки так же бесшумно, как и появился.

Проктор оглянулся на юношу:

— Пойдем. Я покажу тебе твою новую комнату.

Он подошел к выстроившимся в ряд книжным шкафам. Юноша с неохотой следовал за ним. Казалось, он утратил все свое нетерпеливое любопытство.

Проктор пробежался взглядом по корешкам книг, нашел нужное название и снял том с полки. Шкаф со щелчком отодвинулся в сторону, открывая дорогу к находящемуся за ним лифту.

— Schei? e, — пробормотал Тристрам.

Они вошли в лифт, Проктор нажал кнопку подвала. Оказавшись внизу, они двинулись по извилистому лабиринту каменных тоннелей, стены которых покрылись окислами меди и плесенью. Проктор шел быстро, не позволяя юноше задерживаться и осматривать комнаты, содержимое которых могло его испугать.

— Я не нравлюсь отцу, — печально сказал Тристрам.

— Он просто поступает так, как для тебя будет лучше, — проворчал в ответ Проктор.

Они остановились в небольшой пустой комнате со сводчатым потолком, в стену которой была врезана пластина с изображением сразу двух лун — полумесяца и полной луны, с лежащим под ними львом, — так выглядел фамильный герб Пендергастов. Проктор приблизился к пластине и надавил на нее обеими руками. Каменная стена отошла в сторону, открывая лестницу, уходящую в темноту. Глаза у Тристрама полезли на лоб, но он опять промолчал.

Взяв фонарь, Проктор начал спускаться по ступенькам. Тристрам шел следом. Закончив спуск, они прошли по короткому коридору к огромному сводчатому залу, дальняя стена которого терялась во мраке.

— Что это за место? — спросил Тристрам, удивленно

оглядываясь.

— Раньше это здание принадлежало монастырю, — объяснил Проктор. — И я подозреваю, что в этом подвале монахи устроили некрополь.

— Некрополь?

— Кладбище, место для погребения. Они здесь хоронили умерших.

— Хоронили умерших?

Проктор едва удержался от вопроса, что делали с мертвыми там, откуда приехал Тристрам.

Они шли мимо древних лабораторий, мимо комнат, все стены которых занимали стеллажи, уставленные в несколько рядов стеклянной посудой, мимо залов со старинными гобеленами и картинами. Проктору не нравились эти заполненные гниющим старьем помещения, и он прибавил шагу. Юноша поспешил за ним, глядя по сторонам широко раскрытыми глазами. Наконец Проктор привел его в небольшую, но хорошо обставленную спальню со смежной ванной. Здесь стояли кровать, стол, стулья, книжный шкаф и гардероб с зеркалом. В комнате было чисто и уютно настолько, насколько это возможно в подземелье с его запахами аммиака и плесени. Вход в нее закрывала крепкая деревянная дверь с надежным замком.

— Это твоя комната, — сказал Проктор Тристраму.

Юноша кивнул, осматриваясь. Похоже, он остался доволен увиденным.

Проктор взглянул на книги, и его вдруг посетило сомнение.

— Ты умеешь… читать? — осторожно спросил он.

— Только хорошие близнецы должны уметь читать. Но я научился сам. Совсем чуть-чуть. И только по-немецки.

— Ясно. Если ты не против, я схожу наверх кое за какими вещами и через полчаса вернусь.

— Повторите, пожалуйста, как ваше имя?

— Проктор.

Юноша посмотрел на него и немного застенчиво улыбнулся:

— Спасибо, герр Проктор.

33

Алоизий Пендергаст остановил «роллс-ройс» на углу Бушуик-авеню и Мезерол-стрит в Бруклине. Из таксомоторной компании сообщили, что именно здесь таксист подобрал Тристрама. Это был старый промышленный район, со временем заброшенный и только сейчас заново обживаемый представителями творческих профессий. Но вокруг еще сохранились безвкусные граффити на стенах, кучи мусора, заколоченные дома и остовы ржавых автомобилей. Местная публика состояла в основном из бродяг, хиппи и просто неряшливо выглядевших молодых людей.

Пендергаст, одетый в дорогой черный костюм, резко выделялся на их фоне. Он захлопнул дверцу своего «силвер-рейта», сунул руки в карманы и прошелся по Мезерол-стрит. Был полдень, яркое, но холодное солнце заливало светом тротуары. Несколькими кварталами дальше стояла громадина старого пивоваренного завода, раскинувшаяся на целый акр. На высокой квадратной трубе хмелесушилки еще сохранилась надпись «Ван Дам» и рядом с ней год постройки: 1858.

Пивоварня. Тристрам, сам того не зная, описал ее в точности: длинный подземный тоннель, где хранились бочки, огромная печь из обожженного кирпича, в которой сушили хмель. Несомненно, его держали здесь, и здесь же скрывался Альбан со своими воспитателями-нацистами, сделавшими это здание базой для подготовки будущих операций — что бы там они ни планировали.

Пендергаст подошел ближе, чтобы лучше рассмотреть здание. Даже в этом глухом углу Бруклина такое здание должно было стоить больших денег, и, соответственно, все окна в нем были закрыты листовой жестью и заколочены досками. Старинные металлические двустворчатые ворота заперты на замок, а дверь для пешего прохода в одной из створок еще и заварена двумя прутками арматуры.

Пендергаст прошел дальше, присматриваясь к небольшим дверям, расположенным вдоль кирпичного осыпающегося фасада. Все они оказались более или менее надежно закрытыми. Он остановился возле одной из них, исследуя покрытый льдом замок, и вдруг услышал за спиной голос:

— Не найдется немного монет, приятель?

Агент обернулся и увидел худого, высокого как жердь молодого человека, наверняка наркомана, уставившегося на него пустыми, голодными глазами.

— Найдется.

Пендергаст пошарил в кармане и достал двадцатидолларовую банкноту. Безжизненные глаза наркомана засверкали, и он протянул дрожащую руку.

— Я хочу пробраться в это здание, — сказал Пендергаст, отдергивая купюру в сторону. — Подскажешь как?

Парень раскрыл рот от удивления:

— Ты вор?

— Страховой оценщик.

Наркоман попытался что-то сообразить.

— Насколько я знаю, здесь нельзя пройти.

— Хорошо, но если бы тебе очень нужно было там оказаться, что бы ты сделал?

Начался еще один мучительный мыслительный процесс.

— Я бы зашел сзади — там, где железнодорожные пути, и перелез через забор.

Пендергаст снова протянул парню банкноту, тот схватил ее и заковылял прочь.

— Смотри не попадись, — бросил он через плечо.

Агент дошел до угла дома, повернул и увидел перед собой заброшенный железнодорожный сортировочный узел, заставленный ржавыми контейнерами и старым оборудованием и окруженный забором из металлической сетки.

Одним движением, напоминающим полет летучей мыши, Пендергаст преодолел забор и приземлился по ту сторону. Он постоял немного, поправляя костюм, а затем направился к задней стене пивоварни вдоль рельсов, исчезающих под очередными воротами. Разросшиеся по всей площадке сорняки кое-где были примяты или сломаны, словно здесь недавно проходили люди. Присмотревшись, Пендергаст различил на земле отпечатки чьих-то

ног.

Следы неизвестного пересекали площадку и вели к маленькой двери того же кирпичного здания. При ближайшем осмотре она оказалась такой же старой и массивной, как и другие, но не заваренной, с недавно смазанными петлями и новым латунным замком незнакомой модели.

Чтобы открыть его, потребовался весь набор инструментов и навыки взломщика. К тому же, увы, не обошлось без ненужного шума, потому что несколько штифтов пришлось попросту сломать.

Наконец замок сдался, но Пендергаст не спешил заходить. Он выждал почти десять минут, держа наготове «лес-баер» сорок пятого калибра. Затем, укрывшись за стеной, легонько пнул дверь ногой. Она открылась плавно и бесшумно, лишь в последний момент слегка скрипнув.

А дальше вновь стало тихо.

Прошло еще пять минут. Пендергаст нырнул внутрь, прокатился по полу и укрылся за выступом стены.

По-прежнему тихо. Никто не закричал, не зажег свет.

Пендергаст опять помедлил, дал глазам привыкнуть к темноте. Большое помещение, в котором он оказался, скудно освещалось редкими солнечными лучами, пробивающимися через дыры в потолке. Пятна света медленно перемещались. В воздухе едва уловимо присутствовал какой-то сладковатый запах.

Очевидно, здесь находился склад готовой продукции. Рельсы вели к погрузочным платформам с покосившимися подъемными кранами по краям. Там, где колея заканчивалась, стоял, накренившись набок, старенький вагон со ржавой дырявой крышей. До него было примерно тридцать футов.

Внезапным рывком Пендергаст преодолел открытое пространство и спрятался за вагоном. С этой удобной позиции ему хорошо была видна и дверь, через которую он зашел, и дальняя стена помещения. Там тоже находилась высокая арочная дверь. Обломки металлических конструкций валялись на пыльном цементном полу с четкими следами проходившего здесь человека.

Прокравшись вдоль вагона, Пендергаст быстро перебежал к столбу, поддерживающему крышу склада, потом перебрался к

следующему и наконец добежал до двери. Она оказалась не запертой.

Агент достал из кармана маленький светодиодный фонарь, прижал его к пистолету так, чтобы их можно было удерживать одной рукой, затем развернулся и проскочил за дверь.

Там оказалась вовсе не комната, а длинный холодный тоннель, который, видимо, использовали раньше для хранения пива. Об этом говорили несколько рядов гнилых бочек и множество пивных бутылок из дутого стекла.

Пендергаст слегка растерялся. Они должны были поджидать его, должны были предполагать, что он приедет. Но пока агент не находил никаких признаков их присутствия.

В несколько секунд он домчался до другой сводчатой двери в дальнем конце тоннеля. За ней виднелось еще одно большое помещение со сверкающими на полу солнечными зайчиками. В одном из углов стояла большая кирпичная печь.

Фонарик высветил цепочку следов, тянущуюся через весь цех к массивной кованой заслонке печи, сейчас приоткрытой. Возле нее следов было особенно много. Под самым потолком вдоль стены располагались металлические мостки.

Переползая от одного укрытия к другому, Пендергаст выбрал точку, с которой мостки просматривались лучше всего. Глаза уже привыкли к темноте, и он мог с уверенностью сказать, что наверху никого нет.

Агент продолжил движение вдоль стены. Он добрался до заслонки печи, поднял пистолет, а другой рукой потянул дверь на себя, прикрываясь ею, словно щитом, от возможных выстрелов.

Но ничего не произошло, только громко скрипнуло ржавое железо. Осветив фонариком внутренность печи, Пендергаст убедился, что и здесь никого нет.

Стены были измазаны сажей, а на полу валялся мусор. В углу стояло ведро. Возле стены лежали наручники, на оплавленном кирпичном полу виднелись пятна крови. Грязное скомканное одеяло валялось в противоположном углу. А чуть в стороне от него — окровавленные бинты. Несомненно, именно здесь и держали Тристрама.

Пендергаст внимательно осмотрел кучу мусора, время от

времени помещая какую-нибудь находку в пробирку или пластиковый пакетик. Но ничего действительно интересного не обнаружил.

Выбравшись из печи, он принялся обследовать все помещение. В одной из ниш стены, судя по всему, находилось жилище Альбана: раскладушка, пустой чемодан, чистое ведро. Пендергаст осмотрел каждый уголок, но все было тщательно вымыто.

Они знали, что он появится здесь, и покинули убежище.

В другой нише стоял сколоченный из многослойной фанеры стол с электроплиткой, дешевой десятидолларовой кофеваркой и кружкой. Посветив фонариком вниз, Пендергаст заметил среди грязи и пыли еще одну цепочку следов и отправился по ней, надеясь обнаружить другие помещения или площадки, которыми пользовались преступники. Поиски не принесли результата, и тогда Пендергаст приставил шаткую металлическую лестницу к стене и взобрался на мостки. Но и там ничего не нашел.

Тогда он еще раз обыскал нишу Альбана. Осмотрел стол. Сырая отслаивающаяся поверхность была испачкана пятнами кофе и кругами от кружки. Перемещая луч фонаря, Пендергаст стал рассматривать ее под разными углами освещения. С четвертой попытки он различил какие-то полустертые надписи, процарапанные на мягкой фанере. Одна из них была написана с нажимом и обведена дважды. Положив фонарик на стол, Пендергаст достал из кармана карандаш и лист бумаги, положил листок поверх надписи и принялся легонько тереть по нему тупым концом карандаша. Постепенно стали проявляться фрагменты надписи. Пендергаст быстро переписал ее на другой лист, оставляя пустые места там, где букву трудно было разобрать. Он пытался тереть в разных направлениях, и каждый раз добавлялись новые детали. В конце концов он получил пять букв из восьми:

БЕ _ _ _ ЕСТ

Пендергаст рассмотрел листок под лупой, саму надпись на столе и добавил еще одну букву:

БЕ_А_ЕСТ

Он уставился на листок бумаги, долго раздумывал, а потом быстро дописал недостающие буквы[65]

БЕТАТЕСТ

34

Доктор Джон Фелдер понуро сидел в большой комнате сторожки. Он потратил немало часов, приводя ее в мало-мальски пригодное для жизни состояние: вымыл с хлоркой пол и стены, протер всю мебель, очистил углы от паутины и перетаскал весь хлам в крошечную кладовку на чердаке. Ему больше не снилось, что кто-то ползет по его лицу или рукам. Доктор сделал несколько покупок: надувной матрас и спальный мешок, кое-что из мебели, ноутбук, обогреватель, книги, посуду и кастрюлю (на ту, что нашлась на кухне, было страшно даже взглянуть). И теперь он чувствовал себя здесь почти как дома.

Снова и снова Фелдер спрашивал себя: «Зачем мне все это надо?» Но на самом деле он уже знал ответ.

Доктор встал с единственного на всю комнату стула и подошел к окну.

Стекло он тоже тщательно вымыл, и сейчас ему было видно, как последние лучи заходящего солнца освещают особняк Вин-туров — погруженные в тень каменные стены под нависающей крышей, множество темных окон, напоминающих выбитые зубы. Накануне он получил от хозяйки приглашение на чай и убедился, что изнутри дом выглядит так же отталкивающе, как и снаружи. Там все словно застыло с девяностых годов позапрошлого века: неудобные стулья с твердыми спинками и кружевными чехлами, деревянный столик с салфетками, хрустальные статуэтки и прочие старинные безделушки. Темный паркет, темные обои, потемневшая от времени обшивка стен — и ни единого луча солнца, способного оживить давящую своей тишиной, пахнущую нафталином атмосферу. Там не было пыли, и все же Фелдеру постоянно хотелось чихнуть. Древний, зловещий дом как будто присматривался и прислушивался к нему, пока доктор сидел в мрачной гостиной и слушал, как мисс Винтур перемывает косточки отцам города и жалуется на то, насколько лучше и чище был этот мир во времена ее детства.

К восьми часам вечера стемнело уже достаточно, чтобы незаметно подойти к дому. Фелдер застегнул пиджак, вышел из сторожки и аккуратно закрыл за собой дверь. Пока он шел через заросли мерзлых сорняков, дом, казалось, впивался в него мрачным

взглядом, следя за каждым движением.

Доктор уже понял, что хозяйка вовсе не сумасшедшая, а просто довольно экстравагантная. И такая же острая и колючая, как этот чертополох под ногами. Когда Фелдер попытался заговорить с ней о библиотеке — тактично и ненавязчиво, насколько это было в его силах, мисс Винтур прямо-таки набросилась на него с требованием объяснить причину такого интереса. Доктору с большим трудом удалось повернуть беседу в другое русло и успокоить ее подозрения. Зато он выяснил, где находится библиотека: за целой батареей дверей, всегда запертых. Он разглядел все еще днем, через окно особняка. Бесконечные ряды книжных полок, наполненных всемирно известными и никому еще неведомыми сокровищами.

Доктор подкрался к дому сквозь высокую траву. Несмотря на свет луны, прямоугольные окна библиотеки зияли почти невыносимой чернотой. В доме не оказалось никакой системы безопасности — это он определил первым делом. Но в ней не было необходимости.

Дакчак прекрасно ее заменял.

Вчера этот высокий, вечно молчаливый слуга открыл Фелдеру дверь, принес чашку остывшего, скупо заваренного чая, а потом на всем протяжении беседы стоял за спиной у мисс Винтур и пристально смотрел на доктора. Его татуировки внушали безотчетный страх.

Доктор повернулся к окнам библиотеки. Они вполне могли оказаться открытыми — во всяком случае, окна гостиной вчера точно не запирались. Странно, что входная дверь оборудована четырьмя дополнительными замками, а на окнах нет ни одной защелки. Но ведь в доме постоянно находился Дакчак. Слуга выглядел достаточно внушительно и был способен без помощи полиции разобраться с любыми незваными гостями. Фелдер понимал, что должен действовать крайне осторожно, если…

Если что? Он в самом деле задумал то, что он задумал?

Да, в самом деле. Он убедился, что нет ни единого шанса уговорить мисс Винтур показать ему библиотеку. Если он хочет найти ту папку, придется действовать иначе.

Фелдер облизнул губы. Синоптики обещали, что завтрашняя ночь будет пасмурной и безлунной. Значит… значит, завтра он все и сделает.

35

Пендергаст стоял посреди кабинета в своей огромной квартире в «Дакоте». Здесь не было никаких излишеств и украшений, отвлекающих от работы и мешающих сосредоточиться. Стены и паркет окрашены в спокойные тона пушечной бронзы. Окна, выходящие на Семьдесят вторую улицу, закрыты ставнями. В дальнем углу лежала кипа пожелтевших документов, принесенных Кори из нацистской конспиративной квартиры.

Единственным предметом мебели здесь был длинный дубовый стол, тянущийся через всю комнату. И ни одного стула. Стол был завален полицейскими отчетами, данными служб безопасности отелей, фотографиями, составленными ФБР досье, судебными материалами и прочими документами, касающимися одного дела — Убийцы из отеля. Которым оказался его сын Альбан.

Его сын. Как раз эти слова больше всего и мешали ему думать.

Пендергаст бродил вдоль стола взад и вперед, разглядывая то один, то другой документ. Наконец он сердито тряхнул головой, подошел к размещенному в нише стены проигрывателю и включил его. Из встроенных динамиков полились мощные, торжественные звуки шестиголосного ричеркара[66] из «Музыкального приношения»[67]Баха.

В кабинете Пендергаст слушал только этот фрагмент, и вовсе не для удовольствия. Сложное, чисто математическое построение мелодии помогало ему мыслить логически.

Под звуки музыки его шаги постепенно замедлились, а изучение разбросанных по столу документов стало более внимательным и детальным.

Его сын совершил несколько убийств. Тристрам сказал, что Альбану нравится убивать. Но зачем ему нужно было ради этого ехать из Бразилии в Нью-Йорк? Почему он оставлял на месте преступления отрезанные у брата части тела? Зачем писал кровью на телах жертв сообщения, которые могли быть адресованы только самому Пендергасту?

«**БЕТАТЕСТ**». Бета-тест. Очевидно, в этом и заключалась

причина убийств. И обнаружить убийцу должен именно Пендергаст. Или, возможно, с помощью убийств хотели обнаружить его. Все остальное не имело смысла.

Под изящные, фантастически сложные контрапункты[68] Баха Пендергаст заново пересматривал документы, создавая собственный логический контрапункт, сравнивая даты преступлений, время суток, температуру воздуха, адреса, номера комнат в отелях, возраст жертв — все, что могло обнаружить какую-то систему или закономерность в этих убийствах. Так прошло десять минут, двадцать. И вдруг агент замер в напряжении.

Склонившись над столом, он поменял местами несколько листов бумаги и просмотрел их снова. Вынул ручку из кармана, записал серию цифр в нижней части одного из листов и еще раз сверил их с документами.

Ошибки не было.

Он взглянул на часы и с быстротой молнии бросился в другую комнату, уселся за компьютерный столик и ввел запрос на клавиатуре. Прочитал ответ, тихо, но красноречиво выругался на латыни, затем взял телефон и набрал номер.

— Д’Агоста слушает, — донесся до него ответ.

— Где вы, Винсент?

— Пендергаст?

— Повторяю еще раз: где вы?

— Еду по Бродвею мимо Пятьдесят седьмой улицы. Мне нужно в…

— Поворачивайте назад и приезжайте к «Дакоте» как можно быстрее. Я буду ждать вас на углу. И поторопитесь: у нас нет права опоздать.

— Что случилось? — удивился д’Агоста.

— Поговорим в машине. Надеюсь, что мы приедем не слишком поздно.

36

Д’Агоста на бешеной скорости мчался с включенной мигалкой по Парк-авеню, обгоняя машины и время от времени поторапливая сиреной какого-нибудь сукина сына, не желающего уступать дорогу. Внезапный звонок Пендергаста и почти безумное нетерпение, прозвучавшее в его голосе, ошеломили лейтенанта. Он не был уверен, действительно ли Пендергаст на что-то напал или просто вконец свихнулся, но, давно зная этого человека, понимал, что лучше откликнуться на его просьбу.

Прорываясь на юг к отелю «Мюррей-Хилл», д’Агоста искоса поглядывал на агента.

После смерти жены с Пендергастом происходили пугающие метаморфозы, его кидало из одной крайности в другую — от полной апатии, вызванной приемом сильнодействующих наркотиков, к стальному блеску в глазах, сумасшедшей активности и невероятному внутреннему напряжению.

— Вы сказали, готовится новое убийство? — начал разговор д’Агоста. — Объясните подробней. Откуда вы знаете?

— Винсент, у нас очень мало времени, и то, что я мог бы рассказать, покажется вам странным или даже неправдоподобным.

— А вы все-таки попробуйте.

Пендергаст ответил после легкой заминки:

— У меня есть сын, о существовании которого я даже не подозревал. Его зовут Альбан. Это он убийца, а не Диоген, как я раньше думал. И это абсолютно точная информация.

— О боже. Стойте, подождите минуту…

Пендергаст оборвал его резким движением руки:

— Эти убийства каким-то образом направлены против меня. Но весь замысел мне пока не ясен.

— В это трудно…

— У меня нет времени для объяснений. Могу лишь сказать, что во времени убийств и адресах отелей прослеживается

закономерность. Следующим числом должно быть двадцать один. И на Манхэттене только один отель с таким адресом: «Мюррей-Хилл», Парк-авеню, двадцать один. Я уже проверил.

— Это…

— А вы обратили внимание на время убийств? Это еще одна закономерность, только более очевидная. Первое было в семь тридцать утра, второе — в девять вечера, третье — опять в семь тридцать. Время повторяется. А сейчас — почти девять.

Они миновали тоннель «Хелмсли-Билдинг» и, скрипя тормозами, свернули на виадук.

— Я не могу поверить в это, — признался д’Агоста, пытаясь удержать автомобиль на дороге. — Неизвестный сын, какая-то закономерность… Чушь собачья!

Пендергаст с трудом сдержался:

— Я понимаю, что это должно казаться странным. Но вы должны поверить мне, хотя бы на время.

— Ничего себе «странным»! Это слишком мягко сказано. Это полный бред.

— Скоро вы сам убедитесь. Мы уже на месте.

Д’Агоста свернул к обочине, и автомобиль без опознавательных знаков остановился перед отелем. В отличие от предыдущих этот отель выглядел старым и затрапезным. Его коричнево-бурый фасад был испачкан копотью. Лейтенант припарковал машину и выскочил из нее, но Пендергаст опередил его и вбежал в холл, подняв над головой жетон ФБР.

— Где служба безопасности? — прокричал он.

К нему, спотыкаясь, подбежал перепуганный консьерж и, выслушав отрывистые команды агента, провел его в комнату охраны, заставленную мониторами видеонаблюдения. Дежурный охранник вскочил на ноги, как только они вошли.

— ФБР, — коротко бросил Пендергаст, размахивая жетоном. — Сколько камер снимают холл?

— Мм… одна, — ответил сбитый с толку охранник.

— Отмотайте запись на полчаса назад. Быстро.

— Мм… да, сэр, конечно…

Бедняга неуклюже выбрался из-за стола. К счастью, как заметил д’Агоста, система видеоконтроля была достаточно новой, и парень, похоже, в ней разбирался. Примерно минуту запись перематывалась в ускоренном режиме. Лейтенант скептически поглядывал на монитор. Это было просто смешно: Убийца из отеля ни за что бы не выбрал такое убожество. Это явно не в его стиле. Д’Агоста украдкой взглянул на Пендергаста. Все-таки смерть жены отразилась на нем сильнее, чем казалось поначалу.

— Быстрее, — приказал агент.

Парень выполнил команду. На экране замелькали лица постояльцев, проходящих через холл.

— Стоп! Вот он.

Видеозапись на миг замерла, затем продолжилась в режиме реального времени. Невзрачного вида мужчина не спеша вошел в холл, осмотрелся, поправил галстук и направился к лифту. У д’Агосты все сжалось внутри. Походка, взгляд — да, это был он.

— Твою мать, — пробормотал лейтенант.

— Переключитесь на камеру лифта, — распорядился Пендергаст.

Они проследили за тем, как мужчина поднялся на пятый этаж, прогулялся по коридору и остановился в дальнем его конце. Когда из-за угла вышла женщина, он направился следом за ней, пока не пропал из зоны видимости. Счетчик времени показал, что это случилось всего три минуты назад.

— Господи, — прошептал д’Агоста. — Еще одна.

— Отмотайте на пять секунд. — Пендергаст повернулся к консьержу и указал на женщину: — Вы узнаете ее? В каком номере она остановилась? Быстрее!

— Она зарегистрировалась сегодня. — Консьерж метнулся к компьютеру и забарабанил по клавиатуре. — Номер пятьсот шестнадцать.

— Оставайтесь здесь, — сказал Пендергаст д’Агосте. — Как только он появится, следите за каждым его движением. Я иду за ним. И помните: никому ни слова о моем сыне.

— Эй, подождите, — встрепенулся лейтенант. — Что значит «никому ни слова»? Мне неприятно это говорить, но вы играете не по правилам.

— Никому, — твердо повторил Пендергаст и в одно мгновение выскочил из комнаты.

Пендергаст взлетел на пятый этаж и бросился по коридору к пятьсот шестнадцатому номеру. Он оказался запертым, но агент разворотил замок пулей сорок пятого калибра и выбил дверь ударом ноги.

И все же он опоздал. Женщина, которую он видел на записи, лежала на полу, мертвая, но еще не расчлененная. Пендергаст остановился, его серебристые глаза обшарили небольшую комнату, впитывая каждую деталь. Перепрыгнув через безжизненное тело, он распахнул дверь в ванную. Небольшое окошко в дальнем ее конце, выходящее к пожарной лестнице, было открыто. Пендергаст протиснулся в узкое отверстие и посмотрел вниз. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как молодой человек — Альбан — спускается по последнему пролету, открывает нижний люк и спрыгивает на землю.

Агент помчался по пожарной лестнице, перескакивая через три ступеньки и успевая при этом следить за Альбаном. Тот пробежал по Парк-авеню и свернул на Тридцать пятую улицу в восточном направлении, к реке.

Пендергаст поспешил за ним. Выскочив на Тридцать пятую улицу, он заметил Альбана в двух кварталах впереди. Силуэт молодого человека четко вырисовывался в свете фонарей и удалялся с невероятной быстротой — похоже, это был прирожденный бегун. Пендергаст продолжил погоню, но к тому времени, когда он добрался до Лексингтон-авеню, Альбан уже пересек Вторую авеню и несся вдоль Сент-Вартан-парка. Понимая, что ни за что не догонит его, агент все-таки упрямо бежал следом, надеясь хотя бы увидеть, в каком направлении скроется сын. Исчезающая, уже почти не различимая фигурка миновала Первую авеню и двинулась в сторону Рузвельт-драйв. Перепрыгнула цепное ограждение, взобралась на бетонный парапет дороги и скрылась в темноте.

Пендергаст пробежал мимо парка, проскочил по красному сигналу светофора Первую авеню. Перемахнул через цепь, затем через парапет и очутился на проезжей части Рузвельт-драйв. Загудели

клаксоны, скрипнули тормоза. Лавируя между машинами, агент выбрался на дальнюю обочину и остановился, оглядывая дорогу в обоих направлениях. Но Альбан растворился в ночи. Впереди протекала Ист-Ривер, справа темнел паромный терминал Хантерс-Пойнт, слева мерцал огнями мост Куинсборо. Прямо перед Пендергастом на фоне воды выделялись два пустых, полусгнивших и разрушенных прибоем причала, дальше тянулись вдоль берега заросли камыша, сухого тростника и увядшей ежевики, темно-бурые в лунном свете.

Здесь хватало мест, где Альбан мог бы спрятаться. Он все продумал заранее и знал, куда бежать. Поиски были безнадежным делом.

Пендергаст развернулся и прошел по обочине дороги к расположенному пятью кварталами южнее пешеходному переходу. И вдруг, в тусклом свете фонарей на мосту, уголком глаза заметил человека, стоящего на первом пирсе.

Это был Альбан. Сын смотрел прямо на него. И помахал рукой, когда Пендергаст повернулся в его сторону.

Агент тут же перескочил через парапет дороги и бросился сквозь заросли к пирсу. Но когда он добрался до места, Альбан уже пропал.

Сообразив, что сын вряд ли уйдет далеко от набережной, Пендергаст помчался в северном направлении. И через мгновение увидел Альбана, который вбежал на второй пирс и остановился в ожидании, сложив руки на груди.

Пендергаст на ходу вытащил пистолет. Продираясь сквозь кусты и обегая металлические трубы, он на время упустил Альбана из виду. А когда наконец добрался до пирса, то получил сокрушительный удар по ноге и, не удержав равновесия, упал. Еще в полете его настиг второй удар, выбивший пистолет из руки. Пендергаст прокатился по земле и попытался подняться, но Альбан, предвидя этот маневр, приложил агента коленом в голову и вдавил его лицом в цемент.

Затем так же быстро отпустил. Пендергаст вскочил на ноги, готовый к схватке.

Но Альбан не собирался нападать. Он отступил назад и снова скрестил руки на груди. Пендергаст замер, и они уставились друг на друга, как два хищника, выжидающие, кто первый бросится в атаку.

Неожиданно Альбан расслабился.

— Endlich, — произнес он. — Наконец-то. Теперь мы можем поговорить по душам… как отец с сыном… я долго ждал этой возможности. — И улыбнулся почти приветливо.

37

Они стояли и смотрели друг на друга сквозь полумрак. С трудом переводя дыхание, Пендергаст вдруг понял, что никто и никогда не справлялся с ним так легко и быстро. Альбан застал его врасплох: сначала сделал вид, будто ждет его, а потом за считаные секунды поменял позицию и неожиданной атакой довел дело до конца.

Агент отмахнулся от этих мыслей. Он по-прежнему не сводил глаз с сына, ожидая, что тот скажет или предложит. У Пендергаста оставался при себе запасной пистолет и еще кое-что из личного оружия. На этот раз Альбану не уйти.

— Не правда ли, странно? Мы стоим здесь лицом к лицу, — начал Альбан спокойным, приятным голосом. В отличие от брата он говорил совсем без акцента, но произносил слова с особой тщательностью, подсказывающей, что это не родной для него язык. — Мне было суждено встретиться с тобой. Как все сыновья встречаются со своими отцами.

— А как насчет матерей? — спросил Пендергаст.

Похоже, этот вопрос не удивил Альбана.

— Испытание вступило в решающую фазу — продолжил он. — Должен признать, что ты быстро решил мою маленькую загадку. Извини, но я не был в этом уверен.

— А ты, оказывается, любишь поболтать.

Краем глаза Пендергаст заметил, что в траве, футах в десяти слева от него, сверкнул ствол его пистолета.

— Да, люблю, — усмехнулся Альбан.

Он сделал шаг вправо, затем еще один, закрывая агенту дорогу к оружию. Хотя ему было всего лишь пятнадцать, выглядел он намного взрослее — высокий, красивый, сильный и быстрый, как гепард. Если его к тому же обучали боевым искусствам, то в предстоящей схватке у Пендергаста не будет никакого преимущества.

— Зачем ты…

— Зачем убиваю? Это испытание, как я уже сказал.

— Объясни мне…

— Какое испытание? Это очень просто. Отчасти оно должно определить, кто из нас лучше: ты или я. — Он вытянул руки в сторону Пендергаста. — Как видишь, я тоже без оружия. Наши силы примерно равны. Но не совсем: я молод, а ты стар. Поэтому я решил дать тебе фору.

Агент почувствовал, что наступает удобный момент для атаки. Он сосредоточился, еще раз мысленно представил свои действия. Но в ту же секунду Альбан, все еще стоявший с протянутыми руками, неуловимым движением вытащил из кармана агента запасной пистолет. Все произошло настолько быстро, что Пендергаст дернулся лишь в тот момент, когда оружие уже оказалось у Альбана.

— О-о, «Вальтер ППК». — Юноша повертел пистолет в руках и хмыкнул: — Такого я в тебе не предполагал. Так мы романтики, отец?

Пендергаст попятился назад, но Альбан одновременно с ним сделал шаг вперед, сохраняя дистанцию в пять футов. Он по прежнему держал в руке «вальтер», положив палец на предохранитель.

— Зачем нужно это испытание? — спросил Пендергаст.

— Ах да, это ведь самое важное, не правда ли? Зачем нужно сталкивать нас друг с другом? Что за странная идея! Но от этого зависит очень многое…

Внезапно Альбан остановился и отступил. Его надменное, самоуверенное лицо дрогнуло.

— Поэтому вы…

— Называем его бета-тест? Да, правильно.

Через мгновение Альбан расслабился и снова заулыбался. Отсоединил обойму пистолета и большим пальцем принялся вынимать из нее патроны, оставив только один. Затем поставил обойму на место, передернул затвор, щелкнул предохранителем и протянул «вальтер» Пендергасту, рукояткой вперед.

— Вот твоя фора — один патрон в пистолете. Теперь у тебя есть преимущество. Посмотрим, сумеешь ли ты справиться со мной. Одним выстрелом.

Агент нацелил пистолет на Альбана. Он не хотел — не мог — убивать его, по крайней мере сейчас. Сначала нужно узнать побольше о том, что заставило его совершать эти преступления, как он связан с «Der Bund». Но мальчишка настолько быстр и силен, что может убежать даже сейчас. Просто убежать.

Нужно всадить ему пулю в колено.

Молниеносным движением он опустил ствол и выстрелил. Но Альбан дернулся еще раньше, чем Пендергаст успел нажать на спусковой крючок, и пуля прошла мимо, лишь пробив ему брюки.

Альбан рассмеялся, наклонился, засунул палец в отверстие от пули и пошевелил им.

— Близко! Мм… Но все же недостаточно точно. Как это говорится? На этот раз я тебя сделал.

Он отпрыгнул в траву и поднял «лес-баер» Пендергаста.

— Ты знаешь стихотворение «Der Erlkoenig»[69] Гете?

— Да, в переводе.

— Schön! Наизусть?

— Да.

— Тогда вот как мы поступим. Ты поворачиваешься спиной, закрываешь глаза и читаешь это стихотворение. Первые три строфы. Нет, сейчас уже достаточно темно, а я в отличной форме, так что хватит и двух. Потом ты открываешь глаза и начинаешь искать меня.

— А если я сжульничаю?

— Я пристрелю тебя. — Светлые глаза Альбана холодно сверкнули. — Конечно, я мог бы выстрелить и сейчас, но это тоже было бы жульничество. Мы, Пендергасты, играем честно. — Он снова улыбнулся. — Ну так как, начнем?

— У меня еще есть…

— Думаю, что вопросов было достаточно. А теперь решай, будешь ли ты играть.

— Почему бы и нет?

— Если откроешь глаза раньше, значит ты сжульничал. Я стреляю, ты умираешь.

— Ты можешь и так убежать от меня. Это неинтересная игра.

— Да, я могу убежать. Но не стану этого делать. Я просто спрячусь, пока ты будешь читать стихи. А ты можешь искать меня любым способом — по следам, с помощью логики или хитрости. Тебе решать. Итак, поворачивайся спиной и начинай.

Пендергаст услышал щелчок предохранителя «лес-баера». Он немедленно повернулся, закрыл глаза и начал читать громко и отчетливо:

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?

Ездок запоздалый, с ним сын молодой…

Закончив вторую строфу, он быстро обернулся и осмотрел опустевший пирс. Альбана нигде не было. «Лес-баер» лежал в траве в нескольких ярдах от агента.

Пендергаст прекратил поиски лишь спустя три часа.

38

— Будь оно все проклято, — пробормотал лейтенант Винсент д’Агоста.

Он стоял в коридоре отеля «Мюррей-Хилл», но даже отсюда прекрасно слышал гудки автомобилей, застрявших в пробке, крики и прочий городской шум. Прошло несколько часов, но движение на дороге стало лишь плотнее. Пробка тянулась от отеля до самого небоскреба «Мит-Лайф», наверняка свою роль сыграли и любопытствующие, столпившиеся у входа. Стены отеля дрожали от гула вертолетов, зависших над зданием и освещающих его прожекторами. И как назло, куда-то пропал Пендергаст.

Почему жителей Нью-Йорка так интересуют преступления? Они любят криминальные репортажи, с жадностью поглощают их. Имя Убийцы из отеля уже который день не сходит с первых полос газет. А теперь еще и это. Если Бог запретит убийства, рейтинг изданий тут же скатится до нуля и большинство из них обанкротятся.

Яркий белый свет пробивался в коридор из номера 516, и д’Агоста различал за дверью силуэты экспертов, все еще работающих на месте преступления. Гиббс тоже был там. Вот ведь кусок дерьма: офицеры полиции и прочее начальство не должны вмешиваться в работу специалистов. Но агент ФБР настоял на своем, несмотря на возражения д’Агосты. Господи, даже он сам — руководитель следственной группы — и то не появлялся там с момента начала осмотра.

— Эй, какого черта вы претесь туда с колой? — рявкнул он на спеца по отпечаткам, идущего по коридору к номеру. — Неужели вам никто не говорил, что с едой и напитками на месте преступления появляться нельзя?

Парень испуганно вздрогнул, вжал голову в плечи и послушно побрел обратно, держа в руке холодную банку, но не решаясь отпить из нее.

Д’Агоста заметил, как переглянулись охранники, собравшиеся возле двери. Да, он в бешенстве, и пусть все это видят. Пусть что хотят, то и думают. Лейтенанта сейчас больше волновал исченувший в неизвестном направлении Пендергаст. Исчезнувший вместе с

преступником. И эта его безумная идея о сыне-убийце… Хотя он все выложил как на блюдечке: точное место и время преступления.

Д’Агосте не раз доводилось куда-то ездить с Пендергастом, но эта поездка оказалась самой странной. В буквальном смысле слова потрясающей. Вдобавок его начало беспокоить недавнее ранение в грудь. Он достал из кармана упаковку ибупрофена и проглотил пару капсул.

— А вам кто разрешил бродить туда-сюда, словно у себя дома? — закричал он на одетого в белый халат эксперта, поднырнувшего под ленту, ограждающую место преступления. — Займитесь делом, черт вас побери!

— Но я и занимаюсь делом, лейтенант. Просто выходил в туалет.

Его виноватая улыбка тут же погасла от нового взрыкивания д’Агосты:

— Ну так продолжайте заниматься!

— Да, сэр.

Лейтенант резко обернулся и замер от неожиданности. В дальнем конце коридора появился Пендергаст. От одного вида усталого, измученного агента д’Агосте сделалось не по себе и внутри что-то тревожно сжалось.

Нужно срочно поговорить с ним, подробнее узнать об этом гипотетическом сыне-убийце.

Д’Агосту поразило лицо друга — оно было необычайно напряженным, почти безумным. Глаза ослепительно сверкали, но взгляд при этом оставался ясным, осмысленным.

— Где вы пропадали? — спросил лейтенант.

— Я гнался за убийцей до самой реки. Он спрятался где-то возле старого причала.

— Вы… гнались за ним?

— Когда я зашел в номер, он уже спускался по пожарной лестнице. У меня не было времени предупредить. Я не хотел его упускать.

— И вы уверены, что это… ваш сын?

Пендергаст строго взглянул на него:

— Я уже говорил, что это должно остаться между нами.

Д’Агоста нервно сглотнул. Его тревожил напряженный, пристальный взгляд Пендергаста.

— Раз у вас есть информация, мы обязаны поделиться… — начал было он, но запнулся, увидев, как агент изменился в лице.

— Винсент, только я могу поймать этого убийцу. Больше никто. Любые действия полиции лишь усложнят ситуацию. Поэтому мы должны хранить эти сведения при себе. Во всяком случае, пока. Вы меня поняли?

Д’Агоста не ответил. Он все понимал. Но разве можно скрывать такую информацию, позволяющую опознать убийцу? С другой стороны, сама мысль о том, что убийца — сын Пендергаста, что у него вообще есть сын, — сама эта мысль казалась лейтенанту безумной. Его друг явно не в себе. Возможно, и в самом деле не стоит пока никому ничего рассказывать.

Он все еще не решил, как следует поступить.

— Так-так, уж не агент ли Пендергаст к нам пожаловал?

Из номера появился Гиббс. Он натянуто улыбнулся, подошел ближе и протянул руку. Пендергаст ответил тем же.

— Кажется, вы побывали в переделке, — хмыкнул Гиббс, скосив глаза на испачканный грязью костюм Пендергаста.

— Так и есть.

— Интересно, как это вы с лейтенантом оказалась на месте преступления всего на пару минут позже самого убийцы? Лейтенант говорит, у вас есть какая-то гипотеза, основанная на числовой последовательности.

— Фибоначчи, — произнес Пендергаст.

— Что еще за Фибоначчи? — нахмурился Гиббс.

— Леонардо Фибоначчи, средневековый математик. Итальянец, естественно.

— Значит, итальянец. Понятно.

— Я сравнил данные по убийствам и обнаружил, что в адресах

этих отелей существует определенная система: дом пять по Сорок пятой Восточной улице, дом восемь по Пятидесятой Западной и дом тринадцать по Сентрал-парк-Уэст. Пять, восемь, тринадцать — это и есть последовательность Фибоначчи. Следующим числом в ней должно быть двадцать один. Я выяснил, что на Манхэттене есть только один отель с подходящим адресом: «Мюррей-Хилл», Парк-авеню, двадцать один.

Гиббс слушал, наклонив голову, скрестив руки на груди и по-прежнему хмурясь.

— У времени убийств совсем простая зависимость: семь тридцать утра чередуется с девятью вечера. Это признак самоуверенности преступника, такой же, как и его нежелание прятать лицо от камер наблюдения. Похоже, он считает ниже своего достоинства скрываться от нас.

Как только Пендергаст замолчал, Гиббс страдальчески закатил глаза:

— Насчет времени убийства спорить не стану. Но этот Фи… Фиба… в общем, это одна из самых сумасбродных, за уши притянутых идей, с какими мне приходилось сталкиваться.

— Однако это, кажется, сработало, — возразил д’Агоста.

Гиббс достал из кармана блокнот:

— Итак, агент Пендергаст, что случилось, когда вы зашли в номер? Лейтенант сказал мне, что вы просто исчезли.

— Как я уже объяснял лейтенанту д’Агосте, я зашел в комнату, затем в ванную и там увидел открытое окно. А за ним — преступника, спускающегося по пожарной лестнице. Я бросился за ним и преследовал до самой реки. А там он спрятался где-то в районе старых причалов.

Гиббс что-то записал в блокноте.

— Вам удалось рассмотреть его?

— Не лучше, чем на записи камер наблюдения.

— Больше ничего не хотите добавить?

— Увы, нет. За исключением того, что преступник очень быстро бегает.

Д’Агоста не поверил своим ушам. Пендергаст и в самом деле решил скрыть информацию. Одно дело — говорить об этом, и совсем другое — сделать. Ладно бы, если б это расследование вел кто-то другой, а не сам д’Агоста. Ему все труднее удавалось мириться с легкомысленным отношением агента к правилам и законам.

Гиббс резко захлопнул блокнот:

— Интересно, что он выбрал такой задрипанный отель. Значит, его почерк начинает меняться. Сначала он работал там, где чувствовал себя в полной безопасности. А теперь осмелел и пытается расширить зону действий.

— Неужели? — усмехнулся Пендергаст.

— Да, я считаю, что это важный момент. Раньше он убивал в «Мальборо-Гранд», «Вандербилт», «Ройял-Чешир». Только пятизвездочные отели. Это позволяет думать, что преступник принадлежит к богатому, привилегированному слою общества. Он начал с привычной для себя среды, но теперь приобрел уверенность и решил, так сказать, пойти в народ.

— Он выбрал этот отель лишь по одной причине, — спокойно возразил ему Пендергаст. — Это единственный отель на Манхэттене с адресом «дом двадцать один». Здесь нет никакой связи ни с привилегированным слоем, ни с хождением в народ.

Гиббс тяжело вздохнул:

— Специальный агент Пендергаст, давайте договоримся: вы будете отвечать за свою часть расследования, а определять психологический профиль преступника предоставьте специалистам.

— И где нам найти такого специалиста?

Гиббс изумленно уставился на коллегу.

Пендергаст заглянул через приоткрытую дверь в номер. Яркий свет осветительных ламп отбрасывал на стену четкие тени экспертов, все еще не закончивших осмотр.

— Вы знаете платоновскую аллегорию о пещере?[70]

— Нет.

— Жаль, она помогла бы вам понять нынешнюю ситуацию. Агент Гиббс, я тщательно изучил подготовленный вами профиль так

называемого Убийцы из отеля. Вы сами утверждали, что он основан на вероятностном методе, на предположении, что наш убийца похож на других преступников определенного типа. На самом же деле его действия находятся вне вашей кривой нормального распределения. Он не подходит ни под один из ваших типов, не соответствует ни одному из ваших предположений. Вы лишь напрасно теряете время, а ваш ученический анализ, по существу, мешает расследованию, уводит его в сторону — чего, вероятно, и добивался убийца.

Д’Агоста замер в напряжении.

Гиббс внимательно посмотрел на Пендергаста и заговорил спокойно и взвешенно:

— Я с самого начала не мог понять: за каким чертом вы вклинились в это расследование? Что за игру вы затеяли? Мы в бюро изучили ваше досье, и оно не произвело на нас особого впечатления. Чего там только нет: таинственные отлучки, жалобы, выговоры. Удивительно, как вас до сих пор не уволили. И вы еще смеете утверждать, что кто-то мешает следствию. Единственная помеха здесь — это вы сами. Предупреждаю, агент Пендергаст, я не собираюсь терпеть ваши выкрутасы.

Пендергаст в знак согласия склонил голову, а затем произнес:

— Агент Гиббс…

— Да, что еще вам надо?

— Я вижу кровь на вашем ботинке. Маленькое пятнышко.

Гиббс посмотрел на свои ноги.

— Что? Где?

Пендергаст нагнулся и провел пальцем по краю подошвы его ботинка. На пальце появилась красная полоса.

— Сожалею, но вашу обувь необходимо изъять как вещественное доказательство. Боюсь, что придется составить рапорт о ваших неправильных действиях на месте преступления. Увы, но это обязательно, — лейтенант подтвердит.

Пендергаст взмахом руки подозвал одного из экспертов:

— Специальный агент Гиббс сейчас отдаст вам свою обувь. Крайне неловко получилось, ведь это, если не ошибаюсь, «Тестони»

ручной работы. Весьма болезненная потеря для мистера Гиббса, учитывая его скромный оклад.

Через мгновение д’Агоста уже любовался, как Гиббс идет по коридору в одном ботинке. Странно, что сам лейтенант не заметил крови на обуви агента.

— На месте преступления нужно соблюдать осторожность, — прошептал стоящий рядом Пендергаст.

Д’Агоста ничего не ответил. Он чувствовал, что ничем хорошим это не кончится.

39

Утро понедельника выдалось серым и холодным, с моросящим дождем. Автомобили на парковке уныло выстроились в линию, словно деревянные кубики, вода ручьями стекала по их тускло блестевшим корпусам. Еще не было и одиннадцати, но все уже понимали, что на удачную торговлю сегодня рассчитывать не приходится. Кори это вполне устраивало. Она пряталась от дождя в зале, пила дрянной кофе и в ожидании клиентов болтала о том о сем с другими продавцами. Их было четверо, и все — мужчины. Джо Рикко и его сын Джо-младший еще не подъехали, поэтому продавцы пребывали в благодушном настроении.

За последние два дня Кори познакомилась с ними поближе и поняла, что все они — редкостные, первостатейные ублюдки. Все, кроме Чарли Фута — того самого, о котором говорил отец. Чарли был моложе остальных, казался немного застенчивым и почти не принимал участия в их дурацких шутках и розыгрышах. Он единственный из всех закончил колледж и был лучшим продавцом. Его мягкий голос и заниженная самооценка поневоле вызывали симпатию.

Один из старших продавцов как раз отпустил очередную пошлую шутку, и Кори натянуто улыбнулась. Она отпила глоток кофе, подлила еще немного поддельных сливок, чтобы хоть как-то заглушить вкус пережженных зерен, и сказала:

— А правда забавно, что я заняла место продавца с такой же фамилией, как у меня?

Она обернулась к только что пошутившему продавцу по фамилии Миллер. Юморист из него был еще тот, и Кори приходилось заставлять себя смеяться над его убогими остротами. Она даже подвела к нему одного «горячего» клиента, сделав вид, что нуждается в помощи, и в итоге комиссионные достались Миллеру. Он, в свою очередь, решил взять девушку под свое покровительство, несомненно рассчитывая на большее. Даже предложил зайти после работы в бар, где подают убойную «Маргариту». Кори не стала сразу разбивать его наивные надежды, по крайней мере до той поры, пока не разберется со своими делами.

— Да, — согласился Миллер, прикуривая, хотя только что

предложил выходить дымить на улицу. Но Джо Рикко сам курил, поэтому и другие не сильно возражали.

Миллер был раскормленный тип с коротко стриженными рыжими волосами, тройным подбородком, пивным брюхом, пухлыми губами и вздернутым носом. Общее впечатление несколько смягчала добротная одежда. Он явно был щеголем. «В прежние времена», — мысленно добавила Кори, глядя на его клетчатый костюм из полиэстера.

— А кто он был такой, этот Джек Свенсон? — спросила Кори.

— Придурок, — вместе с дымом выдохнул Миллер.

— Вот как? За это его и уволили?

— Не-а. Он ограбил банк, — радостно заржал Миллер.

Кори изобразила крайнее удивление:

— Что?

— Миллер, перестань! Мы же договорились не вспоминать об этом на работе, — сказал другой продавец, Ривера.

— Да ладно, клиентов-то нет, — возразил Миллер. — А она все равно в конце концов узнала бы.

— Ограбил банк! — прервала перепалку Кори, пытаясь возвратить беседу в нужное русло. — Но как?

Миллеру, вероятно, эта история тоже казалась забавной.

— Я же говорю, этот парень — полный идиот. Он не мог продать ни одной дерьмовой машины, не получал комиссионных. И вот однажды он позаимствовал с нашей площадки «кадиллак-STS», подъехал на нем к местному отделению «Делавэр траст» и ограбил эту чертову лавочку.

Он засмеялся еще громче.

— А как узнали, что это именно он? — спросила Кори.

— Во-первых, как я уже сказал, автомобиль был с нашей торговой площадки. Во-вторых, он был одет в свой обычный старый костюм — мы все его узнали. И сам Рикко видел, как он уезжал на этой машине.

Все дружно закивали.

— В-третьих, полиция нашла на подголовнике его волосы.

— Яснее ясного, — хмуро заметила Кори.

Все рушилось к чертям, и в первую очередь — надежды на невиновность отца.

— Не только это. Еще нашли его отпечатки на бланке, предъявленном кассиру.

Кори вдруг начало казаться, что улик чересчур много.

— А теперь он в тюрьме?

— Не-а. Парень сбежал. И все его ищут.

Кори постепенно оправлялась от первого потрясения:

— Как же такой придурок смог убежать?

Миллер снова затянулся, выдохнул через нос и посмотрел на нее:

— А ты, похоже, заинтересовалась.

— Разумеется. У нас ведь с ним одинаковая фамилия.

Он кивнул:

— Я же говорю, парень не мог продать ни одной машины. И… ему не нравилась наша система.

— Система?

— Мы ведем бизнес определенным образом.

— Мне положено знать об этой системе?

Миллер затушил сигарету и поднялся с места. В демонстрационный зал вошла супружеская пара, на ходу закрывая зонтики. Мужчина держал в руке папку из манильской бумаги.

— Можешь узнать прямо сейчас. В такой дурацкий день, как сегодня, простые зеваки сюда не придут. Это клиенты. Идем со мной.

Он подмигнул и покосился на ее грудь.

Подойдя к клиентам, Миллер сдержанно поздоровался, объяснил, что Кори — ученик продавца, и попросил за нее разрешения поприсутствовать. Разумеется, клиенты согласились.

— Возможно, она получит сегодня первые комиссионные, — добавил он. — Это будет большой праздник для нее. Правда, Кори?

— Правда, — сказала она, краснея.

Кори присмотрелась к супругам. Мужчина походил на врача, у которого вечно не хватает свободного времени, зато есть привычка быстро принимать решения. Его жена, худая и нервная особа в дорожном костюме, желала приобрести «кадиллак-эскалейд». Без всякого перехода мужчина начал заранее заготовленную речь. Он много часов провел в Интернете, из множества вариантов выбрал нужную машину, распечатал список опций, которые там должны быть, высчитал конечную цену и готов заплатить на двести долларов больше. Но если здесь не согласятся заключить сделку на его условиях, он обратится к другому дилеру, в соседнем городе, где есть в продаже почти такой же автомобиль. И еще одно условие: ему не требуется антикоррозионная обработка или какие-либо другие узаконенные формы грабежа. Он хочет просто приобрести машину.

Мужчина замолчал, тяжело отдуваясь. Вероятно, эта речь далась ему не легче, чем экстренная хирургическая операция. Кори стало интересно, справится ли Миллер с таким клиентом.

Но тот, как ни странно, ничуть не растерялся. Он не стал препираться или переубеждать покупателя, наоборот, одобрил его деловой подход и заявил, что сам тоже предпочитает работать быстро и четко, даже если такие сделки не дают большой прибыли. Главное, чтобы продажа состоялась. Правда, он не уверен в своих полномочиях продавать товар по заниженной цене, но сейчас проконсультируется с начальством. И еще нужно уточнить, намерен ли клиент расплатиться наличными или собирается взять рассрочку.

Миллер записал номер страхового свидетельства врача и другие необходимые данные. Затем проводил супругов в роскошную приемную и предложил кофе, а сам вместе с Кори отправился в офис. Она внимательно наблюдала, как он проверил по компьютеру кредитную историю клиента и начал оформлять сделку.

— А разве мы не должны спросить разрешения у мистера Рикко? — удивилась она.

— Мне не нужно его разрешение, — ответил Миллер.

— Ты действительно собираешься продать им машину по этой цене?

— Да, собираюсь, — усмехнулся он.

— А как же прибыль? Я хочу сказать, что двести долларов — это слишком мало.

Миллер подписал договор эффектным росчерком с завитушками.

— Хочешь жить — умей вертеться, — наставительно произнес он.

— Это как?

— Смотри и учись.

Они прошли обратно в приемную. Миллер показал покупателям договор.

— Мы все уладили, — заявил он. — Наш босс, мистер Рикко, одобрил сделку, хотя пришлось немного помочь ему принять решение. Между нами говоря, он не выглядел очень уж довольным. Но как я уже говорил, главное, чтобы сделка состоялась. В такой гадкий день, как сегодня, продать хотя бы одну машину — уже большая удача. Ваша кредитная история не позволяет рассчитывать на льготные условия. Но я, учитывая обстоятельства, хочу предложить вам особую ставку. Просто пальчики оближешь.

Врач нахмурился:

— А в чем дело? Что не так с моей кредитной историей?

Миллер улыбнулся краешком губ:

— Нет-нет, ничего страшного. У вас вполне приличный кредитный рейтинг, он просто немного недотягивает до льготного уровня. Возможно, вы когда-то просрочили платеж по ипотеке или перенесли его на месяц, не выплатив необходимый минимум. Сущие пустяки. И поверьте, я все-таки добился выгодных для вас условий.

Лицо мужчины побагровело, он оглянулся на жену, выглядевшую несколько смущенной:

— Мы просрочили платеж по ипотеке?

Теперь настала ее очередь покраснеть.

— Ну да, я опоздала на пару недель несколько месяцев назад. Помнишь, когда мы уезжали в отпуск?

Врач повернулся к Миллеру:

— Так какую же ставку вы нам предлагаете? Учтите, я не

собираюсь переплачивать втридорога.

— Всего лишь на три четверти процента выше льготного уровня. К тому же я добился для вас продления срока кредита до семидесяти двух месяцев, чтобы уменьшить ежемесячные платежи.

Миллер назвал сумму, которая показалась Кори разумной, особенно для такой солидной машины, как «эскалейд» стоимостью в восемьдесят тысяч долларов. Она так и не поняла, на чем вообще продавцы делают деньги.

Через двадцать минут врач с супругой уехали с площадки на своей новой машине, и как только они скрылись из виду, Миллер хрипло рассмеялся. Он вернулся в зал, снова налил себе кофе и грузно плюхнулся в кресло.

— Только что продал доктору Поцу «эскалейд», — объявил он остальным. — Двести долларов сверху. Он так хотел заключить выгодную сделку. И я ему это устроил.

— Готов поспорить, все дело в кредите, верно? — сказал один из продавцов.

— Верно. Я сказал ему, что у него проблемы с кредитной историей… и оформил ему ставку в семь с половиной процентов на семьдесят два месяца.

Все засмеялись, покачивая головами.

— Ничего не понимаю, — призналась Кори.

Миллер, все еще хрюкая от смеха, объяснил:

— С этого кредита мы получим восемь тысяч долларов прибыли. Так мы и делаем деньги — на кредитах. Это первый урок, который нужно выучить продавцу машин.

— Восемь тысяч? — переспросила она.

— Чистой прибыли.

— Но откуда она берется?

Миллер прикурил, глубоко затянулся, выдохнул и продолжил:

— Перед тем как прийти сюда, старый доктор Поц, вероятно, потратил много времени, изучая «Эдмундс»[71] сделал самого главного — не проверил свою кредитную историю. Подняв ставку на

три четверти процента от семидесяти тысяч, я уже заработал три куска. Была бы засада, если бы он сначала зашел в свой банк и взял там кредит под пять с половиной процентов или даже меньше.

— Так это неправда, что у него плохой кредитный рейтинг?

Миллер покрутил головой по сторонам:

— Тебя это беспокоит?

— Нет-нет, — торопливо ответила Кори. Краем глаза она заметила, как Чарли закатил глаза и состроил неодобрительную гримасу. — Все в порядке.

— Вот и хорошо. Кстати, твой предшественник, старина Джек, так и не смог ничего понять. Даже если ему удавалось продать машину — это случалось очень редко, — он оформлял кредит с минимальной ставкой. А когда мы по-товарищески указали ему на ошибку этот сукин сын стал нам угрожать, что пойдет к прокурору и напишет рапорт в головную фирму.

— Да, это серьезно. И что бы тогда было?

— Ничего особенного. Это почти обычная практика. Так или иначе, этот болван никуда не пошел, а, наоборот, сам ограбил банк. И решил все наши проблемы. — Он повернулся к Чарли. — Правда, приятель?

— Ты же знаешь, что мне не нравится такой бизнес, — спокойно ответил Чарли. — Рано или поздно ваша хитрость обернется против вас.

— Вот только не надо вешать на нас проблемы старины Джека, — проговорил Миллер уже не так дружелюбно.

Чарли ничего не ответил.

В этот момент в зал вошла еще одна пара.

— Это мои, — сказал один из продавцов, потирая руки. — Семь с половиной процентов. Понеслась!

Кори огляделась по сторонам. Теперь все стало ясно как божий день. Один из них подставил отца, чтобы тот не пошел к прокурору.

Но кто именно? Или… все вместе?

40

Вызов к Глену Синглтону прозвучал для д’Агосты как сигнал тревоги. Когда лейтенант подошел к кабинету начальника, тревога только усилилась. Мидж Роули, секретарь Синглтона, обычно не упускающая возможности поболтать, при его приближении лишь на мгновение оторвалась от экрана монитора.

— Заходите, лейтенант, — сказала она, не глядя на него.

Едва д’Агоста вошел, он сразу понял, что опасения не были напрасными. И действительно, капитан сидел за столом, как всегда аккуратно одетый, но от одного его взгляда сердце д’Агосты ушло в пятки. Синглтон казался самым прямым и открытым человеком из тех, с кем лейтенанту приходилось иметь дело. В нем не было ни намека на хитрость и двуличие; все, что Синглтон думал, легко читалось по его лицу. И сейчас на лице капитана было написано, что он столкнулся с весьма щекотливой проблемой.

— Вы хотели меня видеть, капитан?

— Да. — Синглтон скосил глаза на лежащий перед ним документ, прочитал, перевернул страницу. — Мы вляпались в неприятную историю, лейтенант. Точнее говоря, вы вляпались.

Д’Агоста удивленно поднял брови.

— Как руководитель следственной группы по делу Убийцы из отеля, вы оказались вовлечены в конфликт. Между двумя агентами ФБР. — Он еще раз взглянул на документ. — Только что агент Гиббс передал мне жалобу на агента Пендергаста. В ней, помимо всего прочего, говорится о том, что Пендергаст работает словно сам по себе, не желает сотрудничать с коллегами, не согласовывает с ними свои действия. — Капитан немного помолчал и добавил: — Ваше имя тоже упоминается в жалобе. И не один раз.

Д’Агоста молча слушал.

— Я вызвал вас — неофициально — по двум причинам. Прежде всего, чтобы посоветовать вам уйти с линии огня. Это внутренние дрязги ФБР, и поверьте мне, не стоит в них вмешиваться.

Д’Агоста стоял навытяжку, как курсант на плацу.

Синглтон перевернул страницу:

— Вторая причина, по которой я вас вызвал, состоит в том, что мне необходимо узнать кое-какие подробности этого дела. Я хочу, чтобы вы поделились со мной информацией, всей известной вам информацией. Понимаете, лейтенант, если это дерьмо всплывет на поверхность и начнется третья мировая война, мне ужасно не хочется оказаться застигнутым врасплох.

— Я все изложил в отчете, сэр, — ответил д’Агоста, тщательно выговаривая слова.

— В самом деле? Сейчас не самый удачный момент, чтобы принимать сторону одного из них, лейтенант.

В кабинете повисла напряженная тишина. Наконец Синглтон вздохнул:

— Винсент, мы с вами не всегда находили общий язык. Но я доверяю вам как честному офицеру полиции.

— Спасибо, капитан.

— Однако это уже не первый случай, когда ваши контакты с Пендергастом приводят к неприятностям. И ставят под сомнение вашу репутацию.

— Сэр?

— Скажу откровенно. Судя по рапорту Гиббса, он уверен, что Пендергаст утаивает важную информацию. Не говорит всего, что знает. — Синглтон сделал паузу. — Гиббсу кажутся крайне подозрительными действия Пендергаста в момент последнего убийства. И я не могу не согласиться с ним. Я прочитал ваш отчет и не увидел в нем даже намека на стандартный полицейский протокол. Такое ощущение, что в нем не полностью изложены… э-э… обстоятельства.

Не выдержав разочарованного взгляда Синглтона, д’Агоста опустил глаза и принялся рассматривать свои ботинки.

— Я знаю, что вы знакомы с Пендергастом много лет. Что вы с ним дружите. Но это одно из крупнейших серийных убийств на моей памяти. А вы — руководитель следственной группы. Вам есть что терять. Поэтому подумайте хорошенько, перед тем как ответить. Есть в этом деле еще что-то, о чем я должен знать?

Д’Агоста продолжал молчать.

— Послушайте, лейтенант. Один раз вы уже наломали дров благодаря Пендергасту и чуть было не погубили свою карьеру. Я не хочу, чтобы это повторилось. Очевидно, что Гиббс не остановится ни перед чем, чтобы свалить Пендергаста. И его не интересует, кто еще может при этом пострадать.

Д’Агоста так ничего и не сказал. Он вспоминал все те случаи, когда сражался плечом к плечу с Пендергастом: против ужасного монстра из Музея естественной истории; против морщинников в катакомбах Манхэттена; против графа Фоско и этого ублюдка Балларда в Италии, а потом против Джадсона Эстерхази и таинственного «Der Bund». Но при этом он не понимал поведения Пендергаста в последнее время и даже сомневался в его душевном здоровье. И не мог забыть слова Лоры Хейворд: «Это твоя обязанность — проверять любую версию, любую информацию, даже самую неправдоподобную. Тут дело не в дружбе. Просто нужно поймать опасного преступника, который, возможно, будет убивать и дальше. Ты должен сделать правильный выбор».

Он глубоко вздохнул и поднял голову. А затем, как будто издалека, услышал собственный голос:

— Пендергаст думает, что убийца — его сын.

Синглтон удивленно выпучил глаза:

— Простите, что?

— Я понимаю, что это кажется бредом. Но Пендергаст сказал мне, что эти убийства — дело рук его сына.

— И вы… верите этому?

— Я не знаю, верю или нет. Жена Пендергаста погибла ужасной смертью. Он едва не сошел с ума от горя.

Синглтон покачал головой:

— Лейтенант, когда я просил вас рассказать мне все, я имел в виду достоверную информацию. — Он немного успокоился. — А это просто какая-то чушь. Я даже не слышал, что у Пендергаста есть сын.

— Я тоже, сэр.

— А больше вы ничего не хотите мне сообщить?

— Больше ничего. Все остальное, как я уже сказал, изложено в отчете.

Синглтон посмотрел на него:

— Значит, Пендергаст скрыл часть информации. И давно вы узнали об этом?

Д’Агоста внутренне содрогнулся:

— Довольно давно.

— Очень хорошо, лейтенант, — подытожил Синглтон. — А теперь мне нужно подумать, как с этим поступить.

Расстроенный д’Агоста понимающе кивнул.

— Прежде чем вы уйдете, позвольте дать вам еще один совет. Несколько минут назад я рекомендовал вам не ввязываться в этот конфликт. Не принимать чью-либо сторону. И это правильное решение. Но ситуация может сложиться так — и, судя по тому, что вы мне рассказали, это случится раньше, чем я ожидал, — что нам всем придется выбирать, на чьей мы стороне. Я советую вам выбрать Гиббса и поведенческое бюро, а не Пендергаста. Откровенно говоря, мне не нравится этот человек, не нравятся его методы… и эта история с его сыном окончательно доказывает, что он двинулся умом. Вам все ясно, лейтенант?

— Абсолютно ясно, сэр.

— Вот и славно.

Синглтон опустил глаза и отложил бумаги в сторону показывая, что разговор окончен.

41

Проктор не спеша шел по библиотеке, разглядывая корешки книг. Он не был книголюбом, и большинство названий ему ни о чем не говорили. К тому же многие из них были написаны на иностранных языках. Проктор понятия не имел, как можно кого-нибудь «обучить», тем более такого странного мальчика, как Тристрам. Но приказ есть приказ, и его нужно выполнять. Следует признать, что особых хлопот парень ему не доставлял. Потребности у Тристрама были скромные, он ел все, что предлагали, и с благодарностью принимал любое проявление заботы. Из-за странного поведения и коротких отрывистых фраз Проктор сначала подумал, что мальчик умственно отсталый. Но вскоре убедился в своей ошибке: Тристрам схватывал все новое на лету.

Взгляд Проктора остановился на знакомом названии: Джеффри Хаусхолд. «Одинокий волк». Хорошая книга. Очень хорошая.

Проктор подцепил томик пальцем и снял книгу с полки. Затем замер и прислушался. Домработница сегодня взяла выходной. В особняке было тихо…

…или не совсем?

Ловким движением он засунул книгу под мышку и обернулся, осматривая темное помещение. В библиотеке было холодно — в отсутствие Пендергаста Проктор не стал разжигать камин да и свет почти везде выключил. Уже пробило девять часов вечера, за окном простиралась суровая зимняя ночь, с Гудзона задувал порывистый ветер.

Проктор снова прислушался. На этот раз он различил разнообразные звуки: приглушенный стон ветра, слабое тиканье часов и кряхтение старого особняка. Пахло, как обычно, пчелиным воском, деревом и кожей. И все-таки ему показалось, будто бы он слышал что-то еще. Совсем тихий шорох, почти на пределе слышимости. Доносившийся откуда-то сверху.

Проктор все так же расслабленно прогулялся в дальний угол библиотеки, отодвинул в сторону небольшую дубовую панель, за которой стоял монитор системы безопасности. Все было в полном порядке: сигнализация исправна, двери и окна закрыты, датчики

движения ничего подозрительного не фиксировали.

Он нажал кнопку и выключил датчики. Затем вышел из библиотеки в прихожую и по коридору со сводчатым потолком проследовал в так называемую галерею — несколько комнат, превращенных Пендергастом в своеобразный музей, экспонаты для которого он взял из поистине неисчерпаемой коллекции своего прадеда Еноха Ленга. В центре первой комнаты стоял окаменевший динозавр, небольшой, но приводящий в ужас своими зубами и когтями. Его окружали витрины с другими причудливыми и загадочными предметами — от черепов до алмазов, от метеоритов до чучел экзотических птиц.

Проктор шел легкой плавной походкой, но на душе у него было неспокойно. За годы службы в спецназе у него выработалось чутье на опасность, и сейчас оно внезапно включилось. Проктор не смог бы объяснить причину беспокойства. Это был просто инстинкт.

Он привык доверять своим инстинктам.

Проктор поднялся по лестнице на второй этаж. Обойдя изъеденное молью безгубое чучело шимпанзе, он осмотрел двери и коридор. Его глаза на мгновение задержались на картине, изображающей стаю волков, охотящихся на оленя. Затем Проктор продолжил осмотр.

Все было в порядке.

Спустившись обратно на первый этаж, Проктор вернулся в библиотеку, снова включил датчики, взял с полки «Одинокого волка» и уселся на стул, заняв стратегически верную позицию возле зеркала, позволяющую одновременно наблюдать и за библиотекой, и за коридором.

Он раскрыл книгу и сделал вид, будто увлечен чтением.

При этом все его чувства по-прежнему были напряжены, в особенности обоняние. Проктор обладал удивительной способностью улавливать самые слабые запахи, в чем мог бы поспорить даже с оленем. И эта особенность не раз спасала ему жизнь.

Прошло полчаса, но подозрения Проктора так и не подтвердились. В конце концов он решил, что тревога была ложной. Но бдительность никому и никогда не мешала. Он закрыл книгу, зевнул и направился к спрятанному за книжным шкафом секретному

лифту. Спустившись в подземелье, он медленно двинулся по узкому коридору из неотесанного камня. Сырые стены были покрыты наплывами известняка и селитры.

Проктор повернул за угол, бесшумно вжался в углубление в стене и замер в ожидании.

Никого.

Он медленно втянул носом воздух, но не ощутил запаха человека, внезапного дуновения ветра или неожиданного источника тепла. Только холодная сырость.

Проктор почувствовал себя глупо. Еще немного, и это вынужденное затворничество, непривычная роль защитника и наставника доведут его до ручки. Никто не мог красться за ним. Тайный проход к лифту закрылся, как только он вошел. Сама кабина лифта осталась в подземелье и больше не поднималась наверх. Даже если бы кто-то проник в особняк, он все равно не сумел бы спуститься сюда.

От этих мыслей напряжение понемногу начало спадать. Теперь можно спускаться на нижний ярус.

Он прошел по коридору в пустую комнату со сводчатым потолком, остановился возле пластины с фамильным гербом Пендергастов и надавил на нее. Потайная дверь открылась. Проктор шагнул за нее и подождал, когда она захлопнется снова. Затем спустился по длинной винтовой лестнице и начал долгий путь по нижнему ярусу через множество комнат со стеллажами стеклянной посуды, гниющими на стенах гобеленами, засушенными насекомыми, амулетами и другими причудливыми экспонатами огромной коллекции Еноха Ленга. Он спешил к тяжелой, обитой железом двери, ведущей в убежище сына Пендергаста.

Мальчик терпеливо дожидался его. Терпение было одним из главных достоинств Тристрама. Он мог часами сидеть в тишине и неподвижности, сидеть и ничего не делать. Это умение восхищало Проктора.

— Я принес тебе книгу, — сказал он, зайдя в комнату.

— Спасибо. — Мальчик вскочил с места, с жадностью ухватился за нее и тут же начал листать. — О чем она?

Проктор внезапно ощутил укол сомнения. Подходящая ли это

книга для брата серийного убийцы? Раньше его не беспокоили подобные проблемы. Он откашлялся и начал рассказывать:

— Там говорится о человеке, который пытается выследить и убить негодяя. Его поймали, но ему удалось сбежать. — Проктор остановился, чувствуя, что в его пересказе книга не кажется особенно интересной. — Я лучше прочитаю тебе первую главу.

— Пожалуйста!

Тристрам уселся на кровать и приготовился слушать.

— Останови меня, если какое-то слово окажется для тебя непонятным. А когда я закончу главу, мы ее обсудим. Если захочешь что-то спросить — не стесняйся.

Проктор сел на стул, открыл книгу, прочистил горло и начал читать:

— «Винить их я не могу. Чтобы застрелить кабана или медведя, оптический прицел, в конце концов, не нужен…»[72]

Внезапно он почувствовал, что у него за спиной кто-то стоит. Он тут же вскочил, повернулся и схватился за пистолет, но темный силуэт растворился в темноте еще до того, как рука Проктора коснулась оружия. Однако увиденное мельком лицо прочно отпечаталась в памяти. Это было лицо Тристрама… только с более резкими чертами, более волевое и привлекательное.

Альбан.

42

Кабинет старшего специального агента Питера Джойса наверняка был одним из самых захламленных в здании на Федерал-плаза, двадцать шесть. На полках стояли книги по истории Америки, уголовному праву и навигации, стены украшали фотографии потрепанного непогодой тридцатидвухфутового шлюпа «Бремя доказывания»[73]. Однако стол Джойса был абсолютно пуст, как палуба корабля, освобожденная от всего лишнего перед надвигающимся штормом. Единственное окно смотрело в темноту ночного Манхэттена. Джойс был убежденным полуночником и самые важные дела всегда оставлял на вечер.

В дверь негромко постучали.

— Войдите, — отозвался Джойс.

В кабинет зашел специальный агент Пендергаст. Он осторожно закрыл дверь и занял единственный стул.

Увидев, что вошедший уселся без спроса, Джойс почувствовал укол раздражения, но не показал виду. У него имелся более важный предмет для разговора.

— Агент Пендергаст, — начал он. — За те три года, что я работаю в нью-йоркском отделении, мне неоднократно приходилось закрывать глаза на ваши, скажем так, экстравагантные действия — порой вопреки советам коллег. Я не спешил вмешиваться в вашу работу и не спешил вызывать вас на ковер, как требовало руководство. На это у меня было несколько причин. Во-первых, я не терплю формализма и не испытываю особой нежности к нашим бюрократам. Меня больше интересует результат, и в этом смысле вы редко меня разочаровывали. Ваши методы работы необычны, но дьявольски эффективны. Ваш послужной список весьма впечатляет — по крайней мере, та его часть, которую я видел в незасекреченном досье. Там есть еще один похвальный отзыв о вас, написанный покойным Майклом Деккером, одним из самых уважаемых и успешных агентов на моей памяти. Я часто вспоминал его слова, когда на мой стол попадала очередная жалоба на вас.

Он наклонился вперед, положил руки перед собой и сцепил пальцы.

— Но на этот раз я не могу и не хочу вас выгораживать. Вы окончательно зарвались, агент Пендергаст.

— Вы имеете в виду жалобу агента Гиббса? — спросил Пендергаст.

Если Джойс и удивился, то по выражению его лица этого не было заметно.

— Лишь отчасти. — Он помедлил, подбирая слова. — Я не испытываю восторга от агента Гиббса да и от всего поведенческого отдела. Его сетования на ваше нежелание работать в команде, несоблюдение стандартной процедуры и отказ от координации действий меня по большому счету не касаются. — Джойс пренебрежительно махнул рукой. — Но есть и более серьезные обвинения. Например, вы самовольно включились в расследование, не дожидаясь официального разрешения. Вам не хуже меня известно, что агент Гиббс находится здесь по просьбе департамента полиции Нью-Йорка. Вы же никак не связаны с отделом по изучению поведения преступников, и ваш интерес к этому делу непонятен. Ваше желание участвовать в расследовании кое-кого сильно раздражает. Но даже это можно было бы как-то замять, если бы не последнее, самое серьезное нарушение.

— Какое же? — заинтересовался Пендергаст.

— Вы скрыли информацию, имеющую прямое отношение к делу.

— Могу я узнать, какую именно информацию?

— Что Убийца из отеля — ваш сын.

Пендергаст окаменел.

— Гиббс и раньше был уверен, что вы не рассказываете всего, что знаете. А нью-йоркская полиция это подтвердила. Узнав сегодня утром, что вы подозреваете в преступлении собственного сына, они сначала не приняли эту новость всерьез. Решили, что вы… немного не в себе. Но разумеется, любую версию следует проверить. И сравнение вашей ДНК, образец которой, как вам известно, у нас имеется, с ДНК преступника дало положительный результат. — Джойс вздохнул. — Это важная информация, первостепенной важности. А вы ее скрывали. Этому не может быть оправдания. Это не просто плохо, это чудовищно. Тут дело уже не в столкновении

интересов. Дело может кончиться обвинением в пособничестве и укрывательстве преступника.

Пендергаст не ответил. Он лишь сидел с каменным, ничего не выражающим лицом и смотрел на Джойса.

— Агент Пендергаст, я понятия не имею, каким образом ваш сын связан с этими убийствами, как вы узнали об этом и что собирались предпринять. Понимаю, что вам сейчас мучительно больно, и приношу глубокие соболезнования. Но позвольте мне говорить откровенно: ваши действия были в лучшем случае неэтичными, а в худшем — противозаконными.

Джойс выдержал долгую паузу, прежде чем продолжить:

— Как вам известно, когда дело касается дисциплинарных проступков, спорить с нашей бюрократией бесполезно. Я даже не имею права сам арестовать вас. Я лишь послал рапорт в нью-йоркское отделение ФБР с описанием ваших нарушений и рекомендовал немедленно отстранить вас от работы.

Последовала еще одна пауза.

— Нью-йоркское отделение вернуло мой рапорт назад. Они не желают в это впутываться. На этот раз мне пришлось отослать его в центральный офис профессиональной дисциплины.

Джойс вздохнул и посмотрел на Пендергаста искоса, как будто пытался открыть японскую шкатулку[74]

— Обычно уж если парни из дисциплинарного офиса берутся за дело, то они не успокоятся, пока всю душу из вас не вытрясут. Начинаются дознание, протоколы, допросы свидетелей. Сначала выжмут вас как лимон и только потом определят наказание. Но что вышло на этот раз? Час назад я получаю ответ: «Отстранить от работы на тридцать суток». — Джойс покачал головой. — Вот так. Вместо положенных от пяти до десяти лет в «Ливенуорте»[75] вы получаете тридцать суток безделья — месяц без зарплаты. А учитывая ваш годовой оклад в ФБР… сколько-сколько? один доллар? Ну, тогда это тем более не сильно ударит вас по карману. — Он подозрительно приподнял бровь. — Не знаю, кто ваш ангел-хранитель, специальный агент Пендергаст, но могу сказать вам только одно: вы чертовски везучий сукин сын.

В кабинете снова стало тихо. Наконец Джойс беспокойно заерзал

на стуле.

— Хотите что-нибудь добавить?

Пендергаст едва заметно покачал головой:

— Я бы сказал, что вы с удивительной точностью сформулировали суть вопроса, контролирующий агент Джойс.

— В таком случае получайте свои тридцать дней. И держитесь подальше от этого дела.

Отвернувшись от Пендергаста, Джойс достал с полки каталог «Прогулочные яхты по доступным ценам», положил его на стол и принялся внимательно изучать.

43

Проктор повернулся обратно к Тристраму. Тот сидел на кровати с побледневшим от испуга лицом.

— Оставайся здесь, — сказал бывший спецназовец. — Я запру тебя, и ты будешь в безопасности.

Он вышел, надежно запер дверь и прошел по каменному коридору к ближайшей комнате, но, прежде чем войти в нее, остановился и прижался к стене.

Достав пистолет, Проктор зарядил и включил лазерный прицел. Подождал немного, чтобы выбросить из головы лишние мысли и точнее оценить ситуацию. Он перестал чувствовать боль в сломанных ребрах, перестал удивляться тому, как этот парень проник в подземелье, и сосредоточился на главной проблеме.

Убийца хотел выманить Проктора из комнаты. Хотел, чтобы тот погнался за ним. Другой цели у него быть не могло. Альбану нельзя позволить свободно разгуливать по дому, нужно обязательно разыскать парня. Он решил заманить Проктора в ловушку — это тоже ясно. Значит, нужно действовать непредсказуемо, разработать особую стратегию.

А еще нужно понять, почему Альбан не убил его сразу, имея такую прекрасную возможность.

Все эти мысли за долю секунды пронеслись в голове Проктора.

Он искал на пыльном полу следы Альбана, но в путанице свежих отпечатков они были неразличимы. Глубоко вздохнув, он шагнул за угол и обвел комнату стволом пистолета. Отбрасывая по углам глубокие тени, комнату освещала единственная лампочка без абажура, свисающая с потолка на длинном проводе. В застекленных шкафах вдоль стен хранилась коллекция чучел разнообразных рептилий.

Казалось, здесь никого не было.

Проктор метнулся к боковой стене и укрылся за ближайшей витриной, уронив по дороге ржавую алебарду. С этой позиции вся комната просматривалась идеально. Спешить было некуда — убийца не собирался убегать. Он тоже, в свою очередь, охотился за

Проктором.

Убедившись, что комната пуста, Проктор повернул в ту сторону, где находилась лестница, и перебежал к сводчатой арке, открывающей проход еще в одно помещение. Там тоже стояли витрины, не только вдоль стен, но и в середине зала. Полки были заполнены разноцветной стеклянной посудой со всякими диковинными вещами: высушенными насекомыми, ящерицами, семенами, жидкостями и порошками. Здесь хватало удобных для засады мест.

Увы, ему придется действовать иначе.

В обойме «Беретты РХ4-Шторм» было десять патронов. Но Проктор всегда имел при себе две запасные, по двадцать патронов в каждой. Итого — пятьдесят. Бывший спецназовец всю жизнь опасался, что когда-нибудь они закончатся в самый неподходящий момент. Правда, такого с ним еще ни разу не случалось и никогда не случится.

Он вытащил из пистолета обойму с десятью патронами и заполнил ее до отказа. Вес оружия существенно увеличился, но это было необходимо для того, что он собирался сделать.

Он должен действовать непредсказуемо.

Внезапно Проктор рванулся в проход и побежал через весь зал, безостановочно стреляя по рядам витрин, сначала по одну сторону от себя, а затем по другую. Грохот выстрелов смешался со звоном разбитого стекла и треском разлетающихся в щепки полок. В замкнутом пространстве поднялся невообразимый, оглушительный шум. Если кто-нибудь прятался за витринами, он должен был, по крайней мере, закрыть глаза, чтобы уберечь их от осколков стекла. И уж во всяком случае, он не смог бы выстрелить в ответ.

Проктор рванулся в следующую комнату продолжая сумасшедшую пальбу и оставляя позади себя сверкающий душ из осколков стекла.

Двадцати пуль хватило, чтобы проложить дорогу в третью комнату размером поменьше, заставленную витринами с чучелами птиц. Обойма опустела, и Проктору пришлось спрятаться за тяжелым дубовым шкафом возле стены. Он пригнул голову и прислушался.

Отголоски его безумной атаки до сих пор эхом разносились по

всему подземелью: где-то капало из разбитой склянки, где-то сыпался порошок, где-то что-то падало. Каменный пол был усеян тысячами осколков стекла. По ним невозможно пройти абсолютно беззвучно. Если убийца остался где-то за спиной, он не сумеет подкрасться незамеченным.

Проктор затаился и ждал. Постепенно все звуки затихли, за исключением монотонных шлепков капель какой-то отвратительной жидкости, пахнущей спиртом и формальдегидом.

Проктор подумал, что в следующей комнате тоже есть множество удобных для засады мест. Он вспомнил, что там хранятся старинные инструменты и приборы. Трудно сказать, зачем Еноху Ленгу понадобилось собирать все эти странные предметы, но сейчас это не важно. Где-то в соседних комнатах Проктора поджидает враг.

Бывший спецназовец ждал. Порой победа приходит к тому, кто попросту оказывается терпеливее противника. В конце концов кто-то не выдерживает и начинает действовать. И тут же получает пулю.

Но сейчас в подземелье воцарилась абсолютная тишина. Враг ничем себя не выдавал.

Конечно, могло быть и так, что убийца остался в одной из пройденных комнат, мертвый или тяжело раненный, но Проктор сильно в этом сомневался. Его внутренний голос подсказывал, что Альбан спрятался где-то впереди.

Нужно ждать.

Проктор вытащил из пистолета пустую обойму и вставил другую с двадцатью патронами. Внезапно он услышал хруст осколков стекла под чьей-то ногой.

Он обернулся и, не успев как следует удивиться тому что убийца все-таки подкрался сзади, быстро нырнул за шкаф и прижался к стене.

Опять прислушался. Весь пол усыпан битым стеклом. По нему нельзя пройти бесшумно… или все-таки можно?

Очень медленно и осторожно Проктор прокрался к краю каменной арки. Никаких новых звуков он не расслышал. Может быть, что-то просто упало с полки?

Проктор не мог больше терпеть эту мучительную

неопределенность. Ему необходимо было знать наверняка, увидеть собственными глазами. Он сорвался с места и бросился в середину комнаты, снова стреляя направо и налево. Что-то мелькнуло справа между разбитых стекол, и он несколько раз выстрелил на бегу, пока не укрылся в нише противоположной стены.

Прижавшись к каменному выступу, Проктор опять прислушался. Он должен был попасть в убийцу или хотя бы поранить разбившимся стеклом. Значит, парень сейчас корчится от боли или, по крайней мере, ослеплен, испуган, растерян.

…Или ему просто очень хочется в это поверить?

Снова раздался хруст стекла, теперь уже точно под ногой у врага.

Проктор выскочил из ниши и побежал, стреляя в ту сторону, откуда раздался звук. Разбитые стекла разлетелись в мелкие сверкающие брызги, тяжело завалился набок шкаф, рассыпая по полу содержимое склянок. Проктор уже понял, что там, куда он целился, никого нет. Пусто. Но он не мог остановиться, пока не доберется до нового укрытия у дальней стены. Только там Проктор позволил себе настороженно обернуться.

Как раз вовремя, чтобы увидеть летящий прямо в лампочку камень. Раздался звонкий хлопок, и комната погрузилась во тьму. Проктор тут же выстрелил туда, откуда прилетел камень.

Сквозь арку из соседнего помещения пробивалась скудная полоска света. Тяжело дыша, бывший спецназовец опустил оружие. Сколько патронов он истратил? Обычно Проктор тщательно следил за этим, но сейчас сбился со счета. Он опустошил целую обойму и сделал еще по меньшей мере пятнадцать выстрелов. Осталось в лучшем случае пять. Плюс еще десяток в последней обойме.

Похоже, его кошмарный сон — остаться в бою без патронов — начинает сбываться.

Скорчившись в темном углу Проктор думал о том, что его хитрость не сработала. Он столкнулся с очень умелым противником, обладающим удивительной интуицией.

Необходим новый план. Убийца, вероятно, ожидает, что он и дальше будет прочесывать комнаты, пытаясь обнаружить врага. Значит, нужно поступить иначе и вернуться обратно по собственным

следам. Пусть противник сам его ищет.

Прижимаясь к стене, Проктор прокрался к проходу в соседнюю комнату. Ее освещала одинокая тусклая лампочка. Пол здесь тоже был усыпан осколками стекла. Теперь он столкнулся с той же трудностью, какую сам приготовил для противника. Невозможно пройти по стеклу, не создавая шума.

Нет, возможно. Проктор наклонился и снял ботинки. Так и не разогнувшись, он медленно шагнул в арку и двинулся вдоль стены, прячась за поваленным шкафом. Очень осторожно, не проронив ни звука, даже когда осколки, проколов носки, впивались в кожу. После каждого шага он останавливался и прислушивался.

Откуда-то справа, из-за ряда разбитых выстрелами витрин, донесся короткий вздох. Ошибки быть не могло, это убийца. И он тоже шел по осколкам в одних носках.

Интересно, видел ли он Проктора? Трудно ответить.

Непредсказуемость — вот о чем нельзя забывать.

В отчаянном яростном порыве Проктор бросился к длинному высокому шкафу, обрушился на него всей массой и опрокинул. Падая, тот зацепил следующий, за ним еще один, и вскоре все они повалились, словно костяшки домино. Лишенные стекол шкафы сложились карточным домиком, погребая врага под собой и засыпая его градом битого стекла, склянками, экспонатами и выпавшими из пазов полками.

Проктор отступил на шаг — и тут же получил хлесткий удар по руке. Пистолет отлетел в сторону. Бывший спецназовец в ответ ударил кулаком с разворота, но темный силуэт уже скользнул в сторону и приложил его по ребрам. Проктор растянулся во весь рост на битом стекле.

Одним стремительным движением он перекатился по полу и вскочил, сжимая в руке горлышко разбитой бутылки. Убийца отпрыгнул назад и поднял с пола осколок стекла. Они осторожно стали кружить друг возле друга.

Проктор мастерски владел ножом. Он сделал стремительный выпад, но противник уклонился от удара и сам полоснул его по предплечью. Спецназовец отскочил и снова атаковал, но лишь разрезал парню рубаху. Убийца опять увернулся с невероятной

скоростью.

Ни разу в жизни Проктор не сталкивался с таким быстрым и так легко предугадывающим его действия противником. Он наступал, снова и снова нанося удары, заставляя убийцу обороняться, но так и не смог хотя бы задеть его. Альбан отскочил за стол, выбросил осколок и схватил тяжелую колбу. Проктор продолжал наседать, непрерывно атакуя. Убийца притворился, будто снова собирается отступить, а затем, изогнувшись невероятным образом, словно из ниоткуда вырос перед спецназовцем и обрушил колбу ему на голову. Оглушенный Проктор снова рухнул на пол.

Через мгновение убийца уперся коленом ему в грудь и приставил к горлу осколок реторты, чуть надавив и поцарапав кожу, но не настолько, чтобы разрезать сонную артерию.

Ошеломленный и еще не оправившийся от удара Проктор не мог поверить, что его так легко одолели. Такого просто не могло быть. И все-таки он проиграл, проиграл как раз в том, в чем считал себя настоящим мастером.

— Давай! — прохрипел он. — Прикончи меня.

Убийца рассмеялся, сверкнув белыми зубами:

— Я давно уже убил бы тебя, если бы захотел. Но нет. Ты еще должен передать хозяину сообщение, а мне необходимо повидаться с братом. Он так нуждается… в помощи.

С этими словами он вытащил у Проктора из кармана ключ от комнаты Тристрама.

— А теперь — спокойной ночи.

Убийца нанес внезапный сокрушительный удар в висок, и Проктор провалился в темноту.

44

Лейтенант Винсент д’Агоста бесцельно бродил по своей квартире на Первой авеню. Он плюхнулся на диван в гостиной, включил телевизор, рассеянно просмотрел каналы, снова выключил телевизор. Встал, подошел к двери на балкон и посмотрел в темноту. Отправился на кухню, открыл дверцу холодильника, взял бутылку пива, тут же передумал и поставил ее на место.

Каждую минуту он оглядывался на телефон, но потом снова отводил взгляд.

Д’Агоста понимал, что давно пора последовать примеру Лоры и лечь спать, но сомневался, что сумеет заснуть. После беседы с Синглтоном он получил так называемое дисциплинарное взыскание и был отстранен от руководства следственной группой. Как объяснил капитан, ему еще чертовски повезло, что все не закончилось гораздо хуже, и вовсе не Пендергаста следует за это благодарить. Но даже подумать о том, что завтра придется вставать, идти на работу и заниматься полудюжиной мелких, не стоящих ломаного гроша дел, было невыносимо.

Лейтенант снова посмотрел на телефон. Нужно покончить с этим; он не сможет успокоиться, пока не сбросит с души этот камень.

Он вздохнул, поднял трубку и набрал номер Пендергаста.

— Да? — ответил тот с обычным протяжным южным акцентом.

— Пендергаст, это я, Винни.

После небольшой паузы тот же голос, но холодней градусов на десять повторил:

— Да?

— Где вы?

— В машине. Еду домой.

— Отлично. Я так и думал, что вы еще не спите. Послушайте, я просто хотел сказать… в общем, мне очень жаль, что все так вышло.

Ответа не последовало, но д’Агоста не собирался так просто сдаваться:

— Я не знал, как поступить. Я ведь был руководителем группы и обязан был сообщать любую важную информацию. Сингл-тон надавил на меня… загнал в угол.

Пендергаст по-прежнему молчал. Д’Агоста облизнул губы:

— Послушайте, я знаю, сколько вы пережили за последние недели. Я ваш друг. Я пытался помочь вам, насколько это было в моих силах. Но в этот раз… ведь это моя работа. У меня не было выбора. Вы должны понять.

Пендергаст ответил обычным спокойным, стальным тоном:

— Чего уж тут непонятного. Вы просто предали меня.

Д’Агоста глубоко вздохнул:

— Вы не должны воспринимать это так. Мы сейчас говорим не про тайну исповеди. Скрывать имя убийцы, даже если он ваша плоть и кровь, — это нарушение закона. Поверьте мне, даже лучше, что все узнали об этом сейчас, а не позже.

Никакого ответа.

— Меня отстранили от расследования. А вы… откровенно говоря, вы с самого начала в нем не участвовали. Давайте забудем о том, что произошло.

— Мой сын, как вы любезно мне напомнили, серийный убийца. Как, по-вашему, я могу об этом забыть?

— Тогда позвольте мне помочь вам. Как частному лицу. У меня остался доступ к информации, и я могу сообщать ее вам. Мы работали так раньше, сможем и теперь.

Пендергаст снова промолчал.

— Ну? Что скажете?

— Что я скажу? Я могу сказать только одно: долго еще вы будете надоедать мне своими жалкими оправданиями и предложениями ненужной помощи?

Это было так больно, так несправедливо, что д’Агоста не сдержался.

— А знаешь, что скажу я? — крикнул он. — Да пошел ты…

И бросил трубку.

45

Вернувшись домой, Пендергаст сразу почувствовал, что в его отсутствие что-то произошло. В особняке стояла настороженная тишина, в неподвижном воздухе ощущался слабый непонятный запах. Пендергаст быстро проверил систему безопасности: все лампы горели спокойным зеленым светом, ни один замок не взломан, все на своих местах.

Он прошел в библиотеку по отзывающимся гулким эхом коридорам. Здесь было холодно, темно и тихо. Проктор, вероятно, сюда не заходил.

Книжный шкаф привычно отъехал в сторону, Пендергаст спустился на лифте в подвал и помчался по извилистому проходу в комнату с потайной дверью. Открыл ее и тут же отпрянул, сраженный мощной волной разнообразных запахов — зловонной смесью формальдегида, спирта и тысячи других трудно определимых жидкостей, порошков и растворов. Прыгая по ступенькам винтовой лестницы, Пендергаст вытащил из кармана пистолет.

Он побежал по нескончаемой череде подземных залов и вдруг резко остановился. Впереди были такие же комнаты, соединенные арочными проходами, тускло освещенные редкими лампочками и… варварски разоренные. На полу поблескивали осколки цветного стекла, разбитые бутылки валялись в лужах остро пахнущей жидкости. Витрины были опрокинуты, экспонаты коллекции разбросаны вокруг, а шкафы вдоль стен изрешечены отверстиями от пуль крупного калибра.

— Тристрам! — крикнул Пендергаст и рванул еще быстрее, чем прежде.

Он промчался по галерее, чувствуя, как под ногами хрустят осколки, затем свернул к убежищу сына, вставил ключ в замок, повернул и открыл дверь.

На полу лежало тело, прикрытое простыней. С замиранием сердца Пендергаст отдернул ее и увидел Проктора с залитым кровью лицом. Шофер был без сознания, но дышал. Пендергаст осмотрел его и не заметил никаких ран, кроме кровоточащей ссадины на виске.

Он зашел в ванную, смочил простыню, вернулся и осторожно

стер кровь с лица Проктора. Затем приподнял шофера и попытался привести его в чувство. Тот попробовал сесть, но снова бессильно обмяк, и Пендергаст уложил его обратно на пол.

— Что случилось? — спокойно, но требовательно спросил он.

Проктор покачал головой и застонал от боли.

— Альбан… забрал Тристрама.

— Но как, скажите на милость, он сюда попал?

Проктор опять покачал головой:

— Не знаю. Кажется, я слышал… шум.

— Когда это произошло?

— Примерно в четверть… десятого.

Сейчас было одиннадцать. Пендергаст вскочил. Альбан и его жертва не могли покинуть дом: все сигналы на пульте были зелеными. Однако прошло больше часа с момента нападения.

— Мне придется оставить вас здесь и отправиться на поиски, — сказал он.

Проктор махнул рукой, как бы говоря: «Не беспокойтесь обо мне».

С пистолетом наготове Пендергаст быстро осмотрел комнату. Просматривая разбросанные на столе листы бумаги, на которых Тристрам пытался писать по-английски, он нашел незаконченный рисунок, изображающий горы, с надписью, из которой стало ясно, что это подарок отцу. У Пендергаста защемило сердце. Но он быстро справился с приступом боли, забрал рисунок и вышел из комнаты.

Он внимательно исследовал отпечатки ног на пыльном полу, но возле убежища Тристрама следы были слишком запутаны, чтобы определить, в какую сторону пошел Альбан. Пендергаст вернулся в главный коридор и быстро, но сохраняя бдительность осмотрел учиненный там беспорядок. Пройдя несколько комнат, он оказался в лаборатории профессора Ленга. Разрушения не коснулись ее, все осталось в относительной целости и сохранности. На старых столешницах из мыльного камня стояли пробирки, колбы, реторты и устройства для химического анализа. Пендергаст тщательно обыскал лабораторию, а затем бесшумно двинулся вдоль стены к следующей

двери, ведущей в последнюю комнату. Там хранилось оружие, древнее и современное: мечи, булавы, винтовки, кистени, гранаты, цепы, трезубцы.

Пендергаст остановился, нащупал в кармане маленький фонарик и осветил им комнату. На первый взгляд ничего не пропало. Он прошел в дальний угол и увидел следы возле неприметной двери в стене.

На пульте в кабинете Пендергаста горели зеленые сигналы. Датчики движения не зафиксировали ничего необычного. Особняк был надежно защищен от незваных гостей — за исключением подземелий, куда можно попасть, только спустившись на секретном лифте и пройдя через потайную дверь. Их не удалось поставить на сигнализацию из-за особенностей расположения и большой глубины. К тому же тогда было бы трудно сохранить тайну подземелий. Но на это можно было не обращать внимания: ни один злоумышленник не нашел бы сюда дорогу.

Пендергаст уставился на закрытую дверь. Если только… неужели это все-таки возможно?

Он быстро открыл дверь, за которой находился сырой каменный коридор и лестница, устроенная в естественной трещине сланцевых пород. Снизу поднимался сильный запах сырости и плесени. Спустившись по грубо высеченным ступенькам, Пендергаст оказался на древнем каменном причале у подземной реки. Это было старинное логово пиратов, когда-то поселившихся в доме рядом с особняком. Обычно возле причала лежал перевернутый гребной ялик, но теперь он пропал. Еще не высохшие брызги на каменной кромке подсказывали, что лодка уплыла совсем недавно.

Пендергаст знал, что эта река соединяется с Гудзоном. Но она была хорошо замаскирована, а проход от нее к подземельям всегда надежно заперт. Пендергаст не сомневался в неприступности и секретности этого черного хода. И только теперь понял, какую непростительную оплошность совершил. Имея час преимущества, Альбан вместе с пленником мог скрыться куда угодно — и его невозможно было выследить.

Пендергаст в отчаянии опустился на каменные плиты причала.

46

Доктор Джон Фелдер вышел из сторожки и аккуратно прикрыл за собой дверь. Календарь обещал безлунную ночь. Особняк не освещался снаружи, потому что мисс Винтур была слишком скупа, чтобы покупать больше лампочек, чем необходимо. Доктор видел перед собой лишь неясный силуэт древних руин — черное на черном.

Он глубоко вздохнул и начал пробираться сквозь высокие заросли сорняков, цепляющих его за ноги. Ночь выдалась не из приятных, слегка подмораживало, изо рта шел пар. Не только особняк, но и вся улица, весь город погрузились в вязкую тишину. Несмотря на темноту, доктор ощущал себя ужасно беззащитным, выставленным на всеобщее обозрение.

Подойдя к дому, он прислонился к холодной стене и прислушался. Вокруг было тихо. Он медленно двинулся дальше вдоль стены, пока не добрался до эркера библиотеки. Всего в этом зале Фелдер насчитал три больших створчатых окна. Доктор осторожно подошел к крайнему из них и заглянул внутрь. Полная темнота.

Отступив немного, он прижался спиной к каменной кладке и огляделся. Пусто, даже случайные автомобили не нарушали неподвижность пейзажа. Эта стена шла перпендикулярно улице и была скрыта от посторонних глаз кустами туи, росшими вдоль кованого забора. Никто не мог заметить доктора.

Но Фелдер продолжал стоять под темными окнами библиотеки. Он действительно собирается сделать это? Дожидаясь ночи в сторожке, он раз за разом убеждал себя, что не замышляет ничего плохого. Просто заберет папку художника, никому не нужную, и меньше всех — мисс Винтур. В конце концов, Фелдер ее даже не украдет. Просто возьмет на время, а позже анонимно отошлет по почте обратно. И не нанесет никакого ущерба…

Но сейчас доктор взглянул правде в глаза. Он собирался украсть папку. Совершить кражу со взломом. Это не просто правонарушение, а уголовное преступление, за которое его должны посадить в тюрьму. А потом Фелдер подумал, что может попасться в лапы Дакчаку, и тюрьма показалась ему не самым худшим вариантом.

Ноги доктора онемели от холода и неподвижности, и он отступил на шаг в сторону. И все-таки он действительно собирается сделать это? Да, собирается… через минуту. Или две.

Доктор запустил руку в карман пиджака, проверяя, все ли на месте. Фонарик, отвертка, скальпель, тюбик с машинным маслом, пара тонких кожаных перчаток. Он еще раз глубоко, судорожно вздохнул, облизал губы, оглянулся, прислушался. Никого. Было уже совсем темно, и он различал только окна библиотеки в тяжелых рамах. В особняке стояла мертвая, могильная тишина. Фелдер постоял еще немного, затем натянул перчатки и подошел к самому окну.

Прижавшись к стене, доктор включил фонарь и, прикрыв его рукой, чтобы со стороны света не было видно, осмотрел стык створок. Проклятье: шпингалет задвинут до отказа, ручки повернуты горизонтально. Мигнув фонарем и еще раз оглядевшись, он направился к следующему окну. Но и здесь была та же картина. Он не мог проникнуть внутрь, не разбив стекло, а самому повернуть ручки вообще невозможно.

Со смешанным чувством досады и облегчения Фелдер подошел к последнему окну, опять прикрыл рукой фонарик и начал осматривать раму. Ручка правой створки была в правильном положении. Но другая половина окна слегка приоткрылась. Шпингалет оказался сломан, и там, где он должен был входить в оконную раму, виднелась темная дыра.

Выключив фонарь, Фелдер отошел к дальней стороне эркера. Подождал немного, прислушался. Вокруг было тихо. Только сердце бешено колотилось в груди. Если он не начнет прямо сейчас, то не справится с волнением. Решительно повернувшись, доктор двинулся к приоткрытой створке, просунул отвертку в тонкую щель и осторожно надавил. Рама заскрипела, и просвет увеличился. Фелдер достал из кармана тюбик с маслом, смазал ржавые петли и попробовал еще раз. Теперь створка двигалась бесшумно. Через мгновение зазор сделался таким широким, что доктор смог просунуть в него пальцы. И очень осторожно потянул створку на себя.

Он спрятал тюбик и отвертку обратно в карман. Никаких подозрительных звуков по-прежнему не было слышно. Собрав всю свою храбрость, Фелдер обеими руками ухватился за раму и забросил ногу на подоконник. Оставалось только взобраться самому. Но тут

его снова охватила нерешительность. Он словно бы увидел себя со стороны. Неожиданно все это показалось ему смешным, даже нелепым. В голове пронеслось: «Если бы мои преподаватели из медицинского колледжа увидели меня теперь…» Однако Фелдер был слишком взволнован, чтобы долго думать об этом. Снова уцепившись за раму, он подтянулся и через мгновение оказался в комнате.

Здесь было почти так же холодно, как и снаружи. Фелдер осторожно обвел фонарем библиотеку, отмечая расположение мебели, чтобы случайно за что-нибудь не зацепиться. Обстановка в точности повторяла то, что доктор уже видел в гостиной: пуританские стулья с высокими спинками, несколько накрытых скатертями невысоких столов с фарфоровыми статуэтками и оловянной посудой. В комнате было ужасно пыльно, как будто здесь давно не прибирались. Стены с обеих сторон до самого потолка закрывали книжные шкафы с витражными стеклами.

Доктор еще раз огляделся по сторонам, запоминая, что где стоит. Затем выключил фонарик и со всей возможной быстротой и осторожностью направился через всю комнату к раздвижным дверям. Остановился, приложил ухо к щели и прислушался.

Тихо.

Сердце забилось еще сильнее, и он вернулся назад. Фелдер понятия не имел, с чего начинать. Полки были уставлены тысячами книг, папками со старинными рукописями и другими ценными материалами. Он испугался, что на поиски может уйти не один час.

Чтобы подбодрить себя, доктор вспомнил о Констанс. Повернулся налево и начал осмотр полок от двери. Уже привычно прикрывая фонарь рукой, он провел лучом по массивным книгам в кожаных переплетах. Их шершавые корешки слабо поблескивали. Это были труды Генри Адамса[76] в четырех томах.

Он двинулся дальше вдоль полок, затем остановился и быстро посветил фонарем. На полке перед ним стояло приблизительно с полдюжины изящных деревянных шкатулок ручной работы, тщательно отшлифованных и покрытых лаком. К каждой из них когда-то прикрепили по бумажной этикетке, но старый клей высох, и бумажки уже начали отлипать и сворачиваться. Все они были от руки подписаны выцветшими от времени чернилами: «Бирштадт. Часть 1», «Бирштадт. Часть 2»…

Письма Бирштадта. Цель безуспешного визита делегации из Гарварда. Несомненно, бесценное сокровище.

Фелдер выключил фонарик и отошел от полки. Какой-то шум или ему почудилось?

Он долго стоял, боясь пошевелиться и прислушиваясь. Но шум больше не повторился. Доктор обернулся к двери. Из-под нее не пробивалось ни лучика света.

Однако Фелдер все-таки сделал пару шагов к спасительному окну. Затем остановился и по меньшей мере минуту вслушивался в тишину. И только после этого вернулся к осмотру полок, все так же защищая свет фонаря от взгляда с улицы. Огромный, размером с древние фолианты, том стоял на уровне глаз, окруженный намного меньшими книгами с одинаковыми позолоченными корешками. Это был «Фауст» Гете в красивом кожаном переплете с причудливыми тиснеными буквами.

Фелдер испуганно вздрогнул и чуть было не выронил фонарь. Ему опять почудилось от волнения? Или все-таки это были шаги, мягкие шаги по ковру в коридоре, ведущем в библиотеку, почти такие же бесшумные, как у кошки?

Он с тревогой оглянулся на дверь. Там по-прежнему не было и намека на свет — тьма кромешная. Доктор нервно сглотнул и вернулся к полкам, краем глаза продолжая наблюдать за входом.

И вдруг что-то — он сам не смог бы сказать, что именно, — заставило его подойти к открытому окну, проскользнуть в него, спрыгнуть на землю и осторожно прикрыть створку, благодаря Господа за то, что надоумил его взять с собой тюбик с маслом.

Фелдер стоял в темноте, колени его мелко дрожали. Сердцебиение чуть успокоилось, и он почувствовал себя жалким трусом. Это просто разгоряченное воображение сыграло с ним злую шутку. Никто не шумел, не зажигал свет. Если он и дальше будет так поддаваться приступам страха, то ни за что не добудет папку. Он должен вернуться и еще раз осмотреть полки.

Внезапно дверь в библиотеку резко распахнулась, с ужасающей силой и не менее кошмарной бесшумностью. Фелдер отпрянул от окна и прижался к стене. В блеклом свете из коридора он разглядел силуэт огромного мужчины в странной бесформенной одежде. Этот человек держал в руке длинную, изогнутую, грубо выструганную

палку с набалдашником размером с бильярдный шар.

Дакчак.

Охваченный ужасом, Фелдер как завороженный глядел на силуэт за стеклом. Слуга мисс Винтур внимательно осмотрел все углы библиотеки, каждый квадратный дюйм, поворачивая свою выбритую, тускло поблескивающую голову с неторопливостью крупного хищника. Затем дверь снова закрылась, так же резко и беззвучно. Дом опять погрузился в тишину, и только сердце Фелдера неистово колотилось в ребра.

Придя в себя, Фелдер поспешно вернулся в сторожку. Но еще до того, как приступы страха окончательно покинули его, доктор ощутил нечто совсем иное — искру надежды. Потому что понял одну важную вещь.

Адамс. Бирштадт. Гете. Книги в библиотеке Винтуров были расставлены в алфавитном порядке.

47

Констанс Грин неподвижно сидела в обшитой прочными панелями комнате 027 подвального этажа больницы для душевнобольных преступников «Маунт-Мёрси». Когда-то здесь была палата гидротерапии, оборудованная еще Бредфордом Тьюком, одним из первых психиатров госпиталя. Хотя скобы для закрепления наручников давно уже сняли со стены, а пол застелили коврами, заметный уклон в середине комнаты подсказывал, где находилось отверстие для стока воды, позднее залитое цементом.

Теперь эта комната обычно использовалась для приватных психиатрических сеансов доктора с пациентами низкой степени опасности. Здесь стояла удобная мебель, однако ножки стульев и столов были надежно привинчены к полу, а персонал внимательно следил за тем, чтобы в помещении не оказалось режущих и колющих предметов. Дверь в комнату не запиралась, но пара охранников постоянно дежурила у входа.

Сейчас в комнате, кроме Констанс, находился только агент Пендергаст. Он взволнованно ходил взад-вперед, и лицо у него было еще бледнее, чем обычно.

Констанс немного понаблюдала за ним, а затем перевела взгляд на лежащую перед ней на столе стопку полицейских отчетов, черно-белых фотографий, снятых камерами видеонаблюдения, протоколов осмотра места преступления и результатов анализа ДНК. Она уже изучила все эти документы, сохранив в памяти каждую деталь, каждую цифру. Теперь она обдумывала информацию, используя медитативную практику, известную под именем тсан б’тсан, — самую сложную часть древнего тибетского искусства чонгг ран, которым в совершенстве владели лишь несколько человек в мире. В том числе и оба присутствующих в этой комнате.

В состоянии тсан б’тсан Констанс приобретала способность глубже проникать в суть вещей.

Через несколько минут она оглянулась на Пендергаста, продолжавшего вышагивать из угла в угол.

— Думаю, нам стоит еще раз рассмотреть те события, которые привели к нынешнему положению вещей, — тихо и бесстрастно

произнесла она. — Твоя жена Хелен Эстерхази, потомок нацистского врача, участвовала в генетическом эксперименте, проводимом тайной организацией под названием «Der Bund», или «Ковенант». Двенадцать лет назад, когда она пригрозила раскрыть тайну эксперимента, ее решили убить. Но благодаря хитроумной уловке, придуманной ее братом Джадсоном, вместо Хелен погибла ее умственно отсталая сестра-близнец Эмма. Недавно в «Der Bund» догадались, что твоя жена не умерла, и похитили ее в момент вашей тайной встречи, а затем убили.

Пендергаст замедлил шаги.

— Твоя жена родила — еще до свадьбы и без твоего ведома — двух близнецов. Они были продуктом продолжающегося генетического эксперимента. Из одного брата, названного Альбаном, вырос чрезвычайно умный, сильный и безжалостный убийца, наглядное воплощение превосходства арийской расы. Второй брат, которому ты дал имя Тристрам, получил худшую часть их объединенного генофонда и оказался полной противоположностью Альбану: слабый, робкий, впечатлительный, добрый и бесхитростный. Их обоих привезли сюда, в Нью-Йорк, для какого-то испытания, смысл которого нам неизвестен, за исключением того, что в ходе этого бета-теста Альбан убивал постояльцев в отелях и оставлял на их трупах сообщения для тебя. Я пока ничего не напутала?

Пендергаст кивнул, не глядя на нее.

— Тристрам убежал к тебе. Но вчера вечером Альбан разыскал его и похитил — как раньше была похищена Хелен Эстерхази.

Эта сухая констатация фактов каким-то образом разрядила атмосферу. Во взгляде Пендергаста больше не читалось безумное отчаяние. Он остановился и посмотрел на Констанс.

— Я не могу представить себя на твоем месте, Алоизий, — продолжила она. — Потому что мы оба знаем: случись подобное со мной, я бы отреагировала намного жестче и необдуманней. Но сам по себе твой визит ко мне уже говорит о многом. Я понимаю, как тяжело ты пережил трагическую гибель жены. А теперь по жестокой превратности судьбы и твой сын, о существовании которого ты только что узнал, тоже похищен. И это парализовало твою волю. Ты больше не доверяешь своей способности мыслить логически. Если бы

у тебя был хоть какой-то план действий, ты бы не приехал ко мне.

Пендергаст по-прежнему пристально смотрел на Констанс. Наконец он сел на стул напротив нее.

— Ты абсолютно права, — сказал он. — Передо мной стоит непростая дилемма. Если я ничего не сделаю, то никогда больше не увижу Тристрама. Если начну его искать, то, возможно, лишь ускорю его смерть — как это произошло с моей женой.

Оба надолго замолчали. Затем Констанс чуть наклонилась вперед:

— Для меня здесь все ясно. У тебя нет выбора. Это твой сын. Борьба слишком долго проходила вдали от твоего главного противника. Ты должен уничтожить само змеиное гнездо, их руководящий центр. Ты должен отправиться в Нова-Годой.

Пендергаст опустил глаза на бумаги, лежащие на столе, и судорожно вздохнул.

— Вспомни, как было с моим собственным ребенком, — добавила Констанс. — Когда мы поняли, какая опасность ему угрожает, то начали действовать решительно и без колебаний. Пусть даже меня потом обвинили в детоубийстве. Так же ты должен сражаться и теперь — с решительностью и… жестокостью.

Он удивленно поднял брови.

— Да, жестокостью. Ошеломляющей и безграничной жестокостью. Иногда это становится единственно правильным решением. Я лишь недавно поняла это…

Ее голос растворился в тишине, нарушаемой лишь тиканьем старинных часов.

— Прошу прощения, — произнес Пендергаст низким голосом. — Я был слишком погружен в свои проблемы и забыл спросить о твоем ребенке. Тебе уже должны были что-то о нем сообщить.

— Я получила известие пять дней назад. Он наконец добрался до Индии и находится вдалеке от Тибета, в горах возле Дармсалы[77]. Он в безопасности.

— Это хорошо, — пробормотал Пендергаст и снова погрузился в молчание.

Но как только он начал подниматься со стула, Констанс заговорила опять:

— Есть еще одна важная деталь. — Она повела рукой в сторону фотографий и документов на столе. — Я чувствую в этом Альбане что-то необычное. Что-то особенное в том, как он воспринимает действительность.

— И что же?

— Я не уверена. Он каким-то образом видит… знает больше, чем способны мы.

Пендергаст нахмурился:

— Не уверен, что понимаю, о чем ты говоришь.

— Я и сама не очень хорошо понимаю. Но я чувствую в нем особую силу, способность, которая у нормальных людей не развита или вовсе отсутствует.

— Способность? Что-то наподобие шестого чувства? Ясновидение или экстрасенсорное восприятие?

— Нет, что-то не настолько банальное. Более тонкое и, возможно, более сильное.

Пендергаст на мгновение задумался:

— Мне передали кое-какие старые документы, добытые из нацистской конспиративной квартиры в Нью-Йорке. Они принадлежали семье Эстерхази, и там говорилось о каком-то… «Kopenhagener Fenster».

— «Копенгагенское окно», — перевела Констанс.

— Да, оно неоднократно упоминается в документах, но нигде не сказано, что это такое. Похоже, оно имеет отношение к генетическим экспериментам или квантовой механике, а возможно, и к тому и к другому. Ясно только, что занимавшиеся «Копенгагенским окном» ученые предполагали, что оно откроет новые возможности для будущей расы господ. Не исключено, что это и есть та сила, о которой ты говоришь.

Констанс не ответила. Пендергаст молча сжимал и разжимал пальцы.

— Я последую твоему совету. — Он посмотрел на часы. — К

обеду я уже буду в Бразилии. И покончу с этим, так или иначе.

— Будь осторожен. И помни мой совет: иногда жестокость — единственное правильное решение.

Он наклонил голову в знак согласия, затем снова поднял на Констанс сверкающие серебристые глаза:

— Ты должна знать: если я не смогу привезти Тристрама домой живым и здоровым, то и сам не вернусь. И тебе придется рассчитывать только на себя.

Особое, почти пророческое выражение исчезло с ее лица, сменившись слабым румянцем. Они долго молча смотрели друг на друга, затем Констанс подняла руку и нежно коснулась щеки Пендергаста.

— Тогда я должна попрощаться с тобой.

Пендергаст бережно сжал ее руку и поднялся, собираясь уходить.

— Постой, — прошептала Констанс.

Пендергаст сел на место. Румянец на ее лице стал гуще, она опустила глаза.

— Мой дорогой защитник, — произнесла она так тихо, что сама едва расслышала. — Я надеюсь… надеюсь, что ты обретешь мир в душе.

48

Кори остановилась неподалеку от офиса. Было три часа ночи, темной как смертный грех. Девять градусов ниже нуля. Мерзкие огни натриевых ламп осыпали болезненно-желтым светом ряды автомобилей, сверкая на обледеневших лобовых стеклах. Кори не дали ключей от офиса, но ей удалось утащить ключи Миллера, когда тот в очередном припадке ярости зашвырнул их в угол. А потом долго искал, проклиная все на свете, пиная мусорные корзины и показывая во всей красе свой дрянной нрав.

Кори основательно изучила махинации, которыми так гордились продавцы. Оказалось, что это довольно известный трюк, называющийся кредитным мошенничеством. Миллер был прав, когда говорил, что так работают во многих дилерских фирмах и на них почти никогда не подают в суд. Чем больше Кори размышляла, тем тверже убеждалась, что если кому-то и грозили неприятности, то лишь владельцам фирмы, а не продавцам. То есть Рикко-старшему и младшему. Если бы ее отец выполнил свою угрозу и сообщил обо всем прокурору, они пострадали бы в первую очередь.

Кори решила сосредоточиться на доказательствах вины семейки Рикко.

Держась подальше от вызывающе ярких огней, она обогнула здание и вышла на задний двор, где располагались мастерские по обслуживанию и ремонту автомобилей. Там тоже горело несколько ламп, но с дороги ее уже не было видно. Дальше тянулись только бесконечные поля с рядами высохшей мерзлой стерни.

Она пробежала освещенный участок и остановилась возле задней стены здания. Надела латексные перчатки и осмотрелась. Площадка была пуста, ни ночного сторожа, ни охранников.

По крайней мере, Кори никого не увидела.

Она подкралась к боковому входу в демонстрационный зал. Перебрала связку ключей в поисках нужного и вставила его в замочную скважину.

Теперь главное — отключить сигнализацию.

Еще днем она осмотрела это место и заметила рядом с дверью

пульт тревожной сигнализации. Потом несколько раз «случайно» нажимала на красную кнопку тревоги, вынуждая Миллера под завывание сирены мчаться через весь зал и отключать сигнал. А сама внимательно наблюдала, как он это делает. И теперь, едва индикатор замигал красным и на мониторе начался обратный отсчет, она тут же нажала клавишу отмены. Цвет индикатора мгновенно сменился на зеленый.

Зеркальные окна демонстрационного зала пропускали внутрь свет с площадки — слишком много света. Стараясь держаться в тени, Кори добралась до кабинетов обоих Рикко, разделенных приемной.

Дверь даже не была заперта.

Кори проскользнула внутрь и направилась в кабинет Рикко-старшего. Вдоль дальней стенки располагался ряд шкафов из ДСП для хранения документов. Кори достала принесенную с собой небольшую монтировку вставила ее в щель верхнего ящика и слегка надавила. Ящик легко открылся под скрип и треск дешевого металлического замка.

Внутри лежало множество документов — сотни, как показалось Кори. И это всего лишь один ящик из двадцати. Она неожиданно поняла, что толком не знает, какую информацию собирается искать. Доказательства кредитного мошенничества? Она их уже собрала. Наверное, нужно сначала найти личное дело отца. Но и остальные документы тоже стоит бегло просмотреть, вдруг найдется что-то интересное.

В первом ящике были собраны только договоры о продаже. Кори открыла следующий, потом еще один. Господи, сколько же тут разных бумаг!

Через полчаса она наконец добралась до личных дел.

Они хранились в отдельном, ничем не отличающемся от прочих ящике. И больше никаких документов там не было. Быстро пролистав документы, Кори нашла дело Джека Свенсона.

Она ненадолго задумалась. Даже если все решат, что это было простое ограбление, все равно нельзя забрать только один документ — это сразу покажется подозрительным. Нет, нужно взять все дела и прихватить что-нибудь еще. Чтобы никто не смог определить, какие именно документы были нужны похитителю.

Кори положила дело отца в сумку и начала наугад вытаскивать другие бумаги, как вдруг услышала шум. Тихий стук закрывающейся двери. Его трудно с чем-либо перепутать.

Девушка застыла на месте. Ни в этом кабинете, ни в соседнем не было черного хода, выбраться отсюда незамеченной невозможно. Единственный выход вел в демонстрационный зал, ярко освещенный огнями с торговой площадки. Через мгновение послышался стук другой закрываемой двери и звук шагов по полированному граниту зала.

Кори осторожно закрыла все ящики стола, надеясь, что повреждения не будут сразу бросаться в глаза, спрятала монтировку в сумку и отступила вглубь кабинета. Куда теперь?

В туалет?

Протиснувшись в приоткрытую дверь, она задвинула защелку, зашла в кабинку и заперлась в ней. Затем взобралась на унитаз.

Снаружи было тихо. Кто бы ни бродил в демонстрационном зале, он, вероятно, не собирался заходить в кабинет Рикко. А если даже и зайдет, то ведь не для того, чтобы посетить туалет. А вдруг? Она запоздало сообразила, что не надо было запираться. Это может показаться странным. Особенно в том случае, если человек дернет ручку и поймет, что дверь закрыта изнутри. Нужно было оставить ее как есть.

Кори покрылась холодным потом. Ну и глупость она совершила! У нее уже был печальный опыт кражи со взломом — и вот опять. Что с ней творится? Может быть, в глубине души она всегда была грабителем? Зачем ей нужен такой сумасшедший риск?

Звук шагов приблизился к двери кабинета. Человек открыл дверь и вошел внутрь. Дальше он мягко ступал по роскошному ковру. Кори напрягла слух, чтобы хоть что-то уловить, и вздрогнула, услышав неожиданно громкий скрип. Человек выдвинул один из вскрытых Кори ящиков. И с шумом задвинул его обратно. Затем быстро прошел через кабинет.

Через мгновение заскрежетала дверь в туалет. После небольшой паузы последовала вторая попытка. Было слышно, как человек наваливается на дверь всем телом.

Кто это может быть? Рикко? Конечно он, больше некому. Все

пропало.

И тут раздался треск. Человек попытался вломиться с разбега. Треск повторился, дверь поддалась, и в темную туалетную комнату хлынул яркий свет.

На мгновение снова наступила тишина. Кори боялась даже дышать. Зато сердце стучало в груди, словно камень, перекатывающийся внутри консервной банки.

Торопливые шаги приблизились к кабинке, и дверца распахнулась с такой силой, что хлипкая защелка отлетела в сторону.

— Вы?

Перед Кори стоял Чарли Фут с бледным, вспотевшим лицом. Почти такой же испуганный, как и она сама.

— Я сейчас все объясню, — растерянно залепетала Кори.

Фут шумно выдохнул и протянул ей руку.

— Пожалуйста… спуститесь с унитаза. Ужасно нелепая картина.

Кори спрыгнула. Он молча развернулся и вышел из туалета, она потащилась за ним. Мысленно она уже видела, что произойдет дальше: приедет полиция и арестует ее. Потом выяснится, чья она дочь, и в результате арестуют еще и отца. Их обоих посадят в тюрьму, возможно на длительный срок. На этом закончится ее карьера, ее надежды снова поработать с Пендергастом… фактически закончится вся жизнь, которую она только-только начала вытаскивать из навозной кучи.

Перспектива выглядела настолько ужасной, что Кори остановилась, не в силах больше сделать ни шага.

Фут ухватил ее за руку.

— Успокойтесь, — тихо проговорил он. — И давайте выйдем в холл, там нас не будет видно с улицы.

Кори плюхнулась на первый же стул, до которого добралась. Фут уселся напротив, сложив руки на коленях и уставившись на нее.

— Прошу вас, — начала она, готовая пообещать что угодно, лишь бы выкарабкаться из этого кошмара.

Но Фут покачал головой и слегка сжал ее руку.

— Послушайте меня, Кори, — сказал он. — Я прекрасно понимаю, что здесь происходило.

Она удивленно взглянула на него.

— Вы ведь дочь Джека Свенсона, верно?

Кори не ответила. Все оказалось еще хуже, чем она думала.

— Успокойтесь, — продолжил он. — Просто успокойтесь. Я не стану доносить на вас. У меня и раньше были подозрения — то, как вы ко всему присматривались, задавали вопросы. А теперь пробрались в кабинет Рикко. Вы хотите помочь своему отцу?

Кори промолчала.

— Вы не очень похожи на него, только в голосе слышны его интонации. Кори, мне нравился ваш отец. Мы были друзьями. Я не занимался — и не занимаюсь — мошенничеством, как все вокруг. И ваш отец тоже не делал этого. Возможно, его подставили. — Он перевел дыхание. — Вы ведь так и думаете? Поэтому вы здесь?

Кори с сомнением посмотрела на него. Фут действительно был воспитанным, спокойным человеком, редко участвовал в дурацких розыгрышах, которые остальные продавцы регулярно устраивали для нее. И она точно знала, что ему не нравится система кредитного мошенничества. Но она не решалась что-то сказать, подтвердить или опровергнуть его подозрения.

— Да, — кивнул сам себе Фут. — Именно так вы и думаете: его подставили. И забрались сюда, чтобы найти доказательства.

Кори удивилась его проницательности.

Фут протянул руку к ее сумке и открыл клапан.

— Вот оно. Личное дело Джека Свенсона. Значит, я был прав. — Он слабо улыбнулся. — Знаете что, мы с вами можем стать союзниками. Будем работать вместе. Я помогу вам, а заодно и вычищу этот скотный двор.

— И вы не выдадите меня?

Он рассмеялся и покачал головой:

— Ни в коем случае. Но нам нужно поскорей выйти отсюда, пока не приехал Рикко-старший. Старый скунс иногда заявляется к пяти утра, чтобы спокойно поработать с документами.

Фут протянул ей руку и помог подняться. Кори едва не расплакалась от облегчения. Ноги все еще плохо слушались, и пришлось ухватиться за Фута.

— Я знаю одну закусочную, работающую по ночам, где мы можем выпить по чашечке кофе и позавтракать… А еще вы можете рассказать мне о своем отце и почему вы решили, что его подставили.

Он сделал приглашающий жест в сторону заднего выхода.

49

Одного взгляда на закусочную Кори хватило, чтобы спросить себя, не угодила ли она случайно в провал во времени. Ни один голливудский ретро-фильм не смог бы добиться такого эффекта. Это было подлинное прошлое: сломанные музыкальные автоматы в каждом углу, пузырящийся линолеум на полу пластиковые столики, украшенные персиковыми и бирюзовыми треугольниками, засиженное мухами меню и официантки — крашеные блондинки, передающие утренние заказы поварам на кухню.

Зато кофе здесь заваривали крепкий.

Кори зашла в дамскую комнату, достала из кармана и выбросила скомканные латексные перчатки, в которых пробиралась в офис. Что скажет Рикко-старший, когда обнаружит, что у него похитили документы? В крайнем случае можно взять выходной, чтобы не выслушивать его гневные тирады. Она вернулась в зал и допила свой кофе. Тем временем Фут заговорил, с каждой минутой все больше раздражаясь:

— Меня просто бесит, что эти парни не умеют и не хотят честно зарабатывать деньги. Я лучше всех в фирме продаю машины, а знаете почему? Потому что клиенты чувствуют, что я не жулик. Мне не нужно обсчитывать покупателя на десять центов, чтобы заработать приличные деньги.

— Я уверена, что они подставили моего отца.

— Чем больше я об этом думаю, тем отчетливее понимаю, что вы, скорее всего, правы. Джек — отличный парень. Не очень ловкий продавец, зато честный. Трудно представить, что он способен ограбить банк.

Кори предпочла вернуться к прежней теме:

— Как же тогда вы зарабатываете, если клиент не желает приплачивать сверх счета больше двухсот долларов?

Фут отпил пару глотков кофе:

— Есть множество способов честно заработать на продаже автомобиля. Возьмем, к примеру, машину ценой в семьдесят тысяч. Прежде всего, вы как продавец имеете право на трехпроцентную

дилерскую скидку. Она не снижает цену автомобиля, только увеличивает ваш доход — и это уже две тысячи сто долларов. Кроме того, вы получаете процент от продажи — это еще тысяча или две. И какой-то процент вы еще заработаете при честном кредитовании. Так что нет никакой необходимости поднимать ставку.

Он с хрустом надкусил свой тост и старательно заработал челюстями.

— Как бы там ни было, — продолжил он, отпив еще кофе, — кредитное мошенничество — это не единственная афера, которой они занимаются. Иногда, если клиент очень стар или неопытен, они оформляют сделку на одну машину, а когда покупатель возвращается, чтобы ее забрать, подделывают документы и подсовывают ему другую. Похожую на первую, но стоящую намного дешевле. Несколько раз я видел, как эти ребята, отремонтировав поврежденный на тест-драйве автомобиль, продавали его как новый. И семейка Рикко поощряет такое жульничество. Не то чтобы в открытую — они все-таки не настолько глупы, — просто, как говорится, смотрят на это сквозь пальцы.

Фут подозвал официантку и заказал себе вторую порцию яичницы. У него был зверский аппетит.

— Вы готовы поручиться, что ваш отец не грабил банк? — спросил он, с сомнением посмотрев на Кори.

— Да, готова, — вспыхнула она. — Черт побери, он просто не мог это сделать!

— Хорошо-хорошо, я вам верю.

— Может быть, нам удастся заманить их в ловушку, — предположила Кори, немного помолчав.

— Я уже думал об этом. — Фут допил кофе, снова подозвал официантку и показал на пустую чашку. — Знаете, возможно, у нас получится не только восстановить честное имя вашего отца, но и поймать на махинациях всю эту гнилую контору.

— Каким образом?

Фут задумался:

— Мы приводим фиктивного покупателя. Со спрятанным микрофоном. Затем устраиваем так, чтобы клиентом занялся сам

Рикко. Тогда мы получим доказательства, и полиция сможет начать расследование. Если у нас все получится, они с большим доверием отнесутся к вашим словам о невиновности отца.

Кори припомнила учебу в колледже Джона Джея.

— Микрофон? По-моему, без санкции прокурора этого делать нельзя. Полицейские даже не смогут использовать запись.

— А что у вашего отца с алиби? Где он был в тот момент, когда ограбили банк?

Кори покраснела:

— Я не спрашивала его об этом. Мне казалось, что это… неправильно.

— Наверное, он считает, что у него слабое алиби. Иначе бы не пустился в бега. Но возможно, он ошибается. Если Джек пользовался сотовым телефоном, то будет несложно определить, где он находился. Может быть, кто-то видел его или его автомобиль. А еще он мог расплачиваться кредитной картой в момент ограбления. Или сидел дома за компьютером и заходил в Интернет. В наше время существует миллион способов определить местоположение человека. Не исключено, что Джек имеет железное алиби, но даже не подозревает об этом.

Кори задумалась. В словах Фута был здравый смысл.

— Можно как-нибудь связаться с вашим отцом? — спросил он.

— Нет. Мне придется самой зайти к нему.

— У меня есть автомобиль. Мы могли бы поехать вместе.

Кори посмотрела на Фута. Он казался серьезным, надежным человеком. Но даже ему она не собиралась показывать убежище отца.

— Спасибо, но это как-то неудобно. Я возьму завтра отгул и поеду навестить его. А потом позвоню вам.

— Отлично. А я тем временем поговорю со своим другом, который, я уверен, не откажется прицепить микрофон и поймать за руку этих ублюдков. Он профессиональный актер, да и просто любит такие истории. Это я беру на себя. Возможно, вы правы и полицейские не смогут использовать запись, но она, безусловно, их заинтересует. Если прокурор услышит этот разговор, он обязательно

даст санкцию.

— Спасибо.

— Послушайте, мне нравится Джек. Я хотел бы помочь ему. Но я вовсе не рыцарь в сверкающих доспехах. Избавившись от мошенников, я получу много новых клиентов или даже смогу открыть собственное дело. — Он улыбнулся. — Но вы должны выяснить, где находился ваш отец в момент преступления, и рассказать мне. Клянусь вам, что какой-нибудь способ доказать его невиновность обязательно найдется.

50

Пенелопа Ваксман с надменным видом сидела на неудобном стуле с прямой спинкой в просторной приемной отделения военной полиции бразильского городка Альсдорф. В открытые окна поддувал приятый ветерок, на покрашенной желтой краской стене висел портрет президента, а рядом — распятие, как это часто бывает в здешних муниципальных учреждениях. Невысокая деревянная перегородка с калиткой отделяла места для посетителей от рабочего помещения, где служащие деловито заполняли бумаги или стучали по клавиатуре компьютера. Иногда какой-нибудь полицейский в синей рубашке и красном берете проходил через комнату и скрывался за дверью.

Госпожа Ваксман вздохнула и беспокойно заерзала на стуле. Ее муж занимался поставками текстиля, и она уже два года жила в столице Бразилии, в прекрасной квартире с двумя спальнями, но так и не привыкла к неторопливости, с какой здесь ведутся дела. Она прождала полчаса, но все еще не смогла подать заявление. Единственная возможность ускорить процесс — помахать перед носом у чиновника крупной купюрой, но госпожа Ваксман слишком себя уважала, чтобы опускаться до подобных трюков. Она посмотрела на часы: было уже около трех. Чем, спрашивается, они там занимаются столько времени? Кроме нее, в приемной был только один посетитель, но очень шумный.

Конечно же, ее муж совершил оплошность. Он услышал о городе Блуменау в южном штате Сайта-Катарина — почти полной копии баварского города с таким же названием — и вытащил ее туда из столицы отдохнуть на выходные. Следует признать, что Блуменау действительно замечательный город. Он и в самом деле удивительно похож на немецкий городок, каким-то чудом занесенный во влажные леса и горы Бразилии: пивные и магазины, украшенные яркими вывесками, темное дерево и белая штукатурка домов в готическом стиле, массивные черепичные крыши почти такой же высоты, как и сами фасады, с двумя, а то и тремя рядами чердачных окон. Большинство жителей здесь были светловолосыми, голубоглазыми и розовощекими. И говорили они чаще на немецком языке, чем на португальском. Господин Ваксман, гордившийся своими германскими корнями, был очарован.

А дальше начались проблемы. Муж не позаботился заранее зарезервировать гостиничный номер, и они оказались в городе в разгар большого фольклорного фестиваля. Все места в отелях были разобраны, так что Ваксманам пришлось поселиться в близлежащем Альсдорфе — уменьшенной и упрощенной копии Блуменау, пытающейся извлечь свой гешефт за счет привлекательного соседа, но, как выяснилось, без особого успеха. Его обитатели были беднее и внешне больше походили на туземцев, чем на европейцев. И уровень преступности здесь тоже оказался намного выше. Тем же утром у Ваксманов прямо из гостиничного номера украли дорожные чеки. Подумать только, украли чеки! И теперь муж отправился в Блуменау, чтобы попытаться получить новые, а она сама сидит в полицейском участке Альсдорфа, дожидаясь своей очереди, чтобы подать заявление о краже.

Ее мысли прервал — в который уже раз — сидящий в приемной мужчина. Он опять начал перечислять свои горести несчастной женщине-секретарю, работающей за ближайшим столом. Госпожа Ваксман искоса неодобрительно посмотрела на него. Он был одет в яркую и безвкусную гавайку, белые полотняные брюки, бесформенные и помятые, и широкополую соломенную шляпу, которая смотрелась бы более уместно на голове какого-нибудь шулера из тех, что обыгрывают в карты случайных попутчиков на речных теплоходах. Судя по бледному, даже несколько нездоровому цвету лица, он тоже был туристом — короче говоря, типичный отвратительный янки, нарочито громко болтающий по-английски и полагающий, что все вокруг должны заискивать перед ним и с радостью исполнять любое его пожелание. А сейчас он надоедал этой женщине, отвечающей ему на хорошем английском.

— Ну сколько же можно ждать! — заявил он визгливым, раздраженным голосом. — Неужели нельзя быстрее?

— Как только кто-то из сотрудников отдела освободится, он тут же примет вас, — ответила секретарь. — Если бы у вас был при себе паспорт, сэр, было бы гораздо проще…

— Я ведь уже объяснил вам. Мой паспорт украли. Вместе с бумажником, со всеми деньгами, кредитными картами и всем остальным, что было у меня в кармане. — Он впал в состояние какой-то вялой и апатичной, но по-прежнему шумной задумчивости. — Бог мой, это прямо что-то из Кафки. Вероятно, я никогда не выберусь

отсюда. Я состарюсь и умру в этом участке, как жертва чудовищной бюрократии.

— Весьма сожалею, сэр, — сказала женщина с поистине ангельским терпением, — но все сотрудники сейчас заняты. Сегодня очень напряженный день.

— Еще бы не напряженный! — воскликнул мужчина. — Держу пари, что мелкое воровство — основное занятие жителей Альсдорфа. Не нужно мне было уезжать из Рио.

Из дальней комнаты вышел офицер военной полиции и зашагал через приемную. Турист вскочил со стула:

— Эй! Послушайте, эй!

Полицейский не обратил на него никакого внимания и исчез за входной дверью. Американец вернулся к секретарю:

— Он что, глухой?

— Он просто отправился на вызов, сэр, — объяснила она.

— Разумеется. Вероятно, еще одна карманная кража. Наверняка тот парень, что выудил у меня бумажник, ограбил еще какого-нибудь американца.

— Нет, это не карманная кража.

— А что же тогда? Что такого важного могло случиться, чтобы меня в упор не замечали? Мне бы очень хотелось это узнать.

Женщина за столом не ответила. «И правильно сделала, — решила госпожа Ваксман. — Этому скандалисту не помешало бы одолжить у нее хоть немножко ума».

Турист уставился на входную дверь, пытаясь определить, в какую сторону направился полицейский.

— Может, я еще смогу его догнать, — сказал он скорее себе самому, чем кому-либо еще. — Я остановлю его и объясню свои проблемы. Он не может не помочь мне.

Секретарь покачала головой:

— Он слишком занят.

— Чем? Пьет кофе и ест пончики?

Женщина наконец вышла из себя и ответила жестче:

— Расследует убийства.

Госпожа Ваксман едва не подпрыгнула от удивления.

— Убийства? — повторил скандальный турист. — Что за убийства?

Но секретарь и так сказала больше, чем собиралась. Она лишь снова молча покачала головой.

Турист откинулся на спинку стула и закатил глаза:

— Несомненно, какая-нибудь драка в баре. А я, оставшись в чужой стране без документов, вынужден торчать здесь и ждать неизвестно чего. Боже мой. — Он озадаченно посмотрел на секретаря. — Вы сказали «убийства»? Не одно, а несколько?

Женщина кивнула.

— Разгуливающий на свободе серийный убийца или что-то в этом роде?

Секретарь опять промолчала, лишь крепче сжав губы. Внезапно пропажа дорожных чеков показалась госпоже Ваксман не такой уж и важной проблемой. Убийства? Может быть, лучше забыть об этом заявлении, разыскать мужа и поскорей вернуться в столицу?

Пока она обдумывала эту мысль, скандального американца, видимо, тоже осенила какая-то идея. Он вскочил, выудил из кармана бесформенных льняных брюк несколько скомканных банкнот и перегнулся через барьер к секретарю.

— Вот, — произнес он театральным шепотом, который был прекрасно слышен госпоже Ваксман. — Карманник до них не добрался. Передайте двадцать реалов тому сотруднику, который должен заняться моим делом. Возможно, они смажут колесо правосудия.

Все находящиеся в зале сотрудники дружно обернулись.

— Я не могу это сделать, сэр, — сказала женщина, нахмурив брови.

— Этого мало, да? Хорошо, давайте продолжим игру. — Мужчина вынул из кармана еще несколько купюр. — Дайте ему пятьдесят реалов.

Женщина решительно затрясла головой:

— Мы не берем взятки.

— Не берете взятки? Кого вы пытаетесь обмануть? Это ведь Бразилия, верно? Я не вчера родился, леди.

— Полиция Альсдорфа не берет взятки, сэр, — повторила женщина твердым, официальным тоном, но не без гордости. — Полковник категорически запретил это.

— Полковник? — скептически переспросил турист. — Что еще за полковник?

— Полковник Соуза.

— Я вам не верю, — заявил турист. — Вы просто хотите получить больше! Чтобы хватило не только ему, но и вам. — Он ухмыльнулся. — Правильно, о себе нельзя забывать.

— Уберите ваши деньги, сэр. — Терпение секретаря в конце концов лопнуло. — Послушайте, я могу провести вас в служебное помещение, но лишь при одном условии: если вы будете сидеть тихо и ждать, пока вас не вызовут.

Турист подозрительно посмотрел на нее:

— И тогда меня вызовут быстрее?

— Возможно.

Американец пожал плечами:

— Хорошо. Проводите меня.

Он поднялся, и женщина провела его через турникет мимо столов с работающими сотрудниками к отрытой двери у дальней стены. В приемной установилась долгожданная тишина. Госпожа Ваксман тоже встала со стула и, даже не пытаясь с кем-нибудь переговорить, вышла на улицу, чтобы поймать такси, разыскать мужа и как можно скорее уехать из Альсдорфа.

Турист в цветастой гавайке и полотняных брюках занял стул, на который указала секретарь. Как только ее шаги удалились, он проскользнул в дверь и аккуратно закрыл ее за собой. Затем осмотрел кабинет. Здесь стоял лишь один стол, окруженный четырьмя стульями. Вдоль стены тянулись шкафы для хранения документов. Турист оценил их протяженность и слабо улыбнулся.

Несколько убийств. Начальник полиции, не берущий взятки. Это

выглядело многообещающе.

— Превосходно, — произнес мужчина с приятным южным акцентом, заметно отличающимся от того, как он разговаривал в приемной. — Просто великолепно.

51

В самом центре Блуменау, в парке «Вила Германика», празднично украшенном в духе немецкой деревни, туристов поджидало огромное количество пивных, таверн и кабачков под открытым небом. Подвыпившие посетители веселились вовсю. Между столами, удерживая в одной руке по несколько литровых кружек, сновали официантки в аляповатых псевдонациональных немецких костюмах. Но имелась здесь и парочка тихих заведений, посещаемых в основном местными жителями, с подлинной баварской архитектурой и интерьером, уютной тишиной и полумраком, без того разухабистого веселья, какое шло у соседей.

Именно таким местом и был «Хофгартен». Помещение с низкими потолочными балками, тянущимися над самыми головами посетителей. На стенах в рамках висели фотографии старинных германских замков, меню было выведено мелом на грифельной доске. Каждый клиент, заказавший обед, бесплатно получал огромный баварский брецель[78]. Вместительная барная стойка располагалась в центре зала, но многие предпочитали удобные отдельные кабинки, расставленные вдоль стен таверны.

В одной из таких кабинок читал газету низкорослый, похожий на бочонок человек с сильными руками и слишком маленькой для грузного тела головой. Лицо его было гладко выбрито, волосы зачесаны назад и набриолинены. Он скорее походил на бразильца, чем на немца, несмотря на правильные черты лица, высокие скулы и орлиный нос. Мужчина попивал пиво из глиняной кружки и курил короткую тонкую сигару.

Краем глаза он заметил, как кто-то проскользнул в его кабинку, но так быстро и ловко, что, когда курильщик поднял голову от газеты, незнакомец уже удобно устроился напротив него.

— Boa tarde[79], — произнес незнакомец.

Человек с сигарой не ответил. Он лишь без особого любопытства посмотрел на гостя.

— Мы можем поговорить по-английски? — продолжил незнакомец. — Мой португальский, увы, вряд ли пригоден для непринужденной беседы.

Курильщик стряхнул пепел с сигареты, затем пожал плечами, словно сомневаясь, состоится ли на самом деле этот разговор.

— Меня зовут Пендергаст, — сообщил незнакомец. — И у меня к вам предложение.

Мужчина с сигарой откашлялся.

— Если бы вы знали, кто я такой, — сказал он, — то не стали бы обращаться ко мне с предложениями.

— Но я знаю, кто вы такой. Полковник Соуза, начальник военной полиции Альсдорфа.

Полковник лишь молча затянулся сигарой.

— Я знаю не только ваше имя, но и кое-что о вас самом. Когда-то вы командовали Batalhão de Operações Policiais Especiais[80] — элитным подразделением бразильской военной полиции. BOPE уважают и боятся везде, где бы он ни появился. Но вы оставили эту должность — добровольно, не так ли? — чтобы стать начальником военной полиции Альсдорфа. И меня очень заинтересовал этот ваш шаг. Не хочу сказать ничего плохого про Альсдорф — по-своему очаровательный городок. Но это больше похоже на ссылку, чем на продвижение вверх по служебной лестнице. У вас, вероятно, был выбор — перейти, к примеру, в гражданскую полицию или в федеральную. Но вместо этого…

Пендергаст сделал широкий жест рукой, указывая на интерьер «Хофгартена».

— Вы хорошо изучили мою биографию, — ответил полковник Соуза. — Но хочу вам заметить, сеньор, что это не самый разумный способ вести со мной дела.

— Мой дорогой полковник, я просто подготавливаю почву для своего предложения. Не беспокойтесь, речь пойдет не о бизнесе, дело касается вашей прямой специальности.

Полковник встретил эти слова молчанием. Пендергаст позволил паузе продлиться еще немного.

— У вас есть одно почти уникальное в этой части света достоинство. Вы не замечены в коррупции. Мало того что вы сами не берете взяток, так еще и активно препятствуете подкупу своих подчиненных. Возможно, в этом и заключается одна из причин

вашего перехода в полицию Альсдорфа. Я угадал?

Полковник вынул изо рта сигару и затушил ее в пепельнице.

— Мне кажется, вы слишком задержались в этом городе, мой друг. Думаю, вам лучше уехать отсюда самостоятельно, не дожидаясь, пока вам помогут мои люди.

В ответ Пендергаст достал из кармана пиджака жетон ФБР и положил на стол перед полковником. Тот внимательно его рассмотрел и снова перевел взгляд на Пендергаста.

— Вы заходите за пределы зоны своих полномочий, — заметил он.

— Да, и боюсь, что очень далеко.

— Так что же вам нужно?

— Я хочу предложить вам сотрудничество и обещаю, что при удачном исходе оно принесет пользу нам обоим.

Полковник чуть расслабился и прикурил новую сигару:

— Слушаю вас.

— У вас свои проблемы. У меня — свои. Давайте сначала поговорим о ваших. За последние несколько месяцев в Альсдорфе произошла серия нераскрытых убийств. Очень неприятных убийств, судя по тому, что вы скрываете информацию о них от общественности.

Стараясь не выказать удивления, полковник Соуза вытащил изо рта сигару, осмотрел ее и заменил на другую.

— О да, я воспользовался вашими личными файлами, — признался Пендергаст. — Как я уже говорил, мой португальский далек от совершенства, но и этого хватило, чтобы в общих чертах представить ситуацию. По меньшей мере восемь убийств, совершенных в Альсдорфе и его окрестностях за последние полгода, и никаких сообщений о них в местной прессе.

Полковник облизал губы:

— Туризм — основа нашего благосостояния. Эта информация… плохо отразилась бы на туристическом бизнесе.

— Особенно в том случае, если бы в прессу просочились

подробности. Часть убийств совершена с особой, пугающей жестокостью. В других случаях убийца действовал второпях — как правило, просто перерезал ножом яремную вену. Я видел фотографии.

Полковник нахмурился, но ничего не сказал.

— И есть еще один момент, который мне самому не очень понятен. Насколько я могу судить, гражданская полиция мало что предпринимает для раскрытия этих убийств.

Взгляд полковника сделался еще более угрюмым:

— Они и не собираются ничего предпринимать. Альсдорф — бедный город. Мы их не интересуем. Все жертвы были campones. Крестьяне. Поденные рабочие. Бродяги.

Пендергаст кивнул:

— Значит, разбираться с этим делом предоставили военной полиции — на основе скудных сведений и улик — и при этом держать все в тайне от туристов и горожан. Проблема, как я и говорил.

Подошла официантка, заменила пустую кружку полковника на полную и спросила у Пендергаста, что он будет заказывать.

— Мне, пожалуйста, то же самое, что и полковнику, — ответил он по-португальски и снова перешел на английский язык: — Позвольте задать вам вопрос. Когда по ночам вы не можете заснуть, думая об этом деле и пытаясь понять, кто же такой этот убийца, куда ведут вас ваши мысли?

Полковник отхлебнул пива и не ответил.

— Мне кажется, я знаю. Они ведут вас вверх по реке в бескрайние джунгли. К месту, которое называется Нова-Годой.

В первый раз за все время разговора на лице полковника появилось по-настоящему удивленное выражение.

Пендергаст кивнул:

— Об этом месте ходит множество слухов, не правда ли? Оно уже полстолетия пользуется дурной славой. Что там происходит, какие люди там живут и что они делают — можно сказать, что об этом шепчется между собой все население Альсдорфа. Слухи о

любознательных людях, отправившихся вверх по реке к Нова-Годой… и не вернувшихся обратно.

Официантка принесла пиво для Пендергаста. Он посмотрел на кружку, но даже не прикоснулся к ней.

— Мне еще кое-что известно о вас, полковник. Вы действительно заботитесь об Альсдорфе. Вы всей душой болеете за него. И то, что гражданской полиции нет никакого дела до этих убийств, для вас все равно что кость в горле. Но вы — настоящий солдат. Вы были командиром BOPE. Если вы четко увидите цель, вас не остановят никакие бюрократические препоны. Если бы вы точно знали, что происходит в Нова-Годой, были бы уверены, что убийства — дело рук тамошних жителей, думаю, вы тут же приступили бы к решительным действиям.

Полковник Соуза смотрел на Пендергаста долгим, пристальным, подозрительным взглядом. Потом чуть заметно кивнул.

— Что вы знаете о Нова-Годой? — спросил Пендергаст.

Полковник положил окурок в пепельницу и надолго присосался к глиняной кружке.

— Говорят, что несколько столетий назад монахи-францисканцы основали миссию высоко в горах.

— И что дальше?

— Добрых отцов убили индейцы, — неохотно продолжил полковник. — И тогда миссия превратилась в военный лагерь для португальских солдат, которые в конце концов справились с дикарями. Там устроили плантацию, просуществовавшую до тридцатых годов прошлого века. А после войны там обосновались немецкие беженцы, как и во многих других районах Бразилии.

— Опишите это место.

— Оно находится довольно далеко, и туда почти невозможно добраться, разве что по реке. Немецкое поселение располагается на берегу вулканического горного озера. Посреди озера есть остров, где когда-то и была построена миссия, а после — старинный форт. — Полковник пожал плечами. — Местные жители предоставлены сами себе. Они используют Альсдорф как ворота в большой мир, через которые поступают новости и различные товары, но сами ни с кем не общаются, даже с соотечественниками. — Он на секунду

задумался. — Они стараются не привлекать к себе внимание. Больше мне нечего вам рассказать.

Пендергаст задумчиво кивнул:

— Это будет опасное предприятие, практически военная операция. Гражданская полиция, разумеется, ничего не должна о ней знать — ее выполнят ваши люди из военной полиции. И никаких официальных документов. Цель, несомненно, хорошо защищена и тщательно охраняется, потребуется сто человек, а лучше даже больше. Но ничего не предпринимайте без результатов разведки, которой займусь я. Полагаю, если наша операция пройдет успешно, Альсдорф навсегда избавится от повисшего над ним проклятия.

— Вы считаете, что в этих убийствах виновны люди из Нова-Годой? — спросил полковник.

— Я уверен в этом.

— И у вас есть доказательства?

Пендергаст вынул из внутреннего кармана спортивной куртки несколько фотографий с мест преступлений в Нью-Йорке и одну за другой выложил перед полковником. Тот в полной тишине просмотрел их.

— Да, это похоже на наши убийства, — заключил он.

— Фотографии сделаны в Нью-Йорке. Я проследил путь убийцы до Нова-Годой.

— Но при чем здесь Нью-Йорк?

— Это очень длинная история, и я обещаю потом рассказать ее вам. А сейчас нужно заняться делом. Вам достаточно этих доказательств?

— Да, достаточно, — ответил полковник, с отвращением косясь на снимки.

— Тогда у меня есть еще несколько условий. В Нова-Годой находятся два молодых человека. Они близнецы. Ни один из них не должен пострадать — я сам разберусь с ними. Я предоставлю вам их портреты.

Полковник удивленно посмотрел на Пендергаста, но ничего не сказал.

— Там наверняка будет еще один человек — высокий, внушительного телосложения, с коротко стриженными, совершенно белыми волосами. Его фамилия — Фишер. Его тоже никто не должен трогать. Он мой, и я опять же сам с ним разберусь.

В кабинке ненадолго установилась тишина.

— Это все мои условия, — снова заговорил Пендергаст. — Вы хотите услышать, как я планирую действовать?

Пару мгновений полковник сидел неподвижно. Затем на его лице появилась легкая улыбка.

— Думаю, это будет весьма интересно, агент Пендергаст, — произнес он.

52

Кори смотрела из окна хижины на утренний иней, сверкающий на траве и ветвях деревьев. Лучи бледного зимнего солнца пробивались сквозь клетчатые занавески, от затопленной печи веяло теплом. Возле нее хлопотал Джек, поливая маслом сковородку. Другую сковороду со скворчащим беконом он уже снял с огня.

— А сейчас будут фирменные блины с черникой от Джека Свенсона, — объявил он, обернувшись.

— Давай я тебе помогу, — сказала Кори, поднимаясь со стула.

— Нет-нет!

Джек в измазанном переднике снова повернулся к печи. Кори видела, что поваром он был неважным. Но и она тоже.

— Посиди спокойно, я сам все сделаю.

Не утруждая себя расспросами, он схватил кофейник и наполнил чашку Кори.

— Я не люблю бездельничать.

— Привыкай, — улыбнулся в ответ Джек.

Кори потягивала кофе. Она приехала накануне дневным автобусом и, желая убедиться, что никто за ней не следит, прошла пешком всю дорогу от магазина Фрэнка до хижины отца. Джек был до смешного рад ее приезду. А потом разволновался, когда Кори рассказала ему о своем расследовании.

— Так это правда, что Чарли не разводит клиентов? — спросила она.

Несмотря на всю убедительность его рассказов, Кори все-таки трудно было поверить в кристальную честность продавца автомобилей.

— Насколько мне известно, да, — ответил Джек. — Как-то раз Рикко-старший, позабыв закрыть дверь в кабинет, распекал Чарли за то, что тот не работает по системе. Как он выразился, «подрывает моральный дух». — Он усмехнулся. — Представляешь себе? Честность, оказывается, вредит морали.

— Тогда почему же его не уволили, раз он не желает работать как все?

— Потому что Чарли может их сдать.

Он плюхнул немного теста для блинов на радостно зашипевшую сковородку.

Постепенно Кори начала понимать, что отец пострадал вовсе не из-за своей непорядочности, а, наоборот, из-за абсолютной, бескомпромиссной честности, слегка даже отдающей самолюбованием. Он рассказал, что и с предыдущего места работы — магазина стереофонической аппаратуры — его уволили из-за отказа участвовать в махинациях. Там он тоже грозил пожаловаться в Ассоциацию по поддержке потребительских прав. И в страховом агентстве не задержался по той же причине.

Кори наблюдала за его суетой возле печи. Она не могла не спросить себя, как сама бы поступила в такой ситуации. Согласилась бы участвовать в кредитном мошенничестве? Вероятно, нет. Но, черт возьми, она ни за что бы не стала обращаться к властям из-за таких пустяков, как повышение кредитных ставок на два процента. Банки, ипотечные агентства и компании, работающие с кредитными картами, проделывают подобные мерзости миллион раз в день. Она бы, наверное, просто ушла с такой работы.

Кори снова задумалась, не ошиблась ли она с выбором профессии. Она просто не испытывала какого-то особого удовлетворения при мысли, что преступник будет наказан. В отличие от того же Пендергаста.

Джек с довольным видом подбросил блины на сковородке:

— Полюбуйся, какая красота.

Они и в самом деле были замечательного золотисто-коричневого цвета, с крошечными фиолетовыми пятнами лесной черники. Пожалуй, самое время снимать их с огня.

— А к ним — настоящий кленовый сироп, — объявил Джек и взял со стола маленькую бутылочку. — Значит, у Чарли есть приятель-актер, который согласен прийти туда с микрофоном. Здорово! Как я сам не догадался?

— В суде такая запись не будет принята как доказательство.

— Может быть, и нет. Но стоит им только начать разнюхивать и задавать вопросы, как весь этот грязный бизнес развалится. Нет, это хорошая идея, действительно хорошая.

Зазвонил сотовый телефон Кори.

— Это Чарли.

Она ответила, подключив громкую связь.

— Кори, — задыхаясь от волнения, сказал Чарли. — Вы не поверите. Это невероятно. Мы взяли их за жабры. Нам теперь не нужен даже мой друг. У меня появилась неоспоримая улика — доказательство того, что вашего отца подставили.

— Что? Какое доказательство?

— Вчера, после того как вы уехали, Рикко собрали продавцов на совещание. Всех, кроме меня. После совещания они отправились в «Голубого гуся» — вероятно, чтобы поговорить об ограблении, — оставив меня в демонстрационном зале одного до конца дня.

— И что?

— Рикко-старший что-то забрал из сейфа и не закрыл его как следует. Осталась узкая щель. Я открыл его — просто не мог упустить такую возможность — и нашел внутри конверт с деньгами, около десяти тысяч, с запиской для парня по имени Ленни Отеро. А вместе с ним и написанный от руки отчет этого самого Отеро, где по пунктам расписаны его расходы и гонорар за «операцию», которую он недавно провернул.

— Что за операция?

— Ложное обвинение Джека Свенсона в ограблении банка.

— Там прямо так и сказано? — Кори не поверила собственным ушам.

— Вот подонок! — воскликнул Джек, вскочил со стула и звонко ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— Кто это? Ваш отец?

— Да, я включила громкую связь.

— Хорошо. Конечно же, там не сказано прямо, буквально, что Джека подставили. Отчет написан полунамеками, без указания

конкретных имен и действий, но между строк все легко угадывается. Отеро даже просит Рикко сжечь письмо после прочтения. Это явная улика, не может быть никаких сомнений.

— Это просто фантастика! — сказал Джек. — Что ты с ним сделал?

— Мне пришлось положить его обратно, но я сфотографировал письмо на камеру своего сотового. Доказательства у меня в кармане. Послушайте, что мы должны сделать дальше. Мы идем в полицию, показываем им снимок и просим как можно скорее сделать обыск в кабинете Рикко. Действительно как можно скорее. Контора открывается в десять, через три часа. Нам остается только надеяться, что Рикко не появится на работе раньше. Кори, мы должны отправиться в полицию прямо сейчас, чтобы они успели получить ордер и осмотреть сейф. По крайней мере, до десяти утра отчет точно будет там. Одному Богу известно, что будет, если мы промедлим. Рикко может выплатить гонорар и сжечь записку.

— Понятно, — растерянно произнесла Кори.

Джек с напряженным лицом стоял рядом.

— Послушайте, Кори, я сейчас приеду за вами. Мы должны отправиться в полицию вместе. Двум сотрудникам поверят быстрее, чем одному.

— Да, но… — Она лихорадочно соображала, как ей поступить.

— Просто скажи ему, где мы, — шепнул Джек. — Ему можно доверять.

Она покачала головой.

— До вас долго ехать? — спросил Фут.

— Чуть больше часа на машине, но…

— Так далеко? Вот засада! Послушайте, я понимаю, что вы не хотите выдавать убежище вашего отца, но у нас совсем нет времени.

— Хорошо. Я выйду вам навстречу. Это в Нью-Джерси. Магазин Фрэнка на Олд-Фаундри-роуд, так все называют это место. Я буду там через час.

— Как вы доберетесь туда без автомобиля?

— Не волнуйтесь, это недалеко от дома. Я успею.

Кори повесила трубку. Джек схватил ее за руки, потом обнял.

— Отлично! — прокричал он. Вдруг выражение его лица изменилось: хижину заполнил едкий дым. — О нет, только не это! Мои блины подгорели!

53

Пристань Альсдорфа, если ее можно так назвать, тянулась вдоль берега Итажаи-Асу — широкой реки, несущей свои бурые, благоухающие воды из тропических лесов самой южной части Бразилии. Здесь всегда было полно народу: рыбаки, сгружающие улов в большие деревянные тачки; перекупщики, торгующиеся с ними, громко крича и размахивая мятыми купюрами; разносчики льда, катящие на склады тяжелые глыбы; портовые шлюхи и пьяницы; мелкие торговцы, толкающие перед собой тележки, наполненные разнообразной едой: брецелями, чесночными сардельками, жареной говядиной и — что еще более странно — куриными кебабами.

В этой суматохе неожиданно появился чудаковатого вида человек — сутулый, с бородкой-эспаньолкой, в которой пробивалась седина, облаченный в дорожный костюм цвета хаки и с широкополой шляпой на голове. За плечами он нес рюкзак, набитый сачками, ловушками, силками, банками, футлярами, трубками и прочими предметами непонятного назначения. Чудаковатый незнакомец, пронзительно крича на ломаном португальском, пытался пробить себе дорогу сквозь толпу к стоящей на краю причала лачуге с нарисованной от руки вывеской «Aluguel de Barcos»[81]

В лачуге сидел Белмиру Пассос, тощий мужчина в футболке, шортах и шлепанцах, и, дожевывая брецель, следил за его приближением. За спиной у Белмиру на причале стояли лодки, в основном обшарпанные «Каролины» со старыми двигателями «Ямаха», которые он готов был сдать в аренду любому желающему и для любой цели, даже не вполне законной. В первую очередь его услугами пользовались путешественники, чтобы добраться до труднодоступных деревень выше по течению, или рыбаки, чьи собственные лодки пришли в негодность. Иногда попадались и туристы, искатели приключений или любители рыбной ловли. Даже ученые-биологи. Незнакомца Белмиру отнес именно к последним: скорее всего, он из тех, кто приезжает в Санта-Катарину, чтобы наловить экзотических бабочек.

Мужчина, весь кипя от гнева, наконец-то выбрался из толпы рыбаков. Белмиру встретил его радушной улыбкой.

— Эй… eu… quero alugar… хм… barco! Alugar… хм… barco![82] — прокричал незнакомец, запинаясь и путая испанские слова с португальскими, так что в результате у него получился какой-то свой, новый язык.

— Я говорю по-английски, — спокойно ответил Белмиру.

— Слава богу! — Мужчина сбросил свой груз на землю и, тяжело дыша, оперся на него. — Господи, ну и жара. Я хочу нанять лодку.

— Очень хорошо, — сказал Белмиру. — Надолго?

— На четыре дня или, быть может, шесть. И мне нужен проводник. Я занимаюсь лепидоптерологией[83]

— Чем-чем?

— Собираю и изучаю бабочек.

— Ах, бабочек! А куда вы собрались?

— В Нова-Годой.

От этих слов Белмиру сразу смешался.

— Это очень долгий путь вверх по Риу-Итажаи-ду-Сул, глубоко в тропический лес. Очень опасное путешествие. К тому же Нова-Годой — частная территория. Туда никого не пускают. Нельзя появляться там без разрешения.

— Я никому не буду мешать. И я знаю, как можно договориться с охраной.

Он потер пальцами друг о друга в традиционном жесте, у всех народов изображающем деньги.

— Но почему именно в Нова-Годой? Почему не в национальный парк Серра-Жерал? Там тоже много редких бабочек.

— Потому что в кратере Нова-Годой в тысяча девятьсот тридцать втором году последний раз видели бабочку Королева Беатрис. Считается, что их больше нет. А я уверен, что это не так. И докажу, что я прав!

Белмиру пристально посмотрел на ученого, в глазах которого горел огонь научного фанатизма.

Могла получиться неплохая сделка, если ее правильно

провернуть. Даже с риском потерять лодку и нажить серьезные неприятности.

— Нова-Годой. Это будет очень дорого стоить.

— У меня есть деньги! — Ученый потряс толстой пачкой купюр. — Но мне еще нужен проводник. Я не знаком с этой рекой.

Пассос неспешно кивнул. Проводник до Нова-Годой. Еще одна сложность. Но преодолимая. Есть люди, которые ради денег согласятся на что угодно.

— Может быть, вы согласитесь поехать со мной? — спросил любитель бабочек.

Белмиру покачал головой:

— У меня свой бизнес, доктор. — Он не стал добавлять про жену и детей, которых ему не хочется оставлять сиротами. — Но я найду вам проводника. И дам лодку. Мне только нужно кое-кому позвонить.

— Я подожду здесь, — заявил ученый, обмахиваясь шляпой.

Белмиру отошел в дальний угол лачуги и достал телефон. На уговоры кандидата в проводники ушло несколько минут, но алчность в итоге победила страх.

Пассос вернулся с широкой улыбкой на лице. За те деньги, которые он собирался содрать с этого чудака, можно будет купить две хорошие, почти новые лодки.

— Я нашел вам проводника. Его зовут Майкл Джексон Мендонса. — Он остановился, заметив недоумение на лице ученого. — В Бразилии очень любят этого певца и часто называют детей в его честь. У нас тут много Майклов Джексонов.

— Неважно, — сказал биолог. — Но прежде чем я найму его, мне хотелось бы поговорить с этим… э-э… Майклом Джексоном.

— Он скоро приедет. Он хорошо говорит по-английски, потому что долго прожил в Нью-Йорке. А мы тем временем закончим с нашим делом. Лодка обойдется вам в двести реалов в день. Плюс две тысячи залога, который я верну, когда вы возвратите лодку. Разумеется, стоимость услуг сеньора Мендонсы сюда не входит.

Фанатичный ученый, не моргнув глазом, принялся отсчитывать

купюры.

54

Кори Свенсон вышла из хижины и направилась к шоссе короткой дорогой, сильно напоминающей американские горки. Пока она собиралась, отец беспокойно бродил по комнате, надоедая бесконечными советами, предупреждениями и различными указаниями в стиле «если они так, тогда вы этак». Все его будущее зависело от того, смогут ли Кори и Фут осуществить задуманное, и оба они прекрасно это понимали.

Лес был холодный и пустой, голые ветви деревьев бились одна о другую при сильных порывах ветра. Собирался дождь или даже мокрый снег. Кори отчаянно надеялась, что непогода обождет до тех пор, пока они не доберутся до места и не уговорят полицейских сделать обыск в кабинете Рикко. Она поглядела на часы: уже восемь. Осталось всего два часа.

Кори вышла на дорогу и в миле перед собой смутно увидела магазин Фрэнка и судорожно моргающий огнями рекламный щит пива «Будвайзер». Она еще быстрее зашагала по обочине, затем, приблизившись, рассмотрела обычную утреннюю толпу завсегдатаев, курящих сигареты и попивающих кофе. Собравшись с духом, Кори с беспечным видом открыла скрипучую дверь.

— Что желаете? — обратился к ней Фрэнк, расправляя плечи и безуспешно пытаясь втянуть живот.

— Кофе, пожалуйста.

Она села за один из маленьких столиков и снова посмотрела на часы. Четверть девятого. Фут должен приехать не позднее половины.

Фрэнк принес кофе со сливками и сахаром.

Три пакетика сахара и столько же сливок превратили дрянной кофе в почти сносный. Кори выпила его, поставила чашку на стол и попросила повторить.

— Неважная погодка сегодня, — сказал Фрэнк, наполняя ее чашку.

— Да уж.

— Как вы с отцом поживаете?

Кори открыла еще три пакетика с сахаром, высыпала его в кофе и добавила сливок.

— Спасибо, хорошо.

Она не спускала глаз с окна, выходящего на заправку.

— Через несколько дней начнется сезон охоты, — напомнил Фрэнк дружеским тоном. — Обычно охотятся в районе озера. Не забывайте надевать что-нибудь яркое.

— Да, спасибо.

Автомобиль, двигавшийся несколько быстрее, чем следовало, с визгом остановился возле магазина. «Эскалейд-гибрид» с тонированными стеклами — машина Фута. Кори резко поднялась, бросила на стол несколько банкнот и вышла. Чарли открыл забрызганную грязью дверцу, и она села в пахнущий кожей салон. Фут был, как всегда, элегантен, но выглядел немного взволнованным. Не успела Кори захлопнуть дверцу, как он надавил на газ, так что покрышки завизжали по асфальту.

— Я позвонил в полицию Аллентауна, — сказал он, прибавляя скорость. — Рассказал им все. Они сначала отнеслись скептически, но мне удалось их переубедить. Они ждут нас и сразу же отправятся за ордером, если им понравится то, что я покажу. А им должно понравиться.

— Отлично, спасибо.

— Не стоит благодарности. Я забочусь о себе. К тому же я с самого начала был уверен, что вашего отца обвинили несправедливо.

Он помчался еще быстрее, посматривая на радарный датчик на приборной панели. Деревья так и мелькали по обочинам. Машина повернула, покрышки жалобно взвизгнули на вираже.

— Вот зараза! — воскликнула Кори. — Вы пропустили поворот на трассу девяносто четыре.

— Черт возьми, действительно пропустил. — Фут притормозил и сдвинулся к обочине, чтобы развернуться. Он мельком взглянул на Кори. — Пристегните ремень безопасности.

Кори потянулась к двери, чтобы вытащить ремень, потом долго возилась с замком, который умудрился как-то соскользнуть под сиденье. Когда она наконец справилась, то краем глаза уловила

какое-то движение за спиной, обернулась и тут же почувствовала, как железные пальцы сжали ей горло, а лицо закрыл платок с удушливым запахом хлороформа.

Однако она ожидала чего-то подобного.

Нащупав перочинный нож, заранее спрятанный в рукаве, Кори резко провела им по ладони Фута и рванулась в сторону. Чарли взревел от боли, схватился здоровой рукой за порезанную ладонь и выронил платок. Кори окончательно освободилась и тут же приставила нож к шее Чарли.

— Попался! — сказала она.

Фут не ответил. Он все еще держался за порезанную ладонь.

— Вы меня совсем за дуру принимаете? — спросила Кори, сильнее надавливая лезвием ему на горло. — Возможно, вам и удалось обмануть моего отца своими сказками про честного простого парня. Но со мной этот фокус не пройдет. Я вас сразу раскусила. Надо же, единственный порядочный продавец в фирме. Слишком уж все замечательно, легко и просто. А главное — этот отчет, словно специально оставленный в сейфе для полиции. Ну и дерьмо!

Быстро, пока он не пришел в себя, она обшарила его карманы, нашла револьвер солидного калибра, вытащила и показала его Чарли.

— Так что же здесь происходит на самом деле? — поинтересовалась она.

Фут тяжело дышал:

— Да все то же. Мошенничество. Только гораздо более вкусное, чем поднятие ставок на жалкие два процента. Если хотите, я могу подключить вас с Джеком.

— Еще чего! Наверное, отец начал что-то подозревать, поэтому вы его и подставили. — Кори повертела оружием у него перед носом. — Думаю, вы уже знали, где находится его хижина. Приехали сюда пораньше, выбрали удобное место и проследили, откуда я вышла на шоссе. — Она глубоко вздохнула. — Теперь о том, как мы поступим дальше. Вы поедете к хижине, а я все время буду держать вас на прицеле. Там вы первым делом расскажете всю правду отцу. Потом мы позвоним в полицию, и вы повторите им ту же историю. Понятно?

Еще мгновение Фут сидел неподвижно, затем кивнул.

— Хорошо. Медленно поезжайте к хижине. И никаких фокусов по дороге, иначе мне придется воспользоваться этой штукой.

На самом деле она ни разу в жизни не стреляла из пистолета. Она даже не была уверена в том, что правильно переключила предохранитель. Но Фут об этом не знал.

Кори отодвинулась подальше от Фута и навела на него пистолет, пока он снова выруливал на шоссе и поворачивал к озеру Лонг-Пайн. В полной тишине они миновали холмы.

За сто футов до поворота к хижине она опять махнула пистолетом:

— Остановитесь здесь.

Фут затормозил.

— Выключайте двигатель и выходите из машины.

Он подчинился.

— Идите к хижине. Я пойду сзади. Сами догадайтесь, что произойдет, если вы попробуете что-нибудь выкинуть.

Фут посмотрел на нее. Несмотря на мороз, капли пота стекали по его необычайно бледному лицу. Бледному и разгневанному. Он зашагал к хижине, и мертвые сухие ветки захрустели у него под ногами.

Кори чувствовала бурный прилив адреналина, сердце ее билось пугающе быстро. Но она справилась со своим голосом и ни разу не позволила ему задрожать. Она повторяла себе, что ей приходилось попадать в переделки и хуже этой, намного хуже. Нужно сохранять спокойствие. Просто не паниковать, и тогда все будет в порядке.

Когда они подошли к двери хижины, Кори услышала звук открывающегося замка. Через мгновение дверь распахнулась и ударила девушку по запястью. Она вскрикнула от боли и выронила пистолет.

На крыльце появился отец и с удивлением посмотрел на Фута, потом на нее и снова на Фута.

— Кори? — удивленно пробормотал он. — Я услышал какой-то шум. Что вы здесь делаете? Я думал, вы отправились в город…

Кори метнулась к оружию, но Фут ее опередил. Он схватил пистолет и одновременно оттолкнул девушку в сторону. Джек Свенсон недоуменно уставился на ствол пистолета, направленный на него. В последний момент Джек прыгнул в растущие позади хижины кусты, но выстрел уже прогремел, и по тому, как дернулось тело отца, Кори поняла, что пуля попала в цель.

— Ах ты, ублюдок! — закричала она, подбегая к Футу и занося для удара нож.

Но он увернулся и ударил ее по виску рукояткой пистолета. И все вокруг внезапно исчезло…

Кори быстро пришла в себя, в голове прояснилось. Она лежала на боку на заднем сиденье автомобиля Фута, наскоро скованная пластиковыми наручниками по рукам и ногам.

Она ждала, с невероятным напряжением вслушиваясь в тишину. Все, что она так тщательно спланировала, рухнуло в считаные секунды. Что ей теперь делать? И что будет дальше? Боже, это была чудовищная ошибка! Нужно было просто вызвать полицию, вместо того чтобы пытаться все решить самостоятельно. Но она боялась, что полицейские первым делом арестуют отца…

Внезапно Кори услышала выстрелы — два подряд. А потом наступила тишина. Но и ее вскоре нарушил шум веток, раскачивающихся под порывами ветра. Они бились о стекло машины снова, и снова, и снова.

55

Ученый сидел в тени, прислонившись спиной к рюкзаку, и ждал сеньора Майкла Джексона Мендонсу. Тот в конце концов объявился, причем весьма эффектно: огромный, широкоплечий, смуглый молодой человек с ослепительной улыбкой и длинными вьющимися волосами под банданой, одетый в рубашку без рукавов, шорты и сандалии. Пробираясь сквозь толпу, он возвышался над всеми на голову, громким дружелюбным голосом убеждая освободить ему дорогу. Не дойдя двадцати ярдов, он уже вытянул для приветствия руку. Потом все-таки добрался и энергично потряс вялую ладонь биолога.

— Майкл Джексон Мендонса, — представился он. — К вашим услугам.

Ученый поспешил высвободить руку.

Я Персиваль Фосетт[84], — объявил он несколько суховато.

По крайней мере, по-английски проводник действительно говорил неплохо.

— Персиваль? Можно, я буду называть вас Перси?

Ученый разрешил сдержанным кивком.

— Отлично, отлично! Я сам из Нью-Йорка. Из Куинса. Двадцать лет в вашей великой стране. Итак, вы собрались в Нова-Годой?

— Да. Но говорят, что это будет не слишком просто.

— Вовсе нет! — воскликнул Мендонса. — Путешествие будет долгим, это правда. И Нова-Годой — не обычный город, я хочу сказать, не открытый для посещений город. Он спрятан далеко в джунглях. Спрятан от посторонних. Они там не очень дружелюбны. Совсем не дружелюбны.

— Я не собираюсь с ними дружить, — ответил ученый. — И не хочу никому мешать. Если будет необходимо, я готов заплатить. Понимаете, я ищу следы Королевы Беатрис. Вы не слышали про нее?

Мендонса озадаченно наморщил лоб:

— Нет.

— Нет? Это самая редкая бабочка в мире. Найден лишь один ее экземпляр — он хранится в Британском музее под инвентарным номером 75935A1901. — В голосе биолога прозвучало благоговение. — Считается, что это вымерший вид. Но у меня есть основания полагать, что это не так. Видите ли… — Он сделался невероятно красноречивым, как только разговор зашел о его любимой науке. — Мои исследования показали, что в кратере Нова-Годой сложилась уникальная экосистема с особенно благоприятными условиями. Эта бабочка обитала там, и больше нигде. И ни один профессиональный лепидоптеролог не исследовал этот район со времен Второй мировой войны. Так чего прикажете ожидать? Конечно же, никто ее больше не видел. Потому что ни один ученый не был в тех местах, где ее можно увидеть! Но теперь туда отправляюсь я.

Он порылся в рюкзаке и достал глянцевую фотографию маленькой коричневой бабочки, приколотой к белому листу с неразборчивой подписью.

Мендонса присмотрелся к ней:

— Это и есть Королева Беатрис?

— Разве она не прекрасна?

— Esplendida[85]. А теперь давайте поговорим об оплате.

— Это тот самый экземпляр из Британского музея. Как видите, ее крылья, к сожалению, поблекли. Но говорят, что на самом деле они были цвета красного дерева.

— Об оплате, — повторил Мендонса.

— Да-да. Сколько вы хотите?

— Три тысячи песо, — объявил проводник с деланым равнодушием. — Это за четыре дня. Плюс стоимость еды и снаряжения.

— Не считая аренды лодки? Хм… согласен. Игра стоит свеч.

— Деньги вперед, — быстро прибавил Мендонса.

Ученый задумался:

— Половину на половину.

— Две тысячи — сейчас, тысячу — по возвращении.

— Ладно, согласен.

— Когда отплываем? — спросил Мендонса.

Биолог удивленно посмотрел на него:

— Прямо сейчас, разумеется.

Он тут же начал отсчитывать деньги.

Биолог с рюкзаком пристроился на носу лодки и раскрыл книгу Владимира Набокова, а Мендонса в это время погрузил сумку-холодильник с продуктами, палатку, спальные мешки и свою сумку с запасным комплектом одежды.

Через мгновение они отправились вверх по течению. Мендонса стоял за штурвалом, лодка оставляла в мутной бурой воде кремовый кильватерный след. Было позднее утро, и проводник полагал, что к сумеркам они достигнут последнего населенного пункта на пути в джунгли. Пусть даже там не удастся заночевать, но можно будет хотя бы поужинать и — самое главное — выпить холодного пива. А потом поставить палатку на берегу реки. А еще Мендонса надеялся разыскать там кого-нибудь, кто знает дорогу по Риу-Итажаи-ду-Сул в Нова-Годой — место, где он на самом деле ни разу не был, хотя и слышал о нем множество рассказов.

Лодка проплывала мимо рыбацких суденышек, легкий ветерок приносил приятную прохладу и отгонял москитов. Позади остались последние дома Альсдорфа, теперь по берегам раскинулись зеленые поля и пастбища с пощипывающими траву коровами. Все вокруг было опрятно и ухоженно, как и повсюду в Южной Бразилии. Ничего общего с суматошным, страдающим от засилья преступников Рио-де-Жанейро.

Биолог закрыл книгу.

— А вы бывали в Нова-Годой? — дружелюбно спросил он.

— Не совсем, не в самом городе, — ответил Мендонса. — Но я знаю, как туда добраться.

— Что вы можете о нем рассказать?

Проводник рассмеялся, чтобы скрыть свою неуверенность. Он опасался таких вопросов. Мендонса не верил и половине тех слухов, что ходили об этом месте, и не хотел, чтобы клиент испугался и повернул назад.

— Кое-что могу.

Он покачал головой, сворачивая в сторону от рыбаков, вытягивающих из воды сеть.

— Много ли людей там живет?

— Не знаю. Я уже объяснял, что это необычный город. Он построен на месте старой табачной плантации. Частная территория, закрытая для посторонних. Это немецкая колония, какие раньше были повсюду, только в очень отдаленном районе.

— Там раньше была табачная плантация?

— Да, табак — один из важнейших сельскохозяйственных продуктов, — веско заявил Мендонса и, вытащив из кармана пару сигар, предложил одну из них ученому.

— Нет, спасибо. Я не спешу на тот свет.

— Ха-ха. Да вы шутник. — Мендонса раскурил сигару и затянулся. — Табачную плантацию забросили в тридцатых годах. После войны сюда пришли немцы, и маленькое поселение разрослось. Они живут там замкнуто и почти не появляются в Альсдорфе. Здешние немцы не любят их и называют нацистами. — Мендонса насмешливо хмыкнул.

— Но вы не верите этому?

— Здесь, в Бразилии, людям всюду мерещатся нацисты. Это наше любимое развлечение. Если в городе поселились пять немцев, значит у них есть нацистская организация. Нет, люди из Нова-Годой просто живут сами по себе, и не более того. Это похоже на… забыл слово… похоже на секту. Никого из посторонних туда не пускают. Совсем никого.

Он выпустил изо рта одно за другим два облачка дыма, и они поплыли над рекой позади лодки.

— Мне показалось, многие в Альсдорфе считают, что убийства в городе как-то связаны с Нова-Годой, — как бы невзначай заметил биолог.

— Убийства? Вы тоже слышали те страшные истории, что рассказывают про наш город? Это обычные провинциальные сплетни. Спросите в любом бразильском городишке про их соседей — и вам обязательно сообщат, что там живут одни негодяи и

преступники. Но я жил в Куинсе, и меня не проведешь.

Он снова рассмеялся, показывая, что не принимает эти слухи всерьез. И тут же подумал, что ученый и так слишком много знает, поэтому не стоит запугивать клиента еще сильнее. По крайней мере, до той поры, пока Мендонса не получит оставшуюся тысячу.

— А вам не приходилось слышать о близнецах из Нова-Годой?

Мендонса замер от неожиданности. Да, как-то раз один бывалый человек обмолвился о чем-то таком. Но откуда об этом мог узнать приезжий биолог?

— Нет, не приходилось, — ответил проводник.

— Наверняка слышали. Говорят, что в этом странном городе живут близнецы, похожие друг на друга как две капли воды. Говорят, что это такой эксперимент. Генетический эксперимент. Ужасный эксперимент.

— Кто вам это сказал?

— Один человек в пивном баре.

Мендонса почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Это было невероятно. Осведомленность ученого начинала его пугать.

— Нет, я ничего такого не слышал. Это все вранье, — заявил он и добавил, пытаясь переменить тему разговора: — Там есть развалины старого форта. Знаете его историю?

— Нет.

— Он был построен португальцами в конце семнадцатого века. — Помимо всего прочего, Мендонса когда-то работал водителем туристического автобуса в Блуменау и поэтому действительно много знал. — Несколько монахов-францисканцев основали монастырь на острове посередине вулканического озера Годой и обратили в истинную веру индейцев авейкома. Во всяком случае, сами они думали, что обратили. — Проводник хихикнул. — Но однажды индейцы восстали. Им надоело работать в монастырских садах. Они перебили всех монахов. Затем пришли португальские солдаты и превратили монастырь в крепость. Они уничтожили часть индейцев, а остальных отогнали далеко в горы. Потом и солдаты ушли, а на этом месте со временем устроили табачную плантацию.

— Почему в этих краях так много немцев? — спросил биолог.

— В тысяча восемьсот пятидесятом году бразильское правительство приняло программу немецкой колонизации. Вы слышали об этом? Германия страдала от перенаселения, а в Бразилии хватало свободной земли, которую некому было обрабатывать. Любому желающему немцу предлагался земельный надел в отдаленных областях страны. Так возникли Блуменау, Альсдорф, Жоинвили и еще несколько городов в Санта-Катарине. Около тридцати или даже сорока процентов здешних жителей — немцы по происхождению.

— Это очень интересно.

— Да. Колонии жили изолированно, и в них сохранялись немецкая культура, традиции, язык, архитектура. Но после тысяча девятьсот сорок второго года все, конечно, изменилось.

— А что произошло в этом году?

— Бразилия объявила войну Германии.

— Я не знал об этом.

— Многие не знают. Мы стали союзниками американцев во Второй мировой войне. Правительство приняло закон, по которому немецкие колонисты должны были выучить португальский язык и стать гражданами Бразилии. Большинство из них так и поступили, но в отдаленных районах не все подчинились закону. Многие уплыли обратно в Германию и воевали за нацистов. А потом вернулись, чтобы скрыться от Нюрнбергского трибунала. Во всяком случае, так мне рассказывали. Но все это было давным-давно. Никого из них не осталось в живых. Как у нас говорят, água debaixo da ponte — много воды утекло.

— В Нова-Годой не осталось нацистов? — почти разочарованно переспросил биолог.

Мендонса энергично замотал головой:

— Нет-нет. Это все выдумки!

Он несколько раз смачно затянулся, словно подчеркивая правдивость своих слов, и выбросил окурок за борт. Вероятно, слухи о Нова-Годой, всякого рода глупая суеверная чепуха, никогда не прекратятся. Но Мендонса двадцать лет прожил в Куинсе. Он повидал мир и понимал разницу между вымыслом и реальностью.

Лодка размеренно двигалась вперед, возделанные поля исчезли из виду, и приближался тропический лес. Огромные араукарии отбрасывали тени на бурую воду. И хотя Мендонса столько лет прожил в Куинсе, он все же ощутил пробежавший по спине холодок.

56

Первый выстрел ожег плечо Джека Свенсона, когда он отпрыгивал в кусты за хижиной. Вторая пуля просвистела над головой.

Он лежал на земле, ошеломленный случившимся, и прислушивался к звукам борьбы. Затем хлопнула дверца автомобиля. В тот же миг Джек вскочил и побежал в сторону леса. Темные тучи затянули небо, ветер раскачивал ветви деревьев и трепал листья горного лавра в подлеске.

Джек прекрасно знал эти леса и понимал, что лавровые заросли — лучшее место для укрытия. Он рванулся в чащу, стараясь убежать как можно дальше от Фута. Решив, что забрался достаточно глубоко, он пригнулся и начал осторожно отходить в сторону, петляя между стволами деревьев. Джек с облегчением понял, что ускользнул от погони — Фут ни за что не найдет его в этих зарослях, запутается в хитросплетении звериных троп, по любой из которых можно отступить дальше. Но что же все-таки с ним случилось? Он ведь хотел помочь им…

— Джек, — прозвучал в отдалении голос.

Свенсон замер. Это кричал Фут.

— Джек, нам нужно поговорить!

Свенсон присел, тяжело дыша. Постепенно он начал понимать ситуацию. Случилось то, что должно было случиться. Фут оказался одним из мошенников. Все, что он рассказывал, было ложью. А теперь Фут схватил Кори.

— Ты слышишь меня, Джек? У меня твоя дочь. Она лежит связанная в моем автомобиле. Получается, нам есть о чем поговорить, а?

Свенсон слышал, как Фут с хрустом продирается сквозь заросли.

— Эй, Джек, давай поговорим!

Свенсон отодвигался все дальше в лес. Ему требовалось время, чтобы все обдумать, собраться с мыслями.

Но Фут схватил Кори.

Эта мысль грозила уничтожить остатки рассудительности. Что же делать? Просто убежать нельзя. Нужно как-то одолеть Фута и спасти дочь. Сложность в том, что у этого ублюдка пистолет, а у Джека — один только перочинный нож. Неожиданно, и даже с некоторым удивлением, он вспомнил, что ранен. Одежда пропиталась кровью, левая рука бессильно свисала вдоль туловища. Странно, что он не чувствовал боли, только онемение. Значит, сражаться он сможет лишь правой.

Что же ему теперь делать?

Джек задумался, но тут же услышал, как Фут ломится к нему через кусты.

Он пригнулся и опять отступил в сторону со всей возможной осторожностью. Ветер шелестел листвой и помогал ему двигаться скрытно.

— Джек, если ты сейчас не покажешься, я вернусь к машине и убью твою дочь. Ты слышишь меня? Отзовись, или она умрет.

Страх парализовал Джека. Он сунул руку в карман, нащупал нож и со щелчком открыл его. Проверил пальцем остроту лезвия. Туповато.

— Отзовись! — снова прокричал Фут.

Джек через силу выдавил из себя:

— Хорошо. Я согласен поговорить.

Он услышал шаги Фута, идущего на его голос, и опять сменил позицию. Мысли его лихорадочно метались. Должен быть какой-то выход. Какой-то шанс. Капля ледяного дождя — или это был мокрый снег? — обожгла спину, затем еще одна. Вскоре весь лес наполнился мелкой размеренной дробью.

— Послушай, Джек, давай договоримся. Если ты согласишься работать со мной, с твоей дочкой ничего страшного не случится. Согласен?

— Согласен, — ответил тот.

Фут подходил все ближе, и Джеку опять пришлось отступить глубже в заросли.

— Разумеется, я тоже участвовал в афере. Но не в той, о которой

ты думаешь. Не завышение ставок.

— А что же тогда?

— «Дженерал моторс». Большие парни. Заставь их оплачивать фиктивные продажи, подружись с их аудитором, каждый месяц приезжающим проверять наши отчеты. Это серьезное дело и большие деньги. И ты можешь получить в нем свою долю.

Джек продолжал пятиться в лес.

— Как насчет пятидесяти тысяч? И я отпускаю твою дочь. Все будет в порядке.

Фут приближался.

— Значит, это ты меня подставил? — спросил Джек.

— Да, это я. Мне очень жаль, что так вышло, Джек. Лично против тебя я ничего не имею. Но я не мог допустить, чтобы к нам заявились агенты ФБР и начали проверку. Любое расследование — даже такого пустякового обмана — в конце концов вывело бы их на меня. Понимаешь?

Джек не ответил.

— Джек! Я не могу разговаривать с кустами. Мне нужно видеть твое лицо.

Фут стоял ярдах в пятидесяти от него. Джек на мгновение поднял голову и тут же упал на землю, увидев направленный на него пистолет. Прогремел выстрел.

Фут помчался к нему напролом и снова выстрелил на бегу. Джек, пригнувшись, побежал дальше в лес. Следующая пуля срезала ветку с соседнего дерева.

— Все, твоей дочери крышка!

Джек мчался изо всех сил, постоянно меняя направление бега, мокрый снег и порывистый ветер помогали ему скрываться. Но что-то в нем уже изменилось, словно бы щелкнул переключатель. Страх и растерянность пропали, сменились гневом, яростным и безудержным. Этот ублюдок схватил его дочь, связал ее, а теперь собирается убить. И конечно, при первой же возможности убьет и самого Джека.

Приступ гнева привел в порядок его разум. Он снова мог рассуждать. И его мысли были ужасны.

Фут шумно бежал позади него, но сбился со следа.

— Эй, Джек, я больше не буду стрелять. Мы просто поговорим. Решим наши дела, и ты получишь назад свою дочь. И сто тысяч в придачу.

Фут наверняка держит связанную Кори в машине. Джек вспомнил, как хлопнула дверца автомобиля после первых выстрелов. Это произошло где-то возле хижины. Но где именно?

Сориентировавшись, Джек быстро, но осторожно стал пробираться к хижине сквозь самую чащобу, обходя Фута по широкой дуге. Тот продолжал поиски, то обещая золотые горы, то угрожая. Наконец он выкрикнул:

— Все, считай, что она труп!

И побежал через заросли к машине.

Джек остановился, поднял с земли камень и запустил его здоровой рукой далеко назад и в сторону. Фут услышал шум упавшего в кусты булыжника и бросился на звук.

— Джек, я нашел тебя! Выходи, считаю до трех. Раз… два… три!

Он так расшумелся, что не услышал, как Джек снова рванулся вперед, на этот раз в другом направлении — предположительно туда же, куда двигался и сам Фут. Тот крикнул еще пару раз, а потом быстро побежал назад к машине.

Джек снова бросил камень, но не очень удачно: снаряд угодил в ствол дерева.

— Пытаешься попасть в меня камнем? Ничего не выйдет, придурок!

«Главное, продолжай орать», — подумал Джек и воспользовался возможностью пересечь открытый участок между двумя рядами кустов. Мокрый снег повалил гуще, и Джек успел промокнуть до костей.

Прислушавшись, он понял, что отстает от Фута. Нужно бежать быстрее. Он бросил еще один камень. Фут тут же выстрелил на звук и снова направился к хижине, продолжая выкрикивать угрозы и в красках расписывать, что он собирается сделать с Кори:

— Сначала я как следует вжарю ей — слышишь меня, Джек? А потом задушу, медленно-медленно.

Джек, пригнувшись, пробирался сквозь заросли. Сильные порывы ветра позволяли ему двигаться почти неслышно. А Фут кричал все громче. Нужно бежать быстрее, еще быстрее.

Вопли Фута неожиданно стихли. Впереди показался просвет в темной холодной лесной чаще — дорога. Джек крался по кустам вдоль обочины, пока не увидел слабый отблеск фар. Машина стояла почти в том самом месте, где он и ожидал ее найти.

Но Фут оказался ближе к автомобилю, намного ближе. Держа пистолет в окровавленной руке, он открыл дверцу машины и усмехнулся:

— Ну, сучка, приготовься!

У Джека подкосились ноги, и он рухнул на землю. Он опоздал. Все кончено.

В этот момент что-то коричневое метнулось с заднего сиденья навстречу Футу. Это Кори со всей силы приложила Фута ботинком в промежность. Тот взвыл от боли и отшатнулся, выронив пистолет.

В ту же секунду Джек вскочил и бросился вперед. Еще через мгновение он оседлал Фута и, не обращая внимания на лежащий в траве пистолет, быстрым плавным движением ткнул ножом в лицо Чарли. Лезвие вошло в глазное яблоко, так что брызнула внутриглазная жидкость, и уперлось в кость глазницы. Фут отчаянно завизжал, задергался и схватился за лицо обеими руками. Джек откатился в сторону, поднял пистолет и навел его на Фута. Тот бился в конвульсиях, катался по земле, между прижатых к лицу ладоней сочилась кровь. Джек прицелился ему в голову.

— Нет! — раздался позади пронзительный крик.

Джек обернулся. Кори лежала на заднем сиденье со связанными за спиной руками.

— Он нужен нам живой, — напомнила она. — Он должен дать показания.

Несколько мгновений Джек молчал, потом медленно опустил пистолет. Он посмотрел на лодыжки дочери — они были свободны. Перерезанные пластиковые наручники валялись под сиденьем.

Кори перехватила его взгляд.

— Там, на направляющих водительского кресла, был небольшой заусенец, — объяснила она.

Джек подошел к ней, обтер кровь с ножа и перерезал наручники на запястьях дочери. Затем молча обнял ее, так крепко, как никогда и никого в своей жизни не обнимал. По щекам у обоих неудержимо потекли слезы.

57

Дождливая ночь сменилась холодным утром, и над рекой еще стоял густой туман, когда биолог с проводником отправились в путь по Риу-Итажаи-ду-Сул, самому южному из притоков Риу-Итажаи.

Мендонса, мучимый похмельем, в отвратительном настроении вел лодку вверх по течению. Биолог Фосетт снова занял место на носу, но уже не читал книгу, а внимательно наблюдал за берегом. Заметив очередную порхающую возле реки бабочку, он тут же просил Мендонсу остановиться, а за одной из них и вовсе устроил настоящую погоню, перегнувшись через борт лодки и размахивая сачком до тех пор, пока не поймал ее.

В последнем поселении на Риу-Итажаи — маленьком, грязном и унылом городишке под названием Колонья-Маримбонду — Мендонса попытался осторожно разузнать что-нибудь про Нова-Годой: где он находится, в каком месте удобнее там пристать к берегу. Информацию он в основном собирал в местной пивной, где потратил большую часть с таким трудом заработанных денег, угощая малообщительных крестьян в тщетной надежде их разговорить. То немногое, что все-таки удалось из них вытрясти, проводника совсем не порадовало. Разумеется, это было чистой воды суеверие, но Мендонса все равно расстроился.

На рассвете они различили звук мотора, отражающийся эхом от стены прибрежных араукарий, еще мокрых после ночного дождя. Мендонса почувствовал, как от росы намокли волосы и борода, противная влага начала заползать под рубашку.

Отец небесный, когда же это путешествие закончится?

Около полудня они достигли широкого изгиба реки и увидели на отмели плавучий док с трапом, ведущим к хрупкому деревянному причалу. На высоком правом берегу реки, на освобожденной от леса поляне стояли несколько проржавевших сборных металлических ангаров и ветхий деревянный склад. В точности так, как рассказывали Мендонсе.

— Приехали, — объявил проводник, присматриваясь, нет ли кого-нибудь на причале.

К его большому облегчению, берег выглядел пустынным.

Мендонса сбавил ход и развернулся, затем выключил двигатель и завел лодку в док. Он забрался на причал, принял у неуклюжего биолога рюкзак, затащил наверх и его самого. Фосетт огляделся по сторонам.

— Приехали, — повторил Мендонса, изобразив счастливую улыбку, и протянул к биологу руку: — Как насчет оставшейся части денег, сеньор?

— Подождите минуту, — произнес Фосетт, раздраженно мотая бородкой. — Мы договаривались на две тысячи задатка и…

— И тысячу по прибытии, — закончил за него Мендонса. — Неужели вы не помните?

— О-о, — удивился биолог. — Разве мы так договаривались?

— Именно так.

— Вы должны ждать меня здесь, пока я не вернусь, — ворчливо продолжил ученый. — Мы говорили о путешествии туда и обратно. В общей сложности шесть дней.

— Никаких проблем, — согласился Мендонса. — Я буду ждать. Только заплатите мне сейчас.

— А откуда мне знать, что вы не сбежите?

Мендонса гордо выпрямился:

— Я честный человек.

Его слова, кажется, убедили Фосетта. Покопавшись в рюкзаке, биолог достал смятую пачку денег и вытащил из нее две пятисотенные банкноты. Мендонса жадно схватил их и тут же сунул в карман.

Биолог поднял рюкзак:

— В какой стороне находится Нова-Годой?

Мендонса показал на след от колес, пересекающий поляну между ангарами и теряющийся в лесной чаще. За зеленым пологом уступами возвышались горы, увенчанные конусом вулкана, вершина которого скрывалась в облаках.

— По этой дороге. Приблизительно в трех милях отсюда. Другого пути нет.

— Три мили? — нахмурился Фосетт. — Почему вы мне раньше об этом не сказали?

— Я думал, что вы знаете, — пожал плечами Мендонса.

Фосетт подозрительно посмотрел на него:

— Вы должны дождаться меня. Я вернусь через три дня — через семьдесят два часа — к полудню.

— Я буду спать прямо в лодке. У меня с собой все необходимое. — Проводник усмехнулся и раскурил сигару.

— Превосходно.

Биолог с трудом забросил рюкзак на плечи, подтянул ремни и отправился в путь по грязной дороге. Его фигура то исчезала в тумане, то появлялась вновь. Как только он зашел в лес и окончательно пропал из виду, Мендонса спрыгнул в лодку, запустил двигатель и отчалил, двигаясь по течению в сторону Альсдорфа с максимальной скоростью, на какую был способен мотор.

58

На самом пороге слышимости Пендергаст различил шум лодочного мотора, удаляющийся вниз по течению. По его губам скользнула тень улыбки, и он продолжил путь по оставшейся после джипа колее сквозь мокрую хвою остроконечных араукарий, то и дело роняющих на землю тяжелые капли. Как и прежде, время от времени он останавливался, чтобы рассмотреть очередную бабочку. Дорога вела все выше и выше, пока не исчезла под завесой низких облаков.

Через полчаса колея пропала, достигнув кромки вулканического кратера. Оттуда поднимался туман, и граница видимости уменьшилась до нескольких сотен ярдов.

Пендергаст попытался рассмотреть что-нибудь внизу, затем достал из кармана свернутый листок бумаги — рисунок Тристрама, изображающий горы возле Нова-Годой, вид которых мальчик не сумел объяснить на словах. Рисунок был очень похож на то, что сейчас видел перед собой Пендергаст.

Он начал спускаться, и, когда колея снова стала заметна, впереди возникли два столба, высеченные из застывшей вулканической лавы. Массивные решетчатые ворота закрывали проход, а по обеим сторонам от них в лес уходила высокая каменная стена. За воротами виднелась сторожка. Когда Пендергаст подошел ближе, из нее выскочили два охранника, вскинули винтовки и окликнули его на немецком языке.

— Я говорю только по-английски, — прокричал в ответ Пендергаст, поднимая руки. — Я биолог. Разыскиваю редких бабочек.

Один из охранников, вероятно старший, выступил вперед и заговорил на отличном английском:

— Кто вы такой? Как попали сюда?

— Меня зовут Персиваль Фосетт, — сказал Пендергаст, выискивая в рюкзаке британский паспорт. — Я — член Королевского энтомологического общества. Приплыл сюда по реке на моторной лодке. И должен вам сказать, что это было мало похоже на увеселительную прогулку.

Охранники немного расслабились и опустили винтовки.

— Это частная территория, — объявил старший. — Вам нельзя идти дальше.

— Я проехал полмира, чтобы найти Королеву Беатрис, — ответил Пендергаст умоляюще и в то же время настойчиво. — И не могу повернуть назад. — Он протянул охраннику аккуратно сложенный листок. — У меня есть рекомендательные письма от губернаторов Санта-Катарины и соседнего штата. — Затем он вытащил другие бумаги на государственных бланках, скрепленные печатью и заверенные нотариусом. — А вот письмо из Королевского энтомологического общества с просьбой помочь моим исследованиям, и другое — из отдела лепидоптерологии Британского музея, поддержанное Sociedade Entomológica do Brasil[86]. — Еще один документ показался на свет. — Как видите, мои исследования имеют огромную научную ценность.

Он говорил все громче и громче.

Старший охранник взял пачку бумаг, хмуро осмотрел их, и недовольная гримаса исказила черты его точеного нордического лица.

— Мы не разрешаем проход никому, ни при каких обстоятельствах, — отрезал он. — Я вам уже объяснил, что это частная территория.

— Если вы не пропустите меня, — пронзительно выкрикнул Пендергаст, — будет грандиозный скандал. Это я вам гарантирую. Международный скандал!

На лице охранника появилось обеспокоенное выражение. Он отошел на пару шагов и посовещался с товарищем. Потом зашел в караулку и запросил инструкции по радио. Выслушав ответ, он вернулся к воротам и произнес:

— Подождите здесь.

Через несколько минут к воротам подъехал джип с водителем в военной форме и сидящим позади него мужчиной в сером мундире. Автомобиль остановился, пассажир открыл дверцу и направился к воротам. Хотя на плечах у него не было погон, армейская выправка выдавала в нем офицера.

— Откройте ворота, — приказал он.

Охранники раздвинули створки. Мужчина в сером подошел к Пендергасту.

— Капитан Шерман, — представился он с легким немецким акцентом и пожал руку агента. — А вы — господин Фосетт?

— Доктор Фосетт.

— Да, конечно. Вы ведь биолог?

— Именно так, — ответил Пендергаст, повысив голос. — Как я уже объяснял этим людям, я проехал полмира, чтобы завершить свои исследования исключительной научной важности. Что подтверждают письма от губернаторов двух бразильских штатов, а также из Британского музея и Королевского энтомологического общества, сотрудничающего с Sociedade Entomológica do Brasil. — Это название он произнес с чудовищным акцентом. — Я требую, чтобы ко мне относились с почтением. Если меня вынудят повернуть назад, вас ждет судебное разбирательство, я вам обещаю, сэр. Очень серьезное разбирательство!

— Конечно, конечно, — примирительно сказал капитан. — Если я могу…

Пендергаст не желал успокаиваться:

— Я разыскиваю бабочку Королева Беатрис, Lycaena regina, которую считают давно вымершей. Последний раз ее видели в кратере Нова-Годой в тысяча девятьсот тридцать втором году. Я двадцать лет работал…

— Да-да, — нетерпеливо оборвал его капитан. — Я понимаю. Не стоит так волноваться, и не нужно никаких разбирательств. Вы можете пройти. Мы никому этого не разрешаем, но для вас готовы сделать исключение. На непродолжительное время.

— Хорошо, — ответил Пендергаст. — Это очень любезно с вашей стороны. Очень любезно. Если нужно уплатить какие-то сборы…

Капитан замахал рукой:

— Нет-нет. Единственное, на чем мы настаиваем, — с вами должен пойти сопровождающий.

— Это еще зачем? — нахмурился Пендергаст.

— Мы привыкли к уединенной жизни, и кое-кому может не понравиться присутствие посторонних. Вам нужен сопровождающий, прежде всего для вашего удобства и безопасности. Сожалею, но это условие не обсуждается.

— Ну что ж, если это необходимо. Но я собираюсь бродить по лесу в любую погоду, и было бы лучше, если бы со мной отправился человек, способный выдержать большие физические нагрузки.

— Разумеется. А сейчас я должен проводить вас в ратушу, где мы сможем оформить все необходимые документы.

— Это мне нравится гораздо больше, — заявил Пендергаст, усаживаясь в джип рядом с капитаном. — Это замечательно. В самом деле замечательно.

59

Пока они ехали по городу, Пендергаст с нескрываемым интересом смотрел по сторонам. Дождь постепенно затихал, ветер уже начал разгонять тучи, и видимость улучшилась. Широкие улицы с аккуратно оштукатуренными домами вытянулись вдоль берега изумрудного озера. Хотя город был построен не раньше середины прошлого века, архитектура и планировка улиц с булыжными мостовыми в точности воспроизводили атмосферу старых баварских поселений, вплоть до крутых каменных лестниц на набережной, вывесок ручной работы, черепичных крыш и фахверковой конструкции больших общественных зданий.

Нарядная набережная из тесаного камня вела к ухоженным причалам и докам, возле которых были пришвартованы ярко окрашенные рыбацкие лодки и несколько катеров. Дальше все скрывал туман, само озеро пряталось за пеленой дождя, а остров посередине его лишь угадывался тускло-серым силуэтом.

Город резко закончился и сменился лесом, где росли необычайно высокие араукарии вперемежку с другими тропическими деревьями. Темная стена дикого леса, туман и надоедливый дождь резко контрастировали с опрятным, чистым, совершенно европейским с виду городом.

Возможно, именно из-за дождя улицы казались так устрашающе пустынными.

Через несколько мгновений джип подъехал к ратуше, фахверковому строению в псевдосредневековом стиле. Капитан провел гостя через обставленную по-спартански приемную с выстроенными как на парад рядами скамеек и далее, мимо служебных помещений. Следуя за Шерманом, Пендергаст оказался в просторном кабинете с широкими окнами, открывающими великолепную панораму озера. В камине горел огонь, за столом, украшенным вазой с прекрасными алыми розами, сидел розовощекий жизнерадостный здоровяк в тирольском национальном костюме. При этом глаза его оставались крайне невыразительными, словно стеклянные шарики, отражая падающий на них свет, но не излучая своего собственного.

— Burgermeister[87] Келлер, — представил его капитан. — Мэр Нова-Годой.

Келлер поднялся и протянул короткую пухлую руку.

— Я уже знаю, что вы ищете бабочку Королева Беатрис, — радушно произнес он на столь же безукоризненном английском. — Надеюсь, вы ее найдете.

Оформление бумаг было трудоемким делом, но справились с ним на удивление быстро. Пендергасту вручили официальный документ с печатью мэрии, предписывающий всем жителям оказывать ему посильную помощь. В это мгновение в кабинет вошел сухощавый человек лет тридцати пяти, с вытянутым подбородком и высоким выпуклым лбом, нависающим над светло-голубыми глазами. Толстая нижняя губа была намного длиннее верхней, отчего все лицо приобретало странную, несколько вогнутую форму.

— Это ваш сопровождающий, — объяснил мэр. — Его зовут Эгон.

— Вы можете отправиться куда пожелаете, за исключением берега озера и острова, — сказал капитан и добавил после многозначительной паузы: — Надеюсь, в ваши планы не входило посещение острова?

— О нет, — ответил Пендергаст. — Последняя Королева Беатрис была найдена в отдалении от озера. Нет никакой необходимости еще в одной поездке на лодке. Мне хватило и путешествия вверх по реке.

Мэр улыбнулся этой незамысловатой шутке:

— Очень хорошо. Эгон покажет, где вы можете переночевать. Эгон, проследите, чтобы герр доктор получил все необходимое.

Сопровождающий кивнул.

Пендергаст также благодарно наклонил голову:

— Спасибо, вы очень гостеприимны. Но мне не понадобится место для ночлега. Видите ли, на Королеву Беатрис лучше охотиться по ночам.

Они вышли на улицу. Солнце наконец-то пробилось сквозь облака и залило город мягким светом. Над озером медленно раздвинулась завеса тумана, открывая взгляду остров — конус застывшей лавы, увенчанный мрачной старинной крепостью с

полуразрушенными черными башнями и зубчатыми стенами с провалами бойниц. На секунду солнечные лучи прорезали туман, и Пендергаст различил за стенами похожий на вспышку блеск металла.

Выглянувшее солнце удивительно преобразило город. Внезапно, словно где-то прорвалась плотина, улицы заполнились мужчинами и женщинами, спешащими по своим делам. Это напоминало кадры из старого кинофильма. Многие горожане были одеты по моде сороковых годов прошлого столетия. Женщины с завитыми челками в строгих жакетах и платьях с широкими плечами, мужчины в темных мешковатых костюмах и шляпах, покуривающие трубки. Некоторые носили рабочие комбинезоны, кепки или соломенные шляпы. Все они выглядели довольно привлекательно и принадлежали к классическому скандинавскому типу: высокие, светловолосые и голубоглазые. Многие ехали на велосипедах, другие шли пешком, кое-кто толкал впереди себя тачку или тележку. Но Пендергаст не заметил на улицах ни одного автомобиля, за исключением джипов времен Второй мировой войны с шоферами, одетыми в форму цвета хаки, и важными пассажирами в серых мундирах. Только они имели при себе оружие — пистолеты крупного калибра, а иногда даже штурмовые винтовки с увеличенными магазинами.

Прохожие останавливались и смотрели на Пендергаста, одни с праздным любопытством, другие с откровенной враждебностью. Потому что доктор Персиваль Фосетт выделялся в толпе, как белая ворона. Чего он на самом деле и добивался.

Пендергаст устремился к причалу, на ходу громко объясняя провожатому, что Королева Беатрис предпочитает прибрежные районы и появляется обычно перед рассветом, а не на закате, как думают все остальные. Эгон вроде бы и не слушал его, но без устали шагал вслед за ученым.

Лодки на пристани содержались в превосходном состоянии, хотя некоторые были намного большего размера, чем требовалось для рыбалки на озере. Кроме них, там стояли на приколе две моторные баржи с тяжелыми механизмами непонятного назначения, опять-таки слишком громоздкими для небольшой сельскохозяйственной общины. Трудно было даже предположить, как все это смогли доставить на отдаленное, изолированное озеро. Вечерело, и на причале царила деловая суета. Рыбаки перегружали дневной улов на тяжелые ручные тележки и сразу же обкладывали его льдом. Все они

производили впечатление сильных, трудолюбивых и независимых людей — одним словом, идеальное общество. Пендергаст не заметил в городе ни одного бара или кафе.

— Скажите, Эгон, неужели в городе совсем не употребляют спиртное? Это запрещено?

Увы, он не дождался не только ответа, но даже слабого намека на то, что вопрос вообще был услышан.

— Ну хорошо. Пойдем дальше.

Он двинулся вдоль причалов. Непогода окончательно уступила место красивому, зачаровывающему закату. Огромный оранжевый шар солнца медленно опускался в багряные облака над противоположным берегом, отражаясь в воде и высвечивая силуэт полуразрушенной крепости на острове.

Позади дальнего причала виднелось странная композиция из трех огромных валунов, на удивление одинаковых по форме и размеру. Они возвышались над поверхностью воды на несколько футов и располагались треугольником на расстоянии приблизительно в десять ярдов друг от друга. Здесь Пендергаст остановился и оглянулся на город, спускающийся к озеру по склонам кратера. Удивительная картина чистоты, аккуратности и порядка. Добротные здания, белеющие свежей штукатуркой; ставни, расписанные в яркие голубые и зеленые тона; под многими из окон подвешены ящики с цветами. На улицах не видно никакого мусора, даже старых автомобильных покрышек, никаких надписей на стенах и заборах, ни одной бродячей собаки… или вообще ни одной собаки. А также пьяниц, бродяг и бездельников. Не слышно ругани, криков, громкого шума.

Помимо собак и мусора, в городе не хватало еще чего-то привычного. На улицах встречалось множество пожилых людей, но ни одного дряхлого старика, толстяка или калеки. И что особенно интересно, никаких близнецов.

Одним словом, не город, а прекрасная маленькая утопия, затерянная в джунглях Бразилии.

Когда на озеро опустились сумерки, в крепости зажглись огни. В ночной тишине стоявший на причале Пендергаст различил отдаленные звуки, доносящиеся с разных концов озера: гудение генераторов, металлический лязг механизмов, потрескивание

электрических контактов и за всем этим — очень слабый, отдаленный крик какой-то птицы… или, может быть, истязаемого человека.

60

За причалами вдоль извилистой береговой линии раскинулся галечный пляж. Дальше, на расстоянии в четверть мили, сплошной стеной с острыми зубьями вставал лес. Как только солнце, опустившись ниже последнего слоя облаков и выдав прощальный фонтан света, исчезло за горизонтом, небо сделалось совсем черным.

Пендергаст вытащил из рюкзака красный фонарь. Затем повернулся к невозмутимому Эгону и произнес тихим, дрожащим от волнения голосом:

— Мой дорогой спутник, сейчас наступит время Королевы Беатрис.

Он побрел по пляжу, Эгон двинулся следом. Несколько лодок сохли на берегу, задрапированные в рыбацкие сети. Дальше пляж переходил в нагромождение скал, а еще несколько минут спустя биолог достиг опушки леса. Последний луч солнца блеснул за островной крепостью, едва различимый в свете прожекторов. Еще один отдаленный крик — птицы или человека? — пронесся над водой.

— Эгон, вы видите эти развалины? — спросил Пендергаст и показал рукой в сторону острова. — Зачем они так ярко освещены? Что там происходит?

В глазах провожатого, внимательно разглядывающих биолога, отражались крепостные огни.

— Опытное хозяйство, — в первый раз соизволил ответить он. — Животноводческая ферма.

— Ферма? — покачал головой Пендергаст. — Нет, меня это не интересует. Мне нужно в лес. — Он порылся в рюкзаке и достал еще один фонарик. — Это для вас. Пожалуйста, не пользуйтесь обычным фонарем. Королева Беатрис не выносит яркого света. Следуйте за мной, не отставайте и не шумите.

Он протянул Эгону красный фонарик и направился вглубь леса. Колючие ветки араукарий, переплетаясь с густым кустарником, преграждали дорогу. Земля была все еще влажной после дождя. Но Пендергаст, гибкий и проворный, как змея, легко продирался сквозь

заросли, поводя красным лучом то в одну, то в другую сторону и держа сачок наготове.

— Не шумите! — прошипел он, не оборачиваясь, когда Эгон запнулся о корень и едва устоял на ногах.

Они продвигались вверх по склону. В этой части леса не попадалось никаких признаков присутствия человека; похоже, никто из горожан сюда не забирался. Совершенно дикая местность. И все же в этом лесу чувствовалось что-то неправильное.

— Вот она! — вдруг закричал Пендергаст. — Вы видели? Боже мой! Не могу поверить!

И он рванулся вперед через подлесок, мигая красным фонарем и суетливо размахивая на бегу сачком. Эгон окликнул его и бросился в погоню, но поскользнулся и упал лицом вниз.

Десять минут спустя, устроившись на массивной ветке приблизительно в тридцати футах над землей, Пендергаст наблюдал, как Эгон мечется по лесу, обшаривая мощным фонарем каждый куст и выкрикивая имя Фосетта хриплым от испуга голосом.

Он подождал еще полчаса, пока его провожатый не удалился на достаточное расстояние к югу. Затем с ловкостью обезьяны бесшумно спустился с дерева. Прикрепив к фонарю специальную коническую насадку, Пендергаст стремительно направился на север, поднимаясь по склону. Через полчаса он оказался на узкой кромке между двумя кратерами. Здесь он выключил фонарь. Деревьев вокруг было мало, и открывался хороший обзор на всю соседнюю котловину, освещенную яркой луной. Склон оказался довольно пологим, и на многие мили во все стороны на плодородной вулканической почве раскинулись поля и пастбища. Здесь была житница Нова-Годой, очевидно занявшая место бывших табачных плантаций. Микроклимат в котловине почти идеально подходил для сельского хозяйства. А на дальнем склоне виднелась россыпь мертвых черных холмов, напоминающих колпаки. К ним жались многочисленные амбары, сараи, оранжереи, сейчас, вероятно, пустые. Ни единого огонька не светило в бархатной темноте ночи.

По кромке кратера проходила едва заметная колея, и Пендергаст двинулся вдоль нее, пока не обнаружил другую дорогу, ныряющую вниз по склону, сначала довольно крутому, но ближе к полям почти сходящему на нет. Он добрался до первого кукурузного поля, чуть

колышущегося в лунном свете, зашел в него и быстро зашагал к стоящим вдалеке постройкам.

На соседних полях, кроме кукурузы, выращивали и другие культуры — томаты, бобы, тыквы, пшеницу, рожь, хлопок и люцерну, а некоторые участки оставляли под пастбища для скота. Пендергаст миновал их, не сбавляя шага, и вскоре оказался на дальнем склоне котловины.

Он подошел к ближайшей постройке — огромному сборно-металлическому ангару с плоской крышей. Дверь была заперта на висячий замок. Несколько ловких движений, и замок упал на землю. Пендергаст приоткрыл дверь и проскользнул внутрь ангара, наполненного запахами машинного масла, солярки и земли. Он быстро осветил помещение красным фонарем и увидел стоящие вдоль стен разнообразные сельскохозяйственные машины: тракторы, культиваторы, плуги, бороны, сеялки, комбайны, прессы для упаковки соломы, экскаваторы и транспортеры. Все как один — устаревшей конструкции, но в отличной сохранности.

Пендергаст вышел из ангара с противоположной стороны. Из коровника справа раздавалось негромкое мычание. Слева выстроился ряд силосных башен. Прямо перед ним располагались оранжереи. Очень большая и богатая ферма, приносящая неплохой доход и содержащаяся в идеальном порядке. Но сейчас здесь никого не было.

Пендергаст осмотрел оранжереи. Застекленные стены мерцали в лунном свете. Там выращивались самые разнообразные цветы. В одной из оранжерей росли экзотические розы всех оттенков.

Дальше высились черные безжизненные холмы пепловых конусов[88] с высокими крутыми склонами. Пендергаст обошел один из них и остановился. Там стоял узкий и длинный сарай без единого окна, задняя его часть была засыпана пеплом.

Пендергаст подкрался к нему и прислонил ухо к двери. Сначала он ничего не услышал, но затем начал различать слабые звуки: внутри кто-то двигался, вздыхал, возможно, даже кашлял.

Дверь оказалась неожиданно тяжелой, сколоченной из толстых досок и обитой железом. Замок тоже был крепкий и надежный, но под натиском Пендергаста не продержался и минуты. Дверь бесшумно отворилась на смазанных петлях, и наружу вырвался отвратительный, удушливый запах. Внутри было абсолютно темно.

Пендергаст зашел в сарай, освещая дорогу красным фонарем. Оказалось, что это всего лишь вход в другое помещение, построенное под землей или, возможно, внутри пеплового конуса. Туда вели широкие стертые ступени каменной лестницы. Пендергаст остановился на верхней и выключил фонарь. Внизу он разглядел слабый красноватый огонек, зловонный запах немытых тел заметно усилился. Спустившись по лестнице, агент оказался в длинном темном тоннеле. Теперь звуки слышались отчетливее. Невнятное бормотание, стоны, храп — эти звуки наверняка издавали люди. Множество людей.

Прижимаясь к стене, Пендергаст осторожно двинулся вперед по темному тоннелю. В дальнем его конце горели два красных огонька. Они пробивались сквозь зарешеченные окошки тяжелых двойных дверей. Пригнувшись, Пендергаст подкрался к одной из них, ощупал замок, прислушался. За дверью кто-то ходил взад-вперед, вероятно охранник. Агент выбрал подходящий момент, когда охранник должен быть далеко от двери, приподнялся и посмотрел в окошко.

Он увидел большое помещение, освещенное несколькими тусклыми лампочками, свисающими на проводах с потолка. Ряды грубых трехъярусных нар уходили в темноту. Жалкие подобия людей, завернувшись в одеяла, лежали на них, забывшись в тяжелом, беспокойном сне. Время от времени кто-то из них просыпался и, словно призрак, шаркающими шагами направлялся в туалет у боковой стены, а потом возвращался обратно. Некоторые, видимо страдающие бессонницей, бесцельно бродили из угла в угол. В их усталых, безразличных глазах отражался лишь красноватый свет лампочек.

Все, кого Пендергаст не приметил на улицах Нова-Годой: калеки, больные, немощные старики и в особенности слабоумные, — все собрались здесь. Однако больше всего ужасало то, что их лица казались знакомыми. Несколько часов назад Пендергаст видел их в городе. Точнее, не этих людей, а их улыбчивых, жизнерадостных близнецов. Но в лицах этих двойников из подземелья читались отчаяние и безнадежность, слабоумие или психическая болезнь. Жилистые тела, потемневшая от загара кожа и мозолистые руки подсказывали, что этим людям приходится много работать в поле.

Краем глаза Пендергаст заметил, что охранник возвращается. Высокий, сильный и здоровый, он резко отличался от тех, кого

охранял. В его присутствии, казалось, не было особой необходимости: эти бедняги не смогли бы решиться на бунт, побег или какое-то другое сопротивление. Все лица выражали одинаковую и полную покорность судьбе и смирение.

Пендергаст отвел взгляд от окошка и двинулся обратно к лестнице в конце тоннеля. Несколько минут спустя он жадно вдыхал свежий и прохладный наземный воздух. Но гротескные образы этих несчастных навсегда врезались в его память.

61

На этот раз Фелдер простоял в темноте под окнами библиотеки больше часа, вздрагивая то ли от холода, то ли от страха. Дом казался мертвым: не горели огни, не доносилось никаких звуков. А самое главное, не проходил по комнатам Дакчак. Наконец, собравшись с духом, доктор открыл окно и проник в библиотеку.

Оставив окно открытым на случай поспешного бегства, он долго стоял в холодной комнате и прислушивался. Ничего, ни единого звука. Как он и надеялся.

Фелдер продумал каждую деталь. Несколько ночей он наблюдал за библиотекой с безопасного расстояния, устроившись на ветвях туи. Все было тихо. Та ночная встреча с Дакчаком оказалась досадной случайностью. Судя по всему этот страшный человек не имел привычки по ночам прогуливаться по дому. Накануне мисс Винтур снова позвала доктора на чай, и ни она сама, ни ее слуга не проявили ни малейшего признака недовольства. Похоже, его ни в чем не подозревали.

Но Фелдер понимал, что долго так продолжаться не может. Он должен довести дело до конца сегодня ночью, пока не потерял остатки смелости. И так уже Констанс и «Маунт-Мёрси» начали казаться ему бесконечно далекими.

Он прошел вдоль шкафов, касаясь волнистой поверхности витражных стекол, чтобы не потерять ориентировку в темноте. Буква W, а значит и папка Александра Винтура должны находиться в самом конце, у дальней стены, возле раздвижных дверей, ведущих в коридор. К счастью, сейчас двери были плотно закрыты.

Фелдер остановился у предпоследнего шкафа и прислушался — в доме по-прежнему было тихо. Он достал из кармана фонарик и, старательно прикрывая его рукой, осветил стоящие на полке книги. Травен. Трапп. Тремейн[89]

Выключив фонарь, он подошел к следующему, последнему шкафу. Еще раз прислушался, но не уловил ни малейшего шума. Затем снова зажег фонарь и направил луч на верхнюю полку. Семь томов Вольтера в красивых кожаных переплетах. И рядом с ними — несколько пачек сложенных листов пергамента, перевязанные

потемневшей от времени красной лентой.

Фелдер перенацелил фонарь на полку ниже, прошелся лучом по корешкам книг. «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда и «Этот неподражаемый Дживс» Вудхауза. Вероятно, первые издания. А между ними — три туго набитые папки из черной кожи, потертые и невзрачные, не подписанные и вообще никак не обозначенные.

Сердце Фелдера лихорадочно забилось.

Держа фонарь в зубах, он открыл шкаф и снял с полки первую папку, всю покрытую пылью, как будто к ней лет сто никто не прикасался. Затаив дыхание, доктор осторожно открыл ее. Внутри хранились десятки эскизов и грубых набросков будущих картин. Все они были выцветшие и полустертые и напоминали те работы художника, которые Фелдер видел в Историческом обществе.

Его сердце застучало еще быстрей.

Он начал бегло просматривать эскизы, перебирая их дрожащими пальцами. Два верхних листа не были подписаны, но в нижнем правом углу третьего виднелся четкий автограф: «Винтур, 1881».

Фелдер перевернул все листы и взглянул на заднюю внутреннюю сторону папки. Конверт был на месте — ветхий, пожелтелый, удерживающийся на тонкой полоске клея. Доктор вынул из кармана скальпель и аккуратно отделил конверт от папки. Пальцы вдруг одеревенели, и открыть конверт удалось лишь со второй попытки.

Внутри лежал небольшой локон темных волос.

Долгое мгновение Фелдер просто смотрел на него со странными, смешанными чувствами торжества, огромного облегчения и легкого недоверия. Значит, это правда… стало быть, и все остальное — тоже правда.

Но минуточку, а вдруг это не тот локон? Возможно, Винтур просто коллекционировал детские волосы. Маловероятно, но все-таки нужно проверить другие две папки.

Опустив конверт в карман, Фелдер поставил папку обратно на полку и взял следующую. Там тоже лежали эскизы и акварели художника. Доктор взволнованно и часто дышал, торопясь закончить дело. Никаких локонов во второй папке не оказалось. Он взял с полки третью и быстро просмотрел ее содержимое, в спешке надорвав

несколько листов. И опять ничего не нашел. Фелдер закрыл папку и вернул ее на место торопливым, неловким движением. Папка с глухим стуком ударилась о полку.

Фелдер замер, сердце опять застучало как сумасшедшее. В ночной тишине даже такой слабый звук казался раскатами грома.

Он выждал несколько мгновений.

Но в пустом холодном доме не чувствовалось даже дуновения ветра. Постепенно мышцы доктора расслабились, дыхание замедлилось. Никто не проснулся от шума. Он просто становится параноиком.

Конверт слабо похрустывал в кармане. Только теперь, когда прошел испуг, Фелдер в полной мере осознал значение этой находки. Не осталось никаких сомнений: Констанс действительно сто сорок лет. И она вовсе не умалишенная. Она все время говорила одну лишь правду.

Странно, но это открытие потрясло его меньше, чем он предполагал. На самом деле он уже давно поверил той спокойной сдержанной интонации, с которой Констанс рассказывала свою историю, точному, до мельчайших деталей, описанию того, как выглядела Уотер-стрит в конце девятнадцатого века, и самой честности и открытости натуры этой молодой женщины. В конце концов, он просто хотел ей поверить, потому что…

Неожиданно дверь с грохотом отъехала в сторону, и в библиотеку вошел Дакчак, одетый все в тот же бесформенный балахон, все с тем же ужасным оружием в руках. Он уставился на Фелдера черными бусинками маленьких глаз.

С отчаянным криком доктор метнулся к окну, но слуга оказался быстрее. Он в три прыжка пересек комнату и захлопнул окно. Затем молча, и оттого еще ужаснее, усмехнулся, и Фелдер впервые заметил, что зубы у него заострены наподобие звериных клыков. Доктор снова закричал и попытался защищаться. Но Дакчак мгновенно ухватил его за шею, и татуированная рука, словно петля, сдавила горло с такой силой, что крик Фелдера тут же оборвался.

Он отчаянно сопротивлялся, но вдруг почувствовал вспышку обжигающей боли. Дубинка Дакчака с ужасающей силой обрушилась ему на голову. Колени Фелдера подогнулись, а через секунду слуга мисс Винтур бросил его на пол и нанес новый удар в грудь, от

которого у доктора перехватило дыхание.

Красный туман разлился перед его глазами, он лишь усилием воли сохранял сознание и все еще пытался освободиться. Наконец ему с огромным трудом удалось сделать судорожный вдох. Туман потихоньку рассеялся, и Фелдер разглядел в тусклом свете Дакчака, стоящего над ним со сложенными на груди мощными татуированными руками. Его неестественно маленькие глаза горели, как угли в камине. За спиной у него появилась миниатюрная фигурка мисс Винтур.

— Так, — произнесла она. — Ты оказался прав, Дакчак. Этот человек — обыкновенный вор, лишь для отвода глаз арендовавший мою сторожку. — Она презрительно взглянула на Фелдера. — Подумать только, какое коварство: он пил чай в моем доме, пользовался моим гостеприимством, а сам замышлял ограбить слабую, беззащитную женщину. Каков негодяй!

— Прошу вас, — начал оправдываться Фелдер, поднимаясь на колени. В голове пульсировала боль, ребра, вне всякого сомнения, были сломаны, а во рту чувствовался металлический привкус крови. — Выслушайте меня. Я не собирался ничего красть. Просто хотел взглянуть на библиотеку, о которой слышал столько…

Он умолк на полуслове, увидев, что Дакчак снова угрожающе поднял дубинку. Теперь мисс Винтур вызовет полицию, доктора Фелдера арестуют и отправят в тюрьму. Это погубит его карьеру. И о чем он только думал?

Слуга нерешительно посмотрел на свою хозяйку, словно спрашивая: «Что мне с ним делать дальше?»

Доктор судорожно сглотнул. Вот и все. Сейчас приедет полиция, и начнется унизительная процедура ареста. Тут уже ничего не поделаешь. Но можно хотя бы сочинить убедительную историю в свое оправдание.

Мисс Винтур еще раз впилась в него презрительным взглядом. Затем повернулась к Дакчаку.

— Прикончи его, — сказала она. — И закопай труп в подвале. Рядом с остальными.

С этими словами она вышла из библиотеки, ни разу не оглянувшись.

62

Доктор Джон Фелдер медленно, как лунатик, брел по истершейся, покрытой плесенью ковровой дорожке старого особняка. Из раны на голове тонкой струйкой сочилась кровь и стекала по шее, при каждом шаге боль в сломанных ребрах вспыхивала с новой силой. Дакчак шел следом, время от времени подталкивая его дубинкой в спину. Слуга не проронил ни единого звука, слышны были только шорох его балахона и шуршание босых ног по ковру. Пожилая леди скрылась на верхнем этаже дома.

Фелдер брел по коридору, ничего не замечая вокруг. Это было немыслимо, невозможно. Еще мгновение, и он проснется на своем неудобном тюфяке в сторожке. Или в нью-йоркской квартире. И вся эта сумасшедшая поездка в Саутпорт окажется диким ночным кошмаром…

Дакчак снова подтолкнул его закругленным концом дубинки, и Фелдер с предельной ясностью осознал, что этот кошмар происходит с ним наяву.

И все же доктор отказывался верить, что мисс Винтур действительно велела слуге убить его. Может быть, она просто решила напугать вора? А что означал ее странный приказ закопать труп в подвале рядом с остальными?

Он остановился. Впереди в тусклом чахоточном свете лампочки виднелась столовая, дальше — помещение, похожее на кухню с дверью у дальней стены. Дверью, ведущей в ночную темноту и к свободе. Но Дакчак указал дубинкой другое направление — налево, в другой такой же коридор.

Фелдер начал оглядываться по сторонам. На стенах висели засиженные мухами старинные гравюры. На маленьких столиках стояли фарфоровые статуэтки. И ничего, что могло бы заменить ему оружие. Он случайно задел рукой карман и вспомнил, что там лежит: отвертка, скальпель и локон Констанс. Фонарь он выронил еще в библиотеке, когда упал от мощного удара Дакчака. Скальпель с дюймовым лезвием покажется этому сильному и ловкому парню детской игрушкой. На отвертку и то больше надежды — может быть, удастся всадить ее в грудь этому мерзавцу. Но он невероятно быстр, так что наверняка успеет увернуться и лишь рассвирепеет.

Нет, это безнадежно. Даже хуже, чем безнадежно.

Дакчак ткнул дубинкой в одну из дверей и жестом приказал Фелдеру открыть ее. Доктор взялся за ручку, его влажная ладонь скользнула по белому мрамору. За дверью была темнота. Дакчак повернул старомодный переключатель, и под потолком вспыхнула лампочка, освещая грубо сколоченную лестницу в подвал.

Ноги у Фелдера затряслись от страха, скрытого под растерянностью, болью и недоумением. Это было попросту невозможно.

— Нет, — сказал он, отпрянув от лестницы. — Нет, прошу вас. Вы ведь не сделаете этого?

Дакчак молча ткнул его дубинкой в спину.

— Я дам вам денег, — пролепетал Фелдер. — У меня есть сто пятьдесят долларов, там, в сторожке. Это останется между нами, она никогда ничего не узнает.

Дакчак снова толкнул его. Доктор пошатнулся и ухватился за перила, чтобы не упасть. Будь удар чуть сильнее, и он скатился бы с лестницы головой вперед.

— Вы не посмеете просто так убить меня. Соседи знают, что я арендую сторожку. Сюда придут полицейские с обыском и разнесут весь дом по кирпичикам.

Но еще не договорив, Фелдер понял, что полиция не сделает ничего похожего. Кто поверит, что пожилая леди способна на хладнокровное убийство? Он никому не сказал, что поселился здесь, к тому же назвался чужим именем. Даже если полицейские и появятся здесь, они просто вежливо постучатся, зададут пару дежурных вопросов и отправятся искать дальше.

Еще один удар в спину оборвал его мысли.

У Фелдера внезапно пересохло в горле. Ош шагнул на верхнюю ступеньку, потом на следующую. Дакчак спускался позади него.

Время словно замедлилось. Каждый шаг к подвалу казался пыткой. «Прикончи его. И закопай труп в подвале». О господи! Его ведь в самом деле хотят убить. Или просто пугают? Может быть, это всего лишь жуткая, безумная шутка? Но он и сам не верил в такую возможность.

Он спустился до конца лестницы и остановился. Здесь было холодно и сыро, только висящая над верхней ступенькой лампочка освещала ему дорогу, да еще с левой стороны, из-за двери в конце узкого коридора, пробивался слабый мерцающий свет.

Вот и конец. Фелдер каждую секунду ожидал рокового удара дубиной по голове, ослепительной вспышки боли, раскалывающей череп, и погружения в темноту. Но Дакчак всего лишь снова подтолкнул его в спину.

Они прошли по коридору, потом за дверь. Уголком глаза Фелдер заметил высокие свечи с колеблющимся пламенем, украшенный причудливыми узорами полотняный занавес и маленькие каменные статуэтки на постаментах, расставленных полукругом. Логово Дакчака.

За ним была еще одна дверь. От одного взгляда на нее Фелдер тяжело задышал, а из глаз потекли слезы.

— Умоляю вас, — пробормотал он. — Пожалуйста, умоляю вас.

Они добрались до конца коридора. Дакчак молча кивнул на дверь. Фелдер протянул дрожащую руку, ноги отказывались держать его. Только с третьей попытки он как следует ухватился за ручку и повернул ее.

Дверь отворилась в полную темноту. Далекие огоньки свечей выхватывали из мрака смутные очертания предметов: корзины с яблоками, ящики с гниющей репой и морковью, стеллажи с выстроенными в несколько рядов банками, многие из которых давно треснули и все содержимое пролилось на нижние полки или свисало замерзшими сосульками.

Тот самый подвал.

Фелдер начал громко всхлипывать. Казалось, что это плачет кто-то другой, а не он. Дакчак снова подтолкнул его, но на этот раз доктор не смог — или не пожелал — сдвинуться с места. Его рука инстинктивно потянулась в карман к старому конверту.

— Констанс, — пробормотал он.

В этот момент смертельной опасности Фелдер вдруг понял — хотя, вероятно, должен был догадаться гораздо раньше, — что он безнадежно влюблен в эту женщину. Возможно, он и прежде все понимал, но запрещал себе даже думать об этом. Все, что он сделал,

он сделал ради нее. И вот все кончено. Она даже не узнает, что он отыскал ее локон. Как не узнает и о том, какую цену ему пришлось за это заплатить.

Дакчак еще раз толкнул его. И опять Фелдер остался на месте, не в силах сделать и шага.

Дубинка со страшной силой опустилась на плечо доктора, он вскрикнул и пошатнулся. Следующий удар пришелся по ногам, и Фелдер упал, ударившись головой о глиняный пол.

Вот и все.

Внезапно страх отступил, и Фелдер готов был поклясться, что это произошло из-за осознания чувства к Констанс. На место страха пришло удивление… и гнев. Он не мог поверить, что уйдет из жизни именно так, что последним, на что упадет его взгляд, будет этот грязный пол, огромные, как бревна, ноги Дакчака и ногти на этих ногах, черные и обломанные. Фелдер пришел в бешенство от такой несправедливости. Он всю жизнь творил добро, лечил больных, пытался стать лучше, честнее и добрее… а теперь оказался беспомощной жертвой тупого убийцы?

Рука, все еще сжимавшая конверт, коснулась чего-то твердого и холодного. Скальпель. Пальцы разжались, выпуская скомканный кусок бумаги, и снова сомкнулись на стальной рукоятке. Внезапно Фелдер понял, как он должен поступить.

Резким движением он выдернул руку из кармана, зажал скальпель между большим и средним пальцем, а указательный вытянул вдоль лезвия, как учили в медицинской школе, и со всей силы полоснул по мощному ахиллову сухожилию на ближней ноге Дакчака.

Раздался хлюпающий звук, и сухожилие, словно отпущенная тетива, рванулось вверх и скрылось под икроножной мышцей гиганта. Он тут же повалился на колени, глаза его выкатились из орбит, рот изумленно округлился, и доктор в первый раз услышал голос Дакчака — оглушительный, напоминающий мычание вопль.

Фелдер вскочил на ноги, сжимая в руке окровавленный скальпель. Дакчак еще раз взвыл и попытался схватить его, но доктор увернулся и в то же мгновение яростно махнул лезвием, разрезав ладонь слуги, как спелую дыню.

— Хочешь еще, сукин сын? — закричал Фелдер, сам удивляясь собственной вспышке гнева.

Но Дакчак был полностью захвачен болью. Он катался по земле, держась за лодыжку окровавленной рукой и надрывно воя, словно ребенок.

Почувствовав невероятный прилив сил, доктор развернулся, взобрался по лестнице и прошел через гостиную, сшибая на ходу стулья.

Откуда-то сверху донесся недовольный голос мисс Винтур:

— Ради всего святого, Дакчак! Продолжай веселиться, только не надо так шуметь!

Прихрамывая, но стараясь двигаться как можно быстрее, Фелдер миновал темную кухню. Внизу продолжал выть обезумевший от боли Дакчак, но сюда его вопли долетали уже приглушенными. Повозившись немного с замком, доктор открыл входную дверь. Не обращая внимания на боль в сломанных ребрах и ушибленной ноге, он продрался сквозь окружающие особняк заросли к сторожке, схватил чемодан и ключи, а затем захромал к своему «вольво», сел в машину, включил мотор, вырулил на Сентер-стрит и на полной скорости помчался прочь от этого ужасного особняка.

63

В тропическом лесу все так же властвовала ночь. Над толстыми стволами деревьев и цветущими орхидеями плыл туман. Пендергаст вернулся туда, где оставил Эгона, и вскоре отыскал следы его неуклюжих перемещений: сломанные ветки, оборванные листья, отпечаток ботинка на поросшей мхом земле. Определив направление, Пендергаст быстро двинулся по следу, пока не услышал голос провожатого. Тот все еще блуждал по лесу и громко выкрикивал его имя.

— Я здесь! — отозвался он и помахал фонариком. — Здесь!

— Куда вы подевались? — с недовольством и подозрением спросил Эгон, подойдя к нему.

— Это я у вас хочу спросить, куда вы подевались? — сердито проворчал в ответ Пендергаст. — Черт побери! Я дал вам четкие инструкции, и вы их не выполнили! Из-за вас я заблудился и плутал по лесу несколько часов, вместо того чтобы искать Королеву Беатрис. Мне придется сообщить мэру о вашем поведении.

Как он и рассчитывал, Эгон, воспитанный в традициях строгой дисциплины и подчинения старшим, тут же испугался.

— Прошу прощения, — промямлил он. — Но вы так быстро побежали, а потом исчезли…

— Хватит оправдываться! — продолжал отчитывать его Пендергаст. — Ночь пропала даром. На этот раз я вас прощаю, но больше никогда не теряйте меня из виду. Меня мог растерзать ягуар, проглотить анаконда. — Он остановился, чтобы перевести дух и успокоиться. — Давайте вернемся в город. Покажите, где меня решили поселить. Я должен поспать хотя бы пару часов.

Грязные и промокшие, они вошли в город на рассвете, когда краешек солнца показался над краем кратера, окрашивая облака в нежно-коралловый цвет. Как только его лучи коснулись мостовой, улицы зажили своей обычной, выверенной по часам жизнью: открылись двери, задымили трубы, заспешили куда-то прохожие. Только остров посреди озера оставался все таким же мрачным и зловещим, из-за его стен по-прежнему доносился непонятный механический шум.

Проходя по оживленным улицам, Пендергаст снова, теперь уже с содроганием, отмечал, что ему знакомы лица многих из этих красивых и деловитых людей. Он только что видел их точные копии в подземном гетто, Эгон привел его к небольшому домику рядом с ратушей. Дверь открыла женщина в опрятном переднике, с кухни доносился запах сдобного теста.

— Herzlich willkommen[90], — сказала хозяйка.

В гостиной за обеденным столом сидели два светловолосых мальчика и завтракали яйцами всмятку и бутербродами с джемом. Они дружно прекратили жевать и уставились на незнакомца с таким же удивлением и любопытством, какое читалось во взглядах почти всех прохожих, встреченных Пендергастом на улицах города.

— Здесь не говорят по-английски, — предупредил Эгон в своей обычной немногословной манере и, не обращая внимания на хозяйку, прошел к узкой лестнице, ведущей наверх.

Они поднялись на два этажа и оказались в небольшой светлой комнате с наклонным потолком и кружевными занавесками на окошке, выходящем на улицу.

— Ваша комната, — объявил Эгон. — Вы останетесь здесь до заката. Вечером хозяйка принесет обед. Я буду ждать внизу. Не выходите из комнаты.

— Оставаться взаперти до самого вечера? — воскликнул Пендергаст. — Зачем? Мне нужно поспать четыре или пять часов. А потом можно прогуляться по городу, осмотреть достопримечательности.

— Вы останетесь здесь до заката, — жестко повторил Эгон и вышел из комнаты.

Пендергаст услышал, как поворачивается в замке ключ.

Как только шаги Эгона прогрохотали по лестнице, он подошел к двери и со снисходительной улыбкой взглянул на примитивный замок устаревшей конструкции. Потом вернулся к рюкзаку и вытащил из него множество баночек с насекомыми, которых он собрал за время путешествия по реке и на сегодняшней ночной прогулке, открыл их и принялся пинцетом раскладывать насекомых на столе, закрепляя их клейкой лентой. Закончив рабо ту, он прямо в одежде улегся на застеленную кровать и тут же уснул.

Через час Пендергаст проснулся от стука в дверь.

— Да? — произнес он по-английски.

Из-за двери послышался взволнованный голос хозяйки:

— Герр Фосетт, hier sind einige Herren, die Sie sprechen möchten[91]

Поднимаясь с кровати, Пендергаст услышал, как поворачивается ключ в замке. Дверь открылась, и в комнату ворвались с полдюжины солдат в серых мундирах с оружием наперевес, возглавляемые капитаном Шерманом. Они действовали четко и слаженно и мгновенно взяли Пендергаста в кольцо, лишив его всякой возможности оказать сопротивление или сбежать.

Пендергаст прищурился и открыл рот, чтобы выразить протест.

— Ни с места! — без особой необходимости сказал Шерман — Руки вверх и в стороны.

Пендергаст молча вытянул руки, и солдаты сняли с него всю одежду, а потом облачили в полосатые рубаху и штаны из грубого материала, похожие на те, что он видел в подземном бараке. Его отконвоировали на первый этаж, затем на улицу и, по-прежнему держа под прицелом, повели в сторону причалов. Странно, но теперь, когда на нем была арестантская одежда, прохожие обращали на него гораздо меньше внимания. Очевидно, они не в первый раз наблюдали подобную картину.

Без единого слова солдаты доставили Пендергаста на палубу небольшого катера, а сами расположились полукругом в нескольких шагах от него. Зашипел паровой двигатель, и катер медленно поплыл в направлении мрачной крепости, оставляя за кормой бурлящий след на воде.

64

Плавание закончилось. Катер встал у каменного причала. Солдаты вывели Пендергаста на берег, подталкивая винтовками в спину. Старая крепость возвышалась прямо над ним, зубцы на верху стены напоминали черные сломанные зубы. Пленника провели по мощенной булыжником дороге к массивным железным воротам с маленькой дверью для пешеходов. Она отворилась, пропустила Пендергаста и конвой и с грохотом захлопнулась.

Удивительная картина открылась взгляду агента. За полуразрушенной внешней стеной скрывались заново отстроенные внутренние укрепления. На старом фундаменте была возведена бетонная надстройка в типичном для нацистов монументальном стиле: прочные глухие стены с редкими окошками в верхних углах здания. На фронтоне был вырезан гигантский барельеф с изображением орла, сжимающего в когтях свастику, — Parteiadler[92]Третьего рейха, единственное украшение этой крепости внутри крепости.

Пендергаст остановился, чтобы оглядеться, но один из солдат снова ткнул его в бок стволом винтовки, рявкнув:

— Beweg dich![93]

Конвой направился к двери, ведущей во внутреннюю цитадель. Здесь было много других солдат: одни стояли в карауле, другие приводили в порядок оружие, третьи просто с усмешкой смотрели на пленника. Мимо пробегали служащие из технического персонала, сгорбившись под грузом своих забот.

Войдя в цитадель, конвоиры повели Пендергаста наверх по сырым, с белыми разводами селитры на стенах, каменным коридорам и лестницам. Навстречу им попалось несколько групп спешащих вниз техников в рабочих комбинезонах. Наконец они добрались до верхней, новой части крепости.

Крутая спиральная лестница привела их к дубовой двери. За ней оказалось неожиданно просторное помещение с высоким потолком и большими окнами, открывающими прекрасный, хотя и ограниченный вид поверх крепостных башен и стен на озеро и на окружающие город леса и горы. Это был роскошно обставленный кабинет с

вытесанными из камня стенными панелями, персидским ковром на полу и массивным антикварным письменным столом между двумя нацистскими флагами. Изящные серебряные статуэтки и старинные картины довершали впечатление. За столом сидел мужчина яркой, запоминающейся внешности, образец истинного арийца: сильный, мускулистый, загорелый, с пронзительным взглядом светлых глаз и аккуратно подстриженным ежиком седых волос.

Он улыбнулся, и Пендергаст мгновенно его узнал. Фишер.

— Очень хорошо, оберфюрер[94] Шерман, — сказал он.

Капитан вытянулся в струнку и щелкнул каблуками.

— Danke, mein Oberstgruppenführer[95]

Фишер поднялся с кресла, достал из серебряного портсигара с гравировкой сигарету «Данхилл», прикурил ее от позолоченной зажигалки и глубоко затянулся, не отводя взгляда от пленника. Выпустив дым, он подошел ближе к Пендергасту, неподвижно стоявшему в окружении конвоиров, неторопливо обошел его кругом, внимательно рассматривая. Затем поднял сильную, жилистую руку, вцепился в фальшивую бороду агента и сорвал ее. Улыбка Фишера стала еще шире.

Он снова поднял руку. Со стороны могло показаться, что он хочет поздороваться, но это было обманчивое впечатление. Фишер неожиданно хлестнул Пендергаста ладонью по лицу с такой силой, что сбил с ног.

— Вытащите у него изо рта эти штуковины, — приказал он.

Один из солдат, по-прежнему наставлявших винтовки на пленника, просунул ствол «люгера» между зубов Пендергаста, а затем запустил ему в рот свои пальцы. Через мгновение он протянул Фишеру то, что обнаружил во рту агента: крошечную отмычку, накладные щеки вроде тех, что артисты используют для изменения внешности, и стеклянную ампулу с прозрачной жидкостью.

Солдаты подняли Пендергаста на ноги. Из разбитого носа агента текла кровь, глаза побелели от ярости.

— Теперь не осталось никаких сомнений, — сказал седовласый, продолжая разглядывать пленника. — Это действительно наш дорогой агент Пендергаст. Как мило с вашей стороны проделать

столь долгий путь, чтобы встретиться с нами. Позвольте представиться. Меня зовут Вольф Конрад Фишер. Я тот самый человек, который похитил вашу жену.

Он снова улыбнулся.

Пендергаст ничего не ответил, и Фишер продолжил:

— Должен признать, что ваша маскировка была недурна. Я понимал, что такой человек, как вы, непременно отправится разыскивать меня… нас. И допускал, что вы, со своими феноменальными способностями, в конце концов нас найдете. Но я никак не ожидал от вас подобного хода. Вместо того чтобы тайно прокрасться в город и выдать себя за местного жителя или прятаться в лесу, вы устроили дерзкий спектакль. Все это Scheiße насчет Королевы Беатрис — великолепная легенда. В особенности потому, что она правдивая. Я восхищен вашей изобретательностью.

Он еще раз затянулся, держа сигарету кончиком вверх, чтобы пепел не падал на ковер.

— В чем вы ошиблись, так это в трюке с Эгоном. Видите ли, Эгон вырос в лесу, он отлично знает лес. Как только мне сообщили, что он потерял вас, я сразу понял, что вы не простой биолог.

Пендергаст никак не отреагировал на его слова.

— Нас с коллегами весьма впечатлили ваши действия на «Фергельтунге». Конечно, это было большое потрясение — узнать, что Хелен Эстерхази жива. Нам очень хотелось продолжить связанные с ней исследования, но вы вынудили нас оборвать эту ниточку довольно грубым образом. Но нам, по крайней мере, удалось отыскать могилу, которую вы для нее вырыли, и произвести вскрытие останков.

Фишеру показалось, что один глаз Пендергаста слегка дернулся.

— О да, мы не могли упустить такую возможность. Мы ведь прежде всего ученые. Ваше эффектное и неожиданное вмешательство в нашу программу, которая так и называется — «Vergeltung»[96], и последовавшая за этим погоня — все это сильно обеспокоило нас. Но мы, как истинные ученые, быстро пересмотрели свои планы и решили включить вас в завершающий этап нашего эксперимента. Нам предоставили шанс, и мы им воспользовались. Итак, благодарю вас за помощь.

Пепел так ни разу и не упал с вертикально поднятой сигареты. Фишер подошел к серебряной пепельнице и затушил окурок.

Тонкими пальцами он взял маленькую ампулу, лежащую на столе вместе с другими изъятыми у Пендергаста предметами, и задумчиво покатал ее между пальцами.

— Я преклоняюсь перед вашей храбростью. Но вы вскоре убедитесь, что в этом не было никакой необходимости. Наоборот, мы поможем вам решить эту проблему.

Он обернулся к солдатам:

— Отведите его в четвертую камеру.

65

Четвертая камера находилась в самой утробе старой части крепости. Длинное, как тоннель, помещение со сложенными из массивных базальтовых блоков стенами и сводчатым потолком освещалось одной-единственной лампочкой. Конвоиры стволами винтовок подтолкнули Пендергаста к стене, заставили широко расставить руки и ноги и закрепили их во вмонтированных в стену железных браслетах.

Под контролем Шермана они тщательно проверили надежность креплений, затем выключили свет и вышли из камеры, закрыв за собой тяжелую железную дверь. Лишь слабый отблеск света проникал в камеру через смотровой глазок в двери, но вскоре и он погас, когда глазок прикрыли заслонкой.

Наступила полная темнота.

Пендергаст прислушался. Солдаты остались стоять за дверью, он различал их голоса, стук шагов. Больше ничего не удалось уловить: мешал отдаленный гул мощных генераторов и еще какой-то звук, доносящийся снизу, — возможно, движение магмы в недрах потухшего вулкана. Он ощутил слабое, но отчетливое дрожание стен и потолка, словно вся крепость вибрировала в унисон гигантскому камертону, расположенному глубоко под землей.

Пендергаст стоял в темноте, прикованный цепями к стене, и слушал. А еще он размышлял. Обдумывал то, что сказал Фишер.

Через час Пендергаст услышал шаги. Тяжелый засов со скрежетом отодвинулся. Дверь открылась, и в камеру хлынул свет, очерчивая силуэты двух людей, стоящих на пороге. На мгновение они слились в один, затем посетители шагнули вперед, и их контуры разделились. Под потолком вспыхнула лампочка, и Пендергаст смог наконец разглядеть Фишера и Альбана.

Альбан. Настоящее лицо Альбана, без грима, косметики и прочих ухищрений.

Он действительно был очень похож на Тристрама, но в его чертах отражался совсем другой, противоположный характер. Уверенный в собственных силах, обаятельный, слегка высокомерный и самодовольный, Альбан держался с ледяным спокойствием и

отрешенностью от всех чувств и страстей.

Во многом он больше, чем Тристрам, походил на отца. Впрочем, Пендергаст с горечью и волнением отметил, что глаза и рот достались сыну от матери. Но чем дольше он вглядывался в бледное скуластое лицо с высоким лбом, фиолетово-голубыми глазами, светлыми волосами и четко очерченным ртом, тем острее чувствовал в парне какой-то изъян. Странную пустоту, зияющую брешь в том месте, где должно быть сердце.

Только после этого Пендергаст обратил внимание на одежду сына: чистую свежевыглаженную рубашку, полотняные брюки простого покроя на широком ремне и крепкие кожаные ботинки ручной работы. Этот наряд резко отличался от элегантного дорогого костюма Фишера, его золотых часов, перстня и зажи галки.

Наконец Фишер заговорил:

— Агент Пендергаст, позвольте познакомить вас с вашим сыном Альбаном.

Альбан стоял рядом и внимательно смотрел на отца. По выражению его лица трудно было определить, что чувствовал юноша в этот момент. Он полностью контролировал свои эмоции.

— Привет, отец, — произнес он низким приятным голосом, без того резкого акцента, с каким говорил Тристрам.

Пендергаст не ответил.

В дверь громко постучали.

— Заходите, Бергер, — сказал Фишер.

Низкорослый, очень худой мужчина с острым подбородком зашел в камеру, держа в одной руке медицинскую сумку, а в другой — складной столик. Следом за ним один из солдат привел Эгона, подталкивая его стволом винтовки. Жесткие волосы провожатого были взъерошены, лицо побелело от испуга. Взгляд казался затравленным.

Солдат закрыл дверь и встал возле нее с оружием наготове. Фишер подождал, пока Эгона прикуют к стене таким же образом, как Пендергаста. Затем снова повернулся к агенту.

— Полагаю, вы тоже в какой-то степени одержимы жаждой научных знаний, — заявил он. — И в этом смысле мало отличаетесь

от нас. Не хотите поделиться своими наблюдениями? Или задать какие-то вопросы? Потому что, как только мы начнем, у нас уже не будет возможности поговорить.

— Где Тристрам? — спросил Пендергаст. — Он жив?

— Тристрам? Значит, der Schw? chling получил от вас имя? Как мило, по-домашнему. Если вы имели в виду Сорок седьмого, то он, разумеется, жив. Ведь он носит в себе запасные органы для Альбана. По этой причине — и только по этой — он для нас очень важен. Не беспокойтесь, он благополучно вернулся в свой загон. Мгновения свободы сделали его непослушным, но теперь он заново приручен и ведет себя хорошо.

Фишер немного помолчал.

— Мы выкрали его и вернули обратно по трем причинам. Во-первых, нам необходим донор для Альбана. Во-вторых, мы были уверены, что вы отправитесь за ним, как мотылек летит на огонь. И в-третьих, самое важное: успешное похищение Сорок седьмого из вашего дома, из-под вашей опеки стало эффектной точкой в завершающем этапе нашего эксперимента. Замечательная экономия сил и средств. Как это сказать по-английски: сбить трех птиц одним камнем?

— Завершающий этап эксперимента? — бесцветным голосом повторил Пендергаст. — Я уже слышал от вас эти слова. Вероятно, речь идет о том, что вы называете бета-тестом?

В первое мгновение Фишер выглядел удивленным. Но вдруг улыбнулся:

— Превосходно. Да, я говорил о бета-тесте.

— В чем именно он заключается?

— Вы, конечно же, сами догадываетесь. Более полувека мы шли по стопам докторов Менгеле и Фауста, продолжая их великий эксперимент с близнецами.

— Тот, что начинался с бесчеловечных опытов над заключенными концлагеря, — уточнил Пендергаст.

— Да, он начинался еще во время той злополучной войны, но мы продолжили его здесь, в Бразилии. И успешно завершили, в некотором смысле благодаря вам.

— И каково же научное обоснование вашего эксперимента? — холодно поинтересовался Пендергаст.

Фишер почесал подбородок:

— Теоретически все очень просто, но чрезвычайно трудно осуществимо на практике. Суть в следующем: после первого митоза[97] зародыша две дочерние клетки разделяются и продолжают развиваться обособленно, в конечном итоге приводя к появлению абсолютно идентичных близнецов. Но когда эмбрионы достигают стадии морулы[98], начинается по-настоящему тонкая работа — процесс обмена генетическим материалом между эмбрио нами. Один зародыш получает весь полезный материал от другого, а тому достается все ненужное.

— Но если они идентичны, откуда могли взяться различия между эмбрионами? — спросил Пендергаст.

Улыбка озарила лицо Фишера.

— Ах, мистер Пендергаст, вы точно сформулировали главную проблему, с которой наши ученые боролись много лет. Человеческий геном содержит три миллиона пар оснований. Даже у идентичных близнецов встречаются дефекты: неточные копии, нарушения последовательности ДНК и тому подобное. Мы увеличиваем вероятность возникновения мутаций, предварительно слегка облучив неоплодотворенную яйцеклетку и сперматозоиды. Не настолько, чтобы из них родились уроды, но достаточно, чтобы получить отличия, которыми можно обменяться на генном уровне. Таким образом, вместо грубого и произвольного смешения генов, как это происходит в природе, мы сможем создать человека, соответствующего строгим техническим требованиям.

— А что будет с «плохим» эмбрионом?

— Ничего страшного. Из этого эмбриона тоже вырастет ребенок. Ваш… э-э… Тристрам — прекрасное тому подтверждение. — Фишер рассмеялся. — Его обучат простым навыкам и сделают полезным членом общества, выполняющим тяжелую и неквалифицированную работу в лагере или на ферме. Arbeit macht frei[99]. И конечно же, этот плохой близнец — der Schwächling — превосходное хранилище запасных органов и крови, если хороший получит повреждения, требующие пересадки. Разумеется, этот изотрансплантат[100] не может быть отторгнут организмом. — Он остановился и прикурил

сигарету. — Кропотливые исследования, разработка и совершенствование технологии — можете представить, сколько на это ушло времени. Потребовались десятилетия упорной работы, сотни промежуточных образцов, каждый из которых имел лучшие показатели, чем предыдущий.

— Промежуточные образцы, — отозвался Пендергаст. — Другими словами, те близнецы, которые еще не отвечали вашим строгим требованиям. И потому подлежали уничтожению.

— Ничего подобного. Они живут в нашем городе, живут полноценной и полезной для общества жизнью.

— А их двойники живут в подземном концлагере.

Фишер удивленно поднял брови:

— Ого, да вы не теряли времени понапрасну вчера вечером.

— А что с Альбаном? Полагаю, он и есть тот конечный результат, венчающий ваши труды?

Фишер ответил с нескрываемой гордостью:

— Да, это он.

— И это значит, что он сам и есть бета-тест, — ответил Пендергаст на собственный вопрос.

— Да. Доктор Фауст, как истинный ученый, добровольно предоставил для опытов собственную семью. Линия Фауста — Эстерхази оказалась очень продуктивной. Но должен признаться, что линия Пендергаста ее даже превосходит. Ваша связь с Хелен, хоть и была случайной, дала отличный результат. Превосходящий самые смелые наши ожидания. — Фишер покачал головой. — Мы позволили ее родителям переехать в Америку, жить там, как живут обычные люди, и воспитывать своих детей. Это был эксперимент, призванный выяснить, как поведут себя наши образцы в непривычной обстановке. Он закончился провалом. Хелен повзрослела и решила обмануть нас. Она была генетически подготовлена к тому, чтобы родить близнецов — это не так трудно сделать. Когда она забеременела, то была вынуждена возвратиться к нам: без некоторых необходимых ей процедур дети умерли бы еще до рождения. Но она приехала в Бразилию на восьмой неделе беременности — слишком поздно для обработки эмбрионов на стадии бластулы[101], которую мы практиковали здесь в Нова-Годой.

Нам пришлось использовать новый метод, очень тонкий и еще не опробованный, для обмена генетическим материалом на более поздней стадии развития. И представьте себе, герр Пендергаст, какая ирония судьбы: это самое опоздание привело нас к выдающемуся успеху. Мы были уверены, что работать с генами нужно в течение первых нескольких недель. Но оказалось, что именно запоздалая обработка близнецов Хелен обеспечила нам колоссальный прорыв. — Фишер сделал паузу и продолжил: — Она не могла смириться с тем, что мы не позволим ей забрать сыновей в Америку. Но нам, конечно же, необходимо было постоянно наблюдать за ними. Альбан с младенческих лет подавал большие надежды.

Альбан слушал их разговор с безразличным видом.

— Он говорит о твоей матери, — напомнил Пендергаст. — Тебя это совсем не печалит?

— Почему это должно меня печалить? — удивился юноша. — Наоборот, я испытываю гордость. Посмотрите, как легко я узнал о месте вашей встречи в Центральном парке — прямо от сотрудника полицейского управления Нью-Йорка — и как ловко наши люди провели операцию.

Все ненадолго замолчали.

— А «Лонжитьюд фармасьютиклз»? — спросил Пендергаст. — Она здесь при чем?

— Просто одна из множества наших дочерних компаний, — объяснил Фишер. — Наши исследования были чрезвычайно сложны и разнообразны, нам приходилось подключать дополнительные ресурсы. Обычно мы их без труда контролировали, но иногда случались неприятности, как в тот раз, и мы вынуждены были предпринимать неотложные меры. — Фишер снова покачал головой.

— Вы сказали, что я в какой-то степени способствовал успешному завершению вашей работы, — сказал Пендергаст. — И что вы включили меня в заключительную фазу эксперимента. Что вы имели в виду?

— Мой дорогой агент Пендергаст, вы наверняка сами догадываетесь. Я уже говорил об этом: ваши действия на «Фергельтунге», ваша упорная погоня за Хелен и ее похитителями чуть не спутали нам карты. Мы готовили для Альбана другой бетатест, но в свете этих событий пришлось изменить

первоначальный и, возможно, не очень удачный план. Мы полностью изменили параметры теста, я бы даже сказал, с некоторой поспешностью. Мы решили выпустить Альбана на свободу в центре Нью-Йорка. Он должен был доказать, что способен убивать безнаказанно, даже не скрывая свое лицо от камер наблюдения. Оставляя подсказки, по которым вы должны были понять, что убийца — ваш собственный сын. Это дало бы вам, э-э, достаточную мотивацию, чтобы попытаться поймать его, вы так не считаете? И уж если самый лучший и бесстрашный детектив, имея все возможности, все-таки не справился с сыном-убийцей — надеюсь, вы не станете отрицать, что бета-тест прошел успешно? Полный, безоговорочный успех.

Пендергаст промолчал.

— Затем Сорок седьмой сбежал и умудрился отыскать вас. Но мы и эту неудачу обернули к нашей пользе, изменив последнюю задачу для Альбана. Вместо пятого убийства он выкрал Сорок седьмого из вашего дома. И исполнил все безукоризненно. — Фишер обернулся к Альбану: — Отличная работа, мой мальчик.

Альбан молча кивнул, принимая похвалу.

— Значит, вы довели до конца эксперимент с близнецами, — подвел итог Пендергаст. — Вы можете в любой момент произвести их на свет. Один близнец станет идеальной машиной для убийства — сильной и бесстрашной, умной и изобретательной. А самое главное, совершенно свободной от всяческих моральных и этических ограничений.

Фишер кивнул:

— Как вам известно, такие ограничения мы утратили еще во время войны.

— Но у вас остается еще второй близнец, настолько же слабый, насколько силен его брат, обделенный способностями в той же степени, в какой другой близнец переполнен ими. Он обречен на рабский труд, а при необходимости станет донором органов для брата. Вы доработали технологию и получили возможность производить дьявольски совершенных людей. А теперь, когда эта цель достигнута, что вы собираетесь делать дальше?

— Что мы собираемся делать? — Фишера явно озадачил такой вопрос. — Разве это не очевидно? То, что мы поклялись исполнить,

когда ваши войска брали штурмом наши города, убивали наших вождей, разрушили наш Рейх и разбросали обломки на все четыре стороны. С чего вы взяли, герр Пендергаст, что наши цели могут измениться? Единственная разница состоит в том, что теперь, после семидесяти лет напряженной работы, мы готовы к достижению цели. Заключительный бета-тест выполнен. Мы можем начинать — как это у вас говорится? — массовое производство.

Он бросил окурок на пол и затушил его подошвой ботинка.

— Однако это становится утомительным.

Фишер посмотрел на человека по имени Бергер и распорядился:

— Можете приступать.

66

Бергер, куривший без перерыва на всем протяжении беседы, кивнул почти торжественно. Он установил раскладной столик, положил на него медицинскую сумку, открыл и долго в ней копался. Наконец вынул шприц для инъекций — тяжелую стеклянную трубку в корпусе из сверкающей стали, с устрашающе длинной иглой. Достал закупоренный каучуковой пробкой пузырек с красноватой жидкостью, вставил в него иглу и плавно, не спеша, потянул назад поршень до тех пор, пока шприц не заполнился на три четверти. Выдавил две-три капли жидкости, развернулся и, не опуская руку со шприцем, подошел к Эгону.

Пока шел разговор, Эгон смотрел в пол, словно брошенное на произвол судьбы домашнее животное. Но, заметив приближающегося Бергера, он вдруг ожил.

— Nein![102]— дико закричал он, дергаясь в оковах. — Nein, nein, nein, nein!..

Фишер с неодобрением покачал головой, а затем оглянулся на Пендергаста.

— Эгон не выполнил данные ему четкие инструкции: следовать за вами повсюду. Мы здесь не привыкли прощать ошибки, герр Пендергаст.

Бергер подал знак конвоиру. Тот, отложив оружие в сторону подошел к несчастному Эгону ухватил его одной рукой за волосы, а другой — за подбородок, надежно удерживая голову. Бергер поднес шприц к лицу провинившегося, потыкал иглой под подбородком, выбрал какую-то точку и медленно, аккуратно ввел иглу по самое основание в мягкое небо. И надавил на поршень.

Эгон судорожно забился, попытался закричать, но солдат продолжал удерживать его голову, и вместо крика сквозь стиснутые зубы прорвался жуткий булькающий звук.

Бергер и конвоир отпустили несчастного и отошли в сторону. Эгон опустил голову, тяжело дыша и всхлипывая. Затем его тело напряглось, на шее вздулись и стали отчетливо видны синие вены. Они растекались, словно реки, прокладывающие новые русла, достигли лица и, заметно пульсируя, потянулись вниз к предплечьям.

Эгон захрипел и снова задергался. Судороги становились все сильнее, лицо сделалось фиолетовым, пока наконец кровь не хлынула изо рта, носа и ушей. Несчастный потерял сознание и обмяк.

Наказание было поистине ужасным.

С пугающей тщательностью Бергер уложил шприц и пузырек с жидкостью обратно в сумку. Фишер даже не взглянул на экзекуцию, зато Альбан смотрел внимательно, и в его глазах мелькнула искра интереса.

Фишер повернулся к Пендергасту:

— Как я уже говорил, нас весьма впечатлили ваши действия на «Фергельтунге». Однако из-за вас мы потеряли много ценных сотрудников. Теперь, когда бета-тест завершен, необходимость в вашей помощи отпала. Вы то самое промежуточное звено, которое нужно удалить. Но прежде чем Бергер продолжит работу, вы можете сказать что-нибудь на прощание либо задать последний вопрос.

Пендергаст стоял неподвижно, прикованный цепями к стене.

— Я хочу поговорить с Альбаном.

Фишер сделал широкий приглашающий жест рукой, показывая, что желание гостя для него закон.

Пендергаст повернул голову к Альбану:

Я твой отец. — Он постарался вложить в эти простые, спокойно произнесенные слова глубокий смысл. — А Хелен Эстерхази-Пендергаст — твоя мать. — Он скосил глаза на Фишера. — И ее убил этот человек.

Наступила тишина. Затем Фишер обратился к Альбану покровительственным, почти отеческим тоном:

— Ну Альбан, что ты на это скажешь? Сейчас самое время.

— Отец, — произнес юноша высоким, чистым голосом, глядя прямо в глаза Пендергасту. — Неужели ты пытаешься пробудить во мне сыновьи чувства? Ты и Хелен Эстерхази просто предоставили сперму и яйцеклетку, а вырастили меня совсем другие люди.

— Но при этом твой брат-близнец стал рабом.

— Он — полезный член общества. И я рад за него. Каждый должен заниматься тем, для чего предназначен.

— По-твоему, ты лучше, чем он?

— Разумеется, лучше. Здесь каждый занимает свое место, предназначенное ему с самого рождения. Это идеальное общественное устройство. Ты же видел Нова-Годой. Ни одного преступника, ни одного наркомана или психически больного человека — вообще никаких социальных проблем.

— И все это достигнуто с помощью рабского труда.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь. У них есть цель в жизни. И они получают все, в чем нуждаются. Но конечно же, мы не можем позволить им завести детей. Просто одни люди лучше, чем другие.

— А ты — лучше всех. Ubermensch[103]. Воплощение нацистских идеалов.

— Я с гордостью принимаю это звание. Ubermensch — это совершенный человек, сильный и деятельный, свободный от примитивных представлений о добре и зле.

— Браво, Альбан, — похвалил Фишер. — Прекрасно сказано.

— Ubermensch, — повторил Пендергаст. — Ответь мне, что такое «Kopenhagener Fenster», «Копенгагенское окно»?

— Это то, о чем вы никогда не узнаете, — поспешно ответил Фишер. — А теперь — прощайте.

Камера погрузилась в тишину. Лицо Пендергаста сделалось белее мрамора, голова упала на грудь, плечи поникли — похоже, он совсем отчаялся и признал свое поражение.

Фишер бросил на пленника прощальный взгляд:

— Было очень приятно встретиться с вами, герр Пендергаст.

Агент даже не поднял голову.

Седовласый кивнул Бергеру и направился к выходу. Альбан последовал за ним.

У двери Фишер обернулся и посмотрел на юношу с легким удивлением.

— Я думал, ты захочешь посмотреть, — сказал он.

— Это не так уж и важно, — ответил юноша. — У меня найдутся занятия поинтересней.

Фишер на секунду задумался. Затем пожал плечами и вышел из камеры вместе с Альбаном. Дверь с тяжелым стуком закрылась за ними, и конвоир снова занял свою позицию у входа с оружием на изготовку.

67

Снаружи раздался короткий металлический лязг, и дверь снова открылась. Вошли еще три солдата. Двое несли наручники с цепями, а третий — ацетиленовую горелку. Бергер оглянулся. Теперь в камере находились семеро: четыре солдата, он сам, пленник и… труп Эгона.

Бергер посмотрел на мертвое тело: лицо, застывшее в гримасе боли, неестественно вывернутые руки и ноги, вывалившийся язык, толстый, как польская колбаса, кровь, текущая из носа, рта и ушей. Он обернулся к караульному и распорядился:

— Унесите его отсюда.

Солдат подошел и высвободил запястья и лодыжки Эгона из браслетов. Ничем больше не удерживаемое тело рухнуло на пол. Караульный ухватил его за одну руку и оттащил в угол камеры.

Затем Бергер указал на прикованного к стене Пендергаста.

— Поработайте над ним немного, — распорядился он по-немецки.

Солдат кровожадно усмехнулся. Он подошел к Пендергасту, не способному пошевелить ни рукой, ни ногой, и начал его избивать. Бил долго, жестоко и методично, прицельно нанося удары в лицо и в живот. Пендергаст извивался и хрипел от боли, но не проронил ни звука.

Наконец Бергер удовлетворенно кивнул.

— Запакуйте его, — приказал он.

Караульный, тяжело дыша, отступил назад, взял винтовку и вернулся на пост.

По приказу Бергера солдаты высвободили Пендергаста из браслетов, и он без сил повалился на пол. Один из них стоял на страже с оружием в руках и не спускал с пленника внимательных глаз, а двое других рывком подняли агента на ноги, защелкнули наручники у него на запястьях, надели железный обруч на пояс и кандалы на лодыжки. Потом заварили крепления ацетиленовой горелкой и соединили наручники, пояс и кандалы двумя шестифутовыми цепями. Закончив работу, они посмотрели на

Бергера, ожидая новых приказаний.

— Можете идти, — сказал тот.

Все трое направились к выходу.

— Одну минуту, — остановил их Бергер. — Оставьте горелку здесь. Мне она еще понадобится.

Солдат опустил рюкзак с горелкой и двумя баллонами на пол и поспешил на выход за своими товарищами. Караульный закрыл дверь и занял привычную позицию перед ней.

Бергер вытащил из своей сумки кнут с металлическим шариком на конце и постоял немного, издали рассматривая пленника. Высокий и худой, едва живой от побоев, Пендергаст стоял, опустив голову с мягкими светлыми волосами. Из носа и разбитой губы текла кровь. Кожа казалась серой и чуть ли не прозрачной. Дух пленника, очевидно, был сломлен. Ничего, Бергер его сейчас взбодрит напоследок… хорошенько взбодрит.

— Прежде чем мы начнем, — сказал Бергер, — я хочу кое-что тебе объяснить. Мне поручили это дело, потому что ты убил моего брата. У нас пострадавшему предоставляют возможность самому свершить правосудие. Покарать тебя — мое право и моя обязанность. Я с радостью выполню свою работу. — Он показал на труп Эгона, лежащий в углу с широко раскинутыми руками и ногами, подобно гигантскому пауку. — И ты позавидуешь его легкой смерти.

Пендергаст ничем не показал, что слышит его, и этим еще сильнее разозлил Бергера.

— Подведи его ко мне, — приказал тот солдату.

Караульный, прислонив винтовку «Штурмгевер-44» к стене, подошел к Пендергасту и подвел его к Бергеру. Затем попятился к двери, взял винтовку и вернулся на пост.

— Смотри мне в глаза, Пендергаст! — крикнул Бергер, хлестнув пленника кнутом по груди.

Измученный человек поднял голову и взглянул на палача.

— Сначала ты сам выроешь себе могилу. После этого начнется казнь. И наконец тебя похоронят в этой могиле. Возможно, заживо, а может быть, и нет. Я еще не решил.

Пендергаст никак не отреагировал.

— Возьми кирку и лопату. — Бергер махнул рукой в угол камеры.

Солдат показал стволом винтовки в ту же сторону и рявкнул:

— Beweg dich!

Пленник медленно побрел в дальний угол, прихрамывая и звеня цепями.

— Копай здесь. — Бергер топнул ногой и очертил каблуком прямоугольник на полу. — И побыстрее. Spute dich![104]

Пендергаст начал копать, а Бергер отошел за пределы досягаемости лопаты и стал следить за тем, как приговоренный поднимает кирку и неловко ударяет ею по вулканической породе, разбивая верхний слой. Пендергасту мешали оковы и слишком короткая цепь, не дающая как следует размахнуться. Стоило ему чуть замедлить темп, как Бергер шагнул вперед и несколько раз хлестнул его кнутом. Тяжело дыша, пленник отложил кирку и взял лопату, чтобы отбросить раскрошенную породу. Потом он опустил лопату и пробормотал что-то насчет отдыха. Бергер в ответ снова ударил его кнутом и сбил с ног. После этого работа пошла чуть быстрее.

— Не останавливайся, — приказал Бергер.

Могила понемногу углублялась. Пленник продолжал копать, громыхая цепями, с измученным и отрешенным выражением лица. «Вот человек, потерпевший поражение и не мечтающий уже ни о чем, кроме смерти, — подумал Бергер. — И он получит свое».

Работа продолжалась уже больше часа, и в конце концов терпение Бергера лопнуло.

— Хватит! — крикнул он. — Schluss jetzt![105]

Яма была глубиной не больше двух с половиной футов, но Бергер спешил перейти к следующему этапу. Пленник ждал его, стоя у самого края могилы. Обернувшись к солдату, Бергер произнес по-немецки:

— Прикрой меня, пока я буду с ним возиться. И не рискуй. Если что-то пойдет не так, сразу стреляй.

Солдат сделал несколько шагов вперед и поднял винтовку.

— Положи лопату, — приказал Бергер.

Пленник выпустил инструмент и остался стоять с разведенными в сторону руками и опущенной головой, ожидая смерти. Бергер подошел, поднял лопату и, собравшись с силами, ударил ею пленника по почке. Тот с громким стуком повалился на колени, на лице его не отразилось ничего, кроме боли и удивления. Бергер толкнул его ногой в грудь и опрокинул в яму. Убедившись, что караульный держит жертву на прицеле, Бергер отошел назад и достал из рюкзака горелку и баллоны. Подняв сопло горелки вверх, словно свечу, он повернул вентиль. Струя газа с громким хлопком вспыхнула ярким белым пламенем, наполнив камеру резкими тенями.

— Ich werde dich bei lebendigem Leib verbrennen[106], — сказал Бергер, покосившись в сторону Пендергаста, и многозначительно вытянул перед собой горелку.

Он подошел к могиле и посмотрел вниз. Пленник лежал там с расширенными от ужаса глазами, затем попытался сесть, но Бергер наступил ему ногой на грудь, снова придавив к земле, наклонился и поднес острое, как игла, пламя к лицу жертвы. Мерцающие искры отразились в глазах жертвы. Огонь придвигался все ближе и ближе. Пленник пытался освободиться, отвернуть лицо в сторону, но Бергер продолжал придавливать его ногой, удерживая на месте. Кончик пламени задел щеку, кожа начала вздуваться пузырями, и Бергер с удовольствием смотрел в наполненные ужасом глаза жертвы…

Внезапно пленник с необычайной быстротой и силой — и в то же время с легкостью — извернулся, хрустнув суставами. Бергер отшатнулся и с удивлением посмотрел на тянущуюся к нему руку. Горелка неожиданно вырвалась из его пальцев, а через мгновение невыносимо яркий свет заслонил все вокруг. Он отдернул голову и испуганно вскрикнул, почувствовав, как холодная стальная цепь обвилась вокруг его шеи и потянула обратно к огню, все ближе и ближе. Это продолжалось целую вечность, но на самом деле не заняло и двух секунд. Шипящее и сверкающее белое копье кольнуло его в губы, в нос, в глаза и взорвалось в голове кипящей, непереносимой болью. А потом все исчезло в белом раскаленном свете.

Пендергаст упал обратно в могилу, таща за собой тело Бергера и прикрываясь им от выстрелов. Солдат уже пришел в себя от шока, вызванного таким неожиданным поворотом событий, и по краю

могилы застучали пули, поднимая фонтаны пыли. Яма была не той глубины, что устроила бы сейчас Пендергаста, но выбирать не приходилось. По-прежнему прикрываясь Бергером, он направил пламя горелки на цепь, соединяющую наручник на правом запястье со стальным поясом. Перерезав ее ближе к поясу, он получил почти шестифутовую цепь, прикрепленную одним концом к руке. Пули свистели вокруг него, несколько раз с легкими шлепками угодив в тело Бергера. Внезапно Пендергаст с громким криком выскочил из могилы, отбросил в сторону бесполезный теперь труп и взмахнул цепью, словно кнутом. Она по дуге взлетела к потолку и разбила лампочку.

Как только камера погрузилась во тьму, Пендергаст рванулся вперед, пригнувшись, чтобы не попасть под шальную пулю перепуганного караульного. Он мгновенно пересек помещение по диагонали и еще раз взмахнул рукой. Цепь обвилась вокруг винтовки, вырвала ее из рук солдата и доставила прямо к Пендергасту. Первым же выстрелом он сразил караульного наповал и тут же нырнул обратно в могилу. В тот же миг дверь рывком распахнулась, и в камеру вбежали солдаты, беспорядочно стреляя по всем углам. Пендергаст немного подождал, пока не убедился, что за дверью никого не осталось, а затем, продолжая лежать в яме на спине, поднял «штурмгевер» и открыл огонь, в считаные секунды опустошив длинный коробчатый магазин.

Внезапно наступила тишина.

Пендергаст выбрался из могилы и направился к ближайшей стене, переступая через все еще дергающиеся тела солдат. Он сделал два глубоких вдоха и со всей силы ударил плечом в стену, вправляя сустав, выскочивший из суставной сумки во время схватки с Бергером. Содрогаясь от боли, он выждал время и убедился, что сустав встал на место. Затем взял горелку, разжег ее и разрезал цепи, кандалы и пояс. В спешке он подпалил на себе рубашку, и пришлось срочно сдергивать ее с себя. Забросив рюкзак с горелкой и баллонами на здоровое плечо, Пендергаст реквизировал у мертвых солдат пистолет, нож, зажигалку, часы, фонарь и несколько запасных магазинов. Прихватил кирку, которой рыл могилу, выбрал из солдатских мундиров наименее запачканный кровью и забрал его себе. Открыл дверь и выбежал в коридор.

На бегу засовывая руки в рукава, он услышал взволнованные

голоса и топот солдатских ботинок, усиленные эхом, бродящим по каменным недрам старой крепости.

68

Полковник Соуза с тридцатью лично им отобранными бойцами продвигался сквозь густой тропический лес к востоку от Нова-Годой. В просветах между деревьями он видел холмы, окружающие вулканический кратер, в котором расположен город. Полковник остановился, чтобы свериться с GPS-навигатором, и с удовлетворением отметил, что находится всего в миле от расчетной точки на кромке кратера.

Все шло в соответствии с планом. Его отряд никто не обнаружил. В восточной части этого района лес был самым густым, а местность — холмистой. Почти полное отсутствие следов и любых признаков охоты подтверждало его предположения: жители города действительно редко забираются в эти края.

Тридцать человек — это намного меньше, чем запрашивал Пендергаст. Но полковник, тщательно взвесив все «за» и «против», решил, что надежнее будет действовать небольшим отрядом сильных, прекрасно обученных бойцов спецназа из его бывшей группы, чем крупными силами, не прошедшими достаточной подготовки. Он остановился на этом замечательном числе. Молниеносная атака в стиле коммандос — то, чем он занимался всю жизнь, что он умел делать лучше всего, а главное, такая тактика идеально подходила к этой операции по захвату небольшой группы фанатиков. Парни, которых он отобрал, прекрасно владели оружием, отличались высокой боевой выучкой и психологической подготовкой. Среди них был и сын полковника — Тиагу, идеально сложенный, умный и надежный молодой человек, исполняющий обязанности адъютанта Соузы. Правильно выбранная тактика — вот ключ к успеху, внезапность атаки — необходимое его условие, быстрота и мощь — путь к его достижению.

Полковник улыбнулся, вспомнив о том, что Интернет выдал им все необходимые данные для планирования операции. Он даже не подозревал о такой возможности, пока Пендергаст не принес ему детальный план города и окрестностей, составленный программой «Google Earth» и наложенный на стандартные топографические карты

Serviço Geologico do Brasil[107]. Ох уж эти американцы с их любовью к продвинутым технологиям! Единственной информацией,

какую не удалось раздобыть, была внутренняя структура крепости… и фактическое количество солдат в лагере противника.

Полковник верил, что Пендергаст, с его хитроумным планом позволить врагу захватить себя в плен, получит и эти сведения. Чем больше Соуза общался с этим странным бледнокожим гринго, тем сильнее уважал его. Конечно, сбежать из нацистского плена — трудновыполнимая задача, особенно для одиночки. Но с другой стороны, именно одиночка подходил для этой операции лучше всего. Похоже, так считал и сам Пендергаст… и он был готов рисковать собственной жизнью.

Отряд полковника пробирался по мокрому после дождя лесу бесшумными тенями скользя между стволами деревьев. Подъем стал круче, и вскоре они достигли кромки кратера. Соуза жестом приказал всем остановиться, а сам вместе с адъютантом Тиагу двинулся дальше. Они вышли на место точно по графику, и полковник надеялся, что Пендергаст — даже учитывая все случайности, с которыми он может столкнуться, — тоже объявится вовремя. Соуза махнул рукой своим бойцам, показывая, что путь свободен. Соблюдая все предосторожности, отряд вышел на открытый участок. Отсюда отлично просматривались и сам город, и озеро, и крепость на острове.

Город лежал прямо под ними на расстоянии около мили, белые и желтоватые здания с черепичной крышей полумесяцем вытянулись вдоль озера. За ними простирались поля. Крепость располагалась в полумиле от берега на северо-восток. Она стояла на невысоком пепловом конусе в центре острова. По нижней ее части шла старинная каменная кладка, а надстройку сделали из монолитного бетона. Вид крепости полковнику совсем не понравился. Слишком многое теперь будет зависеть от гринго.

Осматривая остров в бинокль, Соуза обратил внимание на небольшую бухту позади крепостных стен: идеальное место для высадки десанта, скрытое от цитадели скальной грядой. Полковник целую минуту изучал ее, запоминая каждую деталь.

Он посмотрел на часы. Осталось четверть часа до условленного времени. Соуза устроился поудобней под прикрытием скал и кустарника.

— Передай ребятам, пусть пока попьют чая, — сказал он сыну.

Мгновение спустя его бойцы открыли термосы и стали с удовольствием прихлебывать горячий черный чай с молоком. Полковник тоже сделал пару глотков, время от времени прикладывая к глазам бинокль. Солнце светило с нужной стороны — это они тоже просчитали — и, к счастью, не было закрыто облаками. Прогноз погоды не обманул.

Чай был изумителен, и полковник не спеша смаковал его, не упустив также редкой возможности выкурить сигару. Он затянулся, выпустил дым и задумался. У него были сомнения в успехе операции, но теперь они остались позади. Соуза знал, что обладает двумя редкими и не всегда желательными для официального лица качествами: кристальной честностью, ненавистью к любым проявлениям коррупции, а также интуицией, позволяющей в любой ситуации отыскать верное решение, даже если приходилось действовать не по регламенту. Обе эти особенности серьезно вредили его карьере и в конце концов привели к ссылке — как справедливо подметил Пендергаст — в Альсдорф. Но Соуза был убежден, что избавить от убийств город, который он поклялся защищать, можно лишь одним способом — вскрыв гнойник под названием Нова-Годой. Он сразу понял, что Пендергаст тоже привык использовать нестандартные методы. У них с гринго неожиданно оказалось много общего, чем бы ни закончилась эта операция. И теперь не осталось времени для сомнений — нужно действовать.

Наконец время ожидания окончилось, и полковник снова принялся внимательно разглядывать крепость в бинокль. И увидел то, что ожидал: вспышку солнечного света, отраженного зеркалом. Пендергаст пробрался в крепость.

Полковник почувствовал огромное облегчение — вовсе не потому, что сомневался в способностях гринго. Просто он еще по своей службе в BOPE знал: как бы хорошо ни была спланирована операция, всегда отыщется какая-нибудь неучтенная мелочь, из-за которой все может пойти кувырком.

Пендергаст с помощью зеркала передавал сообщение стандартной азбукой Морзе. Очень длинное сообщение. Затушив сигару о камни, Соуза записал все дословно в полевой блокнот: общее описание крепости, расположение входов и тоннелей, хорошо защищенные и уязвимые места, численность гарнизона, вооружение.

Все было замечательно. За исключением того, что в крепости

находилось, по приблизительным подсчетам Пендергаста, больше сотни солдат. Больше того количества, на которое рассчитывал полковник. Но у его отряда оставалось преимущество внезапности. А благодаря добытой информации он сможет выбрать оптимальный план атаки, при котором протяженные коридоры и тоннели крепости не позволят ее защитникам воспользоваться численным перевесом.

Полковник отослал Тиагу назад к отряду, и вскоре бойцы начали спускаться по склону кратера, занимая позиции и готовясь к первому этапу операции — штурму города одновременно с трех сторон.

69

Увидев солнечный зайчик вдали за зеленым пологом леса, Пендергаст понял, что полковник принял его сообщение. Выбросив осколок зеркала, найденный в туалете казармы, он вылез из полуразрушенной бойницы. Ему не удалось провести полную разведку, но он все же разобрался в общей схеме оборонительных сооружений. Теперь осталось определить наиболее уязвимые участки старой крепостной стены. По плану, разработанному вместе с полковником, Пендергаст должен был отыскать склад боеприпасов или оружия и взорвать его, обрушив часть стены. Однако он не смог ничего сделать. В крепости было слишком много солдат, и они постоянно копошились во всех углах, словно пчелы в растревоженном улье.

Но это не беда. У него в рюкзаке лежали почти полные баллоны с кислородом и ацетиленом, которые можно взорвать не хуже снарядов.

Спустившись по древней винтовой лестнице, Пендергаст остановился и прислушался. Протяженные коридоры и тоннели старой крепости, дающие отличное эхо, в очередной раз помогли ему заранее узнать о приближении врага. Его немного удивляла бестолковость солдат, их замедленная реакция и неспособность мыслить стратегически. Он чувствовал здесь какой-то подвох.

Тем не менее, пока ситуация позволяла, он продолжал извлекать выгоду из их промахов.

Продвигаясь все глубже в нижние ярусы крепости, Пендергаст обнаружил тоннель, проходящий вдоль внешней стены, и прошелся по нему, время от времени освещая каменную кладку фонарем и проверяя стыки острием ножа. Раствор от сырости пришел в негодность и начал осыпаться, но каменные блоки были хорошо подогнаны, и сдвинуть их с места вряд ли получится. Кое-где появились трещины, но слишком мелкие для такой мощной стены.

Все так же делая остановки и прислушиваясь, Пендергаст спустился еще на один ярус, где его внимание привлек ряд дверей из нержавеющей стали. Их явно установили здесь недавно, когда переоборудовали старинные тюремные казематы в лаборатории. Некоторые двери были открыты нараспашку, внутри продолжал

гореть свет. Создавалось впечатление, что работавшие здесь люди только что вышли куда-то, возможно обеспокоенные звуками выстрелов.

Сразу за этими дверями Пендергаст наконец-то нашел то, что ему требовалось. По наружной стене широким расходящимся узором бежали многочисленные трещины, каменные блоки выглядели здесь не очень устойчивыми. Порой ширина трещин достигала восьми и даже двенадцати дюймов. Что особенно интересно, каменный пол тоже был поврежден. Обычное проседание грунта не могло вызвать такие разрушения. Скорее, радиальное расположение трещин указывало на то, что старый кратер вулкана снова становится активным и уже создал множество узлов напряженности в основании двадцатифутовой стены.

Проворно работая ножом, Пендергаст освободил от остатков раствора покосившийся блок возле широкой трещины и попытался подцепить его концом кирки. Постепенно расшатывая камень, Пендергаст сумел выковырять его из стены. Образовалось широкое отверстие. Протянув туда руку, агент убедился, что стена возведена традиционным для восемнадцатого века способом: снаружи облицована массивными блоками из тесаного камня, а внутри засыпана щебнем и осколками горной породы. Поочередно работая ножом и киркой, он расширил выемку настолько, чтобы внутри уместились баллоны с кислородом и ацетиленом. Установив их, Пендергаст посмотрел на часы, снятые с убитого солдата. Если операция развивается строго по плану, бойцы Соузы в этот момент уже ворвались в город и скоро захватят лодки, чтобы переправиться на остров и атаковать крепость. Согласно графику, приблизительно через двадцать-тридцать минут несколько лодок, выполняя отвлекающий маневр, подойдут к причалу, в то время как основная часть отряда Соузы высадится в бухте позади крепости.

Значит, у него есть в запасе четверть часа. Можно осмотреть помещения, мимо которых он только что прошел.

Первая дверь была заперта на примитивный замок времен Второй мировой войны и не смогла долго сопротивляться натиску ножа. Внутри действительно оказалась медицинская лаборатория, не отвечающая современным требованиям, но вполне пригодная для проведения вскрытий.

Однако, осветив комнату фонарем, Пендергаст обнаружил

небольшое, но многое объясняющее отличие между ней и обычной анатомичкой, оборудованной в подвале какого-либо госпиталя. Патологоанатомам для работы не требуются ремни, наручники и прочие подобные приспособления.

Не оставалось никаких сомнений в том, что здесь производились не вскрытия, а опыты над живыми людьми.

Пендергаст поспешно вышел из комнаты и двинулся дальше по коридору, заглядывая в открытые двери или в смотровые окошки закрытых. Почти все помещения имели рабочий вид. Кое-где даже не успели прибраться, кровь, волосы и куски ампутированных костей еще лежали на операционных столах. Несмотря на то что все лаборатории сейчас стояли пустыми, очевидно, что еще недавно здесь проводилось множество ужасных экспериментов.

Одна из запертых дверей привлекла внимание Пендергаста. Он остановился, посмотрел в окошко и открыл замок, снова без особого труда. Луч фонарика высветил лежащий на столе клочок человеческих волос. По другим признакам, в том числе и по мертвым личинкам трупной мухи, Пендергаст догадался, что здесь исследовали полуразложившиеся останки.

Медленно, очень медленно он подошел ближе и еще раз осветил фонарем волосы. Они были в точности такого же темно-рыжего оттенка, как локоны Хелен, всегда напоминавшие ему цвет лугового меда. Пендергаст инстинктивно потянулся к ним, но в последнее мгновение отдернул руку.

На операционном столике стояла пластиковая коробка. Пендергаст подошел и после недолгих колебаний открыл крышку. Внутри лежали остатки платья Хелен, пуговицы и кое-какие личные вещи. Пендергаст осторожно раздвинул их пальцами, и луч фонаря отразился фиолетовым бликом. Запустив руку глубже, он через мгновение отыскал золотое кольцо, украшенное звездчатым сапфиром.

Пендергаст застыл на месте. Целых десять минут, а может, и больше он простоял неподвижно, разглядывая вещи жены. Потом положил кольцо в карман своих грубых арестантских брюк.

Тихо выйдя из комнаты, он тут же остановился, прислушиваясь к далекому топоту шагов и отрывистым командам. Затем быстро вернулся к трещине в стене и самодельной кислородно-ацетиленовой

бомбе, спрятанной в ней. Взглянул на часы и понял, что запоздал со взрывом.

70

Полковник Соуза вместе с основной частью отряда расположился в густом лесу возле самого города. Около часа дня возвратились разведчики, их доклады подтвердили предположения полковника. Единственная шоссейная дорога, а также три грунтовые охранялись солдатами, но нигде не было видно патрулей, контролирующих другие подходы к городу. Жители явно не ожидали нападения, пребывая в иллюзии безопасности, несомненно вызванной длительной оторванностью от мира. И уж тем более никто не смог бы предугадать, из какой части огромного леса, окружающего город, последует атака.

Но полковник все равно рисковал. Он задумал отвлекающую атаку на ворота, которая должна начаться — он взглянул на часы — ровно через две минуты. Возможно, значительная часть гарнизона размещена прямо в городе и противник сможет быстро организовать оборону. Трудно все рассчитать заранее.

Бойцы в камуфляжных костюмах молча ожидали сигнала к атаке. Полковник разделил свой отряд на три группы, по десять человек в каждой: красную, синюю и зеленую. И по одному бойцу от каждой группы выделил для отвлекающего маневра.

Медленно тянулись секунды. Затем полковник услышал стрельбу, крики, разрывы гранат. Атака началась.

Он поднял руку, привлекая внимание бойцов, еще раз прислушался. Ответный огонь, как он и ожидал, был слабым и беспорядочным. Эти нацисты, с их любовью к парадам и показному блеску, на деле оказались никудышными вояками.

Впрочем, полковник не исключал возможности, что противник только притворяется слабым, пытаясь усыпить его бдительность и заманить в ловушку.

С каждой минутой выстрелы и взрывы гранат, которыми бойцы полковника забрасывали врага из чащи леса, становились все громче, а ответный огонь, наоборот, затихал.

Соуза поправил наушники, посмотрел на бегущую по циферблату секундную стрелку и резко махнул рукой. Его парни тут же рванулись вперед. Они продрались сквозь кусты на чистое

пространство и разделились на три группы. Город начинался всего в ста ярдах от них, по ту сторону дороги, за садовыми участками: ухоженные домики с ярко раскрашенными ставнями, цветочными горшками и покатыми крышами. Спецназовцы пересекли дорогу и затопали по овощным грядкам. Две девочки, собиравшие помидоры, побросали корзины и с громкими криками побежали прочь.

Бойцы Соузы, разделенные на три группы, хлынули на ближайшие улицы. Полковник вел синюю группу, Тиагу — красную. Главное — не отступать от тактики блицкрига, с быстротой молнии мчаться по улицам и нигде надолго не задерживаться, рискуя нарваться на шальную пулю или гранату. Отряды должны достигнуть пристани раньше, чем враг сумеет организовать хоть какую-то оборону. Меньше всего Соуза хотел ввязаться в перестрелку на узких городских улочках.

Полковник вел свою группу вперед. Попадавшиеся им навстречу пешеходы в ужасе застывали на месте либо стремительно спасались бегством. Однако чем дальше спецназовцы углублялись в город, тем чаще раздавались пока еще единичные выстрелы с крыш, из окон и переулков.

— Подавить огневые точки! — крикнул полковник в наушники.

Спецназовцы открыли ответный огонь по улицам и крышам, и вражеские выстрелы быстро утихли.

Ближе к центральному кварталу и ратуше они столкнулись с более серьезным сопротивлением. Несколько молодых людей, кое-как вооруженных и не одетых в военную форму, составили телеги в каре и укрылись за ними. Когда три группы полковника Соузы выбежали на площадь, их встретили выстрелы не только из-за баррикады, но и с перекрестка.

— Красные, подавить огонь! — приказал полковник. — Синие и зеленые, вперед!

Красная группа Тиагу залегла в укрытие и дала мощный ответный залп. Ручной пулемет пятидесятого калибра осыпал площадь градом пуль, его поддержали полдюжины прицельных выстрелов из гранатомета. Атака произвела нужный эффект, и противник в панике разбежался. Очистив площадь, красная группа рванулась вдогонку за товарищами по узким улочкам города. Дальше начался пологий спуск к берегу, и вскоре Соуза разглядел вдали

лодки, стоявшие у каменных и деревянных пирсов.

Он заранее, еще когда наблюдал за городом в бинокль, выбрал два нужных судна: сверкающий сталью неуклюжий тяжелый буксир и элегантный прогулочный катер. Но тут противник снова открыл огонь, не только с крыш домов, но также из гавани, обстреливая ведущие к воде узкие улочки. Внезапно из параллельного берегу переулка выскочила, стреляя на бегу, еще одна группа защитников города.

— Контратака! — крикнул полковник, но пулеметчик из команды Тиагу уже застрочил из пятидесятого калибра, уложив половину нападавших, а остальные обратились в бегство.

Рядом разорвалась граната, за ней еще одна, обрушив фасад здания и присыпав Соузу осколками стекла и битым кирпичом.

— Продолжать движение! — отдал новый приказ полковник.

Но его люди не нуждались в напоминании, они уже мчались дальше по улице, обстреливая соседние дома, а пулеметчик прикрывал их сзади.

Они вышли к открытому со всем сторон широкому причалу. Там опять завязалась перестрелка, и один из спецназовцев, вскрикнув, повалился на землю. На противника тут же обрушился ответный шквал огня, гранатомет с оглушающим ревом выплевывал снаряды в небо.

— Садимся на катера! — крикнул Соуза.

Спецназовцы быстро погрузились и отдали швартовы. Два обученных управлению катером бойца заняли места у штурвалов и завели двигатели, а остальные залегли на палубах. Не прошло и двух минут, как оба судна отошли от причалов и на полной скорости двинулись к острову.

— Доложить о потерях! — распорядился полковник.

Врач быстро осмотрел обоих раненых. Повреждения были не опасными, оба оставались в строю.

Полковник с огромным облегчением наблюдал за тем, как удаляется берег. Операция шла точно по плану. Если бы он выступил с сотней бойцов, отряд мог бы сейчас еще оставаться на пристани, с куда большим количеством раненых, отставших и каким-нибудь

недоумком, свернувшим не в ту сторону и потерявшимся на узких улочках города. Потребовалось бы больше лодок, больше подготовленных рулевых, и вероятность неудачи тоже возросла бы.

Тяжелый буксир, а вслед за ним и катер удалились от берега, и беспорядочный огонь с причала постепенно утих. Спецназовцы же продолжали обстреливать берег, мешая врагу погрузиться в лодки и отправиться в погоню. Полковник вытащил из кармана шелковый платок, снял каску и тщательно вытер лицо. Первая часть операции закончена с минимальными потерями. Он с тревогой обернулся к вырастающему из воды темному острову. Какого-либо движения там еще не было заметно. Но пока Соуза рассматривал возвышающуюся на вершине черного конуса крепость, его уверенность в успехе несколько поколебалась. Опытным глазом он сразу определил, что вражеские укрепления фактически неприступны. Все зависело только от гринго. А полковник не любил, когда судьба операции находится в руках одного человека, даже очень способного… особенно человека, с которым он едва знаком.

Его бойцы тоже разглядывали крепость с серьезными, сумрачными лицами. Они думали точно так же, как полковник. Катера находились на полпути от пристани к острову, наступал момент истины.

Соуза взглянул на часы. Опять все решали быстрота и внезапность. Из крепости наверняка заметили приближающиеся суда и знали о нападении на город. Момент неожиданности, на который полковник очень рассчитывал, был упущен.

Осознав ситуацию, он еще раз обдумал план атаки. Терять время на высадку в бухте позади крепости больше не имело смысла. Как это говорил британский адмирал Нельсон? «Какие-нибудь пять минут могут решить, победите ли вы или потерпите поражение». И еще, a proposito[108]: «Чем ближе к неприятелю, тем лучше». Огибая остров, они потеряют даже не пять, а больше десяти минут, и еще неизвестно, найдется ли там удобное место, чтобы причалить к берегу. А прямо по курсу лежат прекрасные, пустынные и никем не охраняемые пирсы.

Соуза в который уже раз посмотрел на часы. Пендергасту пора подать сигнал. Контрольное время истекло, но ничего не происходило. Беспокойство начало терзать полковника. Он ошибся, слепо доверившись этому человеку, чудовищно ошибся. Если отряд

высадится на берег до сигнала, у него не будет никаких шансов прорваться в крепость. И никакой возможности вернуться назад в город.

Сигнал опаздывал уже на пять минут. Остров становился все ближе. Они находились на дистанции выстрела от берега. Соуза прокричал в наушники:

— Остановить оба катера! Быстро!

Никто не усомнился в его приказе, хотя все и удивились: o que diabos agora[109]

Буксир затормозил, а затем и остановился, когда двигатель включился на реверс. Второй катер тоже дал задний ход. Небо было ясным, озеро — спокойным. Позади горели и дымились дома, пострадавшие во время короткого сражения в городе. А остров по-прежнему казался мрачным и безлюдным.

Оба судна остановились, и чувство тревоги и сомнения в успехе начало передаваться всем бойцам. Они не сводили глаз с полковника. Но он ничем не выдал своих мыслей и со спокойным выражением лица осматривал остров. Катера продолжали дрейфовать.

И вдруг над крепостью заклубился дым и вспыхнули языки пламени. Спустя несколько секунд над водой пронесся грохот взрыва. Словно в замедленной съемке, большой кусок стены с шумом обрушился до самого основания, каменные блоки покатились по склону. В воздух поднялся огромный столб пыли, заслоняя собой зияющую брешь в стене крепости.

Пендергаст все-таки подал сигнал. Получилось даже лучше, чем ожидал полковник. Теперь его отряд мог без труда проникнуть в крепость.

— Полный вперед: — проревел в наушники Соуза. — К пристани!

Раздались оживленные крики бойцов, резко взревели двигатели, и катера рванулись к незащищенному причалу. Берег стремительно приближался, и полковник выкрикнул новый приказ:

— Estão prontos! Ataque![110]

71

Едва Альбан вошел в кабинет, Фишер выключил радио, встал и протянул руку. Он всегда испытывал прилив гордости, когда смотрел на юношу. Трудно поверить, что парню всего пятнадцать лет. При росте в шесть футов и три дюйма он выглядел на все двадцать. У него были точеные черты лица: острые скулы и высокий лоб, сверкающие глаза и белые зубы, короткие светлые волосы и линия рта, словно вышедшая из-под резца Микеланджело, — лицо бога. Но больше всего впечатляла его манера держаться: уверенность, но без высокомерия, обаяние, но без позерства, мужество, но без жестокости. Оставалось лишь догадываться, каким он станет к двадцати годам.

Однако сейчас Фишер ощущал досадную неловкость.

— Вы хотели меня видеть, герр Фишер?

— Да. Мне доложили, что твой отец сбежал из камеры, убив Бергера и нескольких охранников. А сейчас он объявился вновь и взорвал самодельную бомбу, обрушив крепостную стену.

Рассказывая, он внимательно наблюдал за лицом юноши, выискивая хоть какое-то проявление неправильных, неподобающих ему эмоций, но так ничего и не обнаружил.

— Как это произошло? — спросил Альбан.

— Это все не важно, за исключением того, что так бывает всегда, когда самоуверенный болван вроде Бергера сталкивается с таким противником, как твой отец. Он действительно потрясающий человек, и мне очень жаль, что он не на нашей стороне. — Не дождавшись ответа юноши, он добавил: — А сейчас к нашему острову подплыли бразильские солдаты на катерах.

— Я готов сражаться, — тут же откликнулся Альбан. — Защищать…

Фишер жестом велел ему замолчать:

— Наша специальная бригада справится с ними. Фактически уже справилась. Нет, я позвал тебя не за этим. Ты получишь другое задание. Особо важное задание.

Лицо Альбана выражало настороженное внимание. Но истинные его чувства определить было непросто. Конечно, эту особенность в нем намеренно развивали, но сейчас такая непроницаемость доставляла Фишеру неудобство.

— Бета-тест закончен, и закончен успешно. Но должен признаться, что меня удивило твое нежелание понаблюдать за смертью отца. Оно показывает… возможно, и не слабость, но отсутствие интереса к некоторым, так сказать, изящным моментам. Именно к тому, что ты должен был научиться ценить. Я сказал «отсутствие интереса», потому что мне не хочется думать — после стольких лет кропотливой работы, — что какое-либо, скажем так, недостойное мужчины чувство повлияло на твое решение покинуть камеру. Если бы ты там остался, этот болван Бергер не упустил бы так бездарно возможность отомстить за брата.

— Прошу простить меня. Но я не предполагал, что у Бергера с таким количеством помощников что-то может пойти не так.

— Но что-то действительно пошло не так, а Бергер и все его помощники теперь мертвы.

Фишер достал из серебряного портсигара сигарету и прикурил. Альбан, заложив руки за спину, с почтительным вниманием ждал продолжения. Глядя на него, Фишер невольно ощутил прилив почти отеческих чувств к этому прекрасному во всех отношениях юноше, и мысль о том, что Альбан мог проявить слабость, сделалась еще невыносимей.

— И вот тебе последнее задание: я хочу, чтобы ты отыскал отца и убил его. Тогда не останется ни единого сомнения в том, что ты достиг совершенства.

— Да, сэр, — без колебаний ответил Альбан.

— Похоже, самодельная бомба твоего отца обрушила стену в секторе пять, возле лаборатории патологоанатомов. Таким образом, теперь ты знаешь, где находился твой отец несколько минут назад. Не сомневаюсь, что герр Пендергаст намерен в первую очередь спасти твоего брата. С твоими особыми способностями тебе будет совсем не трудно отыскать отца и покончить с ним.

— Я готов. И я не подведу вас.

— Хорошо. — Фишер глубоко вздохнул. — Доложишь мне,

когда выполнишь задание.

Неожиданно в комнату проник приглушенный грохот выстрелов, чередующихся с разрывами гранат. Фишер заметил в глазах Альбана легкое замешательство.

— Не переживай из-за них, — сказал он. — Это всего лишь глупые туземцы. Через несколько минут их всех уничтожат.

— Estão prontos! — снова крикнул полковник, когда буксир подошел к пирсу.

Бойцы выстроились вдоль борта с оружием наготове. Позади скользил второй катер. Двигатели, взревев, заработали на реверс так, что вода вокруг винтов закипела.

Оба судна причалили с идеальной точностью, одновременно ударившись бортами о кранцы.

— Пошли!

Первая группа спецназовцев дружно выпрыгнула на причал, за ней готовилась высадиться вторая…

…Через мгновение, когда на пирсе было уже полно людей, где-то под ними прогремел чудовищный, сокрушительный взрыв. Языки огня поднялись над деревянным настилом, взрывная волна разнесла доски в щепки, захлестнув и людей. Полковника сбросило с пирса в воду. Буксир подкинуло высоко в воздух, обшитый листовым железом борт принял на себя основной удар.

Холодная вода привела полковника в чувство. У него звенело в ушах, волосы на макушке подпалило, мундир был разодран в клочья. Первые мгновения он смотрел на происходящее словно издалека и лишь затем осознал, что и сам барахтается в воде вместе с другими бойцами. Буксир завалился на борт, пирсы полыхали огнем. Крики, кровь, ошметки человеческих тел.

Постепенно голова полковника прояснилась. Он увидел, что второй катер тоже лежит на боку, а вокруг него по воде разбросаны трупы.

Пирсы были заминированы. И он сам направил катера прямо в ловушку.

Полковник жадно хватал воздух ртом, стараясь удержаться на плаву. Но как только он пришел в себя настолько, чтобы задуматься над тем, что делать дальше, с берега загрохотали автоматные очереди, пули зашлепали по воде. Где-то рядом оглушительно рвануло, и полковника обдало целым фонтаном брызг, затем громыхнуло еще раз, и снова затрещали выстрелы. Второй сюрприз

оказался ничуть не приятней первого.

Полковник разглядел за доками несколько больших валунов — подходящее укрытие. Только бы добраться до них…

— Слушай меня! — гаркнул он, стараясь перекричать грохот стрельбы. — Берите оружие и ныряйте. Плывите на восток, к скалам. Ныряйте и оставайтесь под водой!

Повторив приказ, Соуза сам нырнул и поплыл, энергично загребая руками. Этому его научили еще в ВОРЕ — плавать под водой с оружием.

Полковнику все-таки пришлось вынырнуть дважды, быстро хватая ртом воздух и снова погружаясь в воду, — и его тут же осыпало выстрелами. Плывя с открытыми глазами, он видел пузырящиеся следы пуль. Но, пройдя сквозь двенадцатидюймовый слой воды, они теряли большую часть своей убойной силы, и полковник прекрасно это понимал.

Легкие едва не разрывались от нехватки кислорода, но полковник продолжал плыть, напряженно всматриваясь в зеленую воду перед собой. Наконец он различил смутные очертания валунов и устремился к ним. Соузе удалось вынырнуть в нужном месте, защищенном от убийственного огня со стороны крепости. Почти невероятно, но рядом с ним из воды появилось еще с полдюжины бойцов, и среди них — graças a deus[111] — Тиагу. Пули стучали по вершине скалы, осыпая их каменной крошкой, но не могли причинить вреда, во всяком случае в настоящий момент.

Мощный взрыв возле самого берега напомнил полковнику, что у противника есть минометы и гранаты, которые могут достать его парней и в укрытии.

Соуза выбросил из головы панические мысли. У него остались бойцы, способные сражаться. Не все еще потеряно.

Прячась за валунами по пояс в воде, полковник скомандовал:

— Все сюда! Ко мне!

Он видел и других солдат, плывущих в его сторону. Некоторые были ранены. Другие ныряли и больше не выныривали. Третьи просили помощи. Но полковник ничего не мог для них сделать и лишь бессильно наблюдал, как его людей расстреливают с берега из минометов.

Задыхаясь от ярости, ошеломленный внезапным поворотом судьбы, полковник огляделся. Рядом с ним прижались к скалам шестеро бойцов. Жалкие, растерянные, парализованные страхом. Он должен что-то предпринять, заставить их действовать, выполнять его команды. Сквозь узкую щель между камнями полковник осмотрел позиции врага. Стреляли из-за вулканического вала рядом с пристанью. По правому его склону разбросаны черные скалы. Если удастся пересечь свободное пространство и укрыться за ними, можно будет незаметно продвинуться дальше вдоль излучины острова.

Полковник обернулся.

— Слушай меня! — Он помолчал, а затем крикнул громче: — Filhos da puta[112], слушайте!

Они наконец-то очнулись, и в их глазах появилось осмысленное выражение.

— Бежим вверх по склону вон к тем скалам. Прямо сейчас. За мной!

— Может, прикрыть вас огнем? — предложил Тиагу.

— Бесполезно, их слишком много. Мы лишь предупредим врага. А так есть шанс застать их врасплох. На счет три… Раз, два, три!

Они выскочили из воды и помчались по склону, усыпанному вулканическим пеплом. Огонь тут же переместился от валунов к ним. Но враг не ожидал такого маневра, и все семеро добрались до скал прежде, чем вокруг начали рваться гранаты. Отсюда уже были слышны команды на немецком языке.

— Не останавливаться! Вперед! — приказал полковник.

Пригнувшись, они побежали дальше, пересекая склон по диагонали и обходя излучину острова. За их спинами над изрытым ямами черным вулканическим конусом высилась крепостная стена.

Как только они выскочили из укрытия, огонь снова усилился, поднимая в воздух тучи пепла. Бегущий слева от полковника боец вскрикнул, когда пуля с глухим стуком вошла ему в грудь. Истекая кровью, он тяжело повалился на камни.

Остальные продолжали бежать под пулями, зарывающимися в пепел у них под ногами. Все громче звучали крики на немецком языке:

— Ihnen nach! Verfolgt sie![113]

Полковник понял, что враг догоняет его отряд.

— Ложись! — скомандовал он. — Приготовиться, огонь!

Отлично обученные спецназовцы мгновенно повернулись и легли в мягкий пепел. Раздались выстрелы, и полковник с удовлетворением отметил, как несколько преследователей упали замертво, а остальные поспешили укрыться.

— Встать! — крикнул он. — Бегом!

Отряд помчался дальше. Обогнув склон, полковник увидел впереди — на расстоянии в четверть мили — уродливую брешь в крепостной стене. Там, в крепости, у них будет больше шансов выжить, чем на открытой местности.

— Бежим к той дыре! — распорядился он и показал направление рукой.

Бойцы рванулись к разрушенной стене, но позади снова зазвучали выстрелы. Если удастся дотянуть до этой бреши, talvez…[114]

73

Пендергаст, устроившийся в наполовину обвалившейся бойнице крепостной стены, следил за тем, как два катера приближаются к пирсам. Сначала он думал, что это обманный маневр, но потом с тревогой осознал, что полковник изменил план операции.

Он решил высадиться прямо на причале.

Пендергаст понимал суть его замысла: ошеломить врага внезапной атакой. Еще в Альсдорфе они с полковником обсуждали этот вариант и отклонили его из-за пусть и маловероятной, но реальной опасности попасть в засаду. Нельзя было исключать возможности того, что защитники крепости, услышав стрельбу в городе, успеют подготовить ловушку… или приготовили ее заранее, а теперь просто приведут в действие. Соуза считал, что это лишняя перестраховка, но в итоге позволил Пендергасту переубедить себя.

Как выяснилось, не до конца.

Пендергаст продолжал следить за катерами, и сердце его стучало все сильнее. Этот план мог сработать. Ему уже стало ясно, что полковник взял с собой гораздо меньше людей, чем было оговорено, — с такими незначительными силами быстрота и неожиданность приобретали еще большее значение.

Если все пройдет гладко — тем лучше. Но это был риск, авантюра.

И тут полыхнул огонь. Пирсы взлетели в воздух, солдат отбросило обратно в воду, катера перевернулись. Пендергаст оцепенел от ужаса. В одну секунду все изменилось. Он слышал отдаленный треск автоматных очередей, видел за вулканическим валом под крепостной стеной слабые вспышки выстрелов. Разглядеть сидевших в засаде солдат было трудно, но там наверняка собралась значительная часть гарнизона крепости — возможно, около ста человек, дисциплинированных и хорошо обученных. Когда дым над взорванным причалом рассеялся, открылась картина полного разгрома. Большинство высадившихся были убиты или тяжело ранены, оставшихся в живых расстреливали прямо в воде. Но сам полковник, похоже, уцелел. Вместе с горсткой солдат он укрылся за камнями возле берега. Затем побежал по склону холма к другому

укрытию, потеряв по дороге одного бойца. Наконец прорвался к бреши в стене и исчез из виду, но к этому моменту отряд уменьшился еще на одного человека.

Пять бойцов. И сам Пендергаст. Шестеро против сотни с лишним прекрасно обученных солдат, к тому же сражающихся на своей территории. В них генетически заложены бесстрашие и жестокость, а защита своего города — сам смысл их существования.

Пендергаст оценил ситуацию и понял, что не осталось никаких шансов на успех. Сохранялась лишь слабая надежда на то, что война — самое непредсказуемое из всех человеческих занятий.

Спрыгнув со своего наблюдательного пункта, он побежал по коридору, но тут же юркнул в боковой проход, заслышав топот шагов. Подождал, пока солдаты пройдут мимо, и направился к полуразрушенной лестнице, ведущей к основанию крепости. Снизу доносились отзвуки начавшейся перестрелки. Солдаты, несомненно, спешили именно туда — добивать последних противников, пробравшихся за стены крепости.

Пендергаст спустился в наклонный тоннель, идущий вдоль внутренней стены. Выстрелы здесь звучали громче. Затем снова послышался топот бегущих солдат, но на этот раз в запасе у Пендергаста было достаточно времени, чтобы до их появления заскочить в одну из лабораторий и прикрыть дверь. Где-то рядом продолжалась перестрелка, слышались ожесточенные крики. По крайней мере, бразильцы упорно сопротивлялись.

Он метнулся обратно в тоннель, добежал до поворота и там едва не столкнулся с нацистскими солдатами. Они сидели на корточках у стены, видимо прячась от выстрелов. Узкие проходы, крепкие каменные стены и глубокие ниши почти сводили на нет численное превосходство немцев. Прислушавшись, Пендергаст понял, что бразильцы засели в какой-то полости внутри стены. Их окружили со всех сторон, и как бы отчаянно они ни отстреливались, все равно им конец, если только они не сумеют вырваться оттуда.

Пендергаст укрылся за углом, дождался громкого взрыва, за которым его самого не будет слышно, и уложил одного немца выстрелом в бедренную артерию — так его товарищам труднее будет определить, откуда прилетела пуля. Подождал следующего удобного момента и подстрелил второго немецкого солдата. Все вышло так,

как он и задумывал: решив, что их расстреливают откуда-то спереди, солдаты в замешательстве отступили. Пендергаст снова спрятался в лабораторию, пропустил их, затем вышел и обыскал один из трупов, время от времени пригибаясь, чтобы не попасть под шальной выстрел кого-нибудь из бразильцев. В итоге он раздобыл несколько гранат и два запасных магазина к «штурмгеверу».

Пополнив вооружение, Пендергаст вернулся в лабораторию. Он связал вместе все гранаты и закрепил их предохранительные рычаги быстроразвязывающимся узлом. Отыскал на стеллажах длинный моток провода, затем вытащил чеки из всех гранат. С величайшей осторожностью вышел обратно в тоннель, прислушиваясь к стрельбе и взрывам. Выбрав подходящий момент, он рванулся вперед по тоннелю и остановился в том месте, где потолок потрескался, вероятно, из-за подвижек грунта. Пендергаст подогнал из ближайшей лаборатории каталку, забрался на нее и прикрепил к потолку на распорке связку гранат. Присоединил длинный провод к концу узла, удерживающего рычаги гранат, спрыгнул с каталки, вернул ее в лабораторию и присел возле двери, прислушиваясь.

Выждав момент, Пендергаст выпустил несколько длинных очередей из «штурмгевера» и закричал:

— Sie sind hier! Schnell![115]

И подкрепил призыв новой очередью.

— Schnell!

Немецкие солдаты кинулись на его крик, двигаясь боком, словно крабы, пригибаясь и стреляя в пустоту.

Пендергаст выпустил еще одну очередь и снова крикнул по-немецки:

— Hilfe![116]Hilfe!

Как только солдаты приблизились, он дернул за провод, освобождая рычаги гранат, юркнул в лабораторию, запер за собой дверь и скорчился в углу. Через мгновение в тоннеле раздался мощный взрыв. Крошечное окошко в двери разлетелось вдребезги, саму дверь сорвало с петель и отбросило к дальней стене. Пендергаст выпрямился, выскочил наружу и рванулся вперед сквозь густое облако пыли, поднятое упавшими с потолка каменными блоками. Стены тоннеля уже начали оседать. Задыхаясь от пыли, он подбежал

к тому месту, где должны были находиться бразильцы.

— Полковник, это Пендергаст, — закричал он, чередуя английский и португальский. — Me ajude![117] Бегите за мной, у нас очень мало времени!

Затем он повернулся и помчался сквозь слепящую глаза пыль. Полковник и четверо уцелевших спецназовцев поспешили за ним.

За обвалом тоннель широкой дугой тянулся вдоль крепостной стены, лаборатории — по левой стороне, сама стена — по правой. Он служил основным маршрутом передвижения внутри крепости, и оставаться здесь надолго было рискованно. Пендергаст решил спуститься еще на один ярус, где они смогут укрыться в лабиринте подземных ходов, темниц и кладовых. Именно здесь агента держали в заточении, но он не исследовал эту часть крепости как следует, посчитав ее не самой важной.

А теперь она оказалась важнее всех прочих. Их единственный шанс на спасение.

Он уже слышал позади лязг винтовок и топот бегущих солдат. Слева от него в неглубокой нише виднелась дверь в лабораторию, но она была закрыта, и Пендергасту не хватило бы времени разобраться с ней. Жестом он велел полковнику и его подчиненным прижаться к стенам и приготовить оружие.

— Стрелять одиночными, — спокойно приказал он, а полковник повторил команду на португальском.

Шаги приближались, отдаваясь эхом в изгибе тоннеля. Маленький отряд собирался дать врагу решительный бой.

Раздался резкий, лающий приказ, и немецкие солдаты остановились вне видимости Пендергаста и бразильцев. Внезапно наступила напряженная тишина. Затем две ловко брошенные гранаты отскочили от стены и покатились по полу к сидящим в засаде.

Пендергаст и спецназовцы вздрогнули от неожиданности, мгновенно вскочили и бросились к двери в нише. Гранаты рванули одновременно, взрывная волна ужасающей силы сбила бойцов с ног. Один из них не успел укрыться от взрыва и превратился в кровавое месиво.

Ошеломленно помотав головой, Пендергаст выстрелил в облако дыма и пыли. Он услышал звук падающих с потолка каменных блоков и понял, что немцы не смогут атаковать по крайней мере до тех пор, пока обвал не прекратится.

— Отходим! — приказал он, снова стреляя в невидимого за

пылью и дымом врага.

Полковник и три уцелевших спецназовца побежали. Пендергаст продолжал отстреливаться, пока они благополучно не скрылись за изгибом стены, а потом бросился следом. Он знал, что в нескольких сотнях ярдов впереди находится боковой проход, но понятия не имел, куда он ведет. Это был большой риск, однако другого выбора у них не оставалось.

— Направо! — крикнул он бегущим впереди товарищам. — Direita!

Они свернули, оставив позади заполненный пылью тоннель. Здесь было совсем темно, но спецназовцы достали фонари и осветили дорогу. Проход выглядел давно заброшенным: выступы селитры на каменных стенах, затхлый воздух, пахнущий гнилью и плесенью. Бразильцы подбежали к источенной червями дубовой двери в проржавевшей железной раме. Она сорвалась с петель после первого же удара прикладом.

Впереди показалась спиральная каменная лестница, спускающаяся в темноту.

Позади слышался топот бегущих солдат.

Лестница частично обрушилась, и Пендергаст с товарищами не раз спотыкались и падали на скользких, шатающихся камнях, пока не очутились на самом нижнем ярусе крепости. Они помчались по длинному тоннелю, начинающемуся у основания лестницы. Погоня не отставала.

Тоннель разделился, а затем привел в большое помещение с куполообразным потолком. В центре его виднелась странная конструкция: стальная клетка площадью приблизительно в пятнадцать квадратных футов, с надежным запором. Она не стояла на полу, а скорее ограждала глубокую трещину в фундаменте крепости. Вся трещина и большая часть клетки были заполнены ящиками с оружием, гранатами и снарядами, помеченными свастикой и предупредительной надписью «Sehr gefahrlich»[118]. Судя по всему, это был главный арсенал крепости, из предосторожности размещенный под землей.

Так что хитроумный план Пендергаста взорвать склад боеприпасов все равно был бы обречен на провал: слишком глубоко в

недрах крепости располагалось хранилище, чтобы взрыв обеспечил проход для полковника и его бойцов.

Однако времени на детальный осмотр склада не было, и они побежали к проходу в дальнем конце зала.

Тот вскоре уперся в другой тоннель, который тоже начал ветвиться и привел к длинному ряду пустых клеток. Давно сгнившие деревянные двери слетели с петель и валялись на влажной земле. В одной из клеток лежал полуистлевший скелет, закованный в цепи. По стенам сочилась вода, собираясь в лужи на пыльном полу, на котором, как с сожалением отметил Пендергаст, их следы были очень хорошо заметны.

Глухой топот преследователей стал еще громче.

— Нужно убить этих парней, — сказал полковник.

— Отличное предложение, — ответил Пендергаст. — Попробуем гранаты?

Он на бегу выдернул чеку из последней оставшейся гранаты и кивнул полковнику. Полковник и три уцелевших бойца повторили его действия. Когда впереди показался поворот, Пендергаст еще раз кивнул. Все одновременно отпустили предохранительные рычаги и метнули гранаты в мягкий пепел, а сами завернули за угол и упали на пол.

— Как это сказать по-английски? — пробормотал полковник. — «Отплатить той же монетой»?

— Это называется «дать прикурить», — прошептал в ответ Пендергаст.

Через мгновение оглушительно прогремели взрывы. Пендергаст тут же вскочил и жестами приказал остальным следовать за ним. Они выскочили из-за угла. Между обломков камней в облаке пыли растерянно метались тусклые лучи фонарей. Пендергаст с товарищами без промедления открыли бешеную стрельбу ориентируясь на эти огни. Враг пытался отвечать, но без особого успеха.

В пять секунд все было кончено. Трупы преследователей лежали на полу в воздухе висело облако пыли. Пендергаст включил свой фонарь и осветил мертвых врагов: шестеро солдат в простой серой форме со значками в форме Железного креста[119]. Но седьмой,

вероятно командир отряда, носил старую полевую эсэсовскую форму с небольшими современными дополнениями.

— Babaca![120]— выругался полковник, пиная ногой его труп. — Поглядите, этот сукин сын вырядился нацистом. Que bastardo[121]

Пендергаст быстро осмотрел офицера, потом других мертвецов — полдюжины крепких, здоровых молодых людей, израненных взрывами и пулями. Пронзительно-голубые глаза незряче уставились в потолок, рты удивленно приоткрылись, тонкие пальцы все еще сжимали оружие. Он наклонился и подобрал запасной магазин и гранату. Другие тоже пополнили свои запасы.

Тишину нарушали лишь монотонные шлепки капающей с потолка воды. Запах крови и смерти смешался с запахами гнили и плесени. Вдруг послышался тихий шорох. Взрыв сдвинул с места тяжелые каменные блоки, из которых была сложена стена, и изо всех щелей начали выползать или просто падать с потолка потревоженные насекомые: маслянистые многоножки, белые хвостатые пауки с заостренными педипальпами, уховертки со скользкими щипцами, скорпионы, потрескивающие своими клешнями, мохнатые пауки-скакуны.

Полковник с проклятиями смахнул одного из них с плеча.

— Нужно уходить отсюда, — сказал Пендергаст. — Быстро.

Но тут произошло нечто странное. Один из солдат полковника вдруг захрипел, повернулся… и вытащил из груди окровавленный метательный нож. Он ошеломленно посмотрел на него и повалился на землю.

75

Услышав хрип, полковник Соуза обернулся и направил луч фонаря на солдата. Тот с удивлением посмотрел на зажатый в руке нож и начал медленно оседать.

— В укрытие! — крикнул Пендергаст, пригнувшись.

Соуза прижался к стене, а Пендергаст посветил фонарем вглубь тоннеля. Осмотрел стены, потолок, темные клетки и сгнившие двери. Завитки плывущей в воздухе пыли заплясали в ярком электрическом свете. Нигде не было слышно ни звука, за исключением капающей с потолка воды. Луч фонаря остановился на прикованном скелете, высветив клок чудом сохранившихся на черепе волос.

— Nossa Senhora[122], — прошептал полковник, повернулся к Пендергасту и встретился с его пристальным взглядом.

Ему снова стало неуютно под прицелом этих серебристых глаз, словно светящихся в темноте. Соуза почувствовал, что у него задрожала нижняя губа, и попытался справиться с паникой. Он все время думал о том, что сам виноват в провале операции. С того момента, как начались неприятности, его сын Тиагу не сказал ему ни слова. Полковник не мог заставить себя посмотреть в глаза сыну… но чувствовал, да, физически чувствовал на себе его взгляд, полный страха и осуждения, давящий куда-то в область затылка.

Скорчившись у стены в ожидании неизвестно чего, не имея ни малейшего представления, что делать дальше, он посмотрел на Пендергаста. Тот подошел к упавшему бойцу, протянул руку к шее и проверил пульс. Подождал немного, потом оглянулся на полковника и едва заметно помотал головой. Как будто ударил ножом. Погибло столько людей, прекрасных солдат… но нельзя было сейчас думать об этом.

Пендергаст аккуратно забрал окровавленный нож из руки мертвого солдата и внимательно осмотрел, перед тем как повесить себе на пояс. Соуза издали определил, что это старинный немецкий нож «Айкхорн», не очень удобный для броска, зато достаточно тяжелый, чтобы расколоть грудину и добраться до сердца.

Полковник с удивлением и даже недоумением осознал, что так и не уловил в окружающей темноте никакого шума, не различил ни

малейшего движения. Как будто нож сам по себе прилетел в грудь его подчиненному.

Никто не произнес ни слова. Пендергаст осторожно выпрямился, прерывая мучительную паузу. Жестом приказав остальным следовать за ним, он двинулся дальше по тоннелю. Тиагу прикрывал спину полковника, но они по-прежнему не смотрели друг на друга. Фактически Соуза уже уступил командование отрядом штатскому, но он был не настолько глуп, чтобы подтвердить это словами. Вчетвером против целого гарнизона нацистских солдат — на что тут можно надеяться? Он отогнал прочь мрачные мысли. Может быть, у Пендергаста есть план? Гринго так молчалив, так спокоен.

Тоннель начал опускаться, затхлое зловоние усилилось. Вода покрывала пол все более толстым слоем, и они брели словно в тумане, настолько воздух был насыщен влагой. Их хлюпающие по воде шаги эхом отражались от стен. Время от времени Пендергаст подавал сигнал, они останавливались и прислушивались, но не находили никаких признаков того, что кто-то идет за ними следом.

Тоннель продолжал опускаться, а вода поднималась. Мертвые насекомые плавали в пене на поверхности, несколько раз по пути попадались прикованные цепью или частично замурованные в стену скелеты, изъеденные временем кости, томившиеся здесь, вероятно, со времен испанского владычества[123]. Однажды мимо проскользнула толстая белая водяная змея, не обратив на отряд никакого внимания.

Вскоре они оказались в круглом помещении, где сходились два тоннеля. Вода здесь стояла уже по пояс. Все немного отдохнули, пока Пендергаст пытался определить, в какую сторону течет вода, просвечивая ее фонариком и опустив на поверхность тонкую нитку. Но та не сдвинулась с места. Не чувствовалось никакого движения воды, вообще ничего, что могло бы подсказать правильное направление.

Как только Пендергаст отвернулся, полковник заметил, что нить начала кружиться.

А в толще воды смутно обозначилось темное пятно.

— Берегись! — крикнул он.

И в тот же момент у него за спиной прозвучал еще один крик — Тиагу. Полковник обернулся, отчаянно водя по сторонам фонариком,

но сын уже исчез под водой. В глубине происходила какая-то борьба, но она закончилась быстро и так же внезапно, как и началась. Полковник метнулся туда, где еще бурлила вода. Луч фонаря высветил что-то под водой, оно поднималось все ближе и ближе к поверхности. Наконец тело всплыло, мутное темное пятно растекалось по воде от его шеи.

— Meu filho![124] — закричал полковник, обхватив его руками. — Тиагу! Meu filho!

Он перевернул тело сына и с глухим стоном приподнял его, но тут же застыл от ужаса, взглянув на откинутую назад голову Тиагу, остекленевшие глаза и перерезанное горло.

— Bastardos! — взревел полковник, отпуская тело и хватаясь за винтовку.

Глаза его затянуло кровавой пеленой. В приступе ярости он засадил длинную очередь в темную воду. Второй солдат испуганно попятился и тоже принялся наугад стрелять в зловонную темноту.

— Bastardos! — снова прокричал Соуза.

— Довольно, — негромко, но твердо произнес Пендергаст. — Перестаньте.

Полковник ощутил на своем плече холодную властную руку, судорожно дернулся и прекратил стрельбу.

— Мой сын, — в отчаянии прошептал Соуза.

— Он играет с нами, — сказал Пендергаст. — Но мы должны найти выход.

— Он? — воскликнул полковник. — Кто этот человек? — Он почувствовал, что гнев снова разгорается, и заорал в темноту: — Кто ты? Quern e voce?

Пендергаст не ответил. Он указал на последнего оставшегося солдата:

— Вы пойдете замыкающим.

Затем обернулся к полковнику:

— А вы будете идти рядом со мной. Мы должны двигаться дальше.

Соуза безучастно побрел следом за Пендергастом по выбранному неизвестно из каких соображений тоннелю, ни о чем больше не думая. Американец стремительно рассекал воду словно акула, и полковник едва поспевал за ним. Он заметил, как Пендергаст достал гранату, выдернул чеку и сжал предохранительный рычаг.

Они добрались еще до одного перекрещения тоннелей, еще одного опасного места.

Внезапно, к удивлению полковника, Пендергаст развернулся и бросил гранату в тот проход, из которого они вышли.

— Ложись! — скомандовал он.

Полковник и его подчиненный успели нырнуть прежде, чем раздался взрыв, окативший стены водой, как из брандспойта. Вода уже успокоилась, но они продолжали слышать эхо, грохочущее по бесконечному лабиринту.

Пендергаст молча указал на один из тоннелей.

— Откуда вы знаете, что выход там? — удивился полковник.

— Там не было эха, — пробормотал в ответ американец.

Вода поднялась еще выше, но вскоре они увидели нечто вроде пешеходной дорожки, идущей вдоль стены, и каменные ступеньки, по которым на нее можно было подняться. Пендергаст не ошибся в выборе: этот старый тоннель, без сомнения, вел к озеру и служил тайным выходом из крепости.

— Agora eu esto satisfeito…[125] — внезапно прозвучал в тумане зловещий, искаженный многократным эхом голос.

Полковник пригнулся, повернул винтовку на звук и выдал длинную очередь. Магазин давно опустел, но он продолжал бессмысленно давить на спусковой крючок, повторяя: «Кто там? Кто ты?» Его срывающийся голос отозвался вдали гулким эхом.

В ответ в темноте мелькнула короткая вспышка, прозвучал выстрел, и последний солдат с громким плеском упал в воду.

Пендергаст присел рядом с полковником, прячась за каменный выступ. Его сверкающие глаза напряженно всматривались в темноту.

Соуза отсоединил пустой магазин, выбросил его в воду, достал из рюкзака запасной и трясущейся рукой вставил его в паз. Он готов

быть продолжить стрельбу, но тут Пендергаст опустил руку на его винтовку.

— Не тратьте зря патроны, — спокойно сказал американец. — Именно этого он и добивается.

— Os fantasmas?[126]— вздрагивая всем телом, спросил полковник.

— Нет, к сожалению, живой.

С этими загадочными словами Пендергаст взобрался по ступенькам. Полковник двинулся за ним следом, спотыкаясь и скользя на мокрой лестнице, затем пробежал несколько шагов по дорожке и укрылся в нише стены.

— Agora eu esto satisfeito… — снова раздался тот же крик, ножом полоснув по ушам полковника.

В тоннеле трудно было определить направление. Казалось, этот низкий, но удивительно пронзительный голос идет отовсюду — или из ниоткуда.

— Что он говорит? — прошептал Пендергаст.

— Какой ужас… Он говорит, что доволен…

Соуза задыхался, у него кружилась голова. Он с трудом понимал, что произошло, что сейчас происходит. Даже в самых кошмарных снах он не видел ничего подобного.

— Нам нужно двигаться дальше, полковник.

Холодный голос американца привел его в чувство. Стиснув свою М-16, Соуза поднялся и побрел по тоннелю за смутным силуэтом Пендергаста. Они прошли мимо каких-то труб, из которых вытекала темная вода.

Издевательский хохот следовал за ними по пятам. Полковник не мог больше выносить это. Его мир рухнул. Все, кого он любил, погибли… Как это все произошло? Кто он такой, этот дьявол?

— Voce esta satisfeito, Coronel? — опять прозвучало из темноты, на этот раз намного ближе. — Вы довольны, полковник?

Все, кроме этого голоса, внезапно перестало существовать для полковника. Соуза развернулся и с яростным, звериным ревом бросился на звук. Его палец судорожно давил на спусковой крючок,

винтовка дрожала в руках, выпуская пули одну за другой.

Внезапно наступила тишина. Магазин винтовки опустел. Соуза остановился, словно только что пробудился после кошмара. Он стоял и ожидал смерти с таким нетерпением, с каким никогда и ничего в своей жизни не ждал.

76

Пендергаст, вжавшийся в стену, увидел, как полковник со звериным рычанием рванулся в туманную темноту, и услышал длинную, отчаянную автоматную очередь, сменившуюся внезапной тишиной. На мгновение все замерло. Эхо от выстрелов умерло в глубине тоннеля. А затем тишину разорвал единственный и не очень громкий выстрел из пистолета.

Полковник с шумом повалился в воду. И тут Пендергаст снова услышал голос, хорошо знакомый ему:

— Ну вот, отец. Остались только мы двое.

Он ничего не ответил.

— Отец?

Только теперь Пендергаст нашел в себе силы заговорить.

— Что тебе нужно? — медленно и размеренно произнес он.

— Я собираюсь тебя убить.

— И ты уверен, что сможешь? Убить собственного отца?

— Посмотрим.

— Но зачем?

— Зачем люди поднимаются на Эверест? Для чего летят на Луну? Почему бегут марафон? Для меня это последнее испытание характера.

Пендергаст не нашелся что ответить на это.

— Тебе не уйти от меня. И ты сам это понимаешь, правда? — Альбан немного помолчал. — Но сначала я сделаю тебе подарок. Ты спрашивал о «Копенгагенском окне». Хочешь узнать мою тайну? «Взгляни на мир так, будто время исчезло, и все кривое станет для тебя прямым». Это Ницше, как ты, конечно же, и сам знаешь.

Из темноты летучей мышью выскочил нож, так быстро и неожиданно, что Пендергаст не успел увернуться. Лезвие вскользь задело плечо, оставив широкий, но неглубокий след. Пендергаст упал на пол, перекатился, тут же встал и рванулся к следующей нише, где снова прижался к влажной, покрытой слизью стене. Даже теперь он

не мог точно определить, где находится Альбан. Парень умело пользовался особенностями тоннеля, создающего многократно отраженное эхо.

— Ты не сможешь убить меня, потому что ты слаб. И в этом различие между нами. А вот я смогу и только что показал, как легко это сделать. Но должен признать, что ты быстро среагировал, отец. Как будто почувствовал заранее.

Пендергаст уловил оттенок гордости в его голосе — гордости сына за отца. Непонятная апатия мешала ему собраться с силами. Он чувствовал острую боль в недавно вывихнутом плече, ощущал, как сочится из раны теплая кровь, пропитывая и без того мокрую рубашку. Внезапно для него стало не так уж и важно, совсем не важно, будет он жить или нет. Он только надеялся, что сын выстрелит прямо в сердце.

— Я мог бы убить тебя прямо сейчас, — продолжал Альбан. — Я все время держу тебя на прицеле. Но пристрелить тебя, как собаку, было бы ниже моего достоинства. Я оставлю тебе возможность самому выбрать свою смерть. Сейчас я досчитаю до десяти. Если ты решишь умереть без сопротивления, я помогу тебе совершить самоубийство. Но если ты попытаешься убежать, я дам тебе этот шанс.

Когда он досчитал до шести, Пендергаст прыгнул в воду.

Он плыл в глубине, стараясь держаться возле стены, напрягая последние силы и лишь изредка выныривая, чтобы набрать воздуха. Винтовка мешала загребать воду. Затем раздались несколько выстрелов. Альбан сдержал слово и открыл огонь только на счет десять. Пендергаст слышал, как рядом с ним проносятся в воде пули. Он плыл слишком медленно, непозволительно медленно, и с сожалением выпустил винтовку. Он открыл глаза, но ничего не видел в холодной мутной воде. В ней плавало много всякой гадости, несколько раз Пендергаст ощутил прикосновение скользящей мимо водяной змеи. Но он продолжал двигаться вперед, несмотря ни на что.

Тоннель изогнулся, и вскоре Пендергаст, с трудом шевеливший руками и ногами, увидел впереди слабый проблеск света. Он вынырнул и заметил на влажной стене солнечный блик. Стрельба прекратилась. Дальше он плыл уже по поверхности и едва не ослеп от

яркого солнца, когда выбрался из тоннеля в озеро. Оказалось, день еще не закончился. Пендергаст осмотрелся. До противоположного берега к западу от него оставалось около полумили. Альбана нигде не было видно — ни у выхода из тоннеля, ни на берегу.

Он понимал, что это ненадолго. Парень, конечно же, не прекратит погоню.

Но он продолжал плыть к западному берегу.

77

Альбан вслушивался в темноту, в которой затихал плеск уплывающего отца. Выход к озеру был совсем близко, он добрался бы туда за несколько минут. Сердце его стучало возбужденно, все чувства обострились, мозг работал четко и быстро. Это было самое необычное, самое возбуждающее задание, какое он когда-либо получал. Теперь он понял, что Фишер называл «изящными моментами». Несколько лет назад его, вооруженного одним ножом, послали в джунгли убить леопарда. Альбан получил тогда незабываемые впечатления. Но сегодняшняя охота на человека, и не простого человека, а собственного отца, — это действительно было заключительное испытание и потрясающий вызов.

Альбан задумался над тем, что отец будет делать дальше. И ответ нашелся легко: он не останется на острове, где ему, безоружному и побежденному, больше нечего делать. Он поплывет к берегу. На запад, к лагерю дефектных. Он будет искать другого своего сына, близнеца Альбана. Сорок седьмого, у которого теперь есть собственное имя — Тристрам.

Тристрам. Что-то в этом имени — или сам факт его существования — глубоко возмущало Альбана.

Он быстро подбежал к неприметной металлической двери в нише стены. Повернул ключ в хорошо смазанном замке и направился по узкому проходу ведущему к озеру. Несколько мгновений спустя он вышел на солнечный свет через другую дверь рядом с полуразрушенной каменной платформой, чуть выше заросшего камышом берега. Затем поднялся на несколько десятков футов по вулканическому конусу. Пепел хрустел у него под ногами. Здесь Альбан остановился и осмотрел озеро. Его зоркие глаза тут же отыскали фигуру отца, плывущего к западному берегу, как он и предполагал.

Он поднял винтовку, взглянул на отца через магнификатор[127] прицела и лениво подумал, что при его меткости, да еще в такую прекрасную, безветренную погоду, почти наверняка попадет в цель даже с расстояния в триста ярдов.

Затем опустил оружие, напоминая самому себе о справедливости

и чести. Отец был великим человеком, и умереть он должен достойно — не от выстрела в спину. До заросшего тростником берега отцу оставалось проплыть около полумили. При той скорости, которую он может развить с раненым плечом, на это уйдет не меньше пятнадцати минут. Достаточно времени, чтобы устроить более интересное состязание.

Перебросив винтовку через плечо, Альбан спустился к проторенной тропе, огибающей остров. Вскоре показался небольшой пирс с несколькими лодками. Альбан подошел к ним, выбрал самый легкий и маневренный тридцатифутовый плоскодонный ялик из стекловолокна с подвесным двухтактным мотором. Запрыгнул в него, проверил, хватит ли топлива, и завел двигатель.

Ялик скользил по воде все дальше от берега. Альбан стоял на руле, глядя вперед и ощущая на лице приятный прохладный ветерок. Находясь так низко над водой, разглядеть отца было трудно, но юноша знал, где его искать. И где-то на середине озера, конечно же, различил впереди плывущего человека: размеренные взмахи рук и брызги от ударов ног.

Отец оглянулся на него и тут же нырнул. Альбан чуть уменьшил обороты и повернул южнее. Плывя под водой, отец мог изменить направление. Но нет, он не станет этого делать. Он думает, что его решение плыть, не меняя направления, станет для Альбана неожиданностью.

Интересно, сколько он сможет продержаться без воздуха?

Две минуты спустя — Альбан с трудом поверил в это — отец все-таки вынырнул, как раз в той стороне, где и ожидалось. Но почти на сто ярдов ближе к берегу. Сам Альбан мог бы проплыть и сто пятьдесят, но все равно это было удивительно для такого немолодого уже человека, как отец.

Юноша направил лодку в сторону пловца, быстро сокращая расстояние. А что, если попробовать просто задавить его?

А действительно, почему бы и нет? Это будет интересное состязание. Отец, конечно же, поднырнет и снова будет плыть под водой. Альбан включил полный газ и направил лодку прямо на отца. Тот успел скрыться под водой буквально в последнюю секунду, и Альбан резко повернул руль, направляя катер по крутой дуге в ту точку, где пловец должен вынырнуть.

Он не собирался убивать отца таким способом, хотел просто измотать его, заставить потратить лишние силы.

А самое главное, это еще одна возможность посоревноваться друг с другом.

78

Пендергаст увидел, что лодка сделала крутой вираж в ту сторону, куда он сам собирался плыть. Он тут же изменил решение и, задержав дыхание, заскользил под водой в другом направлении. Но Альбан притормозил и снова поменял курс, словно читая его мысли.

Читая мысли? Эта идея казалась нелепой… но чтобы объяснить необычные факты, нужно рассматривать и необычные гипотезы. Пендергаст чувствовал, что стоит на пороге открытия. Все нити сплетались в единый узор: необъяснимый характер нью-йоркских убийств; недавняя охота в тоннеле, когда Альбан удивительным образом предугадывал каждый ход беглецов; та гордость, с которой он отозвался о способностях отца; его абсолютная уверенность в том, что Пендергаст не сможет убежать. И наконец, странная цитата из Ницше.

Все это выходило за привычные рамки и выглядело так, будто бы Альбан действительно может читать чужие мысли.

Пендергасту необходим был глоток воздуха. Немедленно. Он вынырнул на поверхность и торопливо вдохнул. Потом осмотрелся и увидел, как Альбан разворачивает лодку на большом расстоянии от него. На лице сына явно читалось удивление или даже испуг.

Нет, он не умел читать мысли. Тут что-то другое. Пендергаст вспомнил, что говорила об Альбане Констанс: некое шестое чувство или, может быть, расширенные возможности одного из пяти известных. Слова Ницше, процитированные сыном, снова прозвучали в его голове — раз, другой. Что они могли означать?

Он нырнул на глубину около трех футов и умышленно поплыл в сторону от берега. Лодка над ним сделала еще один вираж — рев мотора ударил по ушам Пендергаста — и направилась к тому месту, где он должен был всплыть, чтобы набрать в легкие воздуха. Да, именно там он и собирался вынырнуть.

Нет, тут дело не в телепатии. Альбан не мог читать мысли других людей. У него была какая-то иная способность. Что-то большее, чем это, и одновременно — меньшее.

Пендергаст мгновенно изменил решение и показался над водой намного раньше, чем было необходимо. Альбан находился в двадцати

футах от него и опять с удивленным видом развернул лодку и надавил на газ. Пендергаст подпустил его ближе, нырнул, пропуская над собой, развернулся в воде и рванулся вверх, зажав в руке немецкий нож. Он с силой воткнул лезвие в днище лодки, расколов тонкое стекловолокно и успев провернуть нож до того, как мчащаяся вперед лодка вырвала оружие у него из руки. Винт прошел всего в нескольких дюймах над головой Пендергаста, обдав его мощной струей воды и жужжа, словно гигантская оса.

Агент вынырнул позади лодки, вдохнул раз, другой, а затем с сумасшедшей скоростью рванул к берегу. Альбану понадобится несколько минут, чтобы справиться с пробоиной, а он сам уже приблизился к береговой отмели, всего лишь в двухстах ярдах от зарослей тростника и камыша.

Пендергаст старался держаться под водой как можно дольше и менял направление неожиданно даже для самого себя, частенько не слушая подсказок интуиции, а порой и вовсе поворачивая в ту сторону откуда только что приплыл. Выныривая, он видел сгорбившегося над пробоиной Альбана. Но как только он появлялся над водой, сын тут же хватался за винтовку и стрелял. Пули шлепали по воде в нескольких дюймах от головы Пендергаста. Снова ныряя, он слышал звук новых выстрелов.

Несомненно, теперь Альбан в самом деле хотел его убить. Это помогло ответить еще на один важный вопрос, вертевшийся у него в голове.

Пендергаст продолжал плыть в непредсказуемом ритме, но неизменно двигаясь в сторону берега. Лодка заметно накренилась, однако Альбану, похоже, удалось заткнуть пробоину, и теперь он вычерпывал воду, время от времени распрямляясь, чтобы сделать еще один выстрел. Он был прекрасным стрелком, и Пендергаста спасало только солнце, висевшее низко над горизонтом и слепившее Альбану глаза.

Его ноги коснулись илистого дна, но он продолжал плыть, пока не добрался до полосы камыша, где воды было едва по пояс. Дальше он пошел по дну, неловко пригибаясь. Стрельба не прекращалась. Густые заросли мешали как следует прицелиться, а потом и вовсе скрыли его от Альбана, но тот продолжал стрелять, вероятно реагируя на шорох. Пендергаст нарочно сбивал сына с толку, вытягивая руку и раскачивая стебли, стоявшие в стороне от его пути.

Но Альбан быстро разгадал эту хитрость, и пули теперь летели с обеих сторон от шевелящейся травы, срезая головки камыша и поднимая в воздух облачка пуха.

Лодочный мотор вновь заработал, и Пендергаст прибавил шагу. Он слышал, как лодка приближается, сминая по пути тростник, затем винт захлебнулся в иле, и двигатель заглох.

Альбан с громким плеском выскочил из лодки и бросился в погоню.

Миновав камышовые заросли, Пендергаст вышел к прибрежному кустарнику и стал пробираться сквозь него вглубь леса.

Он уступал сыну в физической силе, а возможно, и в быстроте мышления. Никакая хитрость не поможет провести Альбана, прекрасно знающего этот лес. У Пендергаста оставался лишь один шанс — понять, в чем заключается таинственная способность сына. Понять и использовать против него.

Странная цитата из Ницше снова и снова, почти против воли Пендергаста, всплывала в памяти:

«Взгляни на мир так, будто время исчезло, и все кривое станет для тебя прямым».

И в этот момент его озарило, словно луч солнца выглянул из-за туч.

79

В своем роскошном кабинете оберстгруппенфюрер Фишер закурил сигарету, предложил другую Шерману и поднес ему зажигалку. Он испытывал особое удовольствие от такой смены ролей, показывая этим жестом полную уверенность в успехе, а также доверие к капитану.

Он подошел к окну, выходящему на озеро, и взял в руки бинокль. Рассмотрел лодку Альбана, кружащую рядом с крохотной фигуркой Пендергаста. Если мальчик когда-то и не хотел убивать отца, то сейчас это не было заметно.

— Очаровательное зрелище. Взгляните, оберфюрер.

Он отступил в сторону и дал возможность заместителю полюбоваться картиной. Снова затянулся превосходным табаком «Латакия»[128], выращенным на собственных плантациях, лучших во всей Южной Америке.

— Да, действительно очаровательное, — согласился Шерман, опуская бинокль. — Похоже, Альбан выдержал испытание. Весьма похвально.

— Мы должны убедиться, что он сможет убить отца, — помолчав, напомнил Фишер.

— Я уверен, что сможет, mein Oberstgruppenführer. Он безупречно воспитан и превосходно обучен.

Фишер не ответил. Сейчас в самом деле проходило последнее и решающее испытание. Он выпустил дым через нос.

— Скажите, кто-нибудь из напавших на нас остался в живых?

— Никого. Пятеро добрались до крепости, но Альбан и наши солдаты их уничтожили. Мы нашли все пять трупов.

— В отряде близнецов есть потери?

— Ни одной. Но мы потеряли много простых солдат — больше двух десятков. Мне еще не доложили о точном количестве убитых.

— Прискорбно.

Фишер взял бинокль и снова посмотрел на Альбана и

Пендергаста. Издали казалось, будто два мальчика играют в воде: один неторопливо кружит на лодке, другой ныряет и плывет под водой, изредка появляясь на поверхности, чтобы глотнуть воздуха. Все это происходило словно в замедленной съемке. Но вдруг что-то произошло: вероятно, лодка получила повреждение, а Пендергаст поплыл прямо к берегу.

Логика подсказывала Фишеру, что Пендергаст не способен соперничать с сыном, который получил от него все лучшие гены, но был избавлен от вредной части наследственности и с самого рождения готовился к этому испытанию.

— Отличное шоу, — сказал Фишер, следя за тем, чтобы голос прозвучал уверенно. — Римляне со своим Колизеем могли бы нам позавидовать.

— Да, оберстгруппенфюрер.

Однако смутное беспокойство никак не желало умирать, а теперь, когда игры на воде затянулись, зашевелилось снова. В конце концов Фишер не выдержал и отдал распоряжение:

— Я уверен, что, если Пендергаст доберется до берега, он направится к лагерю дефектных. Альбан, разумеется, последует за ним, но я хочу обезопасить нас от лишних проблем. Соберите солдат и отряд близнецов и переправьте их на берег — пусть немного разомнутся и подстрахуют мальчика. На всякий случай. Просто страховка, понимаете, и ничего более.

Он старался говорить обыденным, безразличным тоном.

— Будет исполнено, оберстгруппенфюрер.

— Немедленно.

Капитан Шерман четко отдал честь и вышел из кабинета. Фишер повернулся обратно к окну, наблюдая за развернувшимися на озере событиями. Стоя в лодке, Альбан стрелял в Пендергаста — и никак не мог попасть. Допустим, задача была не из легких: цель постоянно двигалась, солнце светило прямо в глаза, лодка раскачивалась.

И все же…

Несмотря на тишину за спиной, Пендергаст прекрасно понимал, что Альбан преследует его. И конечно, скоро догонит.

Продолжая пробираться сквозь чащу леса, он размышлял над своей недавней догадкой. И уже не сомневался, что она верна, что он правильно определил, в чем заключается необычный дар Альбана. Сам Пендергаст, как и другие люди, тоже обладал этой способностью, но слабо выраженной, в зачаточном состоянии. А у Альбана она чрезвычайно развита. Следует быть очень осторожным, чтобы Альбан не понял, что его тайна раскрыта. Пендергаст не мог позволить себе выбрать неудачный момент для атаки.

Вскоре он обнаружил тропу, ведущую в лагерь дефектных, и побежал по ней со всей скоростью, на какую был сейчас способен. Тропа понемногу поднималась вверх, и в нескольких сотнях ярдов впереди уже показалась кромка кратера, в котором располагались поля и сам лагерь. Пендергаст с головокружительной скоростью спустился по крутому склону, не обращая внимания на ямы и кочки под ногами.

Он пробрался сквозь кустарник, ограждающий возделанные поля. Кукуруза выросла выше человеческого роста, и в ней можно было укрыться от посторонних взглядов. Ее ряды тянулись перпендикулярно нужному направлению. Пендергаст двинулся вглубь поля, немного притормаживая, чтобы проскользнуть между высокими стеблями растений. До него донесся постепенно приближающийся шум погони.

Внезапно Пендергаст развернулся на девяносто градусов и побежал вдоль рядов кукурузы. Затем опять изменил направление и помчался с максимальной скоростью поперек рядов, петляя между стеблями. Но все оказалось бесполезно: у него не было никакой возможности неожиданно напасть на преследователя или заманить его в засаду. Альбан был вооружен, а Пендергаст — нет. И это не могло кончиться ничем хорошим.

Он заметил впереди свет и бросился к дальнему краю кукурузного поля. Все так же бегом пересек хлопковую плантацию. Низкорослые растения не давали никакой защиты. Пендергаст слышал шаги бегущего за ним Альбана, его шумное дыхание.

Началась настоящая погоня, и победитель в этом забеге был известен заранее.

Как раз в тот момент, когда Пендергаст понял, что не добежит до подземного лагеря, он увидел впереди так называемых дефектных. Беспорядочной молчаливой толпой они возвращались с дальних полей, неся инструменты на плечах. В рваной одежде, с дырявыми соломенными шляпами на головах они представляли собой жалкое зрелище.

Шедшие в первых рядах остановились, удивленно глядя на погоню. Однако Пендергаст не сумел распознать среди них Тристрама.

И тут неожиданно он услышал песню, точнее говоря, военный марш. Повернул голову направо и увидел приближающийся со стороны причалов отряд солдат. Близнецы. Их было около сотни — столько же, сколько и дефектных. Мужчины и женщины, юноши и девушки в возрасте от четырнадцати до сорока лет, одетые в обычную серую униформу, с Железными крестами на груди — очевидно, символом новой расы господ. Впереди шли несколько офицеров в парадных нацистских мундирах. Все они были вооружены и, приблизившись, выстроились в колонну, продолжая распевать марш:

Es zittern die morschen Knochen

Der Welt vor dem großen Krieg…[129]

Пендергаст понял, что проиграл. Ему не удастся убежать. Он остановился и повернулся к солдатам.

Альбан, отставший на сто ярдов, замедлил бег. Затем с улыбкой на лице перешел на шаг и снял с плеча винтовку.

Солдаты приближались, не переставая петь:

Wir haben den Schrecken gebrochen,

Füruns war'seingroßer Sieg…

Однако стрелять Альбан не стал. Он подошел еще ближе, и Пендергаст понял по выражению его глаз, что сын хочет растянуть удовольствие, насладиться мгновениями триумфа, не обрывая его

преждевременно убогим выстрелом в упор. К тому же теперь у этого спектакля появились зрители, а у него самого — возможность выступить перед публикой. Еще раз испытать себя.

Пендергаст до отвращения четко представлял, что сейчас чувствует сын.

Wir werden weiter marschieren

Wenn alles in Scherben fällt…

Альбан уверенными движениями обыскал Пендергаста, отобрав последнее оружие — маленький ножик. Повертел его в руках и подвесил к поясу — на память.

Солдаты остановились перед ними, молодые, улыбающиеся, розовощекие, пышущие силой и здоровьем. Стоя навытяжку, ровными рядами, они закончили песню:

Denn heute da hört uns Deutschland

Und morgen die ganze Welt.

Капитан Шерман, облаченный в эсэсовский мундир, прошелся вдоль строя, развернулся и посмотрел сначала на Пендергаста, затем на Альбана. И начал медленно обходить их вокруг.

— Отличная работа, — сказал он Альбану на чистейшем английском. — Это последний из тех, кто напал на нас. Оставляю его тебе.

— Благодарю вас, mein Oberführer, — ответил Альбан и с улыбкой обернулся к Пендергасту: — Итак, отец, ты проиграл.

Пендергаст молча ждал. Он оглянулся на беспорядочную толпу близнецов-рабов, наблюдавших за этой сценой с разинутыми ртами. Похоже, они не имели ни малейшего понятия о том, что происходит. Строй солдат находился как раз напротив них. Две группы близнецов, смотревших друг на друга через непреодолимую пропасть, которую разверзла между ними биология, генетика…

Переводя взгляд с рабов на солдат и обратно, Пендергаст видел одни и те же лица. Только выражения на них были разные: у дефектных — уныние и опустошенность, у солдат — удовлетворенность людей, нашедших свое место в жизни. Все было

так, как и должно быть, полный порядок.

Горло Пендергаста сдавило от ужаса. Его мутило при мысли о том, что и его жена воспитывалась здесь, что она появилась на свет таким же способом, только на более ранней стадии евгенического эксперимента, длящегося уже по меньшей мере три поколения — сначала в концлагерях Второй мировой войны, а потом здесь, в бразильских лесах. Эксперимента, целью которого, вне всякого сомнения, было создание новой, истинной расы господ, способной воссоздать Четвертый рейх, свободной от любых недостатков, присущих предкам, — от сострадания до близорукости.

Это была чудовищная идея. Бесчеловечная.

Оберфюрер Шерман спокойно произнес:

— Альбан, мы ждем.

Юноша с улыбкой шагнул к Пендергасту, оглянулся на капитана, размахнулся и ударил отца в челюсть с такой силой, что опрокинул на землю.

— Сражайся, — сказал он.

Пендергаст поднялся, вытирая кровь, текущую из разбитой губы.

— Боюсь, что не смогу доставить тебе такое удовольствие, Альбан, — ответил он.

Второй удар опять сбил Пендергаста с ног.

— Сражайся. Я не хочу, чтобы мой отец умер, как трусливая собака.

Пендергаст снова поднялся, неотрывно глядя на сына. Снова получил кулаком в челюсть. Снова упал.

Из толпы оборванных рабов послышался крик. Словно из ниоткуда, вперед выскочил Тристрам.

— Перестань! — закричал он. — Это же мой отец. И твой тоже!

— Верно, — усмехнулся Альбан. — И я рад, что ты тоже все увидишь, Schwächling.

Он развернулся и еще раз ударил Пендергаста.

— Посмотри, как труслив наш отец. Как он жалок!

Тристрам неуклюже бросился на Альбана, но тот ловко

уклонился и подставил брату подножку — детская уловка.

Тристрам растянулся на земле.

Солдаты довольно захохотали.

Пендергаст молча стоял перед Альбаном, ожидая следующего удара.

81

Смех замер. Альбан взглянул на лежащего в грязи брата. Затем повернулся к Пендергасту и вытащил из-за ремня пистолет «Вальтер Р-38». Он почувствовал в руке холодную тяжесть оружия. Этот пистолет ему подарил Фишер на десятилетие, и Альбан сам вырезал из слоновой кости новые накладки на рукоять.

Его близнец, Сорок седьмой, сидел на земле, уставившись на пистолет.

— Не волнуйся, брат, — цинично усмехнулся Альбан. — Я вовсе не хочу остаться без донора крови и органов. — Он отвел ствол в сторону. — Нет, это не для тебя, а для отца.

Der Schwächling. встал.

— Возвращайся к своему стаду, — приказал Альбан.

Тем временем нацистские офицеры с нетерпением ждали развязки. Солдаты-близнецы тоже надеялись увидеть, как один из них — лучший из них, выбранный для бета-теста, — завершит испытания. Это было мгновение триумфа. Его триумфа.

И он не обманет ожиданий. Альбан проверил обойму пистолета, задвинул ее на место, не спеша дослал патрон в канал ствола и вытянул руку.

Однако его брат не двигался с места.

— Разве это хорошо? — громко и отчетливо спросил он по-немецки.

Альбан резко рассмеялся и процитировал в ответ Ницше:

— «Что хорошо? — Все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть. Что дурно? — Все, что происходит из слабости»[130]

— Это слабость, — возразил брат.

Альбан отмахнулся от него, как от надоедливой мухи, мешающей его выступлению перед публикой. Для полного счастья не хватало только Фишера.

— Кто ты такой, Сорок седьмой? Всего лишь хранилище крови и

органов, свалка генетического мусора. Твое мнение интересует меня не больше, чем шелест листьев на деревьях.

Солдаты снова захохотали. Альбан невольно оглянулся на отца, пристально смотревшего на него. Было что-то странное в этом взгляде, но Альбан не мог определить, что именно. Впрочем, это не важно.

Его брат, очевидно не понимающий, что пора замолчать, заговорил снова. На этот раз он обратился не к Альбану, а к близнецам-рабам:

— Вы слышали, что он сказал? Он назвал нас стадом. Когда нас перестанут считать хранилищами крови и органов? Когда перестанут обращаться с нами, как с животными? Я человек.

Толпа глухо зароптала.

— Не утруждай себя, брат, — снисходительно произнес Альбан. — Если хочешь увидеть, что такое сила воли, посмотри сюда.

Он нацелил пистолет на отца.

— Брат? — воскликнул Сорок седьмой, снова обращаясь к толпе дефектных. — Вы слышали это слово? Разве вы не видите, что это неправильно? Брат против брата? Сын, убивающий собственного отца?

К удивлению Альбана, дефектные отозвались. Ропот стал громче, толпа беспокойно зашевелилась.

— Ого! — ехидно усмехнулся Альбан. — Какая пламенная речь!

Его замечание вызвало новый взрыв смеха у солдат. И он решил, что все это, в сущности, весьма забавно. Скопище жалких недоумков, вдруг осознавших, что их долгие годы мучили и унижали. Но красноречие Сорок седьмого застало его врасплох. Нельзя было этого допускать. Он растерянно посмотрел по сторонам, пытаясь справиться с нарастающим беспокойством, предчувствием надвигающейся катастрофы. Линии времени, обычно расходящиеся в разные стороны, теперь сближались, объединялись перед его мысленным взором, предсказывая единственно возможное развитие событий.

Альбан оглянулся на отца, который все так же впивался в него

сверкающими глазами. Указательный палец потянулся к спусковому крючку. Пора заканчивать с этим представлением.

— Это несправедливо! — выкрикивал Сорок седьмой, повернувшись к толпе. — И вы все в глубине души понимаете, что это несправедливо. Откройте глаза! Мы все здесь — братья и сестры, близнецы! У нас одна кровь!

Линии времени вились и переплетались в голове Альбана, подавая сигналы тревоги. Он чувствовал, как поворачивается колесо судьбы. Этого не должно было случиться — при такой мощной идеологической обработке, многолетней подготовке и тщательном отборе… И все же это происходило, он уже видел смутные, размытые очертания того, чем все закончится. Недовольный ропот дефектных превращается в гул, затем в рев, толпа стремительно надвигается на строй солдат, над головами взмывают мотыги, лопаты и косы, кто-то поднимает с земли камни…

— Мы можем остановить это! — не унимался Сорок седьмой. — Прямо сейчас!

Альбан попятился, наставляя пистолет на отца. Оберфюрер Шерман отчеканил команду, и солдаты подняли оружие.

— Возвращайтесь в поле! — крикнул капитан. — Или мы будем стрелять!

Но Альбан уже знал, что они не будут, не смогут стрелять в дефектных. За исключением нескольких близнецов из последней серии — самых лучших, самых совершенных, почти как он сам, — остальные в решающий момент не смогут убить своих братьев. А когда их командиры, их воспитатели попытаются поднять оружие на дефектных… Все это выстраивалось в голове Альбана в четкую картину. Крах программы, гибель колонии, внезапное и ужасное окончание более чем полувековых научных исследований. Дефектные, при всем их уродстве, были крайне необходимы проекту. Только теперь Альбан понял, что они важны ничуть не меньше, чем он сам. Одни не могли существовать без других. Почему он не видел этого раньше? Почему никто этого не видел? Вся программа основывалась на ложной гипотезе, на ошибке. И его собственный брат раскрыл эту ошибку.

Картина внезапной и ужасной катастрофы парализовала Альбана.

Толпа дефектных, уже не таких робких и пассивных, как прежде, все ближе подкатывалась к солдатам. Они кричали, размахивали руками и примитивными орудиями. Альбан чувствовал, как закипает их ярость.

Теперь пора. Он нажал на спусковой крючок.

Но отец ожидал этого выстрела. Каким-то образом он сдвинулся с места еще до того, как Альбан пошевелил пальцем. Словно молния, невероятно быстро и неожиданно — как только ему это удалось? — уклонился от пули. Альбан попытался выстрелить еще раз, но тут на него обрушилась целая лавина камней. Он позабыл о пистолете и прикрыл голову руками.

Пендергаст бросился на него и в прыжке ударил ногой. Альбан уклонился с проворотом, отец лишь слегка задел его. Он снова выстрелил, но под градом камней невозможно было точно прицелиться. Пришлось отступить, пригнувшись и прикрывая голову. Он слышал, как Шерман приказал солдатам стрелять выше голов. Офицеры повторили приказ, и прогремел залп. Потом еще один.

Выстрелы охладили пыл дефектных. Они растерянно остановились, бестолково топчась на одном месте, и было похоже, что вспыхнувший бунт удастся подавить в зародыше. Альбан обернулся и увидел отца, стоящего рядом с Сорок седьмым впереди толпы. Он снова поднял пистолет, но в тот же момент мысленно ощутил неумолимое движение колеса судьбы, почувствовал, как спрямляются изгибы линий времени… И отпрянул назад, пораженный увиденным. Пендергаст продолжал смотреть на него все тем же приводящим в смятение взглядом. Все было бесполезно: каждая линия вела в тупик, к полному разгрому.

Внезапно Альбан развернулся и побежал прямо на строй солдат. Они разошлись в стороны, чтобы пропустить его, и он заранее знал, что так и будет. Сейчас самое важное — добраться до берега, раздобыть лодку и отыскать Фишера.

И предупредить его о том, что должно произойти.

82

Пендергаст заметил, что Альбан сбежал, и понял, почему он так поступил. Особый дар позволил сыну заглянуть далеко вперед, так что он, в сущности, напугал самого себя. Генетически усиленная способность предвидеть будущее, позволившая ему беспрепятственно убивать постояльцев в нью-йоркских отелях, с легкостью ускользать от полиции и собственного отца, выкрасть брата из надежно защищенного особняка на Риверсайд-драйв, выходить победителем из любой схватки, — теперь этот дар обернулся против него. Знание будущего, пусть даже не очень далекого, в интервале десяти — пятнадцати секунд, оказалось обоюдоострым оружием, опасным и для самого владельца.

Тем временем конфликт продолжался, напряжение дошло до предела. Разъяренная и неуправляемая толпа дефектных остановилась в нескольких шагах от близнецов-солдат, сохранявших дисциплину и четкость строя, но в глубине души смертельно напуганных. А в середине собралась кучка офицеров в нацистских мундирах, только сейчас осознавших всю опасность столкновения двух групп близнецов, по сотне человек в каждой.

— Прекратите сопротивление! — приказал Шерман дефектным. — Возвращайтесь в лагерь! — Он указал на Пендергаста. — Выдайте нам этого человека!

Тристрам, стоявший ближе всех к офицеру, выкрикнул в ответ:

— Только попробуйте тронуть моего отца, и мы нападем на вас.

По толпе пронесся гул одобрения. Оберфюрер растерялся. Пендергаст, дожидавшийся удобного момента, понял, что настало время действовать.

Неожиданно он подошел к одному из солдат и ухватил его за воротник, словно учитель — нерадивого ученика.

— Остановите его! — взвизгнул Шерман, хватаясь за пистолет.

Однако у него не хватило решимости выстрелить. Вероятно, его выбило из колеи внезапное и необъяснимое бегство Альбана. Не обращая внимания на его крик, Пендергаст потащил ошеломленного солдата в сторону дефектных, нашел среди них близнеца этого парня,

выдернул из толпы и поставил рядом с братом.

— Познакомься со своим братом! — сказал он солдату. — Это твой родной брат. — Он обернулся к обеим группам близнецов. — И вы все тоже найдите своих единокровных братьев и сестер.

Он заметил, как взгляды солдат-близнецов невольно забегали по толпе в поисках своих братьев. Послышался беспокойный шепот, четкий строй дрогнул и уже готов был рассыпаться.

— Довольно! — заорал Шерман, прицеливаясь в Пендергаста.

— Опустите пистолет, или мы нападем на вас! — повторил Тристрам.

— Нападете? Со своими мотыгами? Мы перестреляем вас, как зайцев, — надменно ответил Шерман.

— Если вы нас убьете, ваш великий эксперимент закончится!

Шерман заколебался, его глаза беспокойно шарили по оборванной толпе рабов-близнецов.

— Вот ваши настоящие враги! — Пендергаст указал на офицеров. — Это они разлучили вас, превратили в подопытных морских свинок. Но не себя. Сами они не участвуют в эксперименте, а только командуют. По какому праву?

Рука Шермана, сжимавшая пистолет, задрожала. Разъяренная толпа качнулась в его сторону.

— Попробуй выстрелить, и ты умрешь! — раздался чей-то голос, затем еще один.

— Вернись в строй, солдат, — презрительно бросил капитан.

Тот не сдвинулся с места.

— Выполняй приказ, или будешь наказан! — крикнул капитан, переводя пистолет с Пендергаста на нарушителя дисциплины.

— Уберите оружие, — медленно проговорил солдат. — Или мы убьем вас всех.

Капитан побледнел и, чуть помедлив, опустил руку.

— Отойдите в сторону.

Оберфюрер опасливо шагнул назад, затем еще раз. Внезапно он снова поднял пистолет и выстрелил солдату в грудь.

— Огонь по дефектным! — приказал Шерман офицерам. — Стрелять одиночными! Уничтожьте их!

Гневный и встревоженный рев пронесся по обеим группам близнецов. На мгновение все застыли в растерянности. И внезапно плотину прорвало. Беспорядочная толпа набросилась на офицеров, размахивая своими примитивными орудиями.

Шерман отступал, стреляя в надвигающуюся волну, но дефектные с яростным ревом окружили его со всех сторон. Раздался залп, и началась рукопашная схватка. Офицеры расстреливали дефектных в упор, устроив настоящую бойню. Все смешалось: суматошные выстрелы, крики солдат, сражающихся с оборванцами, лязг лопат и кос, ударяющих по винтовкам, стоны раненых. Пыль, кровь и ярость.

— Братья и сестры! — прозвенел над всем этим хаосом голос Тристрама. — Не убивайте своих родных!

И сразу все изменилось. Многие из солдат-близнецов покинули строй и присоединились к дефектным. Другие побросали винтовки и кинулись обнимать несчастных братьев и сестер. Третьи повернули оружие против офицеров. Но несколько солдат из последней серии близнецов продолжали отчаянно защищать своих нацистских воспитателей.

Хаос потихоньку начал рассеиваться, стали четко видны две сражающиеся группы. Горстка солдат, возглавляемых офицерами, медленно отступала, отстреливаясь и нанося противнику огромный урон. Оставшаяся часть отряда объединилась с дефектными, придав их атаке больше организованности и огневой мощи. Теперь ничто уже не напоминало ту бойню, с которой начиналась схватка. Нацисты укрылись на кукурузном поле, но близнецы и там не прекратили преследовать их. Перестрелка продолжалась, и вдруг вспыхнул пожар. Огонь быстро перескакивал с одного сухого стебля на другой, завеса дыма накрыла все поле, только усилив общую неразбериху.

Пендергаст забрал у мертвого солдата пистолет, нож и фонарь и помчался через кукурузное поле в самое пекло, прокладывая себе дорогу сквозь обломанные стебли и густые клубы дыма и разыскивая Тристрама. Он услышал голос сына в гуще ожесточенной схватки — убедительный, призывающий не прекращать борьбу. Голос, до глубины души поразивший Пендергаста: насколько же он

недооценивал собственного сына!

Пендергаст быстро двинулся в обход отступающих к озеру нацистов и их прихвостней, вышел им в тыл и спрятался в засаде, ожидая приближения врагов. Когда они появились, агент поднял пистолет, прицелился в спину капитана и уложил его с первого выстрела. На него тут же обрушился шквал огня, срезая кукурузные стебли вокруг. Но потеря командира деморализовала отступающих, и через мгновение они в панике и беспорядке побежали к озеру, преследуемые восставшими близнецами.

Продолжая обходной маневр, Пендергаст направился на восток через поле и лес. Он взобрался на кромку кратера и остановился там, чтобы осмотреться. Отступающие солдаты уже вышли к берегу, и с его позиции картина боя была хорошо видна. Несколько солдат залегли возле пирса и отстреливались, пока остальные грузились в лодки. Затем они пробили днища оставшихся на пирсе судов, чтобы никто не смог поплыть за ними в погоню. Когда авангард восставших во главе с Тристрамом подошел к пирсу, завязалась новая схватка. Но нацисты и их воспитанники успели оттолкнуть лодки от берега и уплыть к середине озера, оставив на берегу полдюжины сожженных и продырявленных судов.

Перестрелка постепенно стихала, пока вовсе не оборвалась, когда лодки удалились от берега и скрылись в туманной дымке, плывущей над озером. Нацисты оторвались от погони и теперь возвращались в крепость — свой последний рубеж обороны.

83

После бегства нацистов отряд дефектных, усиленный близнецами-солдатами, повернул в сторону Нова-Годой. Двигаясь по лесным тропинкам, они вскоре добрались до города. Чисто убранные улицы были пустынны, окна аккуратных, нарядных домов закрыты ставнями, свет погашен. Жители города затаились, спрятались, а многие, вероятно, сбежали.

Достигнув центральной площади, отряд разбился на мелкие группы, чтобы прочесать все окрестные переулки. Пендергаст увидел Тристрама и протиснулся к нему сквозь толпу. На мгновение они замерли, разглядывая друг друга, а потом обнялись.

— Вам нужно устроить штаб, — сказал Пендергаст сыну, путая английские слова с немецкими. — Я бы предложил ратушу. Арестуйте бургомистра и других чиновников. И поставьте охрану у пристани, на случай ответного удара.

— Хорошо, отец, — ответил Тристрам, шумно, взволнованно дыша.

Из царапины на его лбу текла кровь.

— И прошу тебя, будь осторожен, Тристрам. В городе может скрываться кто-то из нацистов. Особенно опасайся снайперов на крышах. Ты для них — главная цель.

— Ты что-то задумал?

— У меня есть одно незаконченное дело. В крепости.

Он уже двинулся дальше, но вдруг остановился и оглянулся на сына:

— Я горжусь тобой, Тристрам.

Услышав эти слова, сын покраснел от смущения, смешанного с удивлением.

Уже уходя, Пендергаст догадался, что это был, вероятно, первый случай, когда мальчика кто-нибудь похвалил.

Оставив Тристрама наводить порядок в ратуше, он направился к пристани. Там еще слышались одиночные беспорядочные выстрелы,

но из-за надвигающейся темноты они уже не представляли особой опасности. Солнце скрылось за пепловым конусом, кровавая полоса заката постепенно тускнела. Пендергаст разглядел, как две лодки с нацистами причалили к острову возле разрушенных пирсов. Затем он перевел взгляд на саму крепость, зловеще-багровую в последних лучах гаснущего солнца.

Нацисты и горстка оставшихся на их стороне близнецов потерпели поражение и бежали. Но там, на острове, находилось еще много других солдат, а также ученые, технический персонал и лаборатории. Их по-прежнему защищала крепость — надежная, почти неприступная. И ничто не мешало им оправиться от удара и возобновить свои бесчеловечные эксперименты.

Кроме того, Фишер до сих пор оставался в живых.

Пендергаст долго смотрел на крепость. Потом спустился к причалу, выбрал невзрачную и, видимо, поэтому оставшуюся неповрежденной моторную лодку, запрыгнул в нее, завел двигатель и поплыл к острову.

Приближалась ночь, и лодка, едва отойдя от причала, растворилась в темноте. На малых оборотах двигатель работал почти бесшумно. Пендергаст свернул к западной части острова, заглушил мотор в нескольких сотнях ярдов от берега и дальше пошел на веслах. Он осторожно поводил лучом фонаря по береговой линии и вскоре отыскал тоннель, по которому выбрался из крепости. Заплыв внутрь, он снова завел мотор и продолжил путь по заполненному водой лабиринту пока не почувствовал, что лодка скребет килем по каменному дну. Пендергаст выбрался из лодки и дальше пошел пешком — мимо трупов полковника и трех его солдат к тому большому помещению с куполообразным потолком и стальной клеткой посередине.

Он остановился и прислушался. Сверху доносились слабые звуки: ритмичный топот шагов, голоса. Но здесь, на самом нижнем уровне, все было тихо. Пендергаст подошел к решетке, ограждающей склад, и посветил фонарем внутрь. Там хранилось множество разнообразного оружия и прочего снаряжения: катушки с детонирующим шнуром, бруски взрывчатки С-4, штабеля подрывных зарядов М-112, снаряды для танковых пушек калибра 120 миллиметров, металлические контейнеры с высококачественным порохом, противопехотные мины, гранаты, гранатометы, минометы,

пулеметы пятидесятого калибра и даже парочка скорострельных «миниганов», а также десятки ящиков с боеприпасами для каждого вида оружия.

Клетка была надежно заперта, и Пендергасту потребовалось пять минут, чтобы открыть замок. Проникнув на склад, он осмотрел все более детально. Еще в первый раз он заметил, что нацисты использовали для хранения боеприпасов естественную трещину в скальном основании. То огромное количество вооружения, что лежало в самой клетке, оказалось лишь вершиной айсберга: в трещине разместилось еще больше. Нацисты не боялись, что в случае нападения удачно пущенный снаряд сможет взорвать склад: он находился на самом нижнем уровне крепости, а большая его часть была к тому же защищена вулканической породой.

Даже если бы взрыв произошел, основную его мощь приняла бы на себя скала, а сама крепость почти не получила бы повреждений.

Или все-таки получила бы? Пендергаст вспомнил широкие, радиально расходящиеся трещины в тоннеле вдоль крепостной стены. Их не могло вызвать постепенное разрушение древней постройки. Совсем наоборот: это произошло в результате вертикальных колебаний грунта, сдвинувших отдельные каменные блоки в фундаменте крепости и, судя по всему, вызванных движением магмы в недрах вулкана. Вероятно, он вовсе не потух окончательно, как принято было считать.

Словно в ответ на размышления Пендергаста, пол под его ногами слегка дрогнул — произошел еще один подземный толчок, подобный тем, что он замечал и раньше.

Нацисты сделали все возможное для того, чтобы обезопасить свой арсенал от любого нападения извне, за исключением разве что прямого попадания тактической ядерной боеголовки. Однако они не учли возможности атаки изнутри крепости — с помощью взрывчатки… и матери-природы. Пендергаст улыбнулся при мысли о том, что в геологии нацисты разбирались плохо.

Открыв ножом один из контейнеров с порохом, агент высыпал содержимое на ящики с боеприпасами. Затем открыл другой контейнер и повторил операцию, разбросав порох толстым слоем по всему полу. Взяв следующие два контейнера, зажал один под мышкой, а порохом из второго начал проводить дорожку, ведущую

через открытую дверь склада в том направлении, откуда Пендергаст недавно пришел. Вскоре контейнер опустел и отлетел в сторону, агент вскрыл второй и продолжил вести пороховой след по узкому каменному тоннелю.

Израсходовав весь порох, Пендергаст поставил пустую жестянку возле стены. Включил фонарь и осветил только что проложенную дорожку, мысленно прикидывая расстояние. Получилось приблизительно шестьдесят футов. Агент подождал минуту, потом глубоко вздохнул, опустился на колени, вытащил из кармана зажигалку, чиркнул ею и поднес огонь к концу пороховой дорожки.

Порох мгновенно вспыхнул с сердитым шипением, вверх потянулось облачко дыма, и огонь начал быстро перемещаться в сторону склада. Пендергаст развернулся и побежал прочь по ветвящимся подземным проходам.

Он как раз успел добраться до лодки и сесть в нее, когда позади прогремел оглушительный взрыв. За ним второй, третий, пока не началась цепная реакция, захватывающая все большую часть боеприпасов из крепостного арсенала. Даже на таком большом расстоянии первая взрывная волна опрокинула Пендергаста на дно лодки. Все еще чувствуя звон в ушах, он встал, отряхнулся, завел двигатель и на полной скорости поплыл к выходу, проходя в опасной близости к стенам извилистого тоннеля. Взрывы следовали один за другим, пока не слились в сплошной яростный грохот, продвигаясь все глубже по трещине в скальном основании. Стены тоннеля затряслись от мощных толчков, с потолка посыпались камни, земля и деревянные балки, с громким плеском падая в воду и поднимая волны, раскачивающие лодку.

Наконец лодка Пендергаста с ревом выскочила из подземелья на простор озера, и тут же за его спиной обрушился каменный свод. Не останавливаясь и не снижая скорости, агент помчался в сторону города. Только преодолев половину пути, он сбросил газ и снова оглянулся.

Грохот затих. Крепость стояла непоколебимо, мрачная и притихшая, только тонкие струйки дыма поднимались в воздух в том месте, где тоннель выходил на поверхность. Пендергаст подождал еще немного, но ничего так и не произошло. Видимо, боеприпасов оказалось недостаточно, чтобы от их взрыва образовалась трещина в основании вулкана, по которой магма могла бы подняться на

поверхность.

И все-таки Пендергаст продолжал ждать. Внезапно по воде прошла рябь. Послышался низкий глухой рокот, почти на пределе слышимости, воспринимаемый скорее всем телом, а не ушами. Водная поверхность снова задрожала, пошла мелкими волнами. Гул нарастал, вода забилась в безумном танце. Пендергаст разглядел красную трещину в основании крепостной стены. Она медленно увеличивалась, расползалась в обе стороны с короткими вспышками и уходящими в небо струйками пара, словно гигантская скороварка с закипевшей и готовой хлынуть через край водой.

Мелькнула яркая вспышка, затем другая. Это не было похоже на взрывы: слишком большая площадь и слишком громкий грохот, долетевший со слишком большой глубины. Громовой раскат настиг Пендергаста секундой позже, едва не выбросив его за борт. Брызги лавы взметнулись в ночной воздух, словно гигантские фонтаны, сопровождаемые ревом вылетающего на поверхность пара. Звуковая волна с физически ощущаемой мощью прокатилась над озером, вода снова зарябила. Крепостные стены, башни и валы как будто треснули по швам и начали медленно приподниматься в языках пламени и грибовидных облаках дыма.

Пендергаст смог разглядеть крохотные, напоминающие муравьев фигурки в военной форме, в лабораторных халатах и в рабочих комбинезонах, спускающиеся к озеру, садящиеся в лодки или пускающиеся вплавь. Несколько человек в горящей одежде живыми факелами выскочили из дымящихся и полыхающих огнем трещин.

Пендергаст все смотрел и смотрел, не в силах оторвать глаза от ужасного зрелища, когда повторное мощное стаккато сотрясло остров, поднимая в воздух уродливые красно-оранжевые лепестки пламени. Крепость развалилась на куски, ночь превратилась в кошмарный день. Отзвуки взрывов настигли Пендергаста мгновение спустя, ударяя один за другим, раскачивая лодку на яростно скачущих волнах. Раздался еще один раскат сокрушительной силы, пламя и дым охватили всю верхнюю часть острова, вызвав новую волну разрушений, на берег посыпались обломки скал и куски остывающей лавы. А потом где-то глубоко под землей снова загрохотало, с еще более ужасающей силой, чем прежде. Казалось, задрожали даже далекие горы. Но это был уже не взрыв, а скорее имплозия[131]. Остатки крепости начали трескаться и оседать —

сначала медленно, затем все быстрее, до самого древнего фундамента, расколовшегося с невероятным скрежетом. Щупальца лавы вылезали из захваченных недр крепости, разбрасывая во все стороны раскаленные камни, и поворачивали к озеру, выжигая все на своем пути и с шипением погружаясь в воду.

Пендергаст снова включил мотор и направился к берегу.

И тут, сотрясая землю до самого основания, прогремел заключительный взрыв. Началась агония, весь остров разлетелся на куски. Обломки скал размером с дом и глыбы тесаного камня в тысячу футов толщиной взлетели в воздух и со страшной силой обрушились на берег и набитые пассажирами лодки. Отдельные осколки, выписав в небе светящуюся дугу, долетели даже до города и подожгли немало деревьев в окружающем его лесу. Сам Пендергаст тоже очутился под градом камней и, спасаясь от почти неминуемой смерти, на полной скорости помчался к берегу.

Пендергаст причалил к пирсу и выпрыгнул из лодки. Несколько солдат из бывшего отряда близнецов, охранявших причал, во все глаза смотрели на гибнущий остров. Хаос последнего взрыва перекинулся к береговой линии, и в ярком свете извергающейся лавы было отчетливо видно, как с полдюжины уцелевших лодок отплывают от острова. Пока агент наблюдал за этой картиной, к пристани на всех парах подплыл небольшой моторный катер. В нем сидели люди в лабораторных халатах — то ли ученые, то ли технический персонал. Взревев мотором, катер ударился о каменный причал, и пассажиры выскочили на берег. Ошеломленные, с округлившимися от ужаса глазами, покрытыми сажей лицами и опаленными волосами, задыхающиеся от кашля. Не говоря ни слова, они нетвердой походкой направились в город. Караульные внимательно осмотрели их, но не остановили. Вместо этого близнецы-солдаты повернули оружие в сторону второй прибывающей лодки с полудюжиной мужчин в нацистской форме. Они тоже сильно пострадали от взрывов, их лица почернели, мундиры обгорели. Некоторые, похоже, были ранены.

Когда лодка приблизилась, караульные залегли и открыли огонь. С лодки ответили несколькими торопливыми выстрелами, но схватка закончилась, не успев толком начаться. Как только судно оказалось у причала, нацисты побросали оружие и подняли руки. Под охраной группы близнецов их повели в ратушу.

Пендергаст оглянулся в сторону озера. На черной поверхности воды отражались объятый пламенем остров, языки кипящей лавы и развалины крепости. Небольшой ялик, двигавшийся под острым углом к берегу и почти незаметный в темноте, скрытно подходил к причалу. Единственный пассажир сидел на корме, одной рукой держась за рулевой рычаг. Он был высок, атлетически сложен, с густым ежиком седых волос, отливавших алым в отблесках пожара.

Фишер.

Пендергаст выхватил пистолет и рванулся навстречу. Но Фишер заметил его, резко крутанул руль и поплыл в сторону леса. Пендергаст выстрелил на бегу и промахнулся. Ответный выстрел Фишера из-за быстрого движения ялика тоже не достиг цели. Агент

остановился, тщательно прицелился и всадил пулю в мотор. Тот мгновенно захлебнулся, струя черного дыма поползла в насыщенный пеплом воздух. Нацист попытался отплыть от берега, но Пендергаст выстрелил еще раз. Фишер вскрикнул, схватился за грудь и неуклюже перевалился через борт.

Горящая лодка продолжала плыть, а Пендергаст бросился по галечному пляжу к тому месту, где нацист скрылся под водой. Добежав до трех скал, высившихся на берегу за пристанью, агент запрыгнул на ближайшую из них и огляделся в поисках следов Фишера.

Из темноты грохнул выстрел, и Пендергаст ощутил обжигающую боль в левой руке, чуть ниже раненого плеча. Он отступил назад, проклиная себя за неосторожность. Оглядев скалы из укрытия, он определил, что Фишер спрятался за дальним валуном, лежащим возле самого берега.

Пуля лишь царапнула по руке, но Пендергаст почувствовал, как теплая кровь стекает из раны по локтю.

— Кажется, я недооценил вас, — раздался из-за скалы голос Фишера. — И что вы собираетесь делать дальше?

— Я собираюсь убить вас.

— Один из нас непременно умрет, но это буду не я. Я вооружен и не ранен. Падение с лодки было спектаклем, как вы, вероятно, и без меня догадались.

— Вы убили мою жену и теперь должны умереть.

— Она не принадлежала вам. Она была нашим творением, частью нашего эксперимента.

— Ваш эксперимент прекращен. Лаборатории и базы данных уничтожены. Даже сами участники эксперимента выступили против вас.

— Возможно. Но ничто не сможет уничтожить нашу мечту — мечту об усовершенствовании человеческого рода. Это великая, величайшая научная цель. Если вы думаете, что положили ей конец, то вы прискорбно заблуждаетесь.

— Боюсь, что это вы заблуждаетесь, mein Oberstgruppenfűhrer, — прозвучало из-за спины Пендергаста.

Он обернулся и увидел Альбана, приближающегося со стороны леса. Юноша насквозь промок, его рубашка пропиталась кровью, половина привлекательного лица была жестоко обожжена. Из-под обуглившейся кожи выглядывали лицевые мышцы и даже кусочек кости. В руке юноша держал свой Р-38.

Альбан запрыгнул на третью скалу и встал в полный рост, его силуэт четко вырисовывался на фоне объятого пламенем острова. Даже раненный, он передвигался с тем же изяществом, которое Пендергаст подмечал у него прежде.

— Я разыскивал вас, герр Фишер, чтобы сообщить, что эксперимент пошел не в том направлении, какое вы запланировали, — произнес Альбан и кивнул в сторону горящего острова. — Но вы, вероятно, это уже заметили.

Он перебросил пистолет с руки на руку и неожиданно рассмеялся. Очевидно, ему и сейчас было весело.

— Почему бы вам не выйти из укрытий и не поговорить по-мужски? Это было бы благородным завершением игры, не правда ли, герр Фишер?

Нацист откликнулся первым, он молча поднялся и встал на скале. Пендергаст поступил так же. Трое мужчин, освещаемые адским оранжевым заревом, стояли лицом к лицу.

Фишер с горечью в голосе сказал Альбану:

— Я тоже разочарован тобой, Альбан, еще больше, чем твой отец. Ты подвел меня, очень подвел. После всего, что я для тебя сделал, после нескольких поколений генетического отбора и усовершенствования, после пятнадцати лет напряженного обучения и воспитания — и вот как ты себя проявил.

Он сплюнул в воду.

— А в чем я потерпел поражение, герр Фишер? — В голосе юноши послышались новые, незнакомые интонации.

— Ты провалил завершающее испытание мужества. У тебя было много возможностей убить этого человека, твоего отца. Но ты не выполнил задание. И теперь цвет нашей юности, семена, из которых должен был взойти Четвертый рейх, развеяны по ветру. Тебя нужно пристрелить, как паршивую собаку.

Фишер поднял пистолет и навел его на Альбана.

— Подождите, mein Oberstgruppenfűhrer. У меня еще есть возможность убить отца. Я сделаю это прямо сейчас, а вы посмотрите, как это произойдет. Разрешите мне пристрелить его и вернуть ваше расположение.

Альбан нацелил Р-38 на Пендергаста.

Долгое, словно застывшее, мгновение трое мужчин молча стояли в углах треугольника, на вершинах трех скал, возвышающихся над озером. Пистолет Альбана смотрел на Пендергас-та, а тот навел свое оружие на Фишера, державшего на мушке его сына.

Наступила мучительная пауза. Альбан и двое мужчин неподвижно стояли с нацеленным друг на друга оружием, озаряемые адским пламенем, под грохот извержения вулкана и беспорядочную стрельбу в городе.

— Что ж, — наконец произнес Фишер. — Стреляй. Чего ты ждешь? Подозреваю, что у тебя не хватит мужества.

— Вы так думаете? — спросил Альбан и внезапно, с быстротой бросающейся в атаку змеи, развернул пистолет в сторону Фишера и выстрелил.

Пуля попала нацисту в живот. Фишер охнул, уронил оружие, ухватился обеими руками за рану и упал на колени.

— Вы неудачник, — заявил Альбан. — В вашем плане была существенная ошибка. Теперь я это ясно вижу. Вы не должны были позволять дефектным оставаться в живых. За постоянно доступный банк органов пришлось заплатить слишком высокую цену — родственными чувствами, которые вы так и не сумели до конца искоренить. Это вы потерпели поражение, mein Oberstgruppenfűhrer. И когда-то давно вы сами объясняли мне, чем может обернуться ошибка.

Он снова поднял пистолет и выстрелил Фишеру прямо в лоб. Затылок нациста разлетелся на кровавые ошметки. Он беззвучно упал на спину, его тело соскользнуло со скалы и скрылось под водой.

Пендергаст заметил, что затвор Р-38 остановился в заднем положении — обойма пистолета опустела.

Альбан, конечно же, тоже это понял.

— Кажется, у меня кончились патроны, — сказал он, засовывая пистолет за пояс. — Похоже, я так и не смог убить тебя, отец. — Он криво улыбнулся, вероятно испытывая мучительную боль. — А теперь, если ты не против, мне пора уходить.

Пендергаст смотрел на него, только сейчас сообразив, что произошло. К его удивлению, несмотря на ужасные ожоги, ранение и разочарование, его сын продолжал держаться с удивительной уверенностью и немного высокомерным спокойствием.

— Ты ничего не скажешь мне на прощание, отец?

— Ты никуда не уйдешь, — медленно проговорил Пендергаст, поднимая пистолет на Альбана. — Ты убийца. Самый страшный из убийц.

Юноша кивнул:

— Это правда. Я убил больше людей, чем ты в состоянии представить.

Пендергаст прицелился:

— И теперь ты должен умереть.

— В самом деле? — хохотнул Альбан. — Посмотрим. Я знаю, ты разобрался, в чем состоит мой особый дар. Я прав?

— «Копенгагенское окно», — ответил Пендергаст.

— Точно. Эта способность основана на Копенгагенской интерпретации квантовой механики[132]. Ты, конечно же, слышал о ней.

Пендергаст едва заметно кивнул:

— Интерпретация рассматривает будущее как расширяющийся набор вероятностей, линий времени, определяющих степень возможности совершения того или иного события, но этот набор мгновенно превращается в одну реальность, как только будут произведены какие-либо наблюдения или измерения. Эту теорию изучают в университетах. Очевидно, — добавил Пендергаст, — твой разум каким-то образом приобрел способность использовать это свойство — проникать в близкое будущее и видеть эти расходящиеся вероятности.

Альбан улыбнулся:

— Блестяще! Видишь ли, у большинства людей возникает лишь мимолетное предчувствие ближайшего будущего — на несколько секунд вперед, не больше. Ты видишь, что автомобиль тормозит перед сигналом «стоп», и интуитивно ощущаешь вероятность того, что он остановится… или поедет дальше. Или ты чувствуешь, что скажет собеседник, еще до того, как он начал говорить. Наши ученые оценили пользу этой способности еще полвека назад и поставили перед собой цель усилить ее с помощью генетических манипуляций. И я — конечный результат их труда. — В голосе Альбана отчетливо прозвучала гордость. — Моя способность видеть расходящиеся линии времени развита намного сильнее, чем у других людей. Я могу заглянуть в будущее на пятнадцать секунд и увидеть — как будто через окно — десятки различных возможностей. И выбрать из них наиболее вероятную. Казалось бы, это не так уж и много, но как все меняется! В каком-то смысле мой мозг способен настраиваться на волновую функцию. Самостоятельно. Но это не предсказывание будущего. Согласно Копенгагенской интерпретации, какого-то строго определенного, неизменимого будущего не существует. И как ты с похвальной проницательностью понял, мой дар может спасовать перед внезапными, нелогичными и непредсказуемыми действиями. — Улыбка на его обезображенном ожогами лице сделалась шире. — Но, даже не используя свои способности, я наверняка знаю одно: ты не сможешь убить меня, отец. Я сейчас уйду. В лес. Чтобы остановить меня, тебе нужно будет выстрелить мне в спину, но ты не выстрелишь. Итак, до свидания.

— Не говори глупости, Альбан. Я убью тебя.

Юноша поднял руки:

— Я жду.

Наступила тишина. Затем Альбан добавил почти беспечно:

— «Der Bund» больше не существует, я свободен. Мне всего пятнадцать лет — у меня впереди долгая и увлекательная жизнь. Как говорится, весь мир у меня в руках. И я обещаю, что со мной он станет намного более интересным.

С этими словами он ловко спрыгнул с валуна на прибрежную отмель.

Чувствуя, как кровь размеренно капает с пальцев левой руки, Пендергаст не спускал сына с прицела, пока Альбан выбирался на

берег и шагал по песку к лесу. Пистолет все еще был направлен в спину юноши, когда Альбан без видимой спешки подошел к поросшему травой береговому уступу, запрыгнул на него, пересек поляну и наконец исчез за плотной темной стеной деревьев. Только после этого Пендергаст очень медленно опустил дрожащую руку судорожно сжимающую рукоять пистолета.

85

Больница «Маунт-Мёрси» принарядилась к Рождеству. В холле, рядом с постом охраны, установили небольшую свежесрубленную пихту и прикрепили к ней на резинках пластиковые игрушки. Откуда-то издалека слабо доносились звуки рождественских гимнов. В остальном большое и просторное здание казалось непривычно тихим. Пациенты — убийцы, отравители, насильники, поджигатели, расчленители и другие социально опасные преступники — впали в мечтательное состояние от полученных подарков и в еще большей степени от тех, что дарили сами.

Доктор Фелдер шел по одному из внутренних коридоров в сопровождении доктора Острома. За прошедшие несколько недель сломанные ребра почти перестали болеть, полученные синяки и ушибы зажили. От приключений в доме Винтуров у него остался лишь один наружный, видимый шрам — неровный алый рубец на виске.

— Какой странный случай, — покачал головой Остром. — Мне кажется, мы так и не докопались до сути проблемы.

Они остановились возле двойной двери, как и большинство помещений в «Маунт-Мёрси», не пронумерованной. Возле нее дежурил охранник.

— Сюда? — спросил Фелдер.

— Да. Если понадобится помощь — зовите охрану.

Фелдер протянул ему руку:

— Спасибо, доктор.

— Не за что.

Остром развернулся и двинулся обратно по коридору.

Фелдер кивнул охраннику, вздохнул, затем открыл дверь и вошел.

Здесь располагалась больничная часовня. Она сохранилась еще с тех времен, когда «Маунт-Мёрси» была санаторием для состоятельных клиентов. Фелдер, никогда раньше сюда не заглядывавший, замер от удивления. Здесь ничего не менялось с

конца девятнадцатого столетия, когда многочисленные пожертвования богатых пациентов предоставили проектировщикам часовни такие средства, каким позавидовало бы семейство Медичи. Это был маленький шедевр, драгоценность редкой и совершенной красоты: неф всего лишь с шестью колоннами и одним центральным проходом, умело воссозданный строителями веерный готический свод, изящные, красочные витражи по обеим стенам и полукруглой галерее. Внутреннее пространство часовни купалось в лучах вечернего солнца. На скамьях, стенах и колоннах играли солнечные блики, слепя глаза и не позволяя внимательно разглядеть архитектурные детали. Фелдер нерешительно шагнул вперед, остановился, опять шагнул. Он словно бы оказался внутри калейдоскопа.

Фелдер двинулся вдоль рядов скамеек, оглядываясь по сторонам. В часовне было тихо и безлюдно. Но, пройдя через неф, доктор увидел слева небольшой алтарь. Возле него, на единственной скамеечке, неподвижно сидела Констанс Грин. Тени причудливыми пятнами падали на фигуру женщины, так что Фелдер не сразу разглядел ее. Он подошел ближе. Констанс чуть наклонилась к книге, которую держала в руках, губы ее слегка приоткрылись, густые ресницы опустились на глаза, создавая обманчивое впечатление, будто женщина задремала. Но она не спала, а внимательно читала книгу. Фелдер не мог бы сказать с уверенностью, Библия ли это. Он остановился, стараясь успокоить бешено бьющееся сердце.

Констанс обернулась и увидела его.

— Добрый день, доктор Фелдер.

Он кивнул:

— Можно мне присесть рядом с вами?

Она сдержанно улыбнулась и подвинулась, освобождая место для него. Затем закрыла книгу, и доктор увидел, что это не Библия, а «Сатирикон» Петрония.

— Прошло много времени с вашего последнего визита, — заметила Констанс, когда он присел. — Как поживаете?

— Спасибо, неплохо. А вы?

— И я тоже. Надеюсь, вы проведете праздники…

— Констанс, — перебил ее Фелдер. — Вы не возражаете, если

мы обойдемся без обмена любезностями?

Она удивленно посмотрела на него.

Доктор достал из нагрудного кармана два конверта — старый, пожелтевший, и абсолютно новый — и положил их на скамью рядом с женщиной.

Она подняла старый конверт обеими руками. Фелдер заметил, как изумленно расширились ее зрачки. Констанс молча открыла конверт и заглянула внутрь.

— Локон моих волос, — произнесла она изменившимся голосом, совсем не похожим на тот, каким чуть раньше поздоровалась с доктором.

Фелдер чуть наклонил голову.

Констанс с волнением обернулась к нему:

— Ради всего святого, где вы его нашли?

— В Коннектикуте.

Констанс нахмурилась:

— В Коннектикуте? Но…

Фелдер поднял руку, предупреждая ее вопрос:

— Чем меньше вы будете знать об этом, Констанс, тем лучше. Для нас обоих.

Констанс перевела взгляд к шраму на его виске:

— Когда я предположила, что этот локон мог сохраниться, я вовсе не хотела, чтобы ради него вы рисковали жизнью, доктор.

— Я знаю.

Она положила локон на ладонь, мельком взглянула на него и осторожно провела по всей длине кончиком пальца. Ее мысли, казалось, унеслись далеко-далеко из этого наполненного светом и тишиной аквариума. Несколько долгих минут Констанс не произносила ни слова. Доктор тоже молчал.

Наконец она взяла себя в руки, положила локон обратно в конверт и вернула Фелдеру:

— Простите меня!

— Не стоит беспокоиться.

— Надеюсь, вы не… не совершили ничего противозаконного, чтобы добыть этот конверт?

— Это был весьма интересный и поучительный опыт.

Констанс посмотрела на другой конверт. На нем был указан обратный адрес лаборатории в Колорадо-Спрингсе.

— А это что?

— Анализ ДНК волос.

— Понятно. — Констанс, только-только начавшая вести себя свободно и естественно, снова замкнулась. — И что там сказано?

— Посмотрите на конверт, — ответил доктор, — и вы увидите, что я не вскрывал его.

Она перевернула конверт:

— Я не понимаю…

Фелдер глубоко вздохнул. Он почувствовал, как задрожали его колени.

— Мне необязательно знать результаты анализа. Я и так вам верю, Констанс. Каждому вашему слову.

Она перевела взгляд с конверта на доктора и обратно.

— Я знаю, как давно вы родились… и как вы молоды. Мне не нужны для этого никакие анализы ДНК. Я знаю, что все ваши воспоминания о конце девятнадцатого века — абсолютная правда. Я не могу это понять, но я верю вам.

Констанс промолчала.

— И еще я знаю, что вы не убивали своего ребенка. Не сомневаюсь, что у вас есть причины скрывать правду. Но как только вы сочтете возможным поделиться ими со мной, мы сможем идти дальше.

Что-то мелькнуло в глазах женщины.

— Идти дальше?

— Добиваться вашего освобождения. И снятия обвинения в убийстве. — Фелдер придвинулся чуть ближе. — Констанс, вас

направили сюда по моей рекомендации. А теперь я понимаю, что ошибся. Вы вполне здоровы психически. И вы не убивали ребенка. Это была инсценировка. Если вы скажете, где он сейчас находится, я смогу потребовать официальной проверки. И тогда мы сможем доказать вашу невиновность.

— Я… — нерешительно начала Констанс, но тут же умолкла, явно растерявшись.

Фелдер много раз представлял себе эту сцену, даже видел во сне. Но теперь, когда все происходило наяву, он оказался не готов к объяснению точно так же, как и Констанс.

— Я очень рисковал, чтобы получить этот конверт. — Он прикоснулся к шраму на виске. — Но дело не в этом. — Фелдер остановился, пытаясь найти правильные слова. — Мне самому нужно было убедиться. Это не ваша вина, но теперь, когда трудности уже позади, я хочу, чтобы вы знали: я готов повторить все сначала. Готов пройти через огонь ради вас, Констанс. Нет-нет, позвольте мне договорить. Я бы снова сделал это… из-за моего отношения к вам. Не только потому, что обидел вас, отправив сюда. Но еще и из-за моего чувства к вам. Я хочу покончить с несправедливостью и вызволить вас, потому что это моя единственная надежда. Надежда на то, что вы, став свободной и ни от кого не зависимой, со временем сможете увидеть во мне не только врача, но и… — Он смутился еще больше. — Естественно, в этом случае профессиональная этика не позволит мне оставаться вашим врачом… если, конечно…

Он наконец замолчал, не в силах выразить словами свои чувства, нерешительно взял Констанс за руку и с замиранием сердца попытался поймать ее взгляд. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы все понять. Фелдер отпустил ее руку и отвел глаза, чувствуя себя совершенно разбитым.

— Доктор, — мягко произнесла Констанс. — Джон. Я тронута… честное слово, глубоко тронута. Ваша вера значит для меня больше, чем можно выразить словами. Но дело в том, что я никогда не смогу ответить на те чувства, которые вы ко мне испытываете. Потому что мое сердце принадлежит другому.

Фелдер сидел, не поднимая глаз. Слова Констанс звучали все тише, а последняя фраза и вовсе была едва слышна.

Мыслями он вернулся к той встрече в библиотеке «Маунт-

Мёрси», когда она впервые рассказала о локоне своих волос. Констанс тогда дала понять, что обнаружение этого локона означало бы нечто большее, чем просто подтверждение правдивости ее слов, и он воспринял это как испытание, возможность доказать глубину своих чувств, стереть память о прежних неверных шагах и ошибочных выводах. Но теперь Фелдер понял, что все это он сам вообразил себе, а она не имела в виду ничего подобного. Он просто вложил свой смысл, свои надежды в ее слова — предлагающие всего лишь убедиться в том, что она сказала правду о своем возрасте. И лишь потому, что он сам настаивал.

Фелдер почувствовал, как Констанс коснулась его ладони, и поднял глаза. Она улыбнулась ему. Но это была ее обычная, спокойная и благожелательная, немного отстраненная улыбка.

— Я не могу ответить на ваши чувства, доктор, — сказала она, слегка сжав его руку. — Но кое-что я все же могу для вас сделать. Поведать вам свою историю. Я еще никогда и никому ее не рассказывала, во всяком случае, не рассказывала от начала до конца.

Фелдер растерянно заморгал, не сразу вникнув в смысл ее слов.

— И боюсь, — продолжила она, — что все это должно остаться между нами. Вам интересно?

— Интересно? — переспросил Фелдер. — Бог мой, да конечно же!

— Хорошо. Тогда можете расценивать это как мой подарок вам. — Констанс на мгновение замолчала. — В конце концов, сегодня ведь канун Рождества.

86

Они тихо сидели, скрытые причудливыми тенями. Констанс через плечо Фелдера смотрела на неф часовни. Два конверта, старый и новый, лежали на скамье между ними.

— Я родилась в доме шестнадцать по Уотер-стрит в Нью-Йорке, — начала Констанс, — в семидесятых годах девятнадцатого столетия. Скорее всего, это случилось летом тысяча восемьсот семьдесят третьего года. Когда мне исполнилось пять лет, мои родители умерли от туберкулеза. В тысяча восемьсот семьдесят восьмом году мою старшую сестру Мэри отправили в сиротский приют в Файв-Пойнтс[133], где она в конце концов и погибла. В тысяча восемьсот восьмидесятом году умер мой брат Джозеф. Но все это вы уже знаете. Чего вы не можете знать — это то, что Мэри стала жертвой врача, практиковавшего в приюте, талантливого хирурга по имени Енох Ленг. Доктор Ленг был одержим идеей увеличить продолжительность своей жизни далеко за пределы, отпущенные обычному человеку. Прежде чем вы начнете осуждать его, хочу объяснить, что он старался продлить жизнь вовсе не из эгоистических соображений. Он проводил исследования, для завершения которых требовалось больше времени, чем он мог бы прожить.

— Что это за исследования? — спросил Фелдер.

— Эти подробности сейчас не имеют значения, — помолчав, произнесла Констанс. — Мы подошли к первому из ряда невероятных событий в моей истории. Идеи доктора Ленга были неординарны, как и его понимание врачебной этики. После ряда опытов он поверил в возможность создания препарата — эликсира, существенно продлевающего жизнь. Одним из его компонентов была живая человеческая плоть, взятая из молодого, здорового организма.

— О господи! — пробормотал Фелдер.

— Работая в сиротском приюте в районе Файв-Пойнтс, приобретшем впоследствии печальную славу нью-йоркских трущоб, доктор Ленг не имел недостатка в сырье. Моя сестра оказалась одной из его жертв — ее труп вместе с десятками других обнаружили три года назад в братской могиле в Нижнем Манхэттене.

Фелдер припомнил статью об этой находке, случайно

попавшуюся ему на глаза в Публичной библиотеке. Ее написал для «Нью-Йорк таймс» тот самый репортер Смитбек, которого позже убили. Стало быть, эта Мэри Грин была сестрой Констанс.

— Боюсь, что от руки доктора Ленга погибло очень много людей. Так или иначе, но в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году он получил необходимый ему эликсир.

— Он нашел способ продлить жизнь?

— Доктор Ленг в основном работал с пучком нервных корешков, известным как cauda equina[134], — думаю, вам, как врачу, не нужно объяснять подробней. И в конце концов, усовершенствовав технологию очистки препарата, он добился успеха — создал эликсир, резко замедляющий старение человеческого организма. К этому времени я уже находилась под его опекой и жила в его доме.

— Вы? — вскинулся Фелдер.

— После того как пропала моя сестра, я стала, как теперь говорят, беспризорником. У меня не было семьи, я жила на улице, не брезгуя никакими средствами, чтобы раздобыть себе пропитание. Попрошайничала, подметала тротуары и была счастлива, если зарабатывала хотя бы цент. Не раз и не два я могла замерзнуть или умереть от голода. Частенько я ночевала возле приюта, где работал доктор Ленг. Однажды он подошел ко мне и спросил, как меня зовут. Вероятно, когда я назвала свое имя, он почувствовал вину за мое бедственное положение… или сжалился надо мной по какой-то другой, неизвестной мне причине. В любом случае, он взял меня к себе, в особняк на Риверсайд-драйв, и использовал меня как подопытную свинку, проверяя действие эликсира и возможные побочные эффекты. Со временем он привязался ко мне. Я так и не поняла почему. Он хорошо кормил меня, покупал добротную одежду, научил читать и писать… А потом предложил воспользоваться эликсиром вместе с ним.

Она помедлила, прежде чем произнесла последние слова. Несколько минут в часовне стояла полная тишина. История казалась невероятной, но Фелдер знал, что это правда.

Констанс продолжила рассказ:

— Долгие-долгие годы мы вели уединенную, затворническую жизнь в этом особняке. Я изучала литературу, философию, музыку,

историю и иностранные языки, иногда — с помощью доктора, чаще — самостоятельно, пользуясь его богатой библиотекой и научными коллекциями. А сам Ленг продолжал свои исследования. Приблизительно в тысяча девятьсот тридцать пятом году он добился нового успеха. Используя различные химикаты и вещества, которых прежде не было в его распоряжении, он синтезировал новый эликсир, уже не требующий… человеческих компонентов.

— Другими словами, он прекратил убивать людей, — уточнил Фелдер.

Констанс кивнула:

— Пока это продлевало его собственную жизнь, он не чувствовал особого раскаяния, отнимая чужие жизни. Однако необходимость убивать оскорбляла его эстетические чувства и гордость ученого. Да, он прекратил убийства. В них больше не было нужды. Эликсир, который мы продолжали принимать, был чисто синтетическим. Но главной своей цели доктор еще не достиг. Он продолжал упорно работать, пока исследования резко не оборвались весной тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года.

— Почему именно тогда? — спросил Фелдер.

На лице Констанс появилась слабая улыбка.

— Это снова не имеет отношения к моей истории. Лучше я вам расскажу о другом. Доктор Ленг однажды объяснил мне, что есть два способа вылечить больного. Общепринятый способ — вернуть ему здоровье.

— А каков второй?

— Избавить его от страданий. — Ее улыбка вдруг исчезла. — В любом случае, когда работа была завершена — или, точнее говоря, когда в ней отпала надобность, — доктор Ленг прекратил принимать эликсир. Он потерял интерес к жизни, окончательно превратился в затворника и начал стареть с обычной для человека скоростью. А мне он предоставил возможность выбора. И я… решила продолжить. И все оставалось неизменным еще пятьдесят с лишним лет, пока однажды не произошло неожиданное и жестокое нападение на наш дом. Доктора Ленга убили, а я спряталась в самых глубоких подземельях. В конце концов порядок был восстановлен, а особняк перешел во владение правнучатого племянника Ленга — Алоизия Пендергаста.

— Пендергаста? — повторил Фелдер и, дождавшись утвердительного кивка Констанс, удивленно покачал головой.

В такое совпадение даже ему трудно было поверить. Слишком трудно.

— Я несколько месяцев тайно наблюдала за Пендергастом, прежде чем решилась показаться ему на глаза. И он весьма любезно предложил мне остаться в доме в качестве… его подопечной. — Она чуть подвинулась на скамье. — Вот и вся моя история, доктор Фелдер.

Фелдер глубоко вздохнул:

— А ваш ребенок?

Он не мог справиться с любопытством — кто же был отцом мальчика?

— Я родила сына на Тибете, в отдаленном монастыре Гзалриг Чонгг. С помощью сложных ритуалов монахи определили, что мой сын является девятнадцатым воплощением одного из самых почитаемых тибетских ринпоче[135]. Его жизни отныне угрожала большая опасность. Китайские власти жестоко преследовали тибетский буддизм, в особенности саму идею реинкарнации святых. Когда в тысяча девятьсот девяносто пятом году Далай-лама[136]объявил шестилетнего мальчика одиннадцатым воплощением Панчен-ламы[137], китайцы захватили ребенка, и с тех пор его никто не видел. Возможно, его больше нет в живых. Теперь они узнали о том, что мой сын объявлен воплощением ринпоче, и прислали солдат, чтобы арестовать его.

— Значит, вам нужно было убедить всех, что он умер, — догадался Фелдер.

— Правильно. Я притворилась, будто хочу сбежать вместе с ребенком, а потом якобы выбросила его за борт. Для того, чтобы сбить ищеек со следа. Мой арест получил широкую огласку и, кажется, удовлетворил китайцев. Тем временем моего сына тайно вывезли из Тибета в Индию.

— А на самом деле вы пронесли на борт «Куин Мэри» куклу и выбросили ее в море?

— Именно так. Куклу в натуральную величину. Я выбросила ее

за борт примерно в середине плавания.

После небольшой паузы Фелдер снова заговорил:

— И все же есть одна вещь, которую я не могу понять. Зачем вы послали меня за этим локоном? Я подумал, что это было… — Он густо покраснел. — Испытание любви. Возможность оправдать себя в ваших глазах и доказать свои чувства к вам. Но вы ясно дали понять, что не испытываете ко мне ответных чувств.

— Неужели вы до сих пор не догадываетесь, доктор Фелдер? — спросила Констанс. — На самом деле у меня есть целых два ответа. — Она опять улыбнулась. — В тот день, когда вы навестили меня в здешней библиотеке, я получила известие о том, что мой сын благополучно добрался до Индии. Он находится в Дармсале, вместе с тибетским правительством в изгнании, в надежно защищенном месте. Теперь он вырастет и получит обучение и воспитание, достойное его титула. Не опасаясь китайцев.

— То есть вам больше не нужно поддерживать легенду о том, что вы убили собственного ребенка.

— Совершенно верно. И нет никакой необходимости оставаться в «Маунт-Мёрси».

— Но чтобы вам позволили уехать отсюда, нужно официально подтвердить ваш compos mentis[138].

Констанс наклонила голову.

— А для этого требуется убедить меня в вашем здравомыслии.

— Это так. Но есть и второй ответ, как я уже сказала. Вынеся вердикт о моем здравомыслии, вы бы начали терзаться сомнениями относительно собственной вменяемости. Но теперь вы знаете, что я говорила правду, и это знание помогло вам принять мою историю, хотя по вашему лицу заметно, какого труда вам это стоило.

Получалось, что Констанс действительно в какой-то степени заботилась о нем. Она все-таки заметила его внутреннюю борьбу и сжалилась над ним. В наступившей тишине Фелдер начал мысленно формулировать — в свете вновь открывшейся информации — аргументы в пользу освобождения Констанс. И с возрастающей тревогой понял, что не сможет использовать для доказательства ни одного слова из только что услышанной истории. Ни один суд не поверит ему. Ему придется найти собственный путь через

запутанный юридический лабиринт и предъявить суду находящегося сейчас в далекой Индии мальчика — сына Констанс. Но Фелдер понимал, что должен сделать это ради нее… и не только это. По крайней мере, доказать, что это ее сын, не составит труда благодаря анализу ДНК.

Доктор еще о многом хотел бы спросить, но вдруг осознал, что не может выразить словами ни один из этих вопросов. Ему потребуется много времени, чтобы переварить все, что он уже услышал. А сейчас пора уходить.

Он взял со скамейки оба конверта и протянул Констанс один из них — старый и пожелтевший.

— Это по праву принадлежит вам, — сказал он.

— Мне было бы приятнее, если бы он хранился у вас, доктор.

Фелдер кивнул, положил оба конверта в карман пиджака и поднялся, чтобы уйти, но в последний момент передумал. Один важный вопрос так и остался нерешенным.

— Констанс…

— Да, доктор?

— А как же эликсир? Когда вы перестали принимать его?

— Когда был убит мой первый опекун доктор Ленг.

Он не сразу решился задать следующий вопрос:

— Это причиняет вам какое-то беспокойство?

— Что именно?

— Простите, что не могу выразиться более деликатно… Сознание того, что ваша жизнь продлилась за счет убийства невинных людей.

Констанс смерила его взглядом своих глубоких, непостижимых глаз. В часовне стало еще тише. Наконец она заговорила:

— Вам знакомо такое высказывание Френсиса Скотта Фицджеральда: «Пробным камнем первоклассного интеллекта является способность удерживать в уме две противоположные идеи одновременно и все-таки сохранять возможность действовать»?

— Да, я слышал об этом.

— Обратите внимание. Я не просто пользовалась этим эликсиром. Я находилась под опекой человека, искалечившего и убившего мою сестру. Прожила больше ста лет в его доме, читала его книги, ела его пищу, пила его вино, вела с ним приятные вечерние беседы — и все это время помнила, кто он такой и что он сделал с моей сестрой. Не правда ли, редкий случай противопоставления двух идей?

Она замолчала. В ее глазах мелькнуло что-то необычное. Но что именно, Фелдер не смог определить.

— А теперь я хочу спросить у вас, доктор: означает ли все это, что у меня первоклассный интеллект… или что я безумна? — Глаза ее опять странно сверкнули. — Или и то и другое сразу?

Затем она кивнула Фелдеру на прощание, взяла книгу и продолжила чтение.

87

Д’Агоста опасался, что старый бар давно уже закрыт. Он не бывал там несколько лет. Мало кто из его коллег вообще знал об этом месте — папоротники на окне с кружевными занавесками гарантировали, что ни один уважающий себя офицер не согласится зайти туда. Но когда он свернул с Визи-стрит на покрытую тонким, хрустящим под ногами слоем снега Чёрч-стрит, то с облегчением увидел, что бар все еще стоит на своем обычном месте. Во всяком случае, папоротники с окна никуда не делись и выглядели еще более безвкусными, чем прежде. Д’Агоста спустился по ступеням и зашел внутрь.

Лора Хейворд уже ждала его там. Она сидела в дальнем углу, за тем же самым столиком — случайное совпадение? — с бокалом свежего, пенящегося «Гиннеса» в руке. Когда д’Агоста приблизился, она подняла голову и улыбнулась.

— Я даже не знала, как называется это заведение, — сказала она, когда он сел рядом.

Д’Агоста кивнул:

— «Vino Veritas»[139].

— Возможно, владелец — тонкий ценитель вин. Или выпускник Гарварда. Или и то и другое сразу.

Д’Агоста не вполне понял шутку, поэтому вместо ответа подозвал кельнера и показал, что хочет такой же напиток, как у Лоры.

— Неплохое местечко для встречи, — заметил он, когда перед ним поставили бокал с «Гиннесом». — Всего в двух шагах от Уан-Полис-Плаза.

Он отпил глоток и откинулся на спинку стула, стараясь выглядеть беспечно. Хотя на самом деле был чертовски взволнован. Эта идея пришла ему в голову утром, по дороге на работу. На этот раз никаких обширных планов, никаких тщательных приготовлений. Инстинкт подсказывал ему, что это место подойдет лучше всего.

— В ведомстве капитана Синглтона большие перемены, — таинственным тоном сообщила Лора.

— Значит, все уже знают?

Она кивнула:

— Мидж Роули. Последняя, на кого могли подумать. Но ведь она работала личным секретарем Глена и знала обо всех его делах… дай-ка сообразить… по крайней мере за последние десять лет.

— А мне кажется, что она была честным сотрудником. До недавнего времени. Во всяком случае, именно тогда, согласно банковским отчетам, она получила первый денежный перевод.

— Я слышала, у нее были какие-то личные проблемы. Разлад с мужем, мать в доме престарелых. Видимо, поэтому ее и выбрали.

— Возможно, они ее шантажировали. Я ей почти сочувствую.

— Почти. Пока не вспомнишь, что это она сообщила им о встрече возле лодочного домика в Центральном парке. Это из-за нее произошла перестрелка, в которой погибли пять человек, а также похищение и убийство Хелен Пендергаст. — Лора на мгновение замолчала. — При обыске нашли что-нибудь?

Д’Агоста покачал головой:

— Мы надеемся узнать больше по записям камер наблюдения. Или от самой Роули. Парни из отдела внутренних расследований уже отправили ее в «Томбс»[140]. Кто знает, может, там она станет разговорчивей.

Он снова глотнул пива, но возбуждение никак не проходило. И эта светская беседа тоже не помогала справиться с ним.

— Так или иначе, но ты хорошо поработал, Винни. Тебе есть чем гордиться.

— Спасибо.

— А Синглтону это может стоить понижения в звании.

Д’Агоста уже думал об этом. Капитану Синглтону придется объяснять, каким образом в его приемной окопался крот… и это разоблачение в какой-то степени поможет самому д’Агосте выйти из опалы. Но все равно чертовски жаль: Синглтон был честным человеком.

— На самом деле это Пендергаста нужно поблагодарить за разоблачение, — признался д’Агоста.

— Он просто позвонил тебе и назвал имя предателя?

— Не совсем. Скажем так: он указал мне направление поиска.

— Значит, ты все-таки сам провел расследование. Не прибедняйся, Винни, ты сорвал банк. Теперь забирай деньги и убегай. — Лукавая улыбка Лоры стала еще шире. — Я так понимаю, что вы с агентом Пендергастом снова стали лучшими друзьями?

— Он назвал меня «мой дорогой Винни», если это имеет какое-то значение.

— Ясно. Итак, Пендергаст вернулся в Нью-Йорк, новых убийств не произошло, и парни из поведенческого отдела ФБР считают, что убийцы уже нет в живых. Сегодня канун Рождества. «Бог в своих небесах — и в порядке мир!»[141].

Она подняла бокал.

Д’Агоста отпил еще глоток «Гиннеса». Он почти не почувствовал вкуса пива. Но это единственное, что он мог сделать, чтобы не начать ерзать на стуле. Ожидание становилось невыносимым. Нужно было найти способ переменить тему и заговорить о главном, но будь он проклят, если знал, как это сделать…

Внезапно д’Агоста понял, что Лора поставила бокал и пристально смотрит на него. Мгновение они просто сидели, глядя друг другу в глаза. Затем она тихо сказала:

— Да.

— Извини? — смущенно пробормотал он.

Она взяла его за руку:

— Глупенький. Позволь, я помогу тебе выбраться из затруднения. Да, конечно же, я выйду за тебя замуж.

— Ты… как… — Д’Агоста затих, не находя слов.

— Ты думал, я ничего не поняла? Зачем ты пригласил меня выпить пива в таком необычном месте? Тебе почему-то было важно встретиться именно здесь — в том самом баре, где мы когда-то впервые начали узнавать друг друга. Два года назад, помнишь? — Лора сжала его руку и рассмеялась. — В самом деле, in vino Veritas. Знаешь что, лейтенант д’Агоста, ты просто старый сентиментальный

болван. И как раз за это — хотя и не только за это — я тебя так люблю.

Д’Агоста опустил глаза. Он был настолько взволнован, что не мог толком связать и пары слов.

— Я не был уверен, что ты поймешь. Я думал…

— Итак. Где же кольцо?

Д’Агоста, запинаясь, начал объяснять, что решение пришло неожиданно, в последнюю минуту, но смех Лоры прервал его путаную речь.

— Я просто хотела подразнить тебя, Винни. И я люблю неожиданности. А кольцо может и обождать — это не проблема.

Он нерешительно взял ее ладонь в свою руку.

— Спасибо.

Лора снова улыбнулась.

— Давай сходим еще куда-нибудь. В какое-нибудь новое, чудесное место. Мы сделаем его таким же ностальгическим, как и это. В память о сегодняшнем вечере. Нам нужно хорошенько отпраздновать — не только Рождество, но и наши грандиозные планы.

Она подозвала кельнера, чтобы рассчитаться.

И последнее

Большую, богато обставленную библиотеку в доме номер 891 по Риверсайд-драйв освещали только свечи и огонь камина. Был поздний февральский вечер, холодный дождь лился с неба на капоты машин, проезжающих мимо по Вест-Сайд-хайвей. Но ни шум машин, ни стук дождя не проникали сквозь занавешенные окна. Здесь были слышны только потрескивание дров в камине, скрип перьевой ручки агента Пендергаста по кремовой бумаге верже[142] и тихая, неторопливая беседа Констанс Грин и Тристрама.

Они сидели за карточным столом возле камина, и Констанс учила юношу играть в ломбер[143] — игру, вышедшую из моды много десятилетий, если не столетий, назад. Тристрам уставился в свои карты, напряженно размышляя. Констанс приучала его к играм постепенно, начиная с виста, и с тех пор память, внимание и логические способности юноши заметно улучшились. Теперь он постигал тонкости новой игры — козыри, ставки, прикупы.

Пендергаст расположился за письменным столом в дальнем углу библиотеки, спиной к стене книг в толстых кожаных переплетах. Время от времени он отрывался от письма и обводил серебристыми глазами комнату, в конце концов останавливаясь на паре, играющей в карты.

Телефонный звонок нарушил тишину. Пендергаст вынул из кармана сотовый телефон, посмотрел на номер звонившего.

— Да?

— Пендергаст? Это я, Кори.

— Мисс Свенсон. Как ваши дела?

— Прекрасно. Я была загружена работой, дописывала курсовую и поэтому смогла позвонить только сейчас. У меня есть для вас дьявольски интересная история… и… — Она замолчала в нерешительности.

— С вами все в порядке?

— Если вы о том, не крадется ли кто-то за мной по пятам, то да, в порядке. Но послушайте. Я раскрыла преступление. Самое что ни на есть настоящее преступление.

— Замечательно. Я хотел бы извиниться, что не смог оказать вам более существенную помощь, когда вы приехали ко мне в декабре. Но я верил, что вы способны сами о себе позаботиться. И кажется, мои надежды оправдались. Между прочим, у меня тоже имеется для вас любопытная история.

Последовала новая пауза.

— Значит, — сказала Кори, — приглашение на ланч в «Ле Бернардин» остается в силе?

— Мне очень неловко, но прямо сейчас ничего не получится. Однако это произойдет очень скоро, потому что я собираюсь взять долгосрочный отпуск.

— Можете назвать точную дату?

Пендергаст вытащил из кармана записную книжку и сверился с ней:

— В следующий четверг, ровно в час.

— Как удачно, у меня как раз нет занятий по четвергам. — Кори снова засомневалась, стоит ли продолжать. — Послушайте, Пендергаст…

— Да?

— Ничего, если я… прихвачу с собой отца? Он тоже участвовал в этой истории.

— Хорошо. Значит, я жду в четверг вас обоих.

Он отложил ручку и встал. Тристрам куда-то вышел. Констанс сидела за столом в одиночестве и задумчиво тасовала карты. Пендергаст подошел к ней:

— Как его успехи?

— Неплохо. Даже лучше, чем я ожидала. Если он и дальше все будет усваивать в таком темпе, я вскоре решусь перейти к безику или скату[144].

Пендергаст помедлил и снова заговорил:

— Я много думал над тем, что ты тогда сказала. Помнишь, когда я пришел к тебе в «Маунт-Мёрси» за советом. И ты, конечно же, была права. Я должен был отправиться в Нова-Годой. У меня не оставалось

выбора. И мне пришлось действовать, увы, с чрезвычайной жестокостью. Я спас Тристрама, это правда. Но вторая часть уравнения — более сложная его часть — осталась нерешенной.

Немного помолчав, Констанс тихо спросила:

— О нем ничего не слышно?

— Ничего. Я использовал кое-какие… э-э… возможности: внес его в списки разыскиваемых Управлением по борьбе с наркотиками и сделал запросы в наши заграничные консульства. Разумеется, очень осторожно. Но он словно растворился в джунглях.

— Ты думаешь, он мог умереть? — спросила она.

— Возможно, — ответил Пендергаст. — Он получил очень опасные ранения.

Констанс отложила карты:

— Мне не дает покоя один вопрос. Я не хочу тебя обидеть, но… Ты полагаешь, он мог довести дело до конца? Мог убить тебя?

Пендергаст задумчиво посмотрел на огонь, затем обернулся к ней:

— Я много раз спрашивал себя об этом. Иногда — например, когда он стрелял в меня на озере — я ощущал уверенность в том, что он хочет меня убить. Но у него было множество других возможностей, которые он не захотел использовать.

Констанс снова взяла карты и начала сдавать их.

— Неизвестно, что он намерен делать дальше, неизвестно, жив ли он вообще… Это не может не беспокоить.

— Разумеется.

— А что с остальными членами «Ковенанта»? Они представляют опасность?

Пендергаст покачал головой:

— Нет. Их лидеры мертвы, крепость разрушена, все результаты их многолетней работы уничтожены. Их raison d’etre[145] — близнецы — большей частью разочаровались в проекте. Судя по отчетам, которые я получаю из Бразилии, они уже начинают интегрироваться в общество. Конечно, последние «серии» близнецов — те, что

предшествовали Альбану и его бета-тесту, — были самым серьезным успехом «Ковенанта». И я понимаю бразильские власти, сомневающиеся, что их можно приучить к нормальной жизни. Но таких очень мало, и у «Der Bund» нет никаких шансов довести их количество до критической массы. Даже… — Его голос зазвучал совсем тихо. — Даже если к ним вернется Альбан.

Помолчав, Констанс кивком указала на опустевший стул Тристрама:

— Что ты думаешь с ним делать?

— У меня есть одна идея.

— Интересно какая же?

— В дополнение к обязанностям моего секретаря — и моего предсказателя, вероятно, — ты могла бы стать его…

Констанс посмотрела на него, приподняв бровь:

— Кем? Его няней?

— Больше, чем просто няней. Но меньше, чем опекуном. Скорее, старшей сестрой.

— Ключевое слово — старшей. Старше на сто тридцать лет. Алоизий, тебе не кажется, что разница в возрасте немного великовата, чтобы чувствовать себя настоящей сестрой?

— Должен признаться, эта мысль только что пришла мне в голову. Но ты, по крайней мере, обдумай мое предложение.

Констанс по-прежнему пристально смотрела на него. Потом перевела взгляд на пустой стул, на котором недавно сидел Тристрам.

— Есть в нем что-то трогательное, — призналась она. — В противоположность брату, насколько я могу судить по твоему описанию. Он такой молодой, непосредственный… и удивительно наивный во всем, что касается знаний о мире. Я бы даже сказала, невинный.

— Какой когда-то была и одна наша общая знакомая.

— В нем ощущается невероятная, почти безграничная способность к сочувствию, состраданию, какой я не встречала с тех пор, как покинула монастырь.

В этот момент Тристрам вернулся в библиотеку, неся в руке стакан молока.

— Приехал герр Проктор, — сообщил юноша. — Он привез вам — как же он это назвал? — перекусить.

Он сел за карточный стол и повторил последнее слово еще раз, словно пробуя его на вкус.

Пендергаст повернулся к Тристраму и какое-то время просто смотрел, как тот с очевидным удовольствием пьет молоко. Желания юноши были так просты, а благодарность за малейшее проявление доброты почти безгранична. Пендергаст поднялся со стула и подошел к сыну. Тристрам поставил стакан на стол и поднял голову.

Отец опустился на колени, чтобы оказаться вровень с юношей, и достал из кармана золотое кольцо с прекрасным звездчатым сапфиром. Он взял сына за руку и надел кольцо ему на палец. Тристрам пристально посмотрел на драгоценность, повернул руку, затем поднес к глазам, наблюдая, как переливается звезда на поверхности камня.

— Это кольцо носила твоя мать, Тристрам, — мягко произнес Пендергаст. — Я подарил его на наше обручение. Когда я почувствую, что ты готов — пока еще нет, но, может быть, в скором времени, — я обязательно расскажу тебе о ней. Она была удивительной женщиной. Как и у всех нас, у нее были недостатки. И тайны… слишком много тайн. Но я очень любил ее. Она была такой же жертвой «Der Bund», как и ты. Как и у тебя, у нее была сестра-близнец. Ей приходилось нелегко. Но те годы, что мы провели вместе, были лучшими в моей жизни. Возможно, мои рассказы хотя бы в какой-то мере смогут заменить тебе воспоминания, которых ты был лишен все эти годы.

Тристрам оторвал взгляд от кольца и посмотрел в лицо Пендергасту:

— Я бы очень хотел узнать о ней, отец.

Раздалось деликатное покашливание. Пендергаст оглянулся и увидел в дверях Проктора. Шофер держал на вытянутой руке серебряный поднос с двумя бокалами хереса. Пендергаст поднялся с колен, а Проктор подошел ближе и предложил один бокал агенту, а другой — Констанс.

— Спасибо, Проктор, — сказал Пендергаст. — Большое спасибо.

— Не за что, сэр, — сдержанно ответил шофер. — Миссис Траск просила передать, что ужин будет готов к восьми часам.

Пендергаст наклонил голову.

Проходя через библиотеку в большую ротонду, служившую гостиной, Проктор остановился и оглянулся через плечо. Пендергаст уже вернулся к письменному столу в дальнем углу и с легкой печалью смотрел на огонь. Констанс тасовала колоду карт и что-то тихо объясняла Тристраму, который внимательно слушал ее.

Три недели назад, вернувшись из «Маунт-Мёрси», Констанс весьма замкнуто и отстраненно держалась с этим юношей, сыном Пендергаста. Теперь, как заметил Проктор, их отношения потеплели, по крайней мере отчасти. Горящий камин и свечи мягко освещали ряды старинных книг, изящную мебель и трех человек, сидевших в комнате. Создавалось впечатление если и не полного умиротворения, то, во всяком случае, спокойствия. Спокойствия и уверенности. Обычно Проктор не был склонен к подобного рода мыслям, но сейчас эта картина действительно поразила его чуть ли не семейным уютом.

«Уютом семейки Аддамс», — поправил он сам себя, выходя из библиотеки и еле заметно усмехаясь.

Пендергаст посмотрел вслед выходящему из комнаты Проктору, взял ручку и вернулся к письму. Он водил пером по бумаге приблизительно две минуты. Затем положил ручку на зеленое сукно письменного стола и перечитал письмо от начала до конца:

Моя дорогая Виола!

Я решил написать Вам сразу по нескольким причинам. Во-первых, извиниться за тот холодный прием, который оказал Вам при нашей последней встрече. Из-за меня Вы пережили много неприятных минут, и мое поведение было отвратительным. Не стану оправдываться и скрывать от Вас то, что Вы, без сомнения, и так уже поняли: я был тогда немного не в своем уме.

Также хочу поблагодарить Вас за то, что Вы спасли мне жизнь. И я ничуть не преувеличиваю. Два месяца назад, когда Вы внезапно появились на пороге моего дома, я действительно был готов совершить тот акт, который с

такой бессердечностью Вам описал. Ваши слова отвлекли меня на достаточно долгое время, за которое успели произойти другие события, заставившие меня изменить решение. Проще говоря, Вы появились в «Дакоте» в самый последний момент. Примите за это мою бесконечную, искреннюю благодарность.

Я решил устроить себе отпуск. Пока не знаю, на какой срок и где я буду его проводить. Но если окажусь в Риме, то, конечно же, навещу Вас — как Ваш преданный друг. Отныне и навсегда.

Существует не так уж много вещей, связывающих меня с этим миром, и еще меньше — людей. Я хочу, Виола, чтобы Вы знали, что Вы — одна из них.

С искренней привязанностью, Алоизий.

Пендергаст сложил письмо, опустил его в конверт и написал адрес. Взглянул на увлеченных игрой Констанс и Тристрама, затем обернулся к ярко горящему огню. Он сидел неподвижно и смотрел на языки пламени, даже не пригубив свой херес, — до тех пор, пока его не отвлек Проктор, снова зашедший в библиотеку с объявлением, что ужин готов. Тристрам тут же вскочил и двинулся за ним следом. Вероятно, юноша сильно проголодался. К тому же каждое новое блюдо для него до сих пор было в диковинку. Констанс прошла к двери куда более степенно и неторопливо. Последним поднялся агент Пендергаст, провел кончиками пальцев по лежащему на столе конверту, а затем выскользнул из комнаты — темный силуэт, постепенно становящийся все более расплывчатым, чем дальше он уходил по тайным, заполненным тенями и призраками коридорам особняка на Риверсайд-драйв.

Благодарности

Авторы искренне благодарят всех, кто оказывал им содействие и поддержку:

Джейми Рааб, Джейми Левин, Митча Хоффмана, Надин Уодделл, Джона Кауча, Дугласа Марджини, Эрика Симоноффа, Клаудию Рюльке, а также Джулию Дуглас и Майкла Шарпа, которые посоветовали нам, как назвать эту книгу.

---

notes

Примечания

1

Союз, объединение, общество (нем.).

2

Давай, сматываемся!.. Газуй! (нем.)

3

Закрой пасть! (нем.)

4

Истинные ребра *(лат.)* — семь верхних ребер, в отличие от нижних, ложных, соединяющиеся с грудиной.

5

Принстонский университет — одно из старейших и самых престижных высших учебных заведений в США, находится в городе Принстон, штат Нью-Джерси.

6

Вот знак (лат.).

7

Крейн, Харт (1899–1932) — известный американский поэт, покончил жизнь самоубийством, спрыгнув с палубы парохода в открытом море. Цитируется стихотворение «Сокрушенный храм» в переводе М. Еремина.

8

Разумеется

9

Слабак, безвольный человек (нем.).

10

«Родос-Хаверти-билдинг» — одно из самых высоких (75 м) зданий в Атланте, штат Джорджия.

11

Сэвил-роу — улица в центре Лондона, на которой располагаются ателье по пошиву высококачественной одежды.

12

Дерьмо! (нем.)

13

Канкун — курортный город в Мексике, на полуострове Юкатан.

14

Форт-Мид — штаб-квартира Агентства национальной безопасности США, расположен около города Лаурел в штате Мэриленд.

15

Прощай навсегда (лат.).

16

«Кристис» — крупнейший после «Сотбис» аукционный дом. Расположен в Лондоне, неподалеку от Сент-Джеймсского дворца.

17

«Дуврский берег» — стихотворение английского поэта Мэтью Арнолда. Перевод М. Донского.

18

Ремулад — соус на основе майонеза, блюдо французской кухни. Лучше всего подходит к рыбным блюдам.

19

Помпано — род морских лучеперых рыб семейства ставридовых отряда окунеобразных.

20

Прекрасно (нем.).

21

До свидания *(нем.)*.

22

Стой!.. Руки вверх! *(нем.)*

23

Особняк Грейси — одно из старейших зданий на Манхэттене. Официальная резиденция мэров Нью-Йорка.

24

«Оставьте разговоры. Прекратите смех. Вот место, где смерть охотно помогает жизни» *(лат.)*.

25

«Уолмарт» — крупнейшая в мире сеть гипермаркетов, торгующих продовольственными и промышленными товарами по сниженным ценам.

26

Инкунабула — книга, относящаяся к начальной поре книгопечатания (до 1501 г.), внешне похожая на рукописную.

27

Мозуку — окинавское название водоросли лиму-моуи, обладающей высокими питательными и оздоровительными свойствами. Шиокара — традиционное блюдо японской кухни, состоящее из маленьких кусочков мяса в соусе.

28

Хиноки — японское название кипарисника туполистного, обладающего очень ценной древесиной.

29

«Четыре квартета» — цикл из четырех поэм Томаса Стернза Элиота.

30

Dozo — пожалуйста *(яп.)*.

31

Просекко — итальянское сухое игристое вино. «Апероль» — итальянский аперитив красно-оранжевого цвета, горьковатый на вкус.

32

Квонтико — военная база в штате Виргиния, на территории которой располагается отдел по исследованию поведения преступников.

33

Мантенья, Андреа (1431–1506) — итальянский художник, представитель падуанской школы живописи.

34

ДНК-профиль — генетический паспорт, в котором указана последовательность расположения нуклеотидов в молекуле ДНК, индивидуальная для каждого человека.

35

Митохондриальная ДНК — ДНК, находящаяся не в ядре клетки, а в особых внутриклеточных органоидах, митохондриях. Митохондриальный анализ обычно применяется в тех случаях, когда идентификация по ядерной ДНК затруднена.

36

Маратхи — один из индоарийских языков, на котором говорят в Индии и на Маврикии.

37

Стикбол — упрощенная разновидность бейсбола.

38

И так далее *(лат.)*.

39

«Олеорезин капсикум» — один из наиболее распространенных аэрозолей для газового баллончика, содержит экстракт жгучего стручкового перца.

40

Приблизительно с середины XX века New York, как и прочие составные названия, по-английски пишется раздельно, без дефиса.

41

Холи-Кросс — католический колледж в Уотербери, штат Коннектикут.

42

«Двенадцать шагов и двенадцать традиций» — книга, издаваемая и распространяемая Обществом анонимных алкоголиков.

43

Бирштадт, Альберт (1830–1902) — один из наиболее известных американских пейзажистов XIX века, представитель неоромантизма.

44

Кливленд, Стивен Гровер (1837–1908) — государственный деятель США, единственный президент, занимавший свой пост два срока с перерывом. Его портрет изображен на тысячедолларовой купюре. Женился на Френсис Фолсом в 1886 году.

45

Джеймс, Генри (1843–1916) — американский писатель, автор 20 романов.

46

«Падение дома Ашеров» — рассказ Эдгара Аллана По, опубликованный в 1839 году.

47

Дэвис, Рут Элизабет (1908–1989) — американская актриса, первой в истории кинематографа номинированная на десять «Оскаров».

48

Уайт, Стэнфорд (1853–1906) — американский архитектор, автор проекта арки Вашингтона.

49

Натан Леопольд и Ричард Леб — американские преступники, совершившие в 1924 году одно из самых знаменитых в США убийств 14-летнего подростка Роберта Фрэнкса.

50

«Три бездельника» — популярный американский комедийный сериал середины XX века.

51

Лампа (фонарь) Коулмана — лампа, в которой источником света является горящий сжиженный газ.

52

Печь Франклина (Пенсильванский камин) — экономичная малогабаритная автономная печь для дома.

53

Мыльный камень (талькохлорит, стеатит) — горная порода, состоящая из талька, магнезита и хлорита. Благодаря легкости обработки и долговечности является прекрасным строительным и облицовочным огнеупорным материалом, также используется для изготовления посуды.

54

Гаплоидная группа (гаплогруппа) — генетическая характеристика определенной общности людей, которые имели одного общего предка. При тестировании митохондриальной ДНК определяется количество генетических изменений. Сумма и характер мутаций помогает определить человека в ту или иную гаплогруппу.

55

Полиморфизм — наличие в той или иной популяции нескольких разновидностей (аллелей) одного и того же гена, выражающихся либо в заменах одного нуклеотида, либо в изменении числа повторяющихся фрагментов ДНК.

56

Спайтен-Дайвил — пригород Нью-Йорка на севере острова Манхэттен.

57

Евгеника — учение о наследственном здоровье человека и путях улучшения его наследственных свойств, о возможных методах активного влияния на эволюцию человечества в целях дальнейшего совершенствования его природы.

анималист, автор труда «Птицы Америки».

59

Менгеле Йозеф — немецкий врач, проводивший опыты на узниках лагеря Освенцим во время Второй мировой войны.

60

Пожалуйста, боже мой, пожалуйста *(нем.)*.

61

Кандиду-Годой — муниципалитет в Бразилии, на северо-западе штата Риу-Гранди-ду-Сул. В городе самый высокий в мире процент рождающихся близнецов. По одной из версий, это связано с деятельностью нацистского доктора Йозефа Менгеле в Южной Америке.

62

Яппи — молодые состоятельные люди, ведущие активный светский образ жизни, ориентированный на материальный успех и карьерный рост.

63

«Телеужин» — полуфабрикат мясного или рыбного блюда с гарниром в упаковке из алюминиевой фольги или пластика, готовый к употреблению после быстрого подогрева в духовке или микроволновой печи. В США в 1950-х годах его изготовляла фирма «Свенсон и сыновья».

64

«Horst Wessel» («Песня Хорста Весселя») — официальный гимн Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

65

Бета-тест — испытание образца готовой продукции перед запуском ее в массовое производство.

66

Ричеркар — жанр многоголосной инструментальной (реже вокальной) музыки в западной Европе XVI–XVII веков

67

«Музыкальное приношение» — цикл полифонических музыкальных произведений, написанных И. С. Бахом на тему, продиктованную ему прусским королем Фридрихом II, и посвященных ему.

68

Контрапункт — одновременное сочетание двух или более самостоятельных мелодических голосов.

69

«Der Erlkoenig» («Лесной царь») — баллада Иоганна Вольфганга фон Гете, написанная в 1782 году. Описывает смерть ребенка от рук сверхъестественного существа — Лесного царя. Цитируется в переводе В. А. Жуковского.

70

«Миф о пещере» — знаменитая аллегория, использованная Платоном в трактате «Государство» для пояснения своего учения об идеях. В частности, там говорится о людях, видящих тени от предметов на стене пещеры и считающих, что видят сами предметы.

71

«Эдмундс» — крупнейший американский интернет-ресурс, посвященный автомобилям.

72

Хаусхолд Дж. Одинокий волк. Перевод В. Симакова.

73

Бремя доказывания — юридический термин, обозначающий необходимость для той или другой стороны судебного процесса установить обстоятельства, невыясненность которых может повлечь за собой невыгодные для нее последствия.

74

Японские шкатулки с секретом изготавливают из тонких пластин древесины разных пород. Шкатулка состоит из нескольких частей, и нужно знать, какие из этих частей и в каком направлении сдвинуть, чтобы шкатулка открылась. Обычно для этого требуется от 4 до 66 движений.

75

Форт-Ливенуорт — главная тюрьма департамента обороны США, расположена в штате Канзас.

76

Адамс, Генри Брук (1838–1918) — американский писатель и историк. Наиболее известна его автобиографическая книга «Воспитание Генри Адамса».

77

Дармсала — город в Индии, в штате Химачал-Прадеш, административный центр района Кангра. Традиционное место поселения беженцев из Тибета.

78

Брецель — большой свежеиспеченный крендель с солью, традиционное блюдо на немецких пивных фестивалях.

79

Добрый день *(порт.)*.

80

BOPE (Батальон специальных полицейских операций) — элитное подразделение военной полиции штата Рио-де-Жанейро в Бразилии. Основной его деятельностью являются спецоперации в городских фавелах с ведением уличных боев.

81

«Прокат лодок» *(порт.)*.

82

Я хочу *(порт.)…* взять в аренду, нанять *(исп.)…* лодка *(порт.).*

83

Лепидоптерология — раздел энтомологии, изучающий чешуекрылых.

84

Фосетт, Перси Харрисон (1867–1925) — британский археолог и путешественник, в 1925 году вместе со своим сыном отправился на поиски некоего затерянного города в сельве Бразилии и пропал без вести при невыясненных обстоятельствах.

85

Великолепна, восхитительна *(порт.)*.

86

Энтомологическое общество Бразилии *(порт.)*.

87

Бургомистр *(нем.)*.

88

Пепловый конус — конический холм или гора, состоящий в основном из насыпного материала, выброшенного при извержении вулкана.

89

Травен, Бруно (1890–1969) — псевдоним немецкого писателя, предполагаемое имя которого Травен Торсван Кровс. Наиболее известное его произведение — роман «Сокровища Сьерра-Мадре»; Трапп, Эрнст-Христиан (1745–1818) — немецкий педагог, первый германский профессор педагогики; Тремейн, Моррис Сойер (1871–1941) — американский бизнесмен и политик.

90

Добро пожаловать *(нем.).*

91

Какие-то люди хотят с вами поговорить *(нем.)*.

92

«Партийный орел» *(нем.)* — эмблема Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), а затем и официальный государственный герб Германии времен Третьего рейха.

93

Пошевеливайся *(нем.)*.

94

Oberführer (оберфюрер) — нацистское партийное звание руководителя территориального отделения партии. Позднее было принято в войсках СС, в переводе на традиционные воинские звания означало нечто среднее между полковником и генералом.

95

Спасибо, мой оберстгруппенфюрер *(нем.)*. Оберстгруппенфюрер — высшее звание в войсках СС после рейхсфюрера.

96

Возмездие *(нем.)*.

97

Митоз — непрямое деление клетки, наиболее распространенный способ репродукции клеток. Биологическое значение митоза состоит в строго одинаковом распределении хромосом между дочерними ядрами, что обеспечивает образование генетически идентичных дочерних клеток и сохраняет преемственность в ряду клеточных поколений.

98

Морула — ранняя стадия развития зародыша, на которой клетки находятся в процессе расщепления.

99

Труд делает свободным *(нем.)*. Название романа немецкого писателя Лоренца Дифенбаха. Этот лозунг был размещен на воротах многих нацистских концентрационных лагерей.

100

Изотрансплантат (изограф) — ткань или орган, предназначенные для пересадки от одной особи к другой, генетически идентичной, например от одного близнеца — другому.

101

Бластула (зародышевый пузырь) — многоклеточный зародыш, имеющий однослойное строение (один слой клеток), стадия в развитии зародыша — окончательный результат процесса дробления яйца.

102

Нет! *(нем.)*

103

Сверхчеловек *(нем.)*. Образ, введенный философом Фридрихом Ницше в произведении «Так говорил Заратустра» для обозначения организма, который по своему могуществу должен превзойти современного человека настолько, насколько последний превзошел обезьяну.

104

Поторапливайся *(нем.)*.

105

Заканчивай *(нем.)*.

106

Я сожгу тебя заживо *(нем.)*.

107

Геологическая служба Бразилии *(порт.)*.

108

Кстати, между прочим *(порт.)*.

109

Какого черта *(порт.)*.

110

Приготовьтесь! В атаку! *(порт.)*

111

Слава богу *(порт.)*.

112

Сучьи дети *(порт.)*.

113

За ними! В погоню! *(нем.)*

114

Возможно *(порт.)*.

115

Они здесь! Быстрей! *(нем.)*

116

Помогите! *(нем.)*

117

Помогите мне! *(порт.)*

118

«Очень опасно» *(нем.)*.

119

Железный крест — нацистский военный орден, учрежденный в 1939 году.

120

Идиот *(норт.)*.

121

Что за ублюдок *(порт.)*.

122

Матерь Божья *(порт.)*.

123

С 1580 по 1640 год Португалия была провинцией Испании.

124

Мой сын! *(порт.)*

125

Теперь я доволен *(порт.)*.

126

Привидение? *(порт.)*

127

Магнификатор — оптический прибор, аналогичный оптическому прицелу с небольшим увеличением, но без прицельной сетки.

128

«Латакия» — название табака, обозначающее не его сорт, а технологию приготовления. Табак высушивается в дыму опилок твердых сортов дерева (чаще всего дуба, мирта и кипариса), за счет чего приобретает уникальный вкус и аромат, напоминающий запах дегтя или креозота.

129

«Es zittern die morschen Knochen» («Дрожат гнилые кости») — одна из наиболее популярных нацистских песен, написанная в 1932 году поэтом и композитором Хансом Бауманом. С 1935 года — официальный гимн Германского трудового фронта. Существует множество стихотворных переводов песни на русский язык, и все они так или иначе искажают ее смысл в зависимости от воззрений переводчика. Поэтому ниже приведен дословный, не зарифмованный перевод:

Дрожат гнилые кости Мир перед великой войной, Мы преодолели страх, Для нас это была большая победа. Мы будем маршировать дальше, Когда все рушится в прах, Потому что сегодня нас слышит Германия, А завтра услышит весь мир.

130

Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству. Перевод В. Флеровой.

131

Имплозия — взрыв, направленный внутрь, быстрое разрушение под влиянием внутренних факторов.

132

Копенгагенская интерпретация — интерпретация (толкование) квантовой механики, которую сформулировали Нильс Бор и Вернер Гейзенберг во время совместной работы в Копенгагене в 1927 году. Из нее, в частности, следует, что мы живем в «вероятностной» Вселенной — такой, что в ней с каждым будущим событием связана определенная степень возможности, а не в такой, где в каждый следующий момент может случиться все, что угодно.

133

Файв-Пойнтс (Пять Углов) — район в Нижнем Манхэттене, где пересекались сразу пять улиц: Энтони, Оранж, Малберри, Кросс и Литл-Уотер. В конце XIX — начале XX века считался главным криминальным центром Нью-Йорка.

134

Cauda equina (конский хвост, *лат.)* — пучок корешков спинных нервов, двух нижних грудных, пяти поясничных, пяти крестцовых и одного копчикового, которые проходят через нижнюю треть позвоночника, ниже той точки, где заканчивается спинной мозг.

135

Ринпоче — уважительный титул для именования высших лам и перерожденцев (тулку) в тибетском буддизме и в религии Бон.

136

Далай-лама — по представлениям тибетского буддизма, перевоплощение Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания. Начиная с XVII века вплоть до 1959 года был теократическими правителем Тибета, руководя страной из тибетской столицы Лхасы, и до сих пор рассматривается как духовный лидер тибетского народа.

137

Панчен-лама — титул второго (после Далай-ламы) иерарха ламаистской церкви в Тибете, считающегося воплощением будды Амитабхи.

138

Вменяемость, пребывание в здравом уме и твердой памяти*(лат.)*.

139

In vino Veritas — «Истина в вине» *(лат.)*.

140

«Томбс» («Гробница») — знаменитая нью-йоркская тюрьма, расположенная в Нижнем Манхэттене.

141

Популярная цитата из пьесы английского поэта и драматурга Роберта Браунинга «Пиппа проходит». Перевод Н. Гумилева.

142

Бумага верже — белая или цветная бумага с ярко выраженной, видимой на просвет, сеткой из частых полос, пересеченных под прямым углом более редкими полосами. В настоящее время используется в официальной дипломатической переписке, а также в ряде российских и зарубежных министерств и ведомств.

143

Ломбер — популярная в XIX веке карточная игра из разряда так называемых интеллектуальных игр (таких как бридж, преферанс, вист), основанных на математическом расчете и сообразительности игрока, в отличие от азартных игр (покер, очко и т. д.), где успех зависит больше от удачи, чем от способностей игрока. Возникла в XIV веке в Испании.

144

Безик — старинная французская интеллектуальная карточная игра. Скат — карточная игра, популярная в современной Германии.

145

Смысл существования *(фр.)*.